

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

Выходит на русском и английском языках

Номер 1 (13) 2003

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Дроздов Н.И., Чеха В.П. Геологическая хронология и периодизация позднего палеолита Енисея: подходы и проблемы	2
Кимура Х. Индустрія пластин стоянки Мальта	11
Надель Д. Многовековая преемственность: хижины из веток на поселении Охало II и жилые постройки натуфийской эпохи и стадии А докерамического неолита в долине Иордана	34
Тернер К.Дж., Оводов Н.Д., Павлова О.В. Перимортальная тафономия скелетных остатков и одонтологические данные о родственных связях древних обитателей пещеры Еленева в Красноярском крае	49

ДИСКУССИЯ

Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту

Козинцев А.Г. От среднего палеолита к верхнему: адаптация и ассимиляция (сунгирская проблема на новом этапе изучения)	58
Ли Хонджон. Переходный период от среднего к позднему палеолиту и традиция орудий на отщепах на Корейском полуострове	65

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья середины II – первой половины I тыс. до н.э.)	80
Логвин В.Н. Ранний энеолит Тургая	98
Боталов С.Г. Хунны и гунны	106

ЭТНОГРАФИЯ

Войтишек Е.Э. Происхождение и история развития карт в Японии (анализ и интерпретация традиционных японских интеллектуальных карточных игр)	128
--	-----

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

Люди на границе	140
-----------------	-----

АНТРОПОЛОГИЯ

Медникова М.Б. Ритуальное посвящение у древних народов Евразии по данным антропологии: символические трепанации	147
---	-----

ПЕРСОНАЛИИ

Анатолий Пантелеевич Деревянко	157
--------------------------------	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	160
-------------------	-----

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

УДК 902.66 + 903

Н.И. Дроздов, В.П. Чеха

Институт археологии и этнографии СО РАН

Лаборатория археологии и палеогеографии Средней Сибири

Красноярский научный центр

Красноярск, Академгородок, 660036, Россия

E-mail: drozdov@edk.krasnoyarsk.su

E-mail: checha@edk.krasnoyarsk.su

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЕНИСЕЯ: ПОДХОДЫ И ПРОБЛЕМЫ

Введение

В палеолите Енисея выделено четыре геисторических этапа – среднеплейстоценовый, раннемуруктинский, каргинский, сартанский. Согласно археологической периодизации, первому этапу соответствует ранний палеолит, второму – эпоха мустье, каргинскому и сартанскому – поздний палеолит с ранней, средней, поздней стадиями [Дроздов, Чеха, 1992]. Для среднеплейстоценового и раннемуруктинского этапов при дальнейших исследованиях возможны значительные уточнения, дополнения, более дробное геологическое членение. Каргинский и особенно сартанский этапы, исходя из имеющегося материала, можно расчленить на более детальные геисторические отрезки. В основе этого комплекс различных методов: радиоуглеродный, палинологический, палеопедологический, палеомерзлотный, геоморфологический, комплекс методов для восстановления фациальной обстановки накопления осадков и др.

Каргинский этап

В геологическом плане каргинский этап в бассейне Енисея – это формирование аллювия второй террасы и ископаемых почв вне сферы действия водотоков. Основная закономерность археологических памятников данного этапа (которых в регионе насчитывается пока около шести) – приуроченность к почвенному комплексу, получившему в Куртакском археологическом районе название “куртакский” [Чеха, 1990]. Лишь

в предгорьях Западного Саяна обнаружена одна стоянка (Уй-1), нижний культурный слой которой с радиоуглеродной датой около 23 тыс. л.н. залегает в аллювии второй террасы. Куртакский педокомплекс и его возрастные аналоги являются важными стратиграфическими реперами в регионе, разделяя муруктинский и сартанский лессовые покровы. Он хорошо диагностируется в разрезах, имеет достаточно отчетливые границы, обеспечен абсолютными датами.

В педокомплексе зафиксировано несколько уровней нахождения каменного материала. В самой верхней части залегают культурные слои стоянок Каштанка, Куртак-4, датированные по ^{14}C 24 – 22 тыс. л.н. Второй уровень – интенсивно криотурбированная, с псевдоморфозами по жильным льдам почва с ^{14}C -датами в интервале 32 – 29 тыс. л.н. (стоянка Каштанка). Часто продукты этой почвы представлены отдельными гумусированными прослойями с солифлюкционными текстурами. Археологический материал здесь единичен и, очевидно, переотложен, возможно, он соответствует времени формирования разрушенной впоследствии почвы (оптимум каргинского этапа?). Но на местонахождении Каменный Лог в этой части педокомплекса были обнаружены очаги палеолитического человека, датированные по ^{14}C от 34 до 31 тыс. л.н.

В последние годы получены радиоуглеродные даты для самых нижних гумусовых прослоев куртакского педокомплекса – 42 – 38 тыс. л.н. Таким образом, выявляется гораздо более дробная ритмика природных событий каргинского этапа, чем это ранее нам

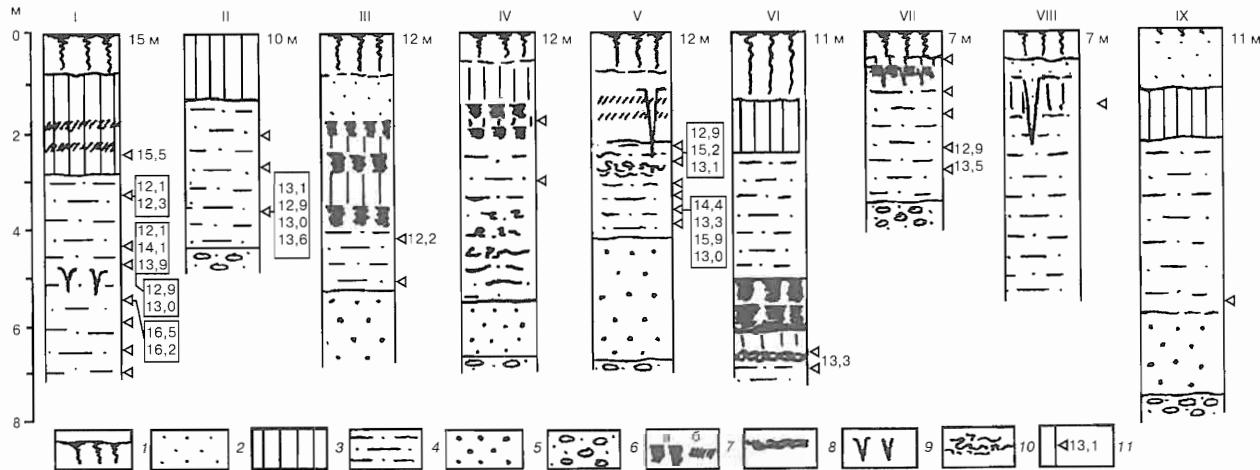


Рис. 1. Стратиграфия стоянок позднего палеолита в отложениях сартанского времени

(нижний ярус долины Енисея, I терраса). По данным С.М. Цейтлина [1979], С.Н. Астахова [1986] и авторским материалам. I – Майна, II – Голубая, III – Таштык, IV – Таштык-2, V – Кокорево-1, VI – Кокорево-2, VII – Большая Слизнева, VIII – Есаулово-3, IX – Переселенческий пункт. 1 – современная почва; 2 – пески эоловые голоценовые; 3 – лессовые породы субазральной формации; 4 – перигляциальные-аллювиальные отложения; 5 – фации аллювия: 5 – пойменная, 6 – русловая, 7 – погребенные почвы (а), остатки почв, примитивные почвы (б); 8 – переотложенные продукты почвообразования; 9 – грунтовые жили, псевдоморфозы по жильным льдам; 10 – проявления солифлюкции; 11 – культурные слои стоянок и радиоуглеродные даты (тыс. л.н.).

представлялось [Дроздов и др., 1999]. Значительная нарушенность педокомплекса разновозрастными и разнотипными (псевдоморфозы по жильным льдам, инъекции, инволюции, солифлюкция) мерзлотными процессами сильно осложняет восстановление истории палеолита. Так, на стоянке Усть-Кова на р. Ангаре выделен лишь один культурный слой позднего палеолита, но его материал разделен на три комплекса (ранний, средний, поздний) в интервале 33 – 14 тыс. л.н. [Дроздов, 1981]. Такая же сложная ситуация на стоянке Малая Сыя в предгорьях Кузнецкого Алатау.

Куртакский педокомплекс – основной источник информации в регионе по проблемным вопросам перехода от мустье к позднему палеолиту, основной объект, включающий проблематичные памятники ранней и средней поры позднего палеолита. Поэтому требуется его дальнейшее изучение, тем более что в долине Енисея имеются указания на существование еще целого ряда многослойных каргинских памятников (р. Сидориха в районе Батеневского кряжа, пос. Приморск и др.). В последние годы были открыты два каргинских памятника в Красноярском районе – Афонтова Гора-5, Государев Лог.

Сартанский этап

К этому этапу относится более 90% известных памятников долины Енисея. В археологическом отношении он соответствует поздней стадии позднего палеолита. Первая геологическая периодизация памятников этого этапа, основанная на радиоуглеродных датах,

была предложена С.М. Цейтлиным [1979]. За последние 20 лет получено много новых материалов по сартанским памятникам.

Приведем основные геолого-геоморфологические сведения, которые использовались нами при датировании и периодизации памятников сартанского этапа.

1. На сартанском этапе в бассейне Енисея были сформированы перигляциальный аллювий первой террасы Енисея и его притоков, овражно-балочные отложения, последний лессовый (субазральный) покров на площадках террас и склонах долин.

2. В геоморфологическом плане стоянки этого этапа расположены на нижнем (в пределах первой, реже второй и третьей террас) и верхнем ярусах долин Енисея и его притоков.

3. Культурные слои стоянок нижнего яруса приурочены преимущественно к перигляциальному аллювию и покровным (субазральным) образованиям первой террасы (рис. 1). Отметим, что первой террасой Енисея С.М. Цейтлин считал локальные, редко встречающиеся площадки высотой 7 – 8 м, как правило, нечетко отделяющиеся от вышележащей, распространенной очень широко террасы высотой 10 – 12 м. Время формирования первой террасы предположительно 13 – 8 тыс. л.н. [Цейтлин, 1979]. Но на стоянке Большая Слизнева на аллювии этого уровня сформирована последняя (?) интерстадиальная почва сартанского времени, деформированная мерзлотными процессами норильского похолодания (около 10 тыс. л.н.). Очевидно, что здесь возраст террасы высотой 7 – 8 м более 10 тыс. лет (рис. 1, VII).



Рис. 2. Принципиальная схема строения позднеплейстоценового комплекса террас среднего Енисея, Ангары по разрезам позднепалеолитических стоянок.

1 – эоловые накопления; 2 – лессовые породы субаэральной формации; 3 – перигляциально-аллювиальные образования; 4 – пойменная, 5 – старичная, 6 – русловая; 7 – ископаемые почвы; 8 – мерзлотные явления (псевдоморфизмы по жильным льдам, грунтовые жилы); 9 – цоколь террас; 10 – возраст, по данным радиоуглеродного анализа.

Анализ материала по низким террасам Енисея с привлечением данных радиоуглеродного датирования последних лет позволил нам рассматривать уровень 7–8 м не в качестве самостоятельного, а как несколько сниженный подуровень собственно первой террасы. Переходы между этими двумя подуровнями постепенные, с уменьшением мощностей покровных образований и перигляциального аллювия, с соответствующим омоложением отложений к нижнему подуровню. Возрастные границы при этом “скользящие”: от 16 до 13 тыс. лет для перигляциального аллювия, от 13 до 10 тыс. лет для покровных образований [Чеха, 1996]. В субаэральных образованиях первой террасы имеются остатки двух почв: кокоревской стадии – 12,8–12,2 тыс. л.н. и таймырской – 12,0–10,8 тыс. л.н. [Щетлин, 1979].

Все сказанное обуславливает подходы к определению относительной хронологии культурных слоев в сартанских отложениях первой террасы: по ее относительной высоте, по степени выраженности и мощности перигляциального аллювия и покрова на нем, по наличию ископаемых почв в покрове террасы (рис. 2).

4. Уже на третьей террасе Енисея культурные слои залегают только в достаточно мощном (до 8 м) покровном сартанском чехле террасы. На стоянке Афонтова Гора-2 помимо позднесартанских почв в средней части покрова был обнаружен ископаемый почвенный комплекс, названный нами афонтовским. Возраст его, по данным радиоуглеродного датирования, около 13,5–14,0 тыс. лет (рис. 3). Этот эле-

мент сартанских субаэральных образований также может служить относительным репером при определении хронологии культурных слоев. Возрастной аналог афонтовского педокомплекса был вскрыт, скорее всего, и на стоянке Кокорево-2, чуть выше основного культурного слоя с радиоуглеродной датой 13,3 тыс. л.н. (см. рис. 1, VI).

5. Относительный возраст стоянок в сартанских отложениях нижнего яруса могут определять и мерзлотные явления. Наиболее показательны в этом плане псевдоморфизмы по жильным льдам. Помимо кровли и подошвы отложений они фиксируются в средних частях лесового покрова (Афонтова Гора-2), в аллювиально-делювиальных отложениях (Лиственка). Время формирования ледяных жил, по данным радиоуглеродного датирования, около 14,5 тыс. л.н. (Нянпаньская стадия похолодания) (рис. 3; 4, XIII).

6. Для обоснования относительного возраста стоянок иногда используют фаунистические остатки. Считается, что в раннем сартане при наличии мамонта и шерстистого носорога доминировал северный олень, до середины сартанского времени был типичен мамонт, а в позднем сартане – северный олень [Ермолова, 1982]. В настоящее время мы имеем стоянки каргинского времени, где преобладают кости северного оленя и отсутствуют кости мамонта (Каштанка), а в отложениях моложе 13 тыс. лет отмечаются остатки мамонта (Афонтова Гора-2). Эти примеры свидетельствуют о том, что использовать фауну для определения относительного возраста памятников позднего палеолита пока преждевременно.

7. Культурные слои стоянок в верхнем ярусе долины Енисея залегают исключительно в субаэральных (лесовых) породах сартанского возраста (рис. 4). По каким-то причинам лесовой покров верхнего яруса практически лишен хорошо выраженных ископаемых почв позднесартанских интерстадиалов – кокоревского и таймырского. Относительная хронология памятников сартанского этапа основана здесь на стратиграфическом разделении лесовых пород (трифоновские слои в Минусинских межгорных впадинах) на “коричневый лесс” (17–15 тыс. л.н.), “серый лесс” (15–13 тыс. л.н.), “типичный лесс” (13–10 тыс. л.н.) [Дроздов, Чеха, 2000].

8. В начале сартанского этапа (20–18 тыс. л.н.) отмечается одно из самых значительных похолоданий Средней Сибири (гыданская стадия). В это же время фиксируется перерыв в

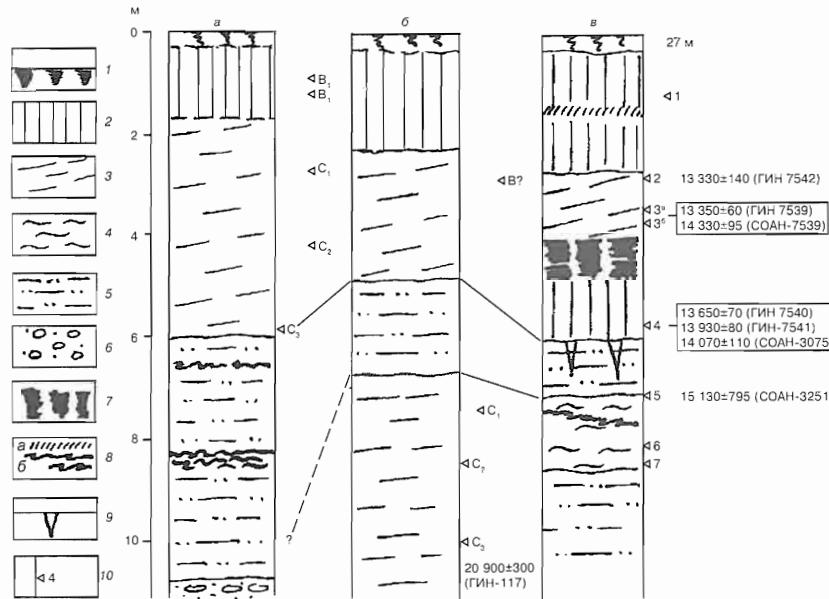


Рис. 3. Геологические разрезы позднепалеолитической стоянки Афонтова Гора-2.

По данным В.И. Громова [1948] (а), С.М. Цейтлина [1979] (б),

Е.В. Артемьева и др., [1995] (в).

1 – современная почва; 2 – “лесс типичный”; 3 – лессовидные супеси серые неяснослоистые; 4 – лессовидные супеси коричневатые неяснослоистые; 5 – перигляциальнопалеогеновые супеси, пески с галькой, гравием; 6 – песчано-галечный русловый аллювий; 7 – ископаемый почвенный комплекс (афонтовский); 8 – примитивные почвы (1), гумусовые прослои, линзы с солифлюкционными текстурами (2); 9 – морозобойные трещины; 10 – культурные слои с номерами, индексами, данными радиоуглеродного анализа.

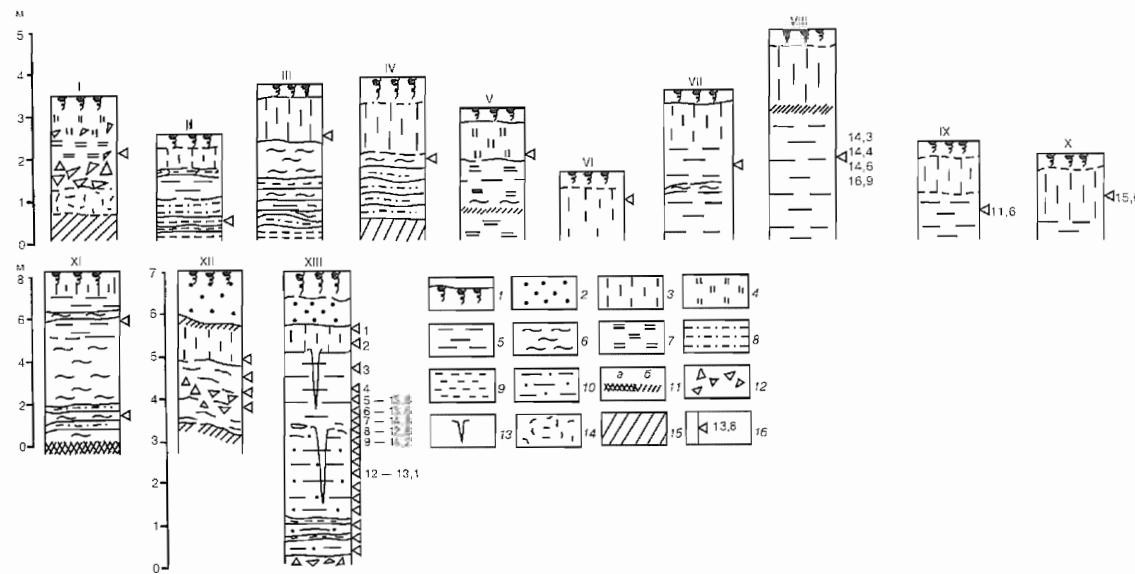


Рис. 4. Стратиграфия стоянок позднего палеолита в отложениях сартанского времени (верхний ярус долины Енисея).

По данным [Палеолит Енисея, 1991] и авторским материалам.

I – Афанасьевка Горы, II – Ново-Батени, III – Первомайская-1, IV – Подгорновская, V – Аёшка, VI – Чегерак, VII – Дивный,

VIII – Куртак-3, IX – Новоселово-6; X – Новоселово-7, XI – Тарачиха, XII – Карабульский Бык, XIII – Лиственка.

1 – современная почва; 2 – эоловые пески (голоцен); 3 – лесс супесчаный; 4 – лесс суглинистый; 5 – супеси серые лессовидные неяснослоистые; 6 – супеси коричневатые лессовидные неяснослоистые; 7 – суглинки коричневые; 8 – пески глинистые красноцветные; 9 – илы; 10 – перигляциальнопалеогеновые супеси, пески; 11 – ископаемые почвы (а – полнопрофильные, б – примитивные); 12 – щебень, дресва коренных пород; 13 – псевдоморфозы по жильным льдам; 14 – древняя кора выветривания; 15 – коренные породы; 16 – культурные слои стоянок и радиоуглеродные даты (тыс. л.н.).

накоплении осадков, денудация. Это подтверждается частым “выпадением” радиоуглеродных дат в указанном интервале, прямыми геологическими наблюдениями, данными спорово-пыльцевого анализа. Так, на стоянке Каштанка разбивающие кровлю куртакского педокомплекса псевдоморфозы по жильным льдам заполнены только продуктами почвообразования. Подошва вышележащего сартанского “коричневого лесса” везде эрозионная.

Таким образом, можно утверждать, что формирование ледяных жил и их быстрое вытаивание происходили при отсутствии осадкообразования. Этот перерыв приходился на время от 22 – 20 до 18 – 17 тыс. л.н. Согласно данным палинологического анализа, накопление трифоновских слоев сартанского этапа (“коричневый лесс”) началось с миграции в Северо-Минусинскую впадину темнохвойной еловой тайги в условиях, уже характерных для первых половин периодов похолоданий на юге Средней Сибири. Схема развития природной среды региона на сартанском этапе палеолита приведена на рис. 5.

Достаточно обосновано было в свое время и мнение С.М. Цейтлина о том, что отсутствие в Северной Азии стоянок, относящихся к периоду 19 – 17 тыс. л.н., обусловлено миграциями древнего населения в указанное время. Причиной этого могла быть и неполнота геологической летописи ввиду перерыва в накоплении осадков. Видимо, в любом случае можно говорить о значительном сокращении палеолитического населения в данный период.

9. Роль радиоуглеродного метода для определения хроностратиграфических закономерностей памятников палеолита весьма существенна. Но необходимо иметь в виду реальную точность метода. Погрешность для позднепалеолитических памятников составляет $\pm 2\,900$ лет [Кренке, Сулержицкий, 1992]. Для сартанского этапа продолжительностью около 10 тыс. лет эта цифра велика. Очевидно, что опираться на данные только радиоуглеродного анализа было бы неверным. Необходимо привлекать и отмеченные выше геоморфолого-геологические показатели. А это объективно будет подводить к группировке, объединению стоянок в комплексы, которые отвечали бы тем или иным времененным подразделениям каргинского и сартанского этапов.

10. Рассмотренный материал, включая и реконструированные природные обстановки каргинского и сартанского этапов [Дроздов, Чеха, 2000], позволил создать основу хронологического разделения и периодизации памятников палеолита этого времени.

Каргинский этап в предварительном варианте разделен на раннекаргинский (более 35 тыс. л.н.), среднекаргинский (33 – 29 тыс. л.н.) и позднекаргинский (25 – 22 тыс. л.н.) периоды. Сартанский этап отчетли-

во расчленен на ранний (22 – 17 тыс. л.н.), средний (17 – 13 тыс. л.н.) и поздний (13 – 10 тыс. л.н.) периоды (см. таблицу).

Археологические памятники бассейна Енисея в геисторическом плане. Сопоставление археологических и геологических хронологий и периодизаций памятников

Среди памятников сартанского времени наиболее древними считаются Тарачиха и Афанасьева Гора, за ними следует Кокорево-2. Они отнесены к гыданской стадии сартана (22 – 17 тыс. л.н.) [Абрамова, 1982]. Впоследствии этим временным интервалом были датированы стоянка Шленка, нижние слои стоянок Новоселово-13 и Уй-1. Указанные памятники по характеру индустрий соотнесены со стоянками Ачинская, Шестаково, а согласно археологической периодизации – со средней стадией позднего палеолита [Васильев, 1991, 1992]. В монографии “Палеолит Енисея” [1991] к этой стадии отнесены нижние слои стоянок Майна и Афонтова Гора (слой C₃). Раннесартанский возраст перечисленных памятников (22 – 17 тыс. лет) радиоуглеродным анализом не подтвержден нигде. На некоторых стоянках допускалась экстраполяция вниз по разрезу от культурных слоев с радиоуглеродными датами (Майна, см. рис. 1, I). Учитывая сказанное выше относительно начального периода сартанского этапа, мы полагаем, что указанные памятники должны “омолодиться”. Достаточно определенно это уже произошло с основным культурным слоем стоянки Афонтова Гора-2 (слой C₃, по В.И. Грому). Ранее он датировался $20\,900 \pm 300$ л.н. (ГИН-117), в настоящее время – 14,1 – 13,6 тыс. л.н. [Артемьев и др., 1995] (см. рис. 3). Соответственно, в какой-то мере подтвердился возраст основного культурного слоя стоянки Кокорево-2 (13,3 тыс. лет), сопоставлявшегося со слоем C₃ и служившего опорным для выделения афонтовской культуры. Ранее резкое различие дат (13,3 и 20,9 тыс. л.н.) вызывало у археологов вопросы – по словам З.А. Абрамовой [1982], трудно представить, чтобы в течение 7 тыс. лет носители афонтовской культуры не меняли ни уклада, ни традиций в обработке камня. Сейчас это противоречие снимается. Выше указанного слоя в разрезе стоянки Кокорево-2 располагался почвенный комплекс, который может быть сопоставлен с афонтовским (см. рис. 1, VI). Локальное его развитие в нижнем ярусе долины объясняется положением стоянки – в стороне от реки, во внутренней части долины.

На стоянке Кокорево-1 (см. рис. 1, V) для культурных слоев 2 и 3 было получено семь радиоуглеродных дат, причем достаточно противоречивых (слой 2 – 15,2 – 12,9 тыс. л.н.; слой 3 – 15,9 – 13,0 тыс. л.н.).

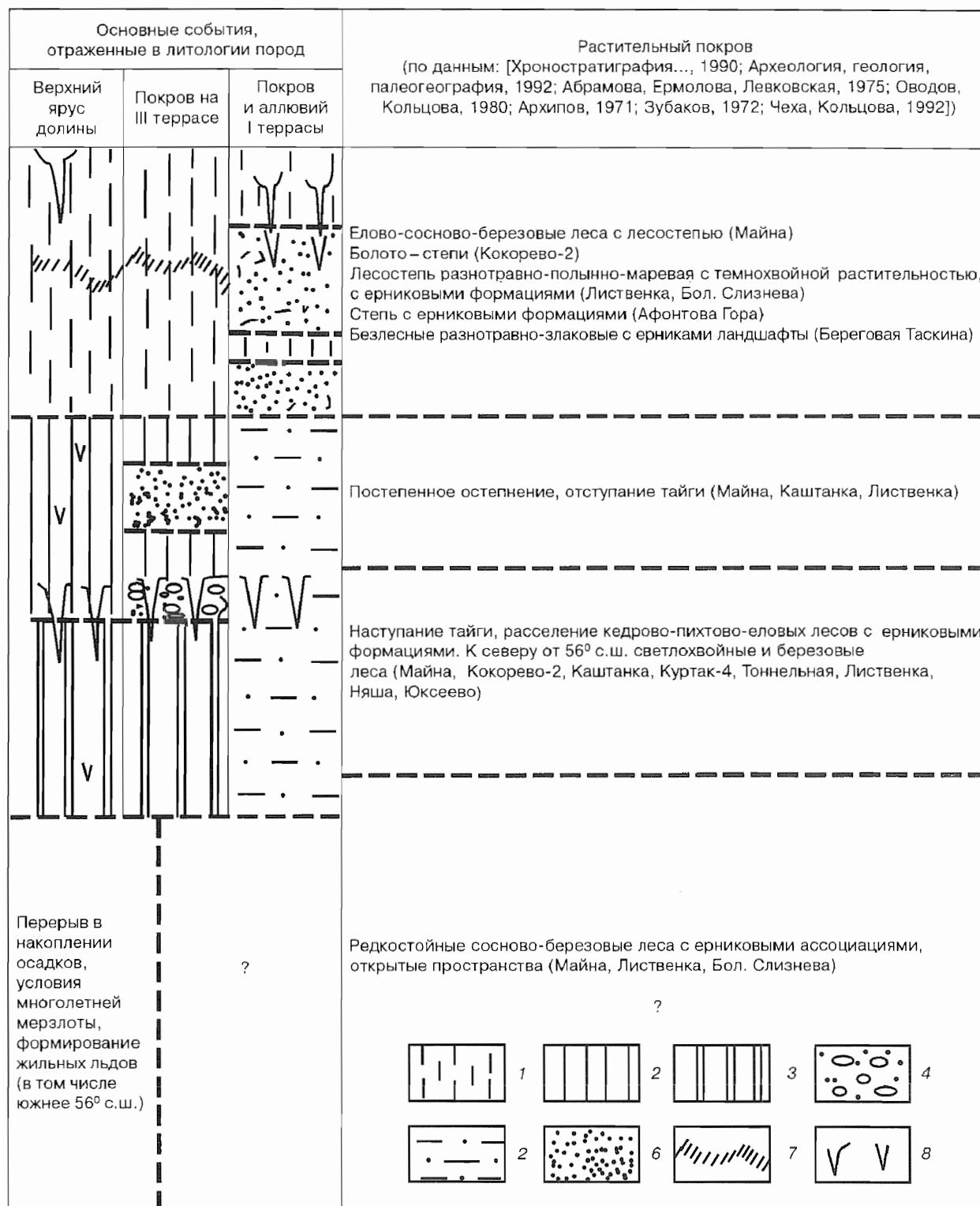


Рис. 5. Схема развития природной среды Средней Сибири на сартанском этапе палеолита (52 – 57° с.ш.).
 1 – лесс супесчаный, суглинистый, лессовидные породы; 2 – “серый лесс”; 3 – “коричневый лесс”; 4 – песчано-гравийные аллювиальные отложения; 5 – перигляциальный песчаный аллювий; 6 – ископаемые почвы и их комплексы; 7 – следы почвообразования, остатки примитивных почв; 8 – морозобойные трещины различного типа.

Хронология и геологическая периодизация палеолита (каргинский и сартанский этапы) долины Енисея. Стратиграфическая схема по данным Н.В. Кинд [1974], С.М. Цейтлина [1979] и авторским материалам

Определенную ясность здесь может внести серия мерзлотных нарушений между указанными слоями. По нашей схеме последние отвечают ньяпанская стадии похолодания – около 14,5 тыс. л.н. Соответственно, культурные слои 1 и 2 этой стоянки моложе и с учетом литологических показателей укладываются в интервал 14,5 – 13,0 тыс. л.н., а четыре нижних слоя – в интервал 16 – 14,5 тыс. л.н. (среднесартанский период). Подобный подход можно применить и на стоянке Майна, где при разнобое в датировках культурных слоев в средней части разреза также имеется комплекс палеомерзлотных нарушений. Расположенные ниже этих нарушений слои 4 – 9 будут относиться к первой (до 15 тыс. л.н.), а верхние слои 3 б – г – ко второй половине (14 – около 13 тыс. л.н.) среднесартанского периода.

В нижнем ярусе долины Енисея к среднесартанскому времени будут относиться нижние слои стоянок Большая Слизнева, Голубая, приуроченные к аллювию сниженной первой террасы (см. рис. 1, II, VII); к позднесартанскому – стоянка Есаулово-3 (культурный слой залегает в лессовой покрышке на первой террасе) и культурный слой стоянки Большая Слизнева, залегающий несколько выше погребенной (таймырской?) почвы, деформированной мерзлотными процессами позднего дриаса (см. рис. 1, VII, VIII).

В верхнем ярусе долины Енисея наиболее проблематичными, как отмечалось, являются стоянки Афанасьева Гора и Тарачиха (раннесартанское время, средняя пора позднего палеолита). По нашим наблюдениям, на участке первой стоянки отлогий склон покрыт супесчано-суглинистыми отложениями мощностью до 3 м, в верхней части сильно облессованными. Они залегают на продуктах древней коры выветривания вулканитов девона (см. рис. 4, I). Культурный слой находится в нижней части покрова. Подобные лессовидные сартанские суглинки, супеси, часто обогащенные материалом коренных пород (что придает им красноцветность, повышенную глинистость, щебнистость), широко распространены в Северо-Минусинской впадине. Такие отложения вскрываются, к примеру, на финальнопалеолитической стоянке Аёшка. Присутствие костей мамонта на памятнике Афанасьева Гора не является достаточным основанием для датирования его раннесартанским временем. По приуроченности к нижней части субэрального лессового покрова мы относим этот памятник к началу среднесартанского периода.

Разрез сартанских отложений на стоянке Тарачиха отчетливо разделяется на “серый лесс” (0 – 3 м) и “коричневый лесс” (3 – 8 м) (см. рис. 4, XI). Лессовые сартанские образования подстилаются коричневыми суглинками, представляющими верхнюю часть куртакского педокомплекса. По данным Н.Ф. Лисицына [1978] и нашим, в разрезе выделяются два

культурных слоя в низах коричневатых супесей с илистыми прослойками (что типично для низов сартанских отложений в этом районе) и в нижней (средней?) части серых слоистых супесей. Таким образом, нижний слой может быть датирован началом среднесартанского периода, верхний – в интервале 15 – 14 тыс. л.н.

В верхнем ярусе долины Енисея к наиболее древним (17 – 15 тыс. л.н.), помимо стоянок Афанасьева Гора и Тарачиха, могут быть отнесены культурные слои 9 – 19 Лиственки, которые располагаются ниже горизонта псевдоморфоз по жильным льдам, фиксирующим ньяпансскую стадию похолодания (см. рис. 4, XIII). Среднесартанским временем (14,5 – 13,0 тыс. л.н.) датируются культурные слои памятников Лиственка (слои 8 – 3), Ново-Батени, Новоселово-6, Дивный-1, Куртак-3, нижние слои стоянки Каравальный Бык. Все они располагаются в делювиальных неяснослойистых серых супесях – средней части сартанской субэральной формации. По приуроченности к самой верхней части сартанского покрова – “типовым лессам” (13 – 10 тыс. л.н.) выделяются стоянки Аёшка-3, Чегерак, Новоселово-7. Геологическая периодизация и хронология позднего палеолита с использованием данных по проанализированным памятникам приведена в таблице.

Как соотносятся археологические объекты, отражающие стадии позднего палеолита и представляющие определенные археологические культуры, с геохронологической шкалой и геологическими этапами? Согласно археологической периодизации, выделяются памятники ранней, средней и завершающей (финальной) стадии позднего палеолита [Васильев, 1992]. Наиболее проблематичны памятники средней стадии. Это объекты с т. н. пластинчатым характером индустрии – Тарачиха, Афанасьева Гора, Новоселово-13 (нижний слой), Ачинская, Куртак-4, Шленка. Согласно приведенной выше схеме периодизации, эти памятники относятся к разным геологическим этапам, не образуя в геолого-стратиграфическом плане единого комплекса. Тарачиха, Афанасьева Гора, возможно Новоселово-13, культурные слои которых залегают в последнем лессовом покрове позднего плейстоцена, датируются среднесартанским временем. Стоянка Куртак-4, находящаяся в кровле куртакского педокомплекса, является позднекаргинской. Такое же положение, очевидно, имеет нижний слой Шестакова. Стоянка Ачинская определена С.М. Цейтлиным [1979] как среднесартанская. Можно предполагать, что средняя стадия позднего палеолита соответствует позднекаргинскому периоду. Стоянки с пластинчатыми индустриями (пусть редкие) будут рассредоточены в пределах сартанского этапа. Финальная стадия позднего палеолита, когда существовали афонтовская и кокоревская культуры, а по приведенным данным и культура с пластинчатыми

индустриями, будет соотноситься, таким образом, с сартанским этапом. На этом этапе все указанные культуры сосуществовали во времени.

Список литературы

- Абрамова З.А.** Периодизация палеолита Минусинской котловины // Проблемы археологии и этнографии Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. – С. 17 – 19.
- Абрамова З.А., Ермолова Н.М., Левковская Г.М.** Палеолитическое поселение Кокорево-2 на Енисее // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 45 – 50.
- Артемьев Е.В., Дроздов Н.И., Чеха В.П., Орлова Л.А., Сулержицкий Л.Д.** Афонтова Гора-2 – новые представления // Тез. докл. к XIV конгрессу ИНКВА. – Берлин, 1995. – С. 15.
- Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау, Восточный Саян)/ Н.И. Дроздов, В.П. Чеха, Е.В. Артемьев, В.Г. Кольцова, Н.Д. Оводов, Л.А. Орлова, Г.А. Демиденко, Н.В. Мартынович, А.Ф. Ямских, В.Е. Ларичев, Ю.П. Холюшкин, Р. Девис. – Красноярск: ПИК “Офсет”, 1992. – 130 с.**
- Архипов С.А.** Четвертичный период в Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1971. – 332 с.
- Астахов С.Н.** Локальные культуры и специфика верхнего палеолита Сибири // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИИФИФ СО АН СССР, 1986. – С. 64 – 82.
- Васильев С.А.** Локальное и стадиальное в развитии позднепалеолитической культуры на Енисее // Тез. докл. регион. конф. “Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири”. – Барнаул, 1991. – С. 11 – 13.
- Васильев С.А.** Палеолит Енисея: итоги и проблемы // РА. – 1992. – № 2. – С. 5 – 17.
- Васильев С.А., Свеженцев Ю.А., Цейтлин С.М.** Стратиграфия и геологический возраст многослойной Майнинской стоянки на Енисее // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. – М.: Наука, 1986. – № 55. – С. 88 – 93.
- Громов В.И.** Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – 521 с. – (Тр. Ин-та геол. наук АН СССР. Сер. геол.; Вып. 64, № 17).
- Дроздов Н.И.** Каменный век Северного Приангарья: Автoref. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1981. – 35 с.
- Дроздов Н.И., Чеха В.П.** Этапы развития каменного века Средней Сибири в эпоху плейстоцена // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. – Красноярск: ПИК “Офсет”, 1992. – С. 92 – 97.
- Дроздов Н.И., Чеха В.П. Реконструкция климатов позднего плейстоцена Средней Сибири по данным изучения лессовой формации // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцен и плейстоцена Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000. – Вып. 2. – С. 175 – 188.**
- Дроздов Н.И., Чеха В.П., Орлова Л.А., Хаззертс П., Дамблон Р.** Новые данные о каргинском горизонте Средней Сибири (бассейн Енисея) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – Т. 5: Материалы VII годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. – С. 121 – 126.
- Ермолова Н.М.** Особенности формирования териофауны палеолита Енисея // Проблемы археологии и этнографии Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. – С. 119 – 120.
- Зубаков В.А.** Новейшие отложения Западно-Сибирской низменности. – Л.: Недра, 1972. – 311 с.
- Кинд Н.В.** Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. – М.: Наука, 1974. – 255 с.
- Кренке Н.Д., Сулержицкий Л.Д.** Археология и реальная точность радиоуглеродного метода // Геохронология четвертичного периода. – М.: Наука, 1992. – С. 89 – 92.
- Лисицын Н.Ф.** Новые местонахождения каменного века на высоких террасах Енисея // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. – 1978. – № 48. – С. 155 – 158.
- Оводов Н.Д., Кольцова В.Г.** Природная обстановка финала плейстоцена на среднем Енисее // Археологический поиск. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 11 – 15.
- Палеолит Енисея / З.А. Абрамова, С.Н. Астахов, С.А. Васильев, Н.М. Ермолова, Н.Ф. Лисицын.** – Л.: Наука, 1991. – 158 с.
- Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея)/ Н.И. Дроздов, В.П. Чеха, С.А. Лаухин и др.** – Новосибирск: Наука, 1990. – 185 с.
- Цейтлин С.М.** Геология палеолита Северной Азии. – М.: Наука, 1979. – 158 с.
- Чеха В.П.** Ископаемые почвы // Куртакский археологический район. – Красноярск: ПО “Сибирь”, 1990. – Вып. 3: Новые данные к хроностратиграфии палеолита Куртакского археологического района. – С. 21 – 32.
- Чеха В.П.** Природная среда палеолита (Средняя Сибирь): Автoref. дис. ... д-ра геогр. наук. – Новосибирск, 1996. – 46 с.
- Чеха В.П., Кольцова В.Г.** Палеогеографические аспекты эпохи палеолита Минусинских межгорных впадин // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. – Красноярск: ПИК “Офсет”, 1992. – С. 258 – 262.

Материал поступил в редакцию 22.05.2001 г.

УДК 903.2

Х. Кимура

Музей археологии Университета Саппоро, Япония

Archaeological Museum, University of Sapporo, Japan

062-8520, Nishioka 37-31, Toyohira-ku, Sapporo

E-mail: hkimura@sapporo-u.ac.jp

ИНДУСТРИЯ ПЛАСТИН СТОЯНКИ МАЛЬТА

Введение

Мальта – один из наиболее хорошо известных памятников древнего человека в Сибири. В ходе раскопок здесь были обнаружены остатки культуры эпохи палеолита. Однако опубликованные сведения не дают полного представления о Мальте и ее культурно-исторической значимости. Более того, они вызывают желание поразмышлять над итогами 70-летнего изучения материалов раскопок, с коими мне довелось ознакомиться в разных научных учреждениях Санкт-Петербурга, Москвы и Иркутска, а также над информацией, полученной от проф. Г.И. Медведева.

Стоянка Мальта и история исследования памятника

Местонахождение. Стоянка (координаты 103°28'1" в.д. и 53°08' с.ш.) расположена на юго-западной окраине одноименной деревни в 80 км к северо-западу от Иркутска. Мальта находится на левом берегу р. Белой (один из притоков полноводной Ангары), которая течет с запада на восток, размывая прибрежные террасы. Высота террас от поверхности воды Белой достигает 16 – 20 м. М.М. Герасимов отнес материалы раскопок стоянки к третьей террасе и установил, что на момент начала полевых работ ее высота составляла 6 – 7 м [1958]. К такому же выводу пришел специалист по четвертичному периоду Сибири С.М. Цейтлин [1979]. Известный геолог В.И. Громов приурочил те же находки к первой террасе [1948] (не ясно, принимал ли он во внимание невысокую террасу, погребенную под водами Белой). По мнению Г.И. Медведева, необходимо выяснить, имеются ли подобные отложения на других стоянках, которые,

как полагают, размещаются на той же террасе, а затем проанализировать результаты сравнения осадков. Говоря о Мальте, исследователь не использует слово “терраса” и считает, что очень важно определить на месте стоянки геологическую последовательность слоев [1983].

Открытие и исследование. Стоянка Мальта была открыта местным крестьянином П. Брилиным в 1928 г. Узнав об этом, М.М. Герасимов сразу же приступил к раскопкам памятника и руководил его полевыми исследованиями в 1928 – 1930, 1932, 1934, 1936, 1937 и 1956 – 1958 гг. В 1929 г. в работе экспедиции принимал участие Б.Э. Петри, в 1928 и 1930 гг. – геолог В.И. Громов, в 1934 г. – Г.П. Сосновский, а в 1956 – 1958 гг. – тогда еще юный археолог Г.И. Медведев. Общая площадь раскопов в те годы составляла не менее 1 472 м².

Результаты археологического изучения Мальты обобщены в публикациях М.М. Герасимова [1931, 1935, 1941, 1958 и др.], М.М. Герасимова и Г.П. Сосновского [1937], П.П. Ефименко [1938], А.П. Окладникова [1965] и Г.И. Медведева [1983]. Сведения, касающиеся геологического обследования стоянки, изложены в статьях В.И. Громова [1935, 1948], В. Громовой [1948], Е.И. Равского [1959, 1972], Е.И. Равского и др. [1964], Н.А. Логачева. Т.К. Ломоносовой, В.М. Климановой [1964] и С.М. Цейтлина [1979].

Несмотря на то что о Мальте и связанных с ней исследованиях писали много и многие, имеющаяся в нашем распоряжении информация не является исчерпывающей. Размышляя об исторической значимости этого памятника культуры древнекаменного века, я хотел бы сосредоточить внимание на зафиксированных на памятнике изделиях и технике скальвания пластин и отщепов.

Артефакты Мальты

Обнаруженные на стоянке следы деятельности человека делают ее одним из выдающихся памятников культуры эпохи верхнего палеолита перигляциальной области Евразии. Среди находок – многочисленные орудия из камня, изделия из оленевого рога и кости (в т.ч. слоновой), предметы “искусства” и украшения.

Материалы раскопок стоянки хранятся: артефакты, собранные в 1928 – 1930 гг., – в Эрмитаже, в 1932 и 1934 гг. – в Музее антропологии, в 1956 – 1958 гг. – часть в лаборатории археологии Иркутского госуниверситета, а основная коллекция – в Государственном Историческом музее, кости млекопитающих – в Иркутском краеведческом музее. Нет сведений и о том, что было выявлено в ходе раскопок 1937 г. Принимая во внимание сведения о местах хранения коллекций, собранных на Мальте, раскопки 1928 – 1930 гг. следует считать первым полевым сезоном, 1932 г. – вторым, 1934 г. – третьим, 1937 г. – четвертым, 1956 г. – пятым, 1957 г. – шестым, 1958 г. – седьмым.

Согласно сведениям о материалах раскопок первых трех полевых сезонов, среди находок очень большую долю составляют орудия (табл. 1). В коллекции первого полевого сезона широко представлены орудия разнообразных типов и сравнительно скромно – отщепы. В этом соотношении находок просматривается весьма необычная для палеолитической стоянки особенность. Очевидно, в ходе раскопок масса отщепов и мелких пластин была выброшена за ненадобностью*. Среди артефактов, выявленных в ходе второго и третьего полевых сезонов, отщепов оказалась значительно больше. На самом деле, коллекции любого сезона могли быть намного многочисленнее, при анализе материалов это следует иметь в виду. В ходе просмотра в коллекциях выявлено довольно много отщепов длиной до 2 см, а также сколов длиной 4 – 5 см. Учитывая это, можно предположить, что в лабораторию был доставлен весь объем находок.

По моим предварительным подсчетам, в течение пятого (1956 г.), шестого (1957 г.) и седьмого (1958 г.) сезонов на Мальте было обнаружено соответственно 2 090, 1 822 и 1 830 изделий из камня и кости**. Однако, как отмечает Г.И. Медведев [1983], коллекции, собранные в те же сезоны, включают соответственно 624, 3 315 и 1 874 образца. Его и мои подсчеты различаются, но расхождения почти исчезают, когда обращаешься к данным об общем количестве находок, собранных в 1956 – 1958 гг. Несоответствия возникли,

возможно, потому, что я объединил результаты подсчета находок пятого и шестого сезонов. Недавно около 1 700 изделий, относящихся к шестому сезону раскопок, было обнаружено в Иркутском госуниверситете. Конечно, это не столь большое число по сравнению с теми, что приводит Г.И. Медведев [Там же]. Хотя сейчас невозможно детально описать комплекс каменных орудий и установить процентное соотношение орудийных типов, бесспорно, что к общему количеству находок трех первых сезонов раскопок следует добавить по крайней мере 5 740 артефактов (в целом 7 450 экз.). Таким образом, общее количество обнаруженных каменных артефактов составит 12 140 экз., а вместе с орудиями, выполненным из кости, рога и бивня, объем коллекции увеличится до 13 840 экз. Если к этому добавить 1 782 доломитовые каменные плитки, фаунистические остатки, например необработанные кости, рога и бивни (преимущественно северного оленя и мамонта), то общее количество находок будет равняться 44 239 экз. [Там же].

Все эти материалы концентрировались главным образом в пределах жилих построек. М.М. Герасимов [1958], учитывая, что жилища размещались вдоль края террасы, допускал наличие вблизи них участков, где скапливались пищевые и прочие отбросы. Данное предположение необходимо иметь в виду при интерпретации находок. К сожалению, в настоящее время невозможно выявить все характеристики обнаруженных артефактов, поэтому о составе индустрии Мальты, ее особенностях можно судить только в общих чертах.

Одна из уникальных особенностей Мальты – изделия, типичные для верхнепалеолитической стадии древнекаменного века Сибири. Среди них – нуклеусы (в т.ч. микронуклеусы), пластины, пластинчатые отщепы, боковые и концевые скребки, комбинированные орудия (скребок-проколка, скребок-резец), проколки, резцы, сверла, острия, скребла, долотовидные орудия, отбойники, галечные орудия, украшения, резцовые сколы, орудия из кости и рога, а также другие изделия (см. табл. 1). Все это найдено в сочетании с каменным сырьем, которое использовалось для изготовления орудий. Исходным материалом был в основном кремень разной цветовой окраски (от серовато-белой до темно-коричневой и черной), который широко представлен в окрестностях Мальты. Кроме того, 7,9% каменных орудий было сделано из хлоритового сланца, песчаника, кварца, кремнистого андезита, кальцита и других пород.

Нуклеусы и микронуклеусы (рис. 1). Найденные в первые три полевых сезона на Мальте 207 нуклеусов и 10 микронуклеусов составляют соответственно 11,2 и 0,5% от общего количества обнаруженных тогда каменных изделий (без учета мелких отщепов

* Устное сообщение проф. Г.И. Медведева.

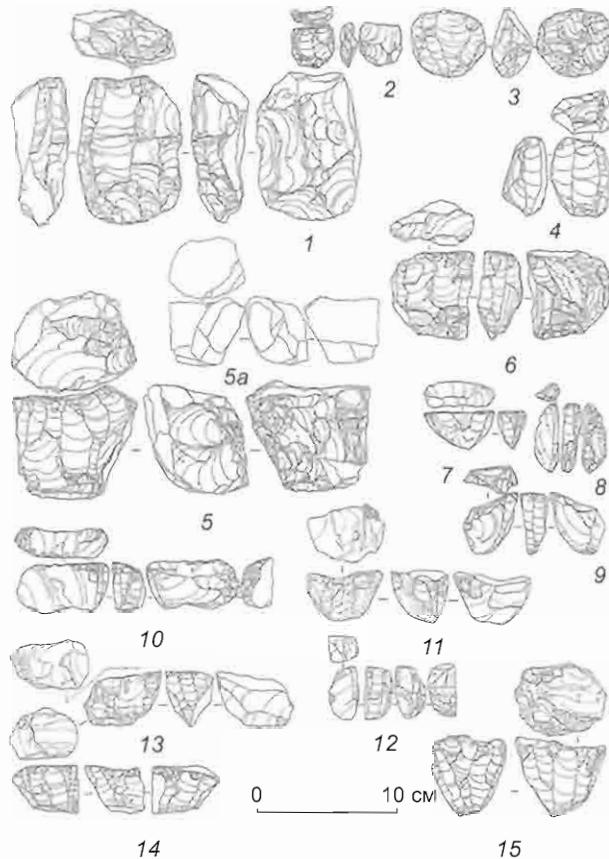
** Коллекция, собранная в ходе полевого сезона 1937 г., хранится в Иркутском госуниверситете, 1956, 1957 и 1958 гг. – Государственном Историческом музее.

Таблица 1. Найдены со стоянки Мальта

Артефакты	1928 – 1930 гг.			1932 г.			1934 г.			Всего		
	Экз.	% от всех находок		Экз.	% от всех находок		Экз.	% от всех находок		Экз.	% от всех находок	
		от всех находок	от всех орудий		от всех находок	от всех орудий		от всех находок	от всех орудий		от всех находок	от всех орудий
Нуклеусы	53	4,22	9,85	35	3,03	11,11	119	2,98	2,03	207	3,23	11,23
Микро-нуклеусы	6	0,48	1,12	2	0,17	0,64	2	0,05	0,20	10	0,15	0,54
Пластины и пластинчатые отщепы	210	16,72	39,03	204	17,65	64,76	760	19,07	76,77	1 174	18,35	63,70
Боковые скребки	16	1,27	2,97	–	–	–	9	0,22	0,91	25	0,39	1,36
Скребки	118	9,39	21,93	42	3,63	13,33	69	1,73	6,97	229	3,58	12,43
Скребки и проколки	1	0,08	0,19	–	–	–	2	0,05	0,20	3	0,05	0,16
Проколки	94	7,48	17,47	27	2,33	8,57	17	0,43	1,72	138	2,16	7,49
Резцы	16	1,27	2,97	4	0,35	1,27	2	0,05	0,20	22	0,34	1,20
Резцы и скребки	2	0,16	0,37	–	–	–	1	0,03	0,10	3	0,05	0,16
Орудия с острым концом	1	0,08	0,19	–	–	–	–	–	–	1	0,02	0,05
Острия	8	0,64	1,48	–	–	–	4	0,10	0,40	12	0,19	0,65
Скребла	6	0,48	1,12	1	0,09	0,32	–	–	–	7	0,11	0,38
Долото-видные орудия	1	0,08	0,19	–	–	–	–	–	–	1	0,02	0,05
Отбойники	1	0,08	0,19	–	–	–	4	0,10	0,40	5	0,08	0,27
Галечные орудия	5	0,40	0,93	–	–	–	1	0,03	0,10	6	0,09	0,33
<i>Всего</i>	538	42,83	100,0	315	27,25	100,0	990	27,84	100,0	1 843	28,81	100,0
Украшения	3	0,24	–	–	–	–	–	–	–	>3	0,05	–
Резцовые отщепы	3	0,24	–	–	–	–	2	0,05	–	5	0,08	–
Отщепы	509	40,53	–	740	64,01	–	691	67,51	–	3 940	61,58	–
Изделия из кости и рога	103	8,20	–	>22	1,91	–	>30	0,75	–	>155	2,42	–
Другие	100	7,96	–	79	6,83	–	273	6,85	–	452	7,06	–
<i>Всего</i>	1 256	100,0	–	1 156	100,0	–	3 986	100,0	–	6 398	–	–

и резцовых сколов). Указанный процент нуклеусов, возможно, является значительно завышенным. Например, стоянка Пирика I в Имагане-тё на о-ве Хоккайдо, хотя и отличается от Мальты по хронологической позиции (микропластинчатая индустрия) и относится к другому региону (Япония), имеет относительно схожую поселенческую структуру (значительные концентрации находок и большое количество апплицирующегося материала), доля нуклеусов в ней составляет 7,5% [Нисида, 1985]. Большие расхождения в показателях, возможно, результат того, что такие каменные изделия, как пластины, люди уносили со

стоянки, а нуклеусы ввиду близости источников каменного сырья очень часто выбрасывали. В рамках нашего исследования последнее объяснение выглядит наиболее приемлемым. Как показывает анализ, преимущественно использовались небольшие желваки, которые выбрасывались после оформления ударной площадки (использовалась естественная поверхность желвака или достаточно часто примыкающая поверхность) и снятия одной – трех пластин или пластинчатых отщепов. Однако в коллекции есть много типичных нуклеусов, использованных до возможного предела.



Rис. 1. Нуклеусы со стоянки Мальта.

На табл. 1 нуклеусы и микронуклеусы распределены в соответствии с их размерами. Именно такая классификация представляется правильной, поскольку пока нельзя уверенно говорить, что тот или иной микронуклеус предназначался для получения микропластин. Трудность в определении предназначения нуклеусов (пластин или микропластин) во многих случаях обусловлена варьированием формы желваков и различной степенью редукции. Именно для того, чтобы обойти эти проблемы, нуклеусы и микронуклеусы в данной работе рассматриваются в одной группе.

Последовательное снятие отщепов (пластин) с нуклеуса обычно изменяет тип самого ядра. Для точного определения типологии нуклеуса требуется восстановить весь процесс его расщепления. Мы зачастую имеем дело с конечным продуктом расщепления, т.е. с тем, что осталось от ядра. Однако конечная форма нуклеуса содержит немалую информацию о процессе расщепления. И с этой точки зрения важна классификация нуклеусов, отражающих последний (перед тем как выбросить) этап расщепления. По финальной морфологии нуклеусы Мальты делятся на несколько типов.

Дисковидные нуклеусы (тип *a*, рис. 1, 3). Именно в образце 3* М.М. Герасимов [1931] усматривал сходство с нуклеусами мустерьского типа, но З.А. Абрамова [1989] не признавала этой родственной связи. Общее мнение на сей счет пока не достигнуто. Призматические, или пластинчатые, нуклеусы (тип *b*, рис. 1, 1, 2, 4). Несмотря на малочисленность, они выделяются довольно четко. Среди нуклеусов правильных форм наиболее широко представлены конические (тип *c*, рис. 1, 15), полуконические со сколотым концом, противоположным ударной площадке (тип *g*, рис. 1, 14), и те, что имеют вид прямоугольного параллелепипеда с несколькими ударными площадками (тип *d*, рис. 1, 5). Выявлены также образцы, которые М.З. Паничкина [1959] относит к клиновидным нуклеусам (тип *e*, рис. 1, 6–13).

Группа а. Дисковидные нуклеусы (тип *a*). Помимо публикуемого здесь нуклеуса (см. рис. 1, 3) известно еще два образца. Нуклеусы дисковидной формы имеют относительно правильные пропорции, тщательно подготовлены на обоих фасах. Хотя их очертания свидетельствуют и о другом специфическом предназначении, оформленная на дорсальной поверхности образца 3 ударная площадка (справа на рис. 1, 3) образует с плоскостью скальвания более острый угол (57°), чем у других изделий. Эта площадка оформлялась с целью расщепления значительной центральной части фронта (слева на рис. 1, 3). Для этого производилась и преднамеренная модификация ударной площадки. Таким образом, данное изделие можно классифицировать как дисковидный нуклеус для производства пластин. В нижней части фронта сохранена более древняя поверхность. Трудно определить, осуществлялась ли модификация ударной площадки для снятия сколов со стороны нижней части дорсальной поверхности или же ударный бугорок первоначального снятия был срезан последующей утилизацией, проводившейся с ударной площадкой в нижней части дорсала. После окончания этого этапа утилизации (снятие пластины) процесс расщепления был сначала перенесен на правый край дорсальной поверхности, а затем – на фронтальную плоскость. Частое чередование ударных площадок – черта, присущая некоторым типам нуклеусов, и одна из особенностей производства отщепов на Мальте. Как только ударная площадка подготавливалась, – одна за другой скальвалось несколько пластин. Это вовсе не означает, что пластины расщепляли ударами, направленными сверху вниз, в четкой альтернативной последовательности или без дополнительной подправки со второй противолежащей площадки. Во многом нуклеусы типов *a* и *b* сходны. Между ними есть некоторые мор-

* Здесь и далее номер образца соответствует его номеру на соответствующем рисунке.

фологические различия, но они кажутся очень похожими с точки зрения технологии производства желаемых изделий. Длина (высота) публикуемого нами дисковидного нуклеуса равна 4,95 см, ширина 5,4 см и толщина 2,9 см.

Группа б. Призматические нуклеусы (тип б). Представлены плоские изделия, прямоугольные в поперечном сечении, служившие для производства пластин. Они различны по форме и размерам. Самый крупный из мальтийских нуклеусов этого типа приведен на рис. 1, 1. Его длина 10,9 см, ширина 7,5 см и толщина 4,2 см. В центре изделия (слева на рис. 1, 1) – негатив скола самой крупной пластины длиной 8,4 см и шириной 3,3 см. Другой образец может быть отнесен к нуклеусам, с которых снимали микропластины, его длина 3,2 см, ширина 3,05 см и толщина 1,3 см (см. рис. 1, 2). Большинство нуклеусов, предназначенных для снятия пластин, имеют примерно те же размеры, что образец 4 длиной 7,75 см, шириной 4,4 см и толщиной 3,2 см (см. рис. 1, 4).

Со всех нуклеусов данной группы снятия пластин осуществлялись с фронтальной (широкой) поверхности. Если даже процесс снятия сколов и переходил на латераль, контрфронт ядра расщеплению не подвергался. Этот признак определяет различия между нуклеусами групп *а* и *б*.

Нуклеус 1 представляет т.н. bipolarную систему расщепления. Каждая из площадок сначала грубо формировалась негативами двух крупных сколов, а затем подвергалась тщательной детальной модификации. Для этого использовалась техника, подобная "*chapeau de gendarme*", формировавшая по центральной оси остроугольный выступ. В результате задавался угол расщепления в 60°. До подготовки ударных площадок крупными снятиями с контрфронта нуклеусу придавалась прямоугольная в плане форма. Таким образом, снятия, негативы которых прослеживаются на контрфронте изделия, выполняли в основном подготовительную, оформляющую очертания предмета функцию. Благодаря пересечению негативов этих снятий в центральной части контрфронта формировалось выступающее ребро. Снятие пластин велось сначала с нижней, а потом с верхней части поверхности скальвания. Первыми скальвались два продольных отщепа внизу справа, затем отщепы неправильных очертаний внизу слева. Последние не следует считать неудачной попыткой получения пластин. Они, вероятно, появились после подправки, нацеленной на последующее снятие пластин с верхней части поверхности скальвания. Это снятие велось слева направо. Данный нуклеус был выброшен, несмотря на намерение осуществить новый этап снятия пластин, о чем свидетельствуют признаки начатого формирования направляющего ребра в правой части плоскости расщепления. Следует отметить, что он лучше других образцов демонстрирует зависи-

мость техники изготовления пластин от размеров и морфологии ядра, а также от технологии производства. Поскольку особенности и последовательность подобного рода процесса на Мальте будут детально рассмотрены ниже, скажу лишь, что сходные изделия представлены в коллекциях находок со стоянки Карабом и др.

Среди представленных на рис. 1 нуклеусов образец 4 более других похож на призматический. Он невелик по размерам и поражает своей массивностью. По сохранившемуся на спинке участку с галечной коркой можно предположить, что заготовкой для изделия послужил небольшой фрагмент случайно расколотого куска брекчии. Рассматриваемый нуклеус позволяет проследить признаки технологии производства пластин почти такие же, как у образца 1, – подготовленные ударные площадки, концентрация негативов сколов на широком фронте изделия, угол расщепления 58°. С нуклеуса 4 были сколоты пластины длиной 5,5 см и шириной около 2 см. Данный образец можно отнести к типичным нуклеусам, обнаруженным на Мальте.

На контрфронте изделия 2 ударами, направленными слева направо, сняты две большие пластины. Подобная направленность ударов не характерна для вышеописанных нуклеусов 1 и 4. В верхней части фронта скальвания изделия 2 видны фасетки мелкой ретуши, а вдоль правого края и внизу изделия – следы износа, что с высокой степенью вероятности свидетельствует о вторичном использовании изделия в качестве орудия.

Группа в. Конические нуклеусы (тип в, рис. 1, 15). Помимо образца 15 к этой же группе отнесен еще один небольшой и сходный с микронуклеусами предмет, коих в коллекции находок Мальты немного. Образец 15 определен как классический нуклеус, но его заостренная нижняя часть отсечена, возможно, до формирования фиксируемого фронта скальвания, допустимо также, что плоскость является изначальной поверхностью выбранной заготовки. Если данная особенность – свидетельство успешного скальвания пластин, то большой разницы между рассматриваемым нуклеусом и теми, что отнесены к группам *г* и *д* (особенно к последней), нет.

Длина (высота) описанного образца 5,7 см, ширина 6,6 см и толщина 5,3 см. Слегка вогнутая ударная площадка сохраняет негатив большого отщепа, который был сколот ударом, ориентированным справа налево. На площадке и поверхности скальвания отчетливо прослеживаются фасетки тщательной подправки. Угол расщепления варьирует в пределах 57–62°. Негативы сколов пластин видны почти по всему периметру нуклеуса. Они параллельны оси изделия. Лишь на спинке оставлен небольшой участок галечной корки. С этого нуклеуса было снято 11 пластин; большинство их не-

гативов достигает дистального конца изделия. Таким образом, снятые средние пластины, как правило, были крупнее мальтинских. Скалывание пластин велось сначала с левой, затем с правой стороны (по периметру протяженной рабочей поверхности).

Группа г. Полуконические нуклеусы (тип *г*, рис. 1, 14). Результатом последовательного снятия пластин, произошедшего с поверхности соединения брекчийной гальки (размеры от 6 до 7 см) или с крупной плоской ударной площадки, был аморфный полуконический нуклеус. Как отмечалось, несмотря на различия в форме, нуклеусы групп *в* (наличие остроконечной нижней части) и *г* (отсутствие приострения) имеют одни технологические характеристики. Характерный признак группы *г* – сохранение на одной или двух плоскостях ядрища либо желвачной корки, либо поверхности брекчийного соединения. Лишь у немногих нуклеусов снятие пластин происходило по всему рабочему периметру. На некоторых образцах менялась ориентация скальвания, после чего, как правило, ударную площадку или поверхность скальвания начинали использовать заново, продлевая тем самым процесс производства пластин. Образец 14 – один из тех, которые преобладают в этой группе нуклеусов, но могут быть отнесены и к группе *д*. Иными словами, нуклеусы групп *г* и *д* разделены на основании морфологических различий, но в принципе они могут быть отнесены к одной группе.

Длина (высота) нуклеуса 14,3,5 см, ширина 4,5 см и толщина 3,2 см. С данного нуклеуса было снято по крайней мере 12 широких пластин длиной 3–3,5 см и шириной 1–1,5 см.

Группа д. Нуклеусы, имеющие форму прямоугольного параллелепипеда (тип *д*, рис. 1, 5), их также называют кубовидными. Форма этих нуклеусов – результат неоднократной смены ориентации скальвания. Образец 5 – типичное для этой группы изделие правильной формы. Большинство нуклеусов группы *д* были выброшены на ранней стадии утилизации, когда их форма продолжала оставаться аморфной. Изделия 11 и 13 позволяют понять все, что касается форм, последовательности сколов и состояния контрфронта нуклеусов подобного типа. Отнесение нуклеусов к данной группе происходило преимущественно на основе анализа их фронта скальвания. Достаточно много образцов, которые очень трудно классифицировать. Когда нуклеус выбрасывали на начальной стадии снятия пластин, это означало, что он не годился как заготовка. Анализируя подобные изделия, можно, однако, установить требовавшийся тип нуклеуса.

На Мальте в качестве заготовок для нуклеусов использовали аморфные брекчийные камни небольших и средних размеров, а снятие пластин и отщепов производили по несколько раз. Когда исчезала возможность продолжения такого процесса, камни выбрасывали. Очевидно, мальтинцы были свобод-

ны в выборе каменного сырья. В течение третьего полевого сезона на Мальте удалось обнаружить 217 нуклеусов и микронуклеусов, а также 1 450 пластин, пластинчатых отщепов и орудий. Анализируя эти количественные показатели, можно сделать вывод, что с одного нуклеуса скальвали в среднем по семь пластин и пластинчатых отщепов. Для индустрии стоянки характерно присутствие разных по типу нуклеусов правильной формы, при этом большинство ядрищ свидетельствует о пластинчатом производстве.

Изделие 5 (см. рис. 1) – довольно большой (длина 8 см, ширина 8,9 см, толщина 7,3 см) пластинчатый нуклеус. По форме он напоминает усеченную пирамиду или аморфный параллелепипед. Нельзя утверждать, что такой же формы была заготовка для этого нуклеуса. Думаю, что последний – результат подправки обеих боковых сторон и преднамеренной обработки контрфронта изделия. Так, поверхность скальвания прослеживается по всей ширине фронта скальвания (см. рис. 1, 5, внизу слева). Видны также два параллельных негатива сколов пластин на правой стороне нуклеуса (см. рис. 1, 5, центр). Нижняя часть фронта изделия срезана пластинчатым сколом. Тщательной подправкой контрфронта удалены негативы ударных бугорков и точки приложения ударов (см. рис. 1, 5, справа). Принято считать, что это делалось для придания нуклеусам определенной формы. Подправлялись сначала боковые поверхности, а затем контрфронт, чтобы освободить его от галечной корки. Нижняя поверхность нуклеуса сохраняет плоскость отлома от брекции (поверхность брекчийного соединения). У нуклеусов этой группы из-за частой смены ориентации скальвания поверхность основания неоднократно использовалась в качестве ударной площадки, в результате чего на спинке изделия оставалось много негативов сколотых пластин со следами тщательной подправки. Ударная площадка образца 5 сформирована крупным одиночным снятием, негатив которого образовал слегка вогнутую поверхность. Подправка верхней части фронта скальвания играла важную роль в корректировке угла расщепления ($62 - 65^\circ$). Похоже, что нуклеусы этой группы позволяли получать много пластин среднего размера – около 6,5 см в длину и 1,5–2 см в ширину. Многие из них представлены фрагментами. На рис. 1, 5 показан ремонтаж данных артефактов.

Группа е. Клиновидные нуклеусы (рис. 1, 6–13). Представлены нуклеусы с рабочей площадкой на торце. Среди них – типичные образцы, которые М.З. Паничкина [1959] называла клиновидными (см. рис. 1, 6), а также имеющие форму аморфно-прямоугольного параллелепипеда и буквы D, подковидные и др. Почти у всех нуклеусов группы *е* ударные площадки оформлены негативом крупного скола, произведенного со

стороны фронта расщепления (см. рис. 1, 6 – 9, 12, 13). При подготовке ударной площадки нуклеусов 10 и 11 удары направлялись со стороны, противоположной намеченной поверхности скальвания, тем не менее эти ядрища можно отнести к одной группе. Образец 6 благодаря двусторонней ретуши, фасетки которой снизу доверху окаймляют боковые поверхности изделия, является наиболее совершенным клиновидным нуклеусом. Его длина (высота) 6,35 см, ширина 6,2 см и толщина 3,3 см. С нуклеуса сколоты по меньшей мере две пластины длиной 4 см и шириной 1 см. Негативы сколов прослеживаются лишь в нижней части первоначальной рабочей поверхности. Это свидетельствует о том, что рабочая поверхность по мере снятия с нее пластин постепенно отступала в глубь изделия. Однако слева от поверхности скальвания (см. рис. 1, 6) видны негативы снятия трех или более пластин. Последние были сколоты после подправки нижнего края нуклеуса. Таким образом, этот нуклеус предназначался для снятия узких пластин с торца и широких (длина 4 см, ширина около 2 см) с боковой поверхности изделия. Я не могу определить последовательность снятия, а следовательно, и конечную цель описанного рабочего процесса. Поэтому данные нуклеусы можно считать продуктами переходного этапа в общем процессе оформления клиновидных ядрищ.

Снятые с микронуклеуса заготовки можно назвать микропластинами, их длина 3 – 4 см и толщина 0,4 – 0,8 мм. У образца 9 рабочая поверхность находится на торце. У образца 2 фронты скальвания расположены на обоих торцах. С торца нуклеуса 8 микропластины снимали попеременными ударами с двух противолежащих площадок, расположенных в верхней и нижней частях изделия. В качестве заготовок для обоих нуклеусов были выбраны плоские отщепы аморфной формы. Края этих изделий не имеют следов краевой подправки. Образцы 6, 8 и 9 представляют собой типичные клиновидные нуклеусы.

Основанием для включения в ту же группу нуклеусов образцов 11 и 13 является концентрация негативов сколотых пластин на их длинных плоскостях. Подходящие желваки из брекчии подвергались минимальной подправке, после чего с них без особых усилий снимали несколько пластин, а потом такие нуклеусы выбрасывали ввиду их непригодности для дальнейшего использования, и в этом проявляется их сходство с нуклеусами группы δ .

Образцы 10 и 12 представляют собой либо нуклеусы, для которых в качестве заготовок использовались боковые скребки, либо комбинированные орудия – нуклеусы-скребки. Образец 12 изготовлен на основе, вероятно, бокового скребка. Образец 10 представляет характерный для Мальты тип – скре-



Рис. 2. Скребок группы δ (1), поперечная пластина – скребок группы γ (2), скребок группы γ (3) со стоянки Мальта.

бок с высоким рабочим краем. Изделие выполнено на массивном пластинчатом отщепе. На противоположной рабочему краю поверхности видно пять параллельных негативов. Данный образец классифицирован в настоящей статье как нуклеус (ввиду сработанности верхней части), но его можно отнести и к категории многофасеточных резцов.

В Государственном Историческом музее хранится напоминающее по форме клиновидный нуклеус орудие, которое вставлено в верхнюю часть рукояти, выполненной из рога северного оленя (рис. 2, 1). Данный образец является примером того, как использовалось орудие. Эта “конструкция” противоречит нашему пониманию функции “клиновидного нуклеуса”. Иными словами, образование “негативов скальвания” (фасетки) происходило, возможно, в результате использования орудия. Глядя на него, нельзя, например, на основании лишь морфологических особенностей с уверенностью утверждать, что все клиновидные нуклеусы изготавливались только для скальвания с них пластин небольших размеров или микропластин. Похоже, вопрос о функциональном назначении нуклеусов этой группы нуждается в дальнейшем осмыслении. Однако какую бы функцию описываемые изделия не выполняли, техника их изготовления не вызывает сомнений.

У описанных выше изделий группы ϵ угол направленности удара варьирует в пределах 60 – 70°. Нацеленность на увеличение угла между ударной площадкой и поверхностью скальвания, возможно, свидетельствует об определенном изменении в технике изготовления нуклеусов.

Пластины и продольные отщепы (рис. 3, 1 – 11). Пластины, как и заготовки, использовали для изго-

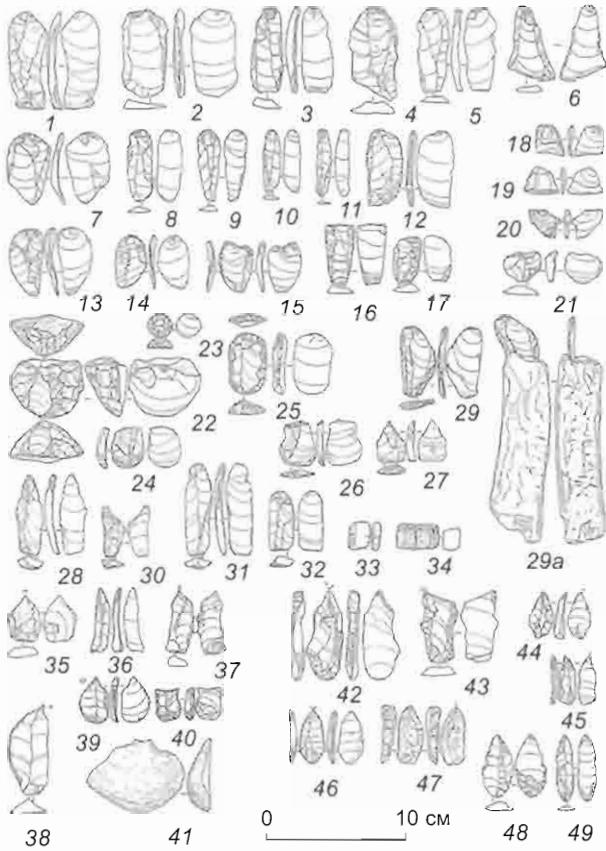


Рис. 3. Пластины (1 – 11); боковые скребки (12 – 17); отщепы (18 – 21); скребки и орудия с рукояткой (22 – 32); концевой скребок (33), украшение (34) из кальцита; проколки (шилья) (35 – 41); резцы (42 – 47); острия (48 – 49) со стоянки Мальта.

тования орудий. На Мальте пластины использовались как самостоятельные орудия, так и в качестве заготовок ретушированных орудий. Причем именно пластины составляют основу орудийного производства на стоянке. К тому же большинство из них средние и небольшие по размерам. Иллюстрируют сказанное правильные по очертаниям и типичные пластины, представленные на рис. 3. В количественном отношении превалируют пластинчатые и аморфные отщепы (последних больше). Это хорошо соотносится с разнообразием типов нуклеусов, обусловленным модифицированием техники скальвания. При анализе коллекций я исходил из трактовки пластины как изделия с почти параллельными краями и дорсальными ребрами. Пластинчатый отщеп отличается от пластины (при общем сходстве формы) и отсутствием дорсальных ребер, и неправильной формой. Большинство пластинчатых отщепов свидетельствуют о том, что вместе с пластины они являются продуктами одного и того

же производственного процесса. Кроме того, на многих образцах имеются следы подправки по краю мелкой вторичной ретушью, такой же, как у пластин. Все это побудило меня рассматривать малтийские пластины и пластинчатые отщепы как единую группу. Следует помнить, что пластинчатая техника использовалась не только для получения правильных пластин.

Среди изделий, найденных в первые три полевых сезона на Мальте, пластины и пластинчатые отщепы составляли 63,7%. Если к ним добавить сделанные из такого рода заготовок орудия, то доля этой группы возрастет. Каменная индустрия Мальты базировалась на пластинах и продольных отщепах. Согласно анализу, проведенному Г.И. Медведевым [1983], упомянутые выше пластины и орудия на пластинах составляют 81% от общего количества находок (без учета побочных технологических продуктов).

Из коллекций, собранных в первые три полевых сезона на Мальте, мною отобраны 442 целые или почти целые пластины и пластинчатых отщепа. Пластины (пластинчатые отщепы) Мальты небольшие в длину и относительно широкие:

длина, см	экз.	%
1	1	0,2
2	15	3,3
2,5	26	6,5
3	82	18,5
3,5	79	17,8
4	77	17,4
4,5	57	12,8
5	52	11,7
5,5	24	5,4
6	13	2,9
6,5	10	2,2
7	5	1,1
8,5	1	0,2
ширина, см	экз.	%
0,75	3	0,7
1	17	3,8
1,25	32	7,2
1,5	74	16,7
1,75	53	12,0
2	85	19,2
2,25	54	12,2
2,5	48	10,9
2,75	18	4,1
3	23	5,1
3,25	10	2,3
3,5	12	2,7
3,75	7	1,6
4	2	0,5
4,25	2	0,5
4,5	2	0,5

Около 80% (347 экз.) составляют пластины и пластинчатые отщепы длиной от 3 до 5,5 см. Более того, среди пластин и пластинчатых отщепов длиной от 1,45 до 8,8 см чаще всего встречаются образцы, длина

которых варьирует от 3 до 3,5 см. Очень высокая доля пластин столь малой длины отражает стремление мальтийцев регламентировать параметры снимаемых заготовок (особенно контролировалась длина изделий), что определяло процесс расщепления, несмотря на различные размеры облупней. Постепенное уменьшение размеров нуклеусов (миниатюризация) не может быть единственным объяснением этого.

Данные показывают также, что ширина пластин и пластинчатых отщепов варьирует в большей степени, чем их длина (рис. 4). Чаще всего встречаются образцы шириной от 1,5 до 1,75 см (127 экз.), от 2 до 2,25 см (139 экз.) и от 3 до 3,25 см (33 экз.). Нельзя говорить о независимом друг от друга распределении пластин по этим трем группам. Возможно, что различия, отмечаемые среди нуклеусов, отражались в вариации не длины, а ширины сколов. В любом случае просматривается тенденция к производству широких заготовок.

Длина пластин и продольных отщепов в несколько (1–5) раз превышает их ширину. Если соотношение между длиной и шириной равно 2, то это означает, что ширина изделия 1 см, а длина 2 см. А если такое соотношение принимается за базовое, то всякое другое > 2 – соответствует пластинам. Пластины в этой группе (всего 215 экз.) составляют менее половины. Например, образцы 2, 6, 7, 14, 15 на рис. 3 не относятся к категории пластин. Принятое базовое соотношение длины и ширины кажется весьма подходящим в том смысле, что оно не допускает исключений из этой группы типичных пластин. Само собой разумеется, что изделия, у которых отношение длины к ширине < 1 , не могут быть отнесены к пластинам. Вместе с тем следует отметить, что найденные на Мальте пластины и продольные отщепы в основном широкие, что объясняется использованием небольших заготовок (раздробленные брекчии) для нуклеусов. Фактически снятие с нуклеусов групп *г* и *д* продолжалось до тех пор, пока в нижней части изделий сохранялась естественная (разломанная) поверхность брекчийного соединения. В других случаях происходило изменение ориентации скальвания, и отделение пластин производилось с новой ударной площадки по плоскостям старой ударной площадки и бывшего края. Сколотые пластины имеют плитчатые (см. рис. 3, 2, 5) или веерообразные (см. рис. 3, 6) очертания. Как только заканчивался перенос ударной площадки, скальвался пластинчатый отщеп, ось которого не была параллельна его сторонам. Среди отщепов с широкой остаточной ударной площадкой много сколов, сохраняющих либо трапециевидный в плане участок галечной корки (поверхность брекчийного соединения), либо поверхности предыдущих негативов снятый. Таких образцов

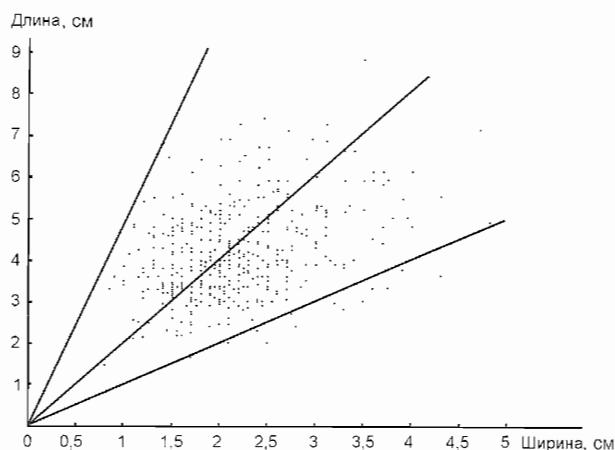


Рис. 4. Группировка пластинчатых отщепов по длине и ширине.

много (см. рис. 3, 18, 19). Подобные изделия демонстрируют одну из особенностей скальвания отщепов на Мальте, что объясняет мое внимание к ним. Хотелось бы более подробно порассуждать о них. В нижней части пластины 1 длиной 7,2 см, шириной 2,8 см и толщиной 0,6 см видны следы детальной ретуши (см. рис. 3). Подобных образцов довольно много. Поскольку в подправленной части изделия негативы снятых пластин не прослеживаются, трудно определить, что это – следы мелкой ретуши, которая подправляла первоначальную ударную площадку, или же обработки нижней части нуклеуса для снятия новой пластины. Первое предположение кажется более вероятным. Во всяком случае остроконечные пластины на Мальте встречаются редко (см. рис. 3, 8 – 11), что хорошо соответствует небольшому количеству выявленных на памятнике конических (группа *в*) и типичных клиновидных (группа *е*) нуклеусов.

При упоминании нуклеуса 5 (см. рис. 1) я отмечал, что угол направленности удара определялся не столько подправкой верхней плоскости ударной площадки, сколько тщательностью обработки поверхности скальвания. Результатом такой тщательной подправки ударной площадки мальтийских пластин и пластинчатых отщепов были маленькие остаточные ударные площадки, которые указывали на наличие у нуклеусов плоской ударной поверхности. Следы вторичной ретуши, или изломы, видны на правой стороне образцов 2 и 3, в нижней части правой поверхности изделия 8 и на левой стороне образцов 1, 6 и 9 на рис. 3. Все это явно свидетельствует об использовании артефактов в качестве орудий. Эти артефакты классифицированы как обычные пластины (следы вторичной обработки и нерегулярно выкрошенные лез-

вия не образуют сплошного края), но с учетом назначения их можно отнести к скребкам и концевым скребкам. Кроме того, следы вторичной ретуши и износа прослеживаются на пластинчатых отщепах (см. рис. 3, 18 – 21). Для меня это свидетельство многого. Думаю, что такие отщепы следует связывать с каменной индустрией палеолитических местонахождений на о-ве Хоккайдо (напр., стоянки Шукубаи Санкакуйяма и Камисихоро Шимаки) [Кимура, 1985, 1988]. Выяснение возможности такой взаимосвязи и является одной из задач данного исследования. Оставляя пока в стороне обоснование правомерности данной параллели, подчеркну, что одной из особенностей Мальты является использование пластин и разнообразных отщепов в качестве орудий.

Среди мальтийских пластин и пластинчатых отщепов около 18% составляют изделия с признаками вторичной ретуши. Следы ретуши на обеих сторонах прослеживаются на 48 изделиях, на правой стороне – на 24 и на левой – на 44 образцах. Более десяти изделий имеют признаки притупляющей ретуши на левой стороне и мелкой на правой. Это свидетельствует о том, что рабочие края орудий размещались на боковых краях таких изделий, причем чаще использовался лишь один край. Как я уже отмечал, эти орудия выполняли функцию боковых и концевых скребков.

Имеется лишь несколько пластин длиной около 3 – 4 см и шириной менее 1 см. Хотя образцы 10 и 11 можно включить в группу микропластин, они крупнее позднепалеолитических микропластин Сибири (напр., образец 13 длиной 4,6 см, шириной 1,3 см, толщиной 0,4 см). Но даже если мы отнесем образцы 10 и 11 к группе микропластин, общая доля данных изделий в коллекции каменных орудий останется очень незначительной. Это, однако, не противоречит выводу о преднамеренном получении микропластин.

Боковые скребки (см. рис. 3, 12 – 17). К группе отнесены орудия на пластинах и пластинчатых отщепах, имеющие правильные очертания и фасетки мелкой ретуши на одной или обеих сторонах. Я уже отмечал, что сюда не вошли образцы, на которых прослеживаются только признаки износа в работе или эпизодическая ретушь по краю. Группу составляют 25 боковых скребков (см. табл. 1). Некоторые из них, подобно образцу 16 на рис. 3, обработаны крутой ретушью, которая, как принято считать, сильно изменила первоначальную заготовку. На самом деле деформация первоначального скола обычно не была значительной, поскольку образование рабочего края орудия, проводившееся легкой мелкофасеточной ретушью по краю, не могло изменить основную форму заготовки. Конец бокового скребка (пластины) часто скошен (см. рис. 3, 12, 14, 15). У орудия 12

признаки вторичной обработки прослеживаются почти по всему периметру изделия и на конце соответствуют рабочему краю концевого скребка. Но на конце следы более грубой и крутой ретуши, чем на обеих боковых поверхностях скребка. Длина этого образца 5,5 см, ширина 2,7 см и толщина 0,5 см. Сходную форму имеют изделия 13 и 14, но следы совершенно изумительной ретуши по всему периметру обоих образцов демонстрируют иной стиль оформления рабочих краев. Выше уже говорилось о том, что образец 15 является типичным представителем боковых скребков с признаками вторичной ретуши на левой поверхности и выкрошенностью по краю на правой. В рассматриваемой группе есть скребок, изготовленный из т.н. пластинчатого отщепа неправильных очертаний. На нем сохранились участки прежней поверхности скальвания (фронтальной), которая была оформлена ударами, ориентированными в разных направлениях. Кроме того, особенностью этой находки являются признаки того, что оформление рабочего края велось так, словно скальвалась ударная площадка. Вероятно, подобный рабочий край М.М. Герасимов [1958] называл попечерчным лезвием. Это один из наиболее четко выделяющихся стилей формирования рабочего края на Мальте.

Как бы то ни было, описанный образец отличается от других расположением признаков ретуши, размерами и формой конца. Как будет описано далее, функции пластин, пластинчатых отщепов, боковых скребков и скребков часто совпадали.

Скребки (см. рис. 3). После орудий, выполненных на пластинах и пластинчатых отщепах, наибольшее многочисленную группу находок со стоянки Мальта составляют скребки и проколки. Особенно много скребков. За первые три сезона раскопок их выявлено 229 экз. (см. табл. 1), или 12,4% от общего количества изделий. Кроме того, как отмечалось выше, на Мальте обнаружены орудия, переоформленные в скребки из нуклеусов, и комбинированные орудия, например, скребки-проколки (см. рис. 3, 26 – 28) и резцы-скребки. Для изготовления скребков на Мальте использовали в основном пластины и очень редко отщепы. Разнообразие форм рабочего края позволяет разделить скребки на несколько групп.

Группа а. В нее включены высокие округлые или веерообразные скребки, изготовленные на массивных и довольно крупных отщепах (см. рис. 3, 22). Скребки с высоким рабочим краем – одна из особенностей каменной индустрии Мальты. Группу а составляют изделия довольно правильных очертаний. На фронтальной поверхности и ударной площадке образца 22 оставлен небольшой участок галечной корки. Длина (высота) скребка 4,2 см, ширина 5,3 см и толщина 3,1 см.

На дорсале прослеживаются негативы центростремительных сколов. По форме, углу между поверхностью скальвания и рабочим краем (50°), а также выкрошенному краю вдоль окружности, определяющему форму изделия артефакт можно трактовать как скребок. Вместе с тем поверхность скальвания правильной формы, самый последний негатив скола пластины на ней (чуть левее центра), размеры этой снятой пластины (около 3,5 см в длину и 1,5 см в ширину), а также фасетки от ударов, направленных с фронта к ударной площадке, позволяют считать образец 22 нуклеусом или орудием, оформленным на нуклеусе.

Группа б (см. рис. 3, 23). Образец 23 – небольшой, округлой формы скребок, диаметр которого равен 1,8 – 1,9 см, а ширина 0,7 см. Принимая во внимание то, что сколы в центре дорсала были произведены одинаково равнонаправленными ударами, можно предположить, что орудие изготовлено на отщепе. Угол его рабочего края более крутой, нежели у образца 22 (55°). Это позволяет выделить данные орудия в отдельный тип, но скребков такого типа немного.

Группа в (см. рис. 3, 24, 25). Типичные концевые скребки на пластинах, с округлым рабочим краем, удлиненной формы. Образец 25 похож на орудие с двойным рабочим краем благодаря нанесению почти по всей окружности вторичной ретуши, но следует обратить внимание, что верхний рабочий край – результат обработки с целью устраниния с пластины (заготовки) части ударной площадки. Кроме того, видно, что углы и изгибы рабочих краев отличаются друг от друга. А это означает, что рабочим является нижний конец пластины, а верхний следует считать не до конца оформленным торцом изделия, который должен был вставляться в рукоятку. Длина скребка 7,8 см, ширина 2,8 см и толщина 0,9 см. Образец 24 – типичный скребок с одним лезвием. Угол рабочего лезвия изделия равен 62° . Судя по притупляющему характеру вторичной обработки, оформление данного рабочего края проводилось слева вверх (по обеим сторонам). Длина этого образца 3 см, ширина 2,9 см и толщина 0,7 см.

Группа г (см. рис. 3, 29 – 32). Скребки этой группы изготовлены на пластинах и пластинчатых отщепах. Признаки мелкой вторичной подправки прослеживаются на одной из сторон изделий. Их рабочий край как бы слегка срезан. Среди скребков образцы такого типа встречаются чаще других. Те из них, которые М.М. Герасимов [1958] относил к поперечным пластинам, характерны для этой группы. По типу рабочего края скребки группы г делятся на выпуклые (29), вогнутые (31, 32) и горизонтальные (30). Все они небольшие по размерам. Рабочий край у них зачастую оформлялся в нижней части изделия (образцы 31, 32). Среди скребков

группы достаточно многочисленны изделия, у которых рабочий край образован в проксимальной части заготовки путем удаления остаточной ударной площадки (образцы 29, 30).

Оформление таких орудий часто прослеживается не только на концах, но и на боковых сторонах заготовок. На многих образцах следы ретуши подобного назначения отсутствуют, но имеются выкрошенность и признаки износа его поверхности в ходе работы. Скребок 29 обработан ретушью, которая начинается от остаточной ударной площадки и переходит, не прерываясь, на левый и частично на правый продольный край. Длина этого орудия 3,8 см, ширина 1,5 см. На образце 30 признаки вторичной ретуши прослеживаются в основном около правого плечика, кроме того, на обеих плоскостях видны следы эксплуатации изделия. Длина скребка 6,6 см, ширина 2 см и толщина 0,6 см. На образце 32 непрерывной вторичной ретушью (в данном случае ее можно назвать чередующейся) обработаны правые края обеих поверхностей. Длина изделия 4,5 см, ширина 1,9 см и толщина 0,6 см.

На Мальте были найдены образцы, которые помогают прояснить функцию данных орудий. Хотя я сгруппировал все описанные выше каменные орудия в категорию “скребки” (по оформлению рабочего края), лишь три из них позволяют понять, как они использовались. Среди последних – “скребок”, вставленный в рукоять из рога северного оленя (см. рис. 3, 29a), он был раскопан в 1932 г. (хранится в Эрмитаже), а также орудия, представленные на рис. 3, 1, 2 (обнаружены в 1956 г.) (хранятся в Государственном Историческом музее).

На рис. 3 представлен скребок, вставленный в рукоять из рога северного оленя (29a). Скребок изготовлен на довольно широкой пластине. Следы вторичной ретуши, которые прослеживаются почти по всему контуру, придают изделию форму бumerанга. На верхушке пластины ретушью особым техническим приемом убраны остатки ударной площадки. Негатив ударного бугорка и ударной волны частично оставлены на основной поверхности скальвания, поэтому форма рабочего края не совсем функциональна. Зато нижняя часть изделия имеет вполне нормальный для скребка вид. И, хотя кажется, что она более соответствует рабочему краю образцов такой категории орудий, именно эта часть вставлена в рукоятку (рис. 3, 29a). Возникает вопрос: являлся ли рабочим край, который принято считать таковым? Я склоняюсь к положительному ответу, поскольку фасетки на правой стороне образца 29 явно свидетельствуют о ретушировании с целью оформления насада, после чего скребок вставлялся во втулку рукоятки, а потом использовался по назначению.

В Государственном Историческом музее хранится рисунок, на котором изображен предмет (см. рис. 2, 3), подтверждающий справедливость моего вывода о функции орудия. Этот предмет представляет собой результат ремонта, т.е. апплицированные резец и резцовый скол. Орудие, названное резцом, оформлено одним ударом, оставившим негатив на левой стороне заготовки. Но резец ли это? Рассуждая об этом, быть может, следует обратить больше внимания на фасетки ретуши? В качестве заготовки “резца” был использован скребок, относящийся к группе γ , со следами ретуши почти по всему периметру небольшой пластины. Возможно, эта характеристика изделия дает ключ к пониманию функционального назначения орудия. Вполне вероятно, что прослеживаемые фасетки могли появиться в результате случайного повреждения орудия (излом рабочего края) при его использовании. В таком случае рассматриваемый образец мог быть орудием, которое крепилось в рукоять, иначе говоря, принадлежать к типу изделий, которые М.М. Герасимов называл поперечными пластинами (орудие с горизонтальным (поперечным) слегка выпуклым лезвием). При использовании в этом качестве с орудия отколся “резцовый” скол. Артефакт, представленный на рис. 2, 2, можно трактовать как орудие, которое М.М. Герасимов вначале описывал как “пластина с поперечным лезвием, вставленная в рог молодого оленя”. Если принять такую трактовку функционального назначения описанного выше орудия, то имеет смысл пересмотреть устоявшееся типологическое определение как орудий группы γ , так и пластин и удлиненных отщепов, имеющих следы вторичной обработки и износа. Они скорее всего могут оказаться не изделиями для обработки кожи, а комбинированными орудиями, предназначенными для гравировки, резания, а также скобления. Орудия, отнесенные к резцам (см. рис. 3, 44, 45), считаются сходными. Они включены в набор ножей для повседневного пользования, но у каждого из них есть свои дополнительные функции.

Группа δ (см. рис. 3, 35 – 41). Включает скребки на отщепах, кроме тех, что были описаны выше. Группа представлена каменными проколками. Они встречались и среди орудий описанных выше групп.

Проколки (шилья). В течение первого – третьего сезонов раскопок на Мальте было обнаружено 135 проколок, что составляет 7,49% от всех найденных там изделий за тот же период. По количеству выявленных образцов проколки занимают второе место после скребков. Кроме того, имеется еще три комбинированных орудия, совмещающие функции скребка и проколки.

В целом эти изделия можно разделить на изготовленные на пластинах (см. рис. 3, 35 – 39) и из отщепов (см. рис. 3, 35, 41). Последних значительно

больше. Хорошо подобранный материал не требовал больших усилий для изменения формы заготовок и, соответственно, позволял увеличить разнообразие изделий данной категории. В этом проявилась еще одна особенность малтийской индустрии. Рабочий край проколок может находиться на центральной линии длинной оси (35 – 39) или же на углу отщепа (40). По сравнению с самими отщепами их рабочее лезвие выглядит небольшим. Орудия с одним рабочим краем доминируют. Но среди этой категории орудий есть образцы с довольно массивным рабочим концом (36), а также с двумя рабочими элементами (41).

Группа α (см. рис. 3, 37 – 39). Представляет проколки на пластинах. Их рабочий край размещается на центральной оси изделия. Образец 38, один из наиболее типичных в этой группе, изготовлен на широкой и довольно большой пластине. Проколковидный выступ находится на верхнем конце оси. Он похож на клювовидный резец (zinken). Это изделие можно вставлять во втулку рукоятки, поскольку его левый край обработан вторичной ретушью, а правый край имеет фасетки неупорядоченной ретуши. Длина пластины 6,5 см, ширина 2 см, толщина 1,1 см. Образец 39, похоже, использовался так же, как резец 38, поскольку и у него вторичной ретушью обработан правый край, левый край имеет микрозаломы. Я полагаю, что рабочий край этого изделия был несколько раз реутилизирован, т. к. на правой стороне пластины (вверху) есть участок, напоминающий негатив резцового скола.

Группа β (см. рис. 3, 35). Включенные в нее изделия не отличаются от образцов группы α по функциональному назначению, но они изготовлены на боковых и аморфных продольных отщепах. Обе широкие и ровные боковые стороны подправлены простой ретушью.

Группа γ (см. рис. 3, 36). К ней отнесены изделия на пластинах, рабочий край которых размещен на центральной линии продольной оси (в этом они сходны с образцами группы α), но он массивный и протяженный. Признаки вторичной ретуши прослеживаются на нем и в нижней части правой поверхности. Наличие такой обработки на рабочем крае свидетельствует о реутилизации изделия. Длина образца 4,7 см, ширина 1,2 см и толщина 0,7 см.

Группа ε (см. рис. 3, 40). Образец 40 представляет собой проколку (шило) в виде клювовидного резца (zinken). Среди находок, зафиксированных в первые три сезона раскопок на Мальте, таких изделий немногого. Крутая и мелкая притупляющая ретушь была нанесена по всему периметру пластины. Особенно интересными выглядят фасетки в верхней части изделия, которая довольно вогнутая, как у скребков группы γ . Кроме того, в нижней части мелкой рету-

шью, усекающей массивную остаточную площадку, оформлен рабочий край скребка, что позволяет говорить о бифункциональности изделия. Его длина 2,4 см, ширина 1,9 см и толщина 0,7 см.

Группа д (см. рис. 3, 41). К этой группе относятся орудия с двумя рабочими элементами. Образец 41 изготовлен на боковом отщепе, сколотом с круглой кварцитовой гальки. Данное орудие уникально как по типу сырья, так и по технике оформления. Вторичная ретушь использовалась только при обработке рабочего края. Остальная часть заготовки сохранена в ее первозданном виде. Длина орудия 5,3 см, ширина 7,1 см и толщина 1,8 см.

К той же группе отнесены еще два (не представлены на рис. 3) образца – проколка с протяженным туловом, изготовленная на боковом отщепе, и изделие с довольно крупным проколковидным выступом.

Резцы (см. рис. 3, 42 – 47). В течение первых трех полевых сезонов на Мальте было найдено 22 резца (1,2% от общего количества каменных орудий). Кроме того, обнаружено три комбинированных орудия, сочетающие в себе функции скребков и резцов. В многочисленной коллекции скребков и проколок доля резцов невелика, среди них мало резцов классических форм.

Образцы 44 и 45, поскольку негативы сколов (в виде фасеток) сняты с верхушки изделия вдоль одной из сторон, следует считать скорее каменными шильями (проколками), чем резцами. Эти фасетки по краю могли быть образованы при эксплуатации изделия. Представлены орудия малых размеров.

Группа а (см. рис. 3, 42 – 46). Представлена т.н. типом резцов с двумя и более фасетками, которые сходятся в центре основания изделия (на рис. 3 вверху). У образца 42 сперва в верхней части резцовым сколом была оформлена фасетка на левой поверхности. Затем, используя данную фасетку в качестве ударной площадки, мастер произвел второй резцовый скол на правой поверхности. На кончике, где сходятся обе фасетки, видны следы рабочего износа резца. На правой поверхности фасетки сколов дважды перекрывают друг друга. Это свидетельствует о том, что рабочий край переоформлялся по меньшей мере дважды. На левом крае фасетка резцового скола перекрывает следы предшествующей обработки. А на поверхности, противоположной рабочему краю резца, оформлен другой, дугообразный, рабочий край. Вполне возможно, что это орудие было комбинированным. Его длина 6,5 см, ширина 2,7 см и толщина 0,6 см. Образец 46 меньше предыдущего: его длина 3,9 см, ширина 1,9 см и толщина 0,6 см. На листовидной пластине, обработанной ретушью по всему периметру, прослеживается несколько миниатюрных фасеток резцовых сколов.

Группа б (см. рис. 3, 43). Образец 43 относится к типу многофасеточных резцов на пластине. Вдоль одной из продольных сторон с наклонно тронированной части заготовки снято четыре резцовых скола. Негатив первого резцового скола доходит почти до половины длины заготовки. Остальные негативы, являющиеся следами подживления рабочего края, в основном небольшие. Длина орудия 5,2 см, ширина 2,7 см и толщина 0,7 см. Орудия данного типа немногочисленны, но составляют четко выделяемую группу. У “скребка”, вставленного в верхнюю часть рукоятки, на фронтальной поверхности сохранились желобчатые негативы снятия пластин, что позволяет отнести это изделие к клиновидным нуклеусам или резцам группы б. Но куда бы мы ни отнесли его, существует высокая степень вероятности того, что упомянутые желобчатые негативы – последствия функционального износа. Они могут дать весьма важную информацию, уточняющую назначение орудия.

Группа в (см. рис. 3, 47). Включает т.н. угловые резцы. Образец 47 изготовлен на небольшом боковом отщепе. Сначала по периметру он был оформлен вторичной ретушью, затем с левой стороны на правую был проведен скосенный резцовый скол небольшого размера. Нельзя сказать, что данный образец типичен по форме, но он явно относится к группе угловых резцов. На широком рабочем лезвии орудия прослеживается небольшая выкрошенность. Длина данного орудия 4,3 см, ширина 1,8 см.

Острия (см. рис. 3, 48, 49). Изделия с острым концом (острия, наконечники) считаются обычными орудиями в наборе инструментов. Однако среди находок на Мальте их немного. За первые три сезона раскопок на стоянке было обнаружено всего 12 орудий этой категории, или 0,65% от общего количества выявленных инструментов. Они различаются по форме (встречаются, напр., довольно широкие и листовидные (48) или узкие и иволистные (49) образцы), но изготовлены с применением сходной техники. Все острия выполнены на пластинах, при этом последние не подвергались значительным изменениям. Судя по образцам 48 и 49, ретушь оформления наносилась в основном в районе кончиков и оснований.

Как считал М.М. Герасимов, индустрия Мальты отражает начальную стадию отжимного скальвания, она характерна для ранней стадии эпохи верхнего палеолита и является сибирской вариацией ориньяка Западной Европы. Такой вывод сделан в результате изучения выполненных на пластинах острий, у которых ретушью не затронуты большие участки заготовок. Ниже выясним, насколько правомерным оказалось приведенное заключение М.М. Герасимова.

Скребла. Орудия, сходные со скребками и изготовленные на крупных отщепах или галечных отщепах. В первые три полевых сезона было найдено всего семь скребел (см. табл. 1). Они частично обработаны вторичной ретушью. За исключением образца полуулунной формы с рабочим краем на одной стороне, ни одно мальтийское скребло не имеет правильной формы. Скребла – не характерный для Мальты орудийный тип. Почти все найденные на стоянке образцы изготовлены на крупных отщепах, сколотых с кварцитовых галек (есть также скребла на отщепах кремнистого сланца и хлорита).

Пикообразные орудия. Для них использовали более крупные, чем для проколок, заготовки (отщепы, галечные нуклеусы). На одном из концов оформлялся острый выступ. На Мальте за первые три полевых сезона найдено всего три таких орудия. Они выполнены из кварца, разнообразны и не отличаются правильностью формы. Хотя внутри индустрии Мальты невозможно определить их особенность, любопытно, что аналогичные орудия встречаются на других стоянках.

Отбойники. В первые три сезона раскопок было обнаружено пять каменных отбойников (см. табл. 1). Они различны по размерам. Довольно небольшой из них, длиной 6,5 см и диаметром 2,2–2,6 см, представлен узкой и длинной диабазовой галькой. Один ее конец грубо оббит, на нем видны следы ударов. Такое орудие использовалось для изготовления каменных изделий. Длина второго (самого крупного) отбойника 16,3 см, ширина 5,8 см и толщина 4,3 см. По всей его поверхности прослеживаются следы забитости. Это каменное орудие изготовлено из песчаника. Оно примечательно языковидным концом и треугольным поперечным сечением.

Галечные орудия. В первые три полевых сезона найдено лишь шесть таких орудий (см. табл. 1). Но, по мнению Г.И. Медведева, который относит к данной категории не только отбойники, но и скребла, пикообразные изделия и пр. [Медведев, 1983], тогда удалось обнаружить 39 галечных орудий. Возможно, галечных орудий могло быть больше, чем известно нам. Это предположение подтверждается присутствием в коллекции значительного количества некремневых отщепов и сколов (500 экз., или 7,9% от общего количества инвентаря).

По морфологическим признакам в группе преобладают чопперы. Использовались преимущественно уплощенные и округлые гальки размером около 15 см. Один из концов заготовки интенсивно оббивался для формирования рабочего края. Среди орудий данной группы выделяется исключительно крупное изделие, выполненное на цилиндрической гальке. Длина орудия 25,8 см и ширина 7,9 см и толщина 8,9 см. Хотя в данной работе это изделие отнесено к галечным ору-

диям, уверенная классификация подобных находок затруднена. У одного орудия отсутствуют следы использования, поскольку оно было выброшено еще до формирования рабочего края, у другого – пересечение негативов повторяющихся встречных сколов (сверху и снизу) образует плоскую поверхность.

Подобные образцы, но меньших размеров, также представлены в этой группе.

Мне трудно распознать, на каком этапе галечное орудие было выброшено за ненадобностью – после того, как рабочий край подготовили к использованию, или после подправки рабочего края. Среди образцов, отнесенных к галечным орудиям, не только первый из описанных, но и несколько других с высокой степенью вероятности могут быть отнесены к нуклеусам, предназначенным для получения отщепов (боковые или аморфной формы), поскольку на стоянке обнаружено большое количество отщепов и пластинок, сколотых с камней сходных пород, и на них прослеживаются признаки, связанные с их изготовлением и использованием. Угол между ударной площадкой и поверхностью скальвания равен 60°, что близко к подобным углам у нуклеусов групп *a* и *b* (57 и 58° соответственно). В качестве каменного сырья использовали диабаз, хлорит, андезит, кремень и т.д.

Техника скальвания отщепов

Поскольку техника и технология производства уже рассматривались в связи с мальтийскими нуклеусами, микронуклеусами, пластинами и продольными отщепами, в данном разделе будет освещаться техника скальвания отщепов. На рис. 5 дается схематичное представление о четырех видах техники скальвания отщепов, основанное на анализе соотношения нуклеусов, микронуклеусов, пластин и отщепов (рис. 6).

Техника *A* (см. рис. 5, *A*; 6, *1, 2*). Представлена в основном плоскими (в виде плитки) изделиями, которые называют призматическими нуклеусами (группа *b*) или нуклеусами для пластин в виде плитки, а также дисковидными формами для пластин, подправленными двусторонней мелкой ретушью (группа *a*). Согласно классификации нуклеусов, образцы группы *a* и *b* различаются между собой. Но я связываю их с техникой *A*, поскольку при обработке изделий использовалась сходная техника скальвания отщепов, которая занимала довольно много времени. Их форма – результат простого бокового ретуширования, поэтому распознать первоначальную морфологию нуклеусов бывает трудно. Можно предположить, что обычно в качестве заготовки подбирали плоские брекчийные гальки, длина и ширина которых составляли около 10 см. Но именно к технической группе *A* отне-

сен самый большой мальтийский нуклеус. Похоже, его заготовкой стала брекчийная галька длиной 15 см и шириной 10 см.

Сначала заготовку обрабатывали по периметру грубыми сколами, затем, чтобы оформить рабочую поверхность, тщательно подправляли фронтальную поверхность. Спинку ретушировали в основном с левой и правой сторон для придания нуклеусу должной формы (см. рис. 5, A, a), а после оформляли ударную площадку (см. рис. 5, A, б). По ее краю для обозначения точек для удара наносили мелкую ретушь. В результате там, где одна грань поверхности фасетки ретуши частично перекрывала другую, появлялись выступы. На этих выступах размещались точки для предстоящих ударов; полученный угол между ударной площадкой и рабочей поверхностью составлял около 60° . Это позволяло управлять скальванием пластин вместе с оформлением вертикальной выпуклости фронта или созданием на нем продольного ребра (см. рис. 5, A, в). Иными словами, решающее значение при оформлении и подправке поверхности скальвания имело создание на ней таких острых граней (ребер). Именно оно определяло успех последующего длительного снятия пластин. В начале расщепления скальвали продольный отщеп с боковой ретушью (сходный с реберчатым сколом), а затем вместе со сдвигом точек удара к обеим латералам снимали продольный отщеп с гранями, иначе говоря, скальвали пластину.

Во многих случаях, когда сколы велись на крупных заготовках, негативы не доходили до низа фронта. Тем не менее ударная волна плавно проходила по нуклеусу, вызывая появление трещин. У сколотых отщепов на дистальном конце сохранялись негативы сколов, имевшихся на рабочей поверхности нуклеусов. Поэтому дистальный конец отщепов мог быть постепенно сужающимся острым, веерообразным и даже гладким. На Мальте изделия с такими концами представлены почти в равных долях. Что касается отщепов с гладким дистальным концом, то среди них сохранились образцы с первичной ударной площадкой со следами треугольной и трапециевидной формы. В результате дополнительной подготовки изменилась длина (высота) прежних поверхностей скальвания и целенаправленно смешались точки ударов (см. рис. 5, A, в, B₁, в). Не удивительно, что такая техника скальвания отщепов сопровождалась увеличением производства заготовок, а последнее явно свидетельствует о том, что велась тщательная подправка рабочей поверхности, рассчитанная на получение изделий задуманной формы и размеров. Столь важная информация имеет прямое отношение к тому, о чем пойдет речь далее.

На определенной стадии скальвания отщепов ударная площадка смешалась на 180° (см. рис. 5, A, а).

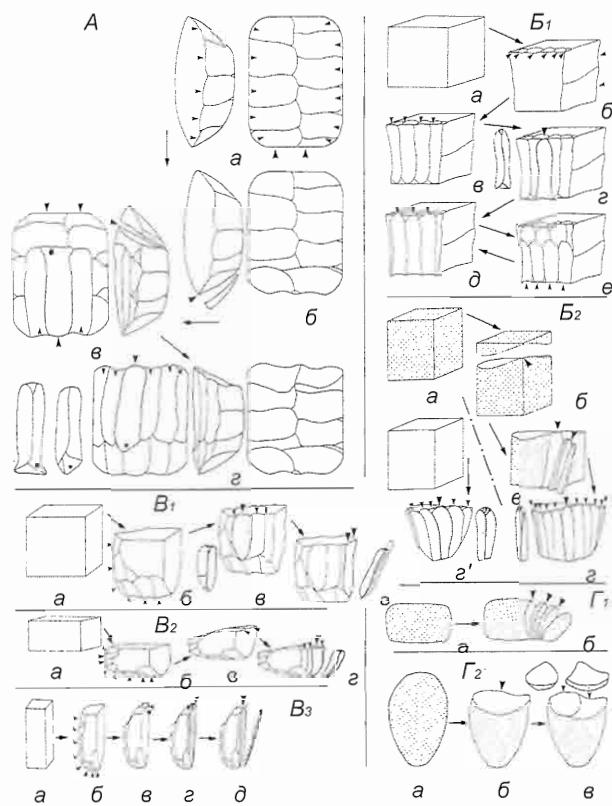


Рис. 5. Схема техники скальвания отщепов на стоянке Мальта.

Смена ударной площадки происходила в основном у двуплощадочных нуклеусов. Скальвание отщепов с противоположных ударных площадок, возможно, сочеталось с дополнительной подправкой рабочей поверхности (см. рис. 6, 1, 2). Такая техника скальвания отщепов была хорошо продуманной, она занимала особое место среди других, не столь сложных, но примечательных для Мальты.

Для частой смены ориентации скальвания постоянно формировались и модифицировались новые ударные площадки, что требовало дополнительного оформления тыльной стороны нуклеуса. При этом у нуклеусов группы а процесс скальвания переходил на контрфронт. В ходе расщепления иногда проводилось и радиальное (центростремительное) снятие, тем не менее основу техники расщепления данной группы составляет параллельное скальвание.

Техника Б (см. рис. 5, Б). Ее представляют нуклеусы правильной формы: конические (группа в, см. рис. 1, 15), с несколькими ударными площадками. На рис. 5, B₁, B₂ такие образцы с учетом оформления их рабочих поверхностей разделены на две подгруппы, хотя техника скальвания отщепов (пластин) у них одна. В качестве заготовок для них подбирали некрупные (чаще всего длиной 6 – 7 см,

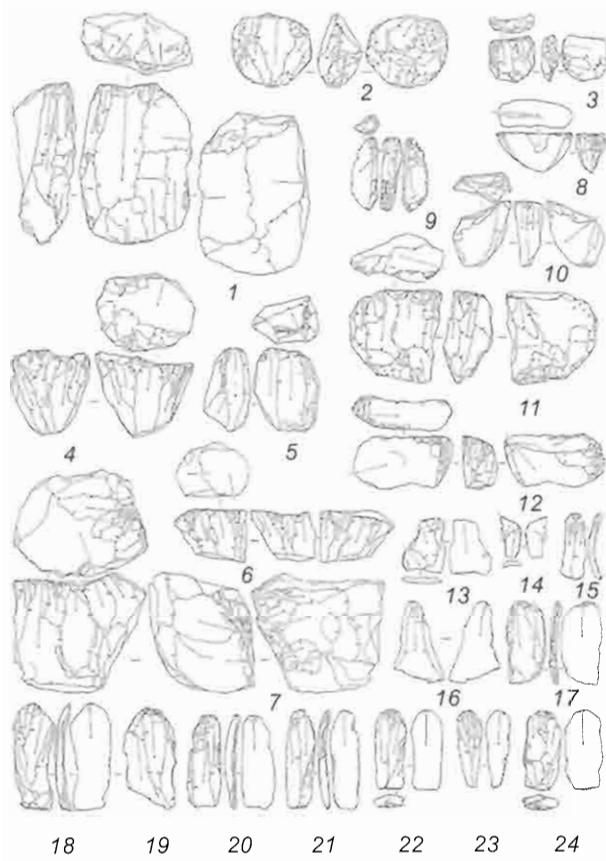


Рис. 6. Эволюция нуклеусов, пластин и продольных отщепов на Мальте.

а иногда в пределах 10 см) гальки. Первоначальную поверхность с галечной коркой использовали как ударную площадку. Если не удавалось получить подходящую плоскую поверхность или нужный угол ($57 - 62^\circ$), то с одной из поверхностей гальки скальвали крупный отщеп, чтобы на месте негатива скола оформить ударную площадку (см. рис. 5, B_2 , б). Несмотря на то что перед началом очередного скальвания пластин ударную площадку тщательно подправляли, определяя угол направленности ударов, восстановить ее в должной мере удавалось далеко не всегда. И в тех случаях, когда рабочая поверхность и угол направленности ударов были не в состоянии обеспечить получение должных пластин, нуклеусы выбрасывали. Такого вида побочные продукты производства встречаются на Мальте в большом количестве. И в этом – еще одна особенность индустрии стоянки.

В процессе оформления ударной площадки скальвали отщепы с правой и левой поверхностей, а также с дорсала нуклеуса (см. рис. 5, B_1 , б). Удары направлялись вертикально по отношению к рабочей поверхности. В результате снятых пластин оказывалось

очень мало, рабочая поверхность скальвания была одна. Подобная техническая особенность является общей для образцов A и B_1 , б. И она, очевидно, свидетельствует о родственной связи техник скальвания отщепов (пластин) групп A и B .

После оформления ударной площадки с фронтальной поверхности последовательно снимали сколы. Образцы, сколотые с таких нуклеусов (см. рис. 6, 18), указывают на то, что в ходе рабочего процесса меняли ориентацию скальвания: следы оформления ударной площадки сохранились на концах многих сколов. Благодаря использованию таких разновидностей техник оформления и подправки, а также скальвания нуклеусы доводили почти до кубовидной формы.

В случае применения техники скальвания отщепов (пластин) с нуклеусами B_2 (см. рис. 5) одна ударная площадка использовалась до момента, когда изделие становилось непригодным для получения заготовок. Помимо тщательной модификации ударной площадки и верхнего края рабочей поверхности, иные существенные изменения изделий не предусматривались. В результате относительно успешного и длительного скальвания пластин почти по всей рабочей поверхности получались конические и полуконические нуклеусы (см. рис. 5, B_2 , г). В любом случае скальвание пластин не охватывало всего периметра нуклеуса, по крайней мере одна из поверхностей оставалась покрытой галечной коркой. Более того, если заготовка была короткая (см. рис. 5, B_2 , а, в), снятие пластин велось легко, что свидетельствует о многократном изменении положения нуклеуса. Среди таких нуклеусов много образцов, которые были выброшены после многократного скальвания. Их представляют небольшие, похожие на микронуклеусы изделия конической и полуконической формы, полученные в процессе применения техники скальвания отщепов с нуклеусов группы B .

Техника B (см. рис. 5, В). Предусматривает наличие рабочей поверхности на торце заготовки и смещение ее к противоположному концу. Такая техника использовалась при расщеплении клиновидных нуклеусов. Заготовки для них могли быть плоскими, лодковидными, в форме буквы Д и др. В основном это небольшие изделия, их форма – результат простой обработки боковой ретушью. Некоторые образцы утрачивали первоначальную форму, но это не мешало продолжению производственного процесса. Ударная площадка подготавливалась одним или несколькими боковыми ударами. Иногда в качестве ударной площадки использовалась поверхность раскалывания заготовок. В ряде случаев ударная площадка тщательно подправлялась. Только при определенной степени подготовленности ударной площадки с рабочей поверхности было возможно

скалывание необходимых продольных отщепов и пластин. Среди отщепов много небольших продольных образцов, которые можно назвать микропластинами, если обращать внимание только на их размеры. Мне трудно понять, зачем мальтийцам понадобилось столь массовое производство таких изделий.

Типичные клиновидные нуклеусы я связываю с техникой *B*, которую представляют два типа снятия. В одном случае скальвание велось преимущественно с торца нуклеуса (см. рис. 5, *B₁*, *B₂*), в другом негативы отделенных заготовок перемещались на боковую поверхность нуклеуса (см. рис. 5, *B₃*). По моему мнению, на стоянке Мальта микропластины снимали неумышленно, а техника скальвания отщепов (пластин) с нуклеусов *B* отражает переход от техники снятия пластин *A* к технике *B*. Такая техника соответствует общей технологической установке (что видно по клиновидным нуклеусам). Она использовалась при скальвании пластин группы *B₂* и *B₃*. В дополнение к этому скажу, что есть информация, которая не укладывается в рамки принятой схемы. Я убежден в том, что в процессе скальвания отщепов и пластин подправка верхнего края рабочей поверхности (следы такой обработки прослеживаются на конце отщепов) была более важна, чем другие приемы модификации.

Техника *Г* (см. рис. 5, *Г*). Очень трудно распознать, имеем ли мы дело с техникой изготовления галечных орудий и получения сколов как побочных продуктов или с объективно существовавшей техникой скальвания пластин и отщепов с нуклеусов группы *Г* (см. рис. 5, *Г₁*, *Г₂*). На Мальте обнаружено большое количество аморфных отщепов, сколотых с плиток хлорита и кварцевых галек. Известно, что в палеолитических культурах Сибири традиционно использовали круглые гальки для изготовления из них орудий [Кимура, 1992а]. Однако галечных орудий устойчивых форм найдено немного, поэтому техника получения отщепов с галечных заготовок выделена в самостоятельную группу.

В этой связи следует отметить, что на Мальте использовались две техники расщепления округлых галек. Применение одной позволяло раскалывать такие заготовки на несколько круглых в сечении частей (см. рис. 5, *Г₁*). К другой технике прибегали для снятия с одного конца заготовки косонаправленным ударом аморфного отщепа и последующего превращения ее в галечное орудие с одним рабочим концом (см. рис. 5, *Г₂*). Среди отщепов, сколотых с нуклеусов, связываемых с техникой *Г* (*Г₁*, *Г₂*), мало образцов правильной формы, они не являлись продукцией массового производства. Кроме того, их трудно отнести к какой-либо определенной категории каменных орудий.

Рассмотренные четыре вида техники использовались на стоянке для скальвания отщепов с нуклеусов разных типов. Техника скальвания отщепов с нуклеусом *B* была характерна для Мальты. По мнению палеолитоведов, которое я поддерживаю, с ней связано большинство обнаруженных на памятнике нуклеусов, пластин и продольных отщепов. Не являясь ведущими, техники получения отщепов *A* и *B* занимают особое место как в индустрии Мальты, так и в сибирском палеолите в целом. Если первая на Мальте сыграла решающую роль в формировании техники расщепления, то вторая определила зарождение индустрии микропластин. Какие же позиции в палеолитических культурах Сибири займут эти три техники, особенно та, которая использовалась для снятия пластин и продольных отщепов?

С моей точки зрения, сибирские культуры эпохи палеолита в своем развитии прошли семь стадий [Кимура, 1991а, б, 1992а, б]. Думаю, что для первой стадии характерны галечные орудия на кварцитовых заготовках, для второй – бифасы, унаследованные от ашельской традиции, на третьей стадии процветала леваллуазская техника мустерьской традиции. Две первые стадии относятся к эпохе нижнего палеолита, третья – к эпохе среднего палеолита. Четвертая стадия является переходной от леваллуазской техники к пластинчатой. В результате развития и распространения последней на пятой стадии появились листовидные острия. На шестой стадии с уменьшением в размерах пластин происходила дифференциация изделий, особенно острий. Седьмая стадия – период появления микропластин и клиновидных микронуклеусов, а также развития составных орудий. Мальта, как я полагаю, представляет шестую стадию.

Памятники, отражающие третью стадию, например стоянки Тюмечин и Усть-Каракол, пещеры Денисова, им. Окладникова, Каминная, Страшная, сосредоточены в районе Горного Алтая. Они относятся ко времени появления в Сибири техники упорядоченного скальвания отщепов. Она возникла в каменной индустрии с характерным комплексом орудий, который включал мустерьские и леваллуазские острия (пластинки), леваллуазские нуклеусы, скребла, зубчато-выемчатые каменные орудия (см., напр.: [Derev'anko, 1990; Шуньков, 1990]).

Центром распространения типично мустерьской традиции считается Юго-Западная Сибирь. Однако этот ареал захватывает частично и средний бассейн р. Енисей (пещера Двуглазка, стоянки Куртак, Каменный Лог и др.). Не исключено, что он расширится до бассейна р. Ангары (стоянка Игетей и др.)

На четвертой стадии развития палеолитических культур в Сибири достигает совершенства техника скальвания отщепов. Свидетельство тому – материа-

лы раскопок стоянки Кара-Бом (Республика Алтай). Обнаруженные здесь около 10 тыс. каменных орудий и кремневых отщепов [Окладников, 1983; Археология..., 1990] очень важны для решения вопроса о происхождении техники скальвания отщепов на Мальте, особенно той, что получила отражение в изделиях типа *A*. На стоянке Кара-Бом каменная индустрия представлена богатым набором разнообразных орудий, относящихся к единому культурному комплексу. Среди них – леваллуазские острия треугольных очертаний с приподнятой ударной площадкой в виде *chapeau de gendarme* и следами разнонаправленных сколов (рис. 7, 4, 5), широкие и длинные леваллуазские пластины, призматические пластины (рис. 7, 8), а также правильных форм концевые скребки (рис. 7, 7) и резцы (рис. 7, 9), изготовленные на таких пластинах. Кроме того, вместе с перечисленными орудиями найдены разнообразные скребла, концевые и боковые скребки, резцы, а также пластины с выемками и решетью по краям.

На стоянке Кара-Бом леваллуазская техника, предназначенная для изготовления треугольных отщепов, сосуществовала с техникой, которую использовали при скальвании пластин. Эти технические приемы служили разным целям, но имели несколько общих особенностей. С помощью первой после оформления ударной площадки в центре заготовки подготавливались ровная и широкая поверхность скальвания. Когда она приводилась в должное состояние, с двух точек ударной площадки (рис. 7, 1), расположенных относительно близко к правой и левой поверхностям, скальвали два отщепа. При этом негативы сколов пересекались ниже центра рабочей поверхности, образуя ребро. Далее производили еще один скол и получали леваллуазское острие. При определенном оформлении рабочей поверхности скальвали первый небольшой треугольный отщеп с ребром, почти параллельным центральной оси изделия (рис. 7, 2). После этого получали леваллуазский отщеп (острие) с двумя ребрами, которые были параллельны его сторонам (см. рис. 7, 4, 5). В общем с одного и того же нуклеуса скальвали от одного до трех леваллуазских пластин. Повторение разного рода подправок приводило к уменьшению длины нуклеуса. Ударная площадка создавалась выпуклой, чтобы не ошибиться при снятии заготовки. Для получения желанного треугольного отщепа сочетали параллельные и радиальные (центростремительные) сколы. Такую комбинацию В.И. Усик, рассуждая по поводу сходных находок из слоя 26 стоянки Королево I в Карпатах, называет техникой леваллуазских острий [Usik, 1989]. Я же называю ее техникой снятия сколов с Y-образной огранкой дорсальной поверхности, поскольку получаемые в результате изделия, по моему мнению, не всегда использовались как острия.

Что касается этой техники, то в качестве исходного материала служили плоские и массивные отщепы подходящей формы. Косонаправленным сколом с заготовки снимали крупный отщеп, оформляя ударную площадку. Переворачивая заготовку, создавали две противолежащие ударные площадки. Далее на предполагаемом фронте скальвания оформлялось ребро. Это было необходимо для обеспечения непрерывного снятия пластин (см. рис. 7, 7). Однако часто подобное ребро создавалось до оформления ударных площадок. Известен образец с одной ударной площадкой. С нее после снятия первой пластины с извилистым ребром продолжали снимать следующие. Как видим, эта техника сходна с той, что использовалась мальтийцами при снятии пластин с нуклеусов, связанных с техникой *A*.

В рамках пластинчатого варианта леваллуазской техники создание ребра не планировалось или оформлялось единожды. Вместе с тем подлинная пластинчатая техника предполагала постоянное подживление таких ребер, что обусловливало появление большого количества реберчатых пластин. Несмотря на данные различия, эти варианты техники получения пластин имеют общие черты, унаследованные от предшествующих техник (использование плоских заготовок, оформление плоскости скальвания на одной стороне, создание выпуклой ударной площадки, изменение угла направленности ударов (~ 50 – 55°), а также намеренная подготовка рабочей поверхности с формированием ребра на длинной оси нуклеуса). Схематично этот процесс можно представить следующим образом: многонаправленное снятие отщепов на рабочей поверхности (с целью получения нужных заготовок) приводило к образованию на ней извилистого ребра, что, в свою очередь, свидетельствовало о сочетании пластинчатой техники и техники параллельного скальвания. Сосуществование обеих техник свидетельствовало о том, что в процессе расщепления максимально использовалась форма заготовки (нуклеуса).

На стоянке им. Арембовского, расположенной в окрестностях Иркутска, севернее от стоянки Военный Госпиталь*, обнаружен комплекс выразительных изделий, на которых прослеживаются признаки аналогичной упомянутой выше техники скальвания отщепов (пластиин). В этом комплексе изделий представлены дисковидные нуклеусы, а также сколотые с них отщепы и пластины. Нуклеусы оформлены на крупных гальках удлиненной формы. У них одна или две ударные площадки и одна рабочая поверхность.

* Задхин О.В., Пержаков С.Н., Семин Н.О. Отчет об археологическом изучении стоянки им. И.В. Арембовского в г. Иркутске. – Архив Иркутского госуниверситета.

Пятая стадия в развитии палеолитических культур Сибири отмечена расцветом пластинчатой техники, постепенным уменьшением в размерах нуклеусов и пластин. Ее представляет стоянка Малая Сыя, которая находится в бассейне р. Белый Июс (приток Енисея, Хакасия). На Малой Сые обнаружены несколько сотен каменных орудий (концевые и боковые скребки, проколки, скребла и др.), орудия из кости и рога северного оленя (острия, вкладыши для концевых скребков и предметов украшения), а также шесть жилищ с очагами в центре. В качестве заготовок для нуклеусов здесь использовали не очень большие (10–15 см) округлые гальки, которые превращали в плоские удлиненные нуклеусы. Пластины скальывали в основном с одной рабочей поверхности (фронтальной), с одной или двух ударных площадок. Негативы сколов в редких случаях доходили до боковых поверхностей. Когда же скальвание затрагивало контрафронт, то обычно нуклеус поворачивали, смещая направление удара на ~90°. Длина пластин около 5 см, ширина 2–4 см. Найдена лишь одна пластина длиной 15 см. В коллекции изделий с Малой Сыи имеются также леваллуазские нуклеусы с негативами радиального (центростремительного) скальвания отщепов и следами подправки.

Для рассматриваемой стадии характерны находки со стоянок Макарово IV (бассейн верхней Лены), Варварина Гора и Толбага (Забайкалье). Среди них имеются миниатюрные пластины, наборы каменных орудий, образцы, отражающие технические приемы скальвания отщепов и пластин.

Шестой стадии соответствует мальтинская культура. Известно много радиоуглеродных дат для памятников древнекаменного века Сибири. Они противоречивы и, вероятно, не всегда корректны. Памятники конца эпохи среднего – ранней стадии верхнего палеолита датируются в пределах 35–30 тыс. л.н. Радиоуглеродные даты для культурных слоев пещеры им. Окладникова – $42\ 500 \pm 600$, $40\ 100 \pm 500$, $37\ 400 \pm 400$ и $33\ 300 \pm 500$ л.н. По кусочкам обожженного угля со стоянки Кара-Бом получены даты $33\ 800 \pm 600$ и $32\ 200 \pm 600$ л.н. Малая Сыя датируется $34\ 500 \pm 450$ и $33\ 060 \pm 300$ л.н., Толбага – $34\ 860 \pm 2\ 100$ и $27\ 210 \pm 300$ л.н. Не удивительно, что граница между датами памятников проходит около тех же упомянутых выше 35–30 тыс. л.н. Это совпадает с переходным периодом от первой ко второй стадии каргинского межледникова (табл. 2).

Для Мальты по обуглившейся кости получены две даты – $14\ 750 \pm 120$ и $23\ 000 \pm 5\ 000$ л.н. Такие результаты вносят некую путаницу в вопрос о хронологической позиции этого памятника. Дело в том, что стоянка Буреть, которую относят к мальтинской культуре,

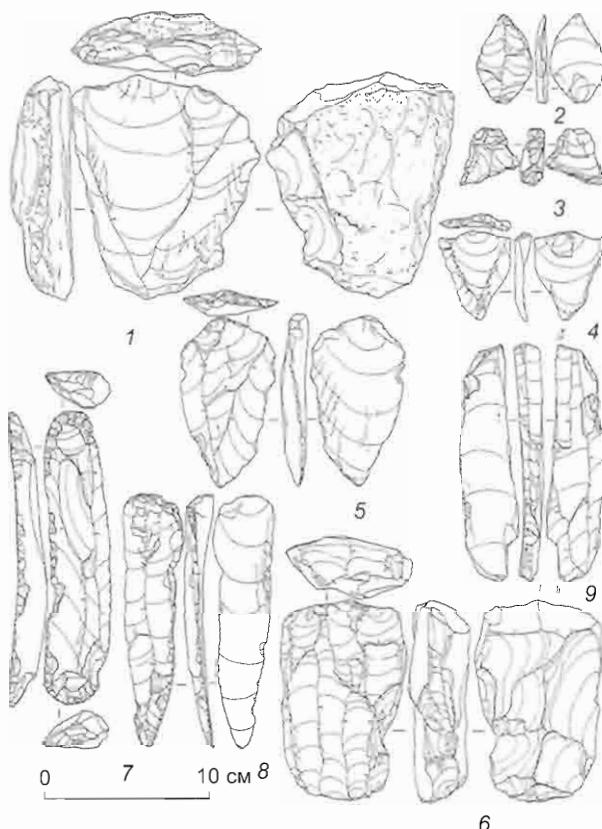


Рис. 7. Леваллуазский нуклеус (1); острье на пластине (2); скребки (3, 7); леваллуазские остря (4, 5); призматический нуклеус (6); боковой скребок (8); резец (9) со стоянки Кара-Бом.

датирована $21\ 290 \pm 100$ л.н., а стоянка Усть-Кова – $23\ 900 \pm 310$ л.н. Можно предположить, что возраст Мальты превышает 20 тыс. л.н. Это примерное время перехода от каргинского межледникова к эпохе сартанского оледенения. Хронология стоянки Мальта хорошо согласуется с последовательностью изменений в индустриальном наборе и особенно с переходным характером техники скола.

Техника *B*, применявшаяся мальтинцами, указывает на то, что в Сибири она появилась одновременно с леваллуазской и постепенно прогрессировала в своем развитии до формирования техники скальвания микропластин. Этапы развития техники *B* таковы: от радиальных (центростремительных) снятий до образцов с Y-образным дорсалом и сколов с параллельной огранкой. Иначе говоря, от скальвания на одной рабочей поверхности нуклеуса перешли к скальванию на фронтальной поверхности и расщеплению на торце ядрища. Наличествовали два варианта скальвания – на трех поверхностях и только на торце нуклеуса. Результатом этих процессов стало развитие массового производства отщепов и пластин, а также связанное с ним уменьшение размеров этой продукции.

Таблица 2. Последовательность палеолитических культур Сибири и техника скальвания пластин*

Тыс. лет до н.э.	Сибирь		Европа (Альпы)	Палеолитические культуры Сибири		Техника получения сколов			
11	Сартанское оледенение	Сартан-4	W _{IV}	Денисова пещера, слой 9 Экспансия в Арктический район. Берелёх Каминная пещера, верхний слой Кокорево, Верхоленская Гора, Ошурково, Афонтова Гора, Дюктай, Ушки,	Техника получения сколов				
		Сартан-3		Сосновый Бор, Курла, Красный Яр Появление микропластин и развитие составных орудий					
		Сартан-2		Адаптация к суровым условиям Мальта, Буреть, Уст-Кова					
		Сартан-1		Уменьшения размера пластин и диффузия листовидных острый					
	Каргинское межледникование	Карга-2	W _{II}	Малая Сыя, Варварина Гора, Толбога, Макарово IV					
				Развитие пластинчатой техники и специализация орудий Появление листовидных острый					
		Карга-1	W _{VII} Готтвайгерское межледникование	Пещера Географического общества Кара-Бом, стоянка им. Арембовского Экспансия в северные и восточные районы Появление пластинчатой техники, производной от леваллуазской					
		Зырянское оледенение (Мурклинское)		Пещера им. Окладникова, Куртак, Игетей Каминная пещера, нижний слой					
				Усть-Каракол, Денисова пещера, нижний слой					
				Экспансия мустерьерской традиции в сибирские степи					
	Казанцевское межледникование		RW-межледникование	Мохово II Экспансия на восток ашельской традиции					
80	Тазовское оледенение		R _{III}	?	Техника радиального (центростремительного) скальвания отщепов Техника продольного скальвания У-образных отщепов —	Мальтийская техника параллельного снятия пластин А			
	Ширтинское межледникование (Мессовское)								
	Самаровское оледенение		R _{II}						
	Тобольское межледникование		R _I						
250	Шайтанское оледенение		M-R межледникование	Традиция галечных орудий	Мальтийская техника снятия пластин Б	Мальтийская техника снятия пластин В			
	Миндель			Мохово I, Кумары II Улалинка (?), Диринг-Юрях, Филимошки (?)					
400				?					

*Составлена на основе [Derev'anko, 1990].

На Мальте техника скальвания отщепов и пластин, как бы сохранив традицию скальвания У-образных отщепов, унаследованную от леваллуазской техники, похоже, дошла в своем развитии до параллельного сня-

тия с трех рабочих поверхностей и заложила основу техники снятия микропластин с клиновидных нуклеусов. Бессспорно, именно тогда произошел решающий поворот в технологии изготовления каменных изделий.

Происхождение традиции клиновидных нуклеусов и микропластин

Вывод по данной проблеме сделан выше, но один вопрос остался невыясненным. Он связан с известной теорией Ю.А. Мочанова, согласно которой традиция клиновидных нуклеусов и технологии изготовления микропластин, восходящая к дюктайской культуре (бассейн р. Лены и ее притоков), появилась около 35 тыс. л.н. [1977], а также недавними находками на стоянке Кымынейкой на крайнем севере Дальнего Востока (место слияния рек Кымынейкой и Милютковой) (обнаружены клиновидный нуклеус для снятия микропластин и несколько каменных орудий, возраст которых превышает $39\,000 \pm 300$ лет и $40\,170 \pm 620$ лет (даты радиоуглеродного анализа содержащего прослоек ледниковых отложений)) [Лаухин и др., 1989].

В пещере Дюктай, расположенной на правом берегу одноименной реки, что впадает в р. Алдан, один из притоков Лены, найдены микропластиначтые клиновидные нуклеусы, микропластины, резцы, концевые и боковые скребки, скребла и большое количество двусторонних листовидных острий (бифасов). На других местонахождениях в Сибири такие острия встречаются редко и они не столь многочисленны. Ю.А. Мочанов считает эти острия особенностью дюктайской культуры. В пещере Дюктай комплекс изделий с крупными бифасами зафиксирован в слоях 7а – 7в, его даты по радиоуглероду – $12\,100 \pm 120$ – $14\,000 \pm 100$ л.н. Известны радиоуглеродные даты и для других памятников: Усть-Миль II, слой 5 – $35\,600 \pm 900$ л.н., слой 4 – $30\,000 \pm 500$, $33\,333 \pm 500$ и $35\,400 \pm 600$ л.н.; Тумулур – $35\,400 \pm 200$ л.н.; Ихинэ – $31\,200 \pm 500$ и $30\,200 \pm 300$ л.н. На основании этих дат и был сделан вывод о том, что дюктайская культура существовала еще 35 тыс. л.н. Теория Ю.А. Мочанова вызывает большой интерес в связи с такими проблемами, как распространение традиции микропластин в Северной Азии и заселение сопредельных территорий Нового Света, Японии и др. Но даты дюктайской культуры вызвали дискуссию. З.А. Абрамова указала на то, что комплексы, сходные дюктайским, существовали непродолжительное время [1979]. Между тем на стоянке Усть-Кова, расположенной в нижнем течении Ангары и отнесенной к той же, что и Мальта, стадии развития палеолитических культур Сибири, обнаружено много типичных двусторонних листовидных острий. Эта информация меняет сложившиеся представления [Кимура, 1991б].

Мне представляется, что истоки техники расщепления торцовых клиновидных нуклеусов следует искать в предшествующих техниках расщепления. Иными словами, нужно обратиться к микропластиначтой технике Мальты, к ее клиновидным микронуклеусам

и техническим приемам скальвания пластин. В данной связи интерес представляют нуклеусы группы В. Хотя техника их расщепления изначально не была рассчитана на изготовление микропластин (с них снимали пластины), она заключала в себе ресурс для появления микропластиначтых клиновидных нуклеусов. Истинные микропластины и микропластиначтые нуклеусы могли появиться при сочетании нескольких условий (сильная степень утилизации нуклеусов, появление бифасиальных острий, развитие идеи составных орудий с костяными основами), которые создавали технологические предпосылки для создания клиновидных нуклеусов. Думаю, что необходимое сочетание условий для появления индустрии микропластин имело место на заключительной (послемальтинской) стадии развития палеолитических культур Сибири, т.е. не намного раньше, чем 23 тыс. л.н. [Кимура, 1991а, б, 1992б].

Заключение

Не так давно в журнале “Nature” было опубликовано любопытное сообщение о колебаниях температур в арктическом районе центральной Гренландии и соответствующих изменениях окружающей среды в эпоху палеолита [Johnsen et al., 1992]. М. Фукуда считает, что то же самое происходило в Сибири*. Кривая колебаний температур и изменений в окружающей среде соответствует трем отрезкам времени: первому – между 35 и 22 тыс. л.н., среднему – между 22 и 14 тыс. л.н. и последнему, начавшемуся после 14 тыс. л.н. Граница между ранней и средней стадиями, выделенная по данным бурения ледникового щита в Гренландии, почти совпадает с рубежом между эпохами каргинского межледниковоья и сартанского оледенения в Сибири. Однако данные по Гренландии свидетельствуют о том, что флюктуации климата во время каргинского межледниковоья происходили каждое тысячелетие, т.е. много чаще, чем это считалось раньше. Выявлено 11 – 12 таких периодических колебаний климата. Температуры теплых периодов сравнимы с постледниковыми, но холодных – значительно ниже, чем в эпоху максимума сартанского оледенения (сартан 1 или максимум вюрма; см. табл. 2).

Ранняя стадия колебаний климата (35 – 22 тыс. л.н.) совпадает с четвертой – шестой стадиями развития культур древнекаменного века Сибири, а также с развитием здесь пластинчатой техники. Средняя стадия (22 – 14 тыс. л.н.) – время развития традиции микропластиначтых клиновидных нуклеусов. Я неоднократно указывал на то, что любые изменения в технике расщепления нуклеусов, в т.ч. приемов ска-

* Я узнал об этом в ходе беседы с проф. М. Фукудой (Институт низких температур при Университете Хоккайдо).

лывания пластин, а также волны миграций в Сибирь могли зависеть, вероятно, от смены климата. Вот почему требуется более тщательное исследование этого вопроса. Между прочим, по времени мальтинский комплекс находится примерно на границе разных климатических периодов. В условиях холодного климата люди испытывали лишения и боролись за выживание. Обнаруженные на Мальте останки таких арктических животных, как северный олень и песец, свидетельствуют о том, что природные условия в пору функционирования стоянки были более суровыми, чем сейчас. Кроме того, мальтинцы жили на стоянке круглый год в течение длительного периода. Жилища с очагами, одежда, умение изготавливать орудия и охотничье снаряжение помогали им преодолевать трудности жизни в условиях сурового климата. При этом определяющую роль играло, вероятно, совершенствование орудий, в т.ч. каменных. Неизбежное уменьшение размеров каменных заготовок повлияло на зависимость между источниками каменного сырья и размещением стоянок. Люди стали более свободными в выборе места расселения. Этим в какой-то мере можно объяснить широкое распространение стоянок в последующее время. Что касается открытых стоянок, принадлежащих к тому же этапу верхнего палеолита, что и Мальта, то их количество, безусловно, возросло. Потому я полагаю, что начавшееся "мальтинское" время освоения человеком новых территорий, возможно, способствовало миграции из Сибири в Америку. В этой связи хочу сказать, что микропластиначатые клиновидные нуклеусы со стоянки Шимаки (о-в Хоккайдо) очень похожи на с мальтинские группы *e*, с которых скальвали пластины и микропластины, используя технику *B*. И в таком сходстве я усматриваю последствия экспансии индустрии Мальты на восток.

Носители мальтинской культуры, бросив вызов суровым природным условиям и выдержав все испытания, расселились по всей Сибири. Мальтинская индустрия относится к переломному этапу в развитии палеолитической культуры Сибири. Но позднее, на стадии развития микропластиначатой культуры, социальные структуры охотников на мамонтов в ходе расселения по Сибири претерпели значительные изменения. Наиболее отчетливые изменения прослеживаются около 13 тыс. л.н., они связаны с исчезновением мамонтов в Центральной и Южной Сибири.

* * *

Написанию мою серию статей, посвященных культурам древнекаменного века Сибири, способствовала поддержка грантами Министерства образования, науки, спорта и культуры Японии, а также

Университета Саппоро. Кроме того, мне оказывали помощь многие люди, в основном российские археологи, за то я им очень благодарен. Данная статья является результатом совместных усилий. Будучи очевидцем распада Советского Союза, я от души желаю моим добрым российским коллегам успехов в исследованиях под мирным небом. Хочу особо поблагодарить А.П. Деревянко, директора Института археологии и этнографии СО РАН в Новосибирске, Г.И. Медведева, профессора Иркутского госуниверситета, В.П. Алексеева (ныне покойного), директора Института археологии в Москве, Н.Д. Праслова, З.А. Абрамову, С.Н. Астахова, научных сотрудников Института истории материальной культуры в Санкт-Петербурге, Н.И. Дроздова, ректора Красноярского государственного педагогического университета, О. Соффера, профессора Иллинскойского университета, и А. Кимуру, которая помогала мне в работе над статьей и перевела ее на английский язык.

Список литературы

Абрамова З.А. К вопросу о возрасте алданского палеолита // СА. – 1979. – № 4. – С. 5 – 14.

Абрамова З.А. Палеолит Северной Азии // Палеолит мира. – Л.: Наука, 1989. – С. 143 – 243.

Археология и палеоэкология палеолита Горного Алтая / Деревянко А.П., Гричан Ю.В., Дергачев М.И., Зенин А.Н., Лаухин С.А., Левковская Г.М., Малолетко А.М., Маркин С.В., Молодин В.И., Оводов Н.Д., Петрин В.Т., Шуньков М.В. – Новосибирск: ИИФ СО АН СССР, 1990. – 161 с.

Герасимов М.М. Мальта – палеолитическая стоянка (предварительные данные). Результаты работ 1928 – 1929 гг. – Иркутск: Б.и., 1931. – 34 с.

Герасимов М.М. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальта // Палеолит СССР: Материалы по истории дородового общества. – М.; Л.: Б.и., 1935. – С. 78 – 124. – (Изв. ГАИМК; Вып. 118).

Герасимов М.М. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта // МИА. – 1941. – № 2. – С. 128 – 134.

Герасимов М.М. Палеолитическая стоянка Мальта: раскопки 1956 – 1957 гг. // СА. – 1958. – Вып. 3. – С. 28 – 32.

Герасимов М.М., Сосновский Г.П. Новые находки на палеолитической стоянке в с. Мальта // Тр. сов. секции Междунар. Ассоц. по изуч. четвертич. периода. – Л., 1937. – Вып. 1. – С. 278 – 295.

Громов В.И. Некоторые новые данные о фауне и геологии палеолита Восточной Европы и Сибири // Палеолит СССР: Материалы по истории дородового общества. – М.; Л.: Б.и., 1935. – С. 246 – 270. – (Изв. ГАИМК; Вып. 118).

Громов В.И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР: млекопитающие палеолита. М.: Изд-во АН СССР, 1948. – 524 с. – (Тр. Ин-та геологии: Сер. геол. 17; Вып. 64).

Громова В.И. Фауна верхнепалеолитической стоянки Мальта близ Иркутска // Докл. АН СССР. – 1941. – Т. 33, № 1. – С. 94 – 96.

- Ефименко П.П.** Некоторые итоги изучения ископаемого человека в СССР (1932 – 1935 гг.) // Материалы по четвертичному периоду СССР. – М.; Л.: Гл. ред. геол.-развед. и геодез. лит., 1938. – С. 111 – 120.
- Кимура Х.** Мамосу-о оттэ [По стопам мамонта]. – Саппоро: Иккося, 1985. – 118 с. (на яп. яз.).
- Кимура Х.** Каменные орудия из Сибири и с Хоккайдо // Кюсэккидзин-но сэйкацу то сюдан [Жизнь и коллектизы носителей палеолитических культур]. – Токио: Коданся, 1988. – С. 169 – 179 (на яп. яз.).
- Кимура Х.** Микролитическая индустрия Северной Японии // Токати кокогаку-то томони [Археология Токати]. – Б.г.: Токати кокогаку кэнкюдзё, 1991а. – С. 1 – 8 (на яп. яз.).
- Кимура Х.** Миграция человека в Сибирь // Монгородо – 1991б. – № 10. – С. 16 – 25 (на яп. яз.).
- Кимура Х.** Галечная традиция и палеолитическая культура Сибири // Кокогаку кэнкюдзё хококу. – 1992а. – № 3. – С. 345 – 387 (на яп. яз.).
- Кимура Х.** Адаптация к холодному климату древних обитателей Сибири // Акутику сакуру. – 1992б. – № 5. – С. 4 – 8 (на яп. яз.).
- Кимура Х.** Сибэриа-но кюсэкки бунка [Палеолитические культуры Сибири]. – Саппоро: Хоккайдо дайгаку дзусё канкокай, 1997. – 320 с. (на яп. яз.).
- Лаухин С.А., Дроздов Н.И., Панычев В.А., Величко С.В.** Возраст последнего оледенения на Северо-Восточной Чукотке // Изв. АН СССР. Серия геол. – 1989. – № 3. – С. 136 – 140.
- Логачев Н.А., Ломоносова Т.К., Климанова В.М.** Кайнозойские отложения Иркутского амфитеатра. – М.: Наука, 1964. – С. 196.
- Медведев Г.И.** Палеолит Южного Приангарья: Автoref. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1983. – 44 с.
- Мочанов Ю.А.** Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 264 с.
- Нисида С.** Стоянка Пирика I в Имаганэ-тё // Хоккайдо майдзо бункадзай сэнта тёса хококусё. – 1985. – № 23. – С. 1 – 23 (на яп. яз.).
- Окладников А.П.** Палеолит и мезолит в Сибири // Сэндоки дзицай. – 1965. – № 1. – С. 150 – 158 (на яп. яз.).
- Окладников А.П.** Палеолитическая стоянка Кара-Бом в Горном Алтае // Палеолит Сибири. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 5 – 20.
- Паничкина М.З.** Палеолитические нуклеусы // Археол. сб. – Л.: 1959. – № 1. – С. 7 – 77.
- Равский Э.И.** Геология мезозойских и кайнозойских отложений: алмазоносность юга Тунгусского бассейна. – М.: Наука, 1959. – 179 с.
- Равский Э.И.** Осадконакопление и климаты Внутренней Азии в антропогене. – М.: Наука, 1972. – 335 с.
- Равский Э.И., Александрова Л.П., Вангенгейм Э.А., Гербова В.Г., Голубева Л.В.** Антропогенные отложения юга Восточной Сибири. – М.: Наука, 1964. – 280 с.
- Шуньков М.В.** Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая. – Новосибирск: Наука, 1990. – 159 с.
- Цейтлин С.М.** Геология палеолита Северной Азии. – М.: Наука, 1979. – 284 с.
- Derev'anko A.P.** Paleolithic of Northern Asia and the Problem of Ancient Migrations. – Novosibirsk: Inst. Arch. and Ethnogr. SB Acad. Sciences, 1990. – 123 p.
- Johnsen S.J., Clausen H.B., Dansgaard W. et al.** Irregular glacial interstadials recorded in a new Greenland ice core // Nature. – 1992. – N 359. – P. 311 – 313.
- Kimura H.** Microblade Industries in Siberia // Archaeology Series. – 1998. – N 2. – 219 p.
- Kimura H.** Microblade Industries in Siberia // Archaeology Series. – 1999. – N 8. – 48 p.
- Usik V.I.** Korolevo I – transition from Lower to Upper Paleolithic according to reconstruction data // Anthropologie. – 1989. – V. 27, Pt 2, N 3. – P. 179 – 212.

Материал поступил в редакцию 2.10.02 г.

УДК 903.3

Д. Надель

Институт археологии имени Цинмана,
Университет г. Хайфа
Хайфа, 31905, Израиль
E-mail: dnadel@research.haifa.ac.il

МНОГОВЕКОВАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ: ХИЖИНЫ ИЗ ВЕТОК НА ПОСЕЛЕНИИ ОХАЛО II И ЖИЛЫЕ ПОСТРОЙКИ НАТУФИЙСКОЙ ЭПОХИ И СТАДИИ А ДОКЕРАМИЧЕСКОГО НЕОЛИТА В ДОЛИНЕ ИОРДАНА

Введение

Переход от эпипалеолита к раннему неолиту на Средиземноморском побережье Леванта хорошо отражен в археологических источниках и служит одним из наиболее документированных примеров перехода от социальной организации, основанной на кочевом охотничьем-собирательском хозяйстве, к оседлости и земледелию [Bar-Yosef, Belfer-Cohen, 1989; Henry, 1989].

Эпипалеолит Леванта (ок. 20 тыс. – 10,3 тыс. л.н., все даты некалиброванные, см.: [Bar-Yosef, Vogel, 1987; Goring-Morris, 1995]) охватывает период от последнего ледникового максимума до границы между плеистоценом и голоценом. На протяжении большей части этого периода быстрых культурных изменений побережье Леванта с богатым и разнообразным ландшафтом было заселено маленькими группами людей, совершившими сезонные перекочевки и занимавшимися охотой и собирательством, причем число освоенных ими видов животных и растений было велико. Анализ археологических материалов из множества поселений позволил выделить комплексы Масрака, Кебара и Геометрический Кебара (см.: [Goring-Morris, 1995; Goring-Morris, Belfer-Cohen, 1998]).

Переход к последней фазе эпипалеолита ознаменовался существенными изменениями. В средиземноморском очаге возникла особая археологическая общность – культура натуф (12,5 – 10,3 тыс. л.н.) [Bar-Yosef, 1983, 1998a; Belfer-Cohen, 1991, 1995; Byrd, 1989; Garrod, 1957; Garrod, Bafe, 1937; Henry, 1989; Perrot, 1966; Perrot, Ladiray, 1988; Valla, 1995]. Эта хорошо изученная культура привлекла огромное внимание как специалистов, так и широкой публики, что было

вызвано четырьмя основными причинами. Во-первых, на нескольких памятниках удалось обнаружить постройки с каменной обкладкой – древнейшие четко выраженные строения такого типа на Ближнем Востоке (в отличие от единичных более ранних незамкнутых линий, или “стен”, из камней). Во-вторых, на данной территории эти памятники являются древнейшими археологическими объектами, где было найдено много украшений и предметов “искусства”. В-третьих, натуфийские памятники очаговой зоны – наиболее ранние в ряду тех, на которых зафиксированы многочисленные хорошо сохранившиеся человеческие скелеты. Наконец, в-четвертых, будучи непосредственным предшественником неолитической культуры, натуф оказался в центре внимания исследователей, занимающихся начальными этапами оседлости и земледелия.

Древнейшая фаза неолита, именуемая на данной территории докерамическим неолитом А (далее – ДКНА) (10,3 – 9,3 тыс. л.н.), характеризуется малыми и крупными поселками, смешанным хозяйством, основанном на земледелии, охоте и собирательстве, и развитой социальной организацией как на уровне поселков, так и на уровне регионов (см.: [Bar-Yosef, 1989, 1991, 1998б; Lifé..., 2000]).

Структура памятников и особенности построек надежно прослеживаются для ДКНА и натуфа, но практически не выявляются в более ранних контекстах. Есть данные о верхнепалеолитических и ранних эпипалеолитических памятниках с отдельными частично сохранившимися каменными стенами, но последние не образуют ясно выраженных замкнутых контуров. По этим сведениям трудно составить какое-либо представление о размерах, форме и функции построек, поскольку

в них обычно нет ни полов, ни связанных с ними внутренних структур. К числу примеров донатуфийских памятников с каменными выкладками или стенами относятся верхнепалеолитические пещеры Хайоним [Belfer-Cohen, Bar-Yosef, 1981, p. 21 – 23] и Сефуним [Ronen, 1984], а также отдельные раннеэпипалеолитические стоянки открытого типа, в частности, Эйн Гев I, где было найдено шесть хронологически последовательных слоев, относящихся, видимо, к частично сохранившейся хижине (рис. 1) [Bar-Yosef, 1978]. Хотя раскопанные донатуфийские памятники исчисляются десятками, количество сохранившихся построек (или хотя бы стен) на их территории крайне невелико, а их сохранность совершенно неудовлетворительна.

Интересно, что на синхронных донатуфийских памятниках в Восточной Европе и на Русской равнине картина иная. Там на нескольких поселениях изучены десятки хорошо сохранившихся жилищ из крупных костей мамонта (см.: [Pidoplichko, 1998; Soffer, 1985; From Kostenki..., 1993]). Вместе с тем в Западной Европе даже на хорошо сохранившихся памятниках, таких как Пенсеван [Leroi-Gourhan, Brezillon, 1966, 1972], обычно нет стен, которые окружали бы полы *in situ*. Во Франции, правда, известно несколько памятников с хорошо сохранившимися каменными вымостками, которые считают полами или фундаментами жилищ (напр., Гюяссу и Ле Серизье, см.: [Gaussien, 1980]). В нескольких случаях сохранились и гальки, ограничивающие прямоугольные площадки длиной 3 – 4 м. Это, судя по всему, также остатки жилищ [Gaussien, 1994]. Видимо, в ряде районов жилища были выстроены из недолговечных материалов и потому не сохранились.

На фоне скудости данных о донатуфийских постройках остатки, изученные на стоянке Охало II (см. рис. 1), служат редким примером хорошо сохранившихся жилищ из непрочных материалов. Задача настоящей статьи – показать, что нынешнее состояние знаний объясняется плохой сохранностью сооружений, а не отсутствием строительства в донатуфийскую эпоху. Помимо этого, новые находки, возраст которых, согласно радиоуглеродному анализу, 19,5 тыс. лет (калиброванная дата – ок. 23 тыс. л.н.), позволяют по-новому взглянуть на генезис планировки натуфийских стоянок. В самом деле, изучение преемственности и эволюции этой планировки на протяжении 10 тыс. лет теперь базируется на более представительном материале, относящемся к начальной фазе истории организации пространства стоянок. В статье рассматриваются новые детали жилищ в Охало II и прослеживается преемственность в развитии некоторых из них на поселениях последующей, натуфийской, стадии и в ранненеолитических поселках Южного Леванта (в особенности в долине р. Иордан). Поскольку на протяжении указанного отрезка времени резко изменился характер

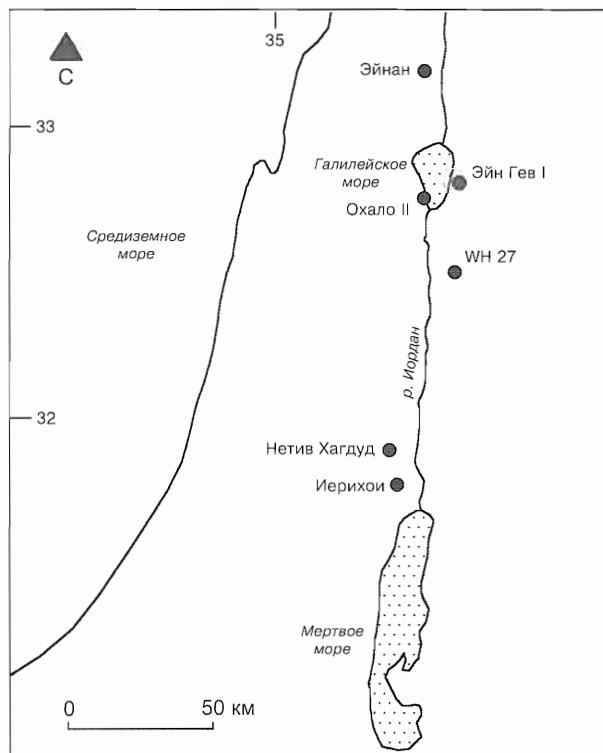


Рис. 1. Карта-схема расположения памятников, относящихся к раннему эпипалеолиту (Охало II, Эйн Гев), натуфийской культуре (Эйнан, Вади эль Хамме 27) и ДКНА (Иерихон, Нетив Хагдуд) в долине Иордана и содержащих остатки жилищ, обсуждаемых в тексте.

хозяйства, корреляция между процессами перехода от охоты и собирательства к земледелию, а также формирования структурированных оседлых сообществ, с одной стороны, и эволюцией (если таковая вообще происходила) жилища как основной единицы застройки, с другой, поможет, как мы надеемся, представить повседневную организацию жизни поселков и социальную структуру локальных коллективов. Сравнительное исследование с основным упором на динамику характера застройки в натуфийскую и особенно неолитическую эпохи уже было проведено [Byrd, 2000]. Однако вопрос об изменениях, отличающих натуфийскую эпоху от донатуфийской, пока не получил достаточного освещения ввиду нехватки данных по эпохе, предшествующей натуфии. Этот вопрос и будет рассмотрен в настоящей работе.

Постройки Охало II

Памятник

Памятник Охало II, некогда затопленный, находится в тектонической впадине Мертвого моря на берегу нынешнего Тивериадского озера, располагаясь *in situ* на лисанских мергелях, покрытых водами, на

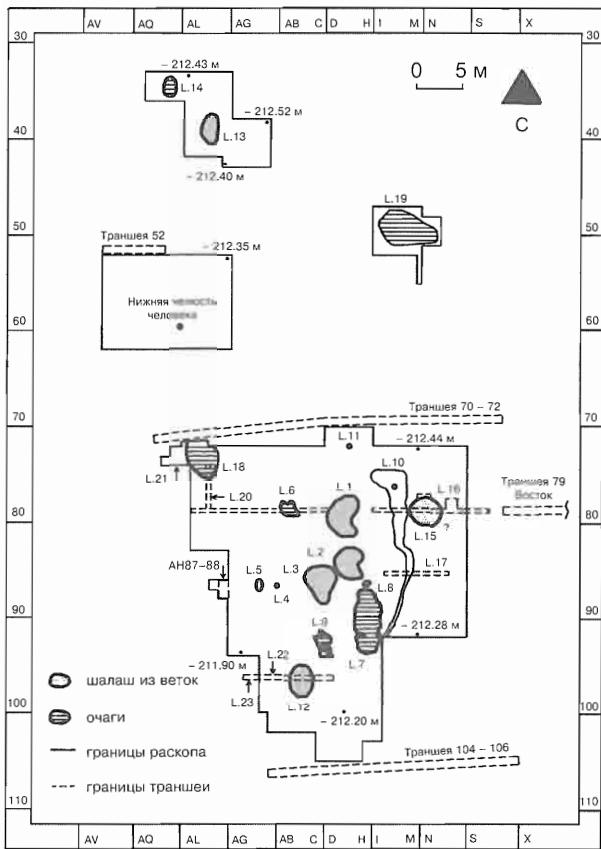


Рис. 2. План поселения Охало II (центральный раскоп).

отметке 212 – 213 м ниже ур. м. [Belitzky, Nadel, in press; Ohalo II, 2002]. Стоянка занимает площадь более 2 тыс. м². Раскопаны шесть хижин из веток, шесть скоплений очагов, погребение человека, яма, каменное сооружение, а также мусорные кучи (рис. 2) [Nadel, 1996; Nadel, Hershkovitz, 1991; Nadel et al., 1994]. Органические остатки прекрасно сохранились благодаря длительному пребыванию под водой без доступа воздуха. В частности, сохранились основания стен из веток [Nadel, Werker, 1999], обугленное дерево и множество обугленных семян и плодов [Kislev, Nadel, Carmi, 1992]. На полу и вокруг большинства очагов найдены многочисленные кремневые изделия, кости животных и остатки растений. В ряде случаев их расположение, видимо, соответствует первоначальному. По многочисленным образцам угля определены 33 радиоуглеродные даты – в среднем ок. 19,5 тыс. л.н. [Nadel, Carmi, Segal, 1995; Nadel et al., 2001; Nadel et al., in press].

Постройки

Остатки хижин из ветвей – древнейшие в мире среди известных находок такого рода [Nadel, Werker, 1999]. К настоящему времени полностью раскопа-

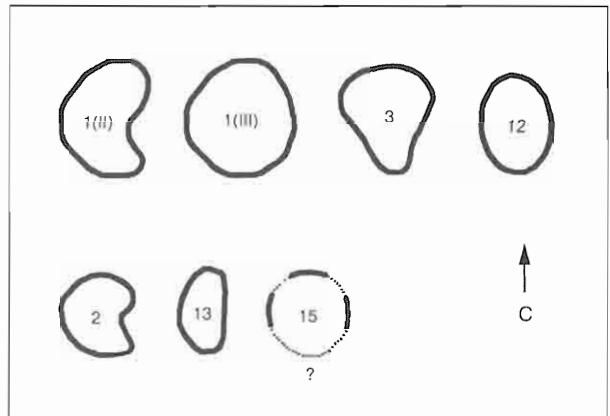


Рис. 3. Детальные планы шести построек в Охало II.

ны остатки хижин 1 – 3 и 13 (рис. 3). Все отложения на участках, ограниченных стенами, – на полах и над ними – были извлечены и промыты. Изучено множество предметов материальной культуры. Разрезы отложений полов и под ними свидетельствуют, что под полами никаких археологических отложений не имеется (мощность некоторых разрезов 0,8 м). Кроме того, более чем наполовину раскопана хижина 12, хижина 15 была изучена с помощью разведочного шурфа (в центре и у северного края).

В пяти случаях зафиксирован полный контур хижин – прослежены темные линии, образованные сгоревшим деревом и другими растительными остатками, а также очерчены границы внутреннего темного слоя, который всегда отличался от естественных глин и песка. Помимо этого, по разрезам полов и по аналогии с другими хижинами произведена предварительная реконструкция формы и размеров хижины 15. Все хижины более или менее овальные в плане, причем длинная ось пяти из них, сохранившихся лучше других, проходит по линии север – юг. В двух хижинах (1 (пол II) и 2) вход явно располагался в центре восточной (длинной) стены.

Длина наиболее крупных хижин (1, 3 и 12) 4 – 4,5 м, а хижин 2 и 13 – 2,5 – 3 м. Площадь пола хижины 1 (пол III) – 13 м², 1 (пол II) – 11 м², 2 – 7 м², 3 – 10 м², 12 – 8,5 м², 13 – 5 м². Две самые крупные хижины (1 и 3) более или менее сходны и вдвое крупнее хижин 13. Статистически эта выборка невелика, но она позволяет получить представление об изменчивости размеров, что предпочтительнее, чем просто делить хижины на “маленькие” и “большие”.

Все полы в хижинах чащевидные в разрезе, они всегда ниже окружающей поверхности (рис. 4, 5). Это достигалось путем выкапывания мелкого овального углубления в мягком грунте (глубина впадины в центре составляла 20 – 30 см). После этого углубление окружали стенами из толстых ветвей местных



Рис. 4. Хижина 1 в процессе раскопок пола II, вид с запада.

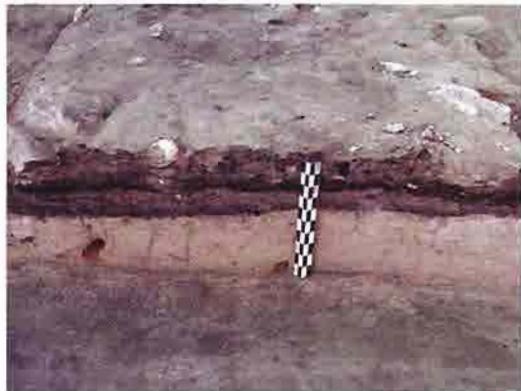


Рис. 5. Разрез нижнего уровня пола хижины 2.

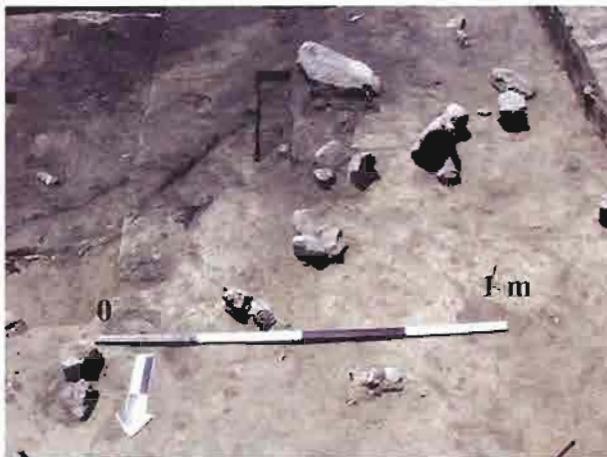


Рис. 6. Камни у наружной части северо-западной стены хижины 12. Темный материал представляет собой нижнюю часть пола с вкрапленным в него крупным плоским камнем (в верхней части снимка). Группы по два-три камня вкопаны (многие вертикально) в суглинок у наружной части хижины.

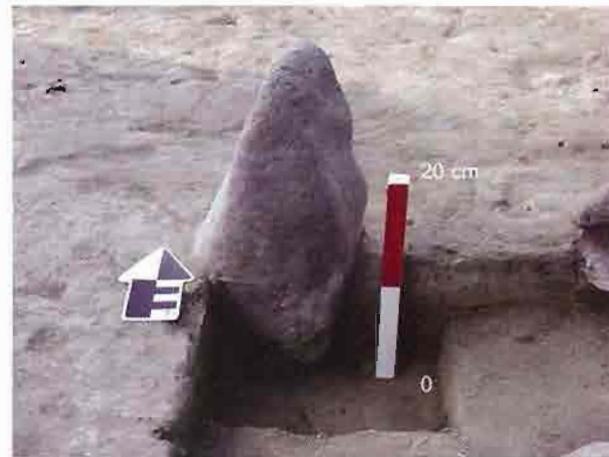


Рис. 7. Продолговатый камень, вертикально вкопанный в суглинок у наружной части хижины 12.

деревьев – тамариска (*Tamarix*), ивы (*Salix*) и дуба (*Quercus*), которые образовывали остатки постройки. Поверх клади более мелкие ветки с листьями и травой (также местных видов). Ямы от столбов не выявлены ни внутри хижин, ни вокруг них. Простая строительная технология не требовала тяжелых бревен для подпорки сооружения в центре, причем хижины можно было строить в любое время года.

В хижинах не обнаружено ни каменной выкладки, ни следов сплошной каменной облицовки стен. Следует подчеркнуть, что это относится ко всем хижинам, независимо от их размера и толщины пола. Впрочем, хижина 12 отличалась от прочих по характеру использования камня. Во всех ее частях, где был прослежен нижний уровень пола, под ним обнаружены отдельные камни. Они находились на расстоянии 20–40 см друг от друга и не образовывали ни сплошной вымостки,

ни непрерывной линии. Возможно, эти камни были преднамеренно помещены между скальным основанием и вышележащим полом. Это предположение основано на двух наблюдениях. Во-первых, озерные материковые отложения не содержат камней, насколько можно судить по раскопкам, разрезам и глубоким строительным траншеям общей длиной более 100 м. Во-вторых, некоторые камни стояли на ребре. Кроме того, гальки и более крупные камни размерами, как правило, 10–20 см, вдоль северо-западного края хижины образовывали дугу неправильной формы (рис. 6). В ней группы из двух-трех галек и камней (большинство из них – куски базальта) находились на расстоянии 20–50 см. Многие куски породы стояли вертикально (рис. 7). Интересно, что сломанные каменные орудия также были включены в эту линию. Темные отложения на полу не доходят до уровня камней (исключе-



Рис. 8. Плоский кусок базальта на полу II хижине I (а); камень из полу хижине 12 (б), его плоская нижняя часть (с).

ние составляет одна группа). Следовательно, камни были специально размещены по внешнему периметру хижины, возможно, чтобы укрепить толстые диагональные шесты, образующие остов постройки. Поскольку вблизи данной линии не обнару-

жено изолированных камней того же размера, можно полагать, что это была не каменная стена с выпавшими из нее отдельными камнями, а скорее внешняя подпорка.

Толщина культурного слоя в центре каждой хижины составляла, как правило, 10 – 20 см, ближе к стенам она уменьшалась. Слой всегда темный (черный, коричневый или серый), насыщен утлем и органическими остатками. В некоторых местах отмечены линзы более светлых песков или золы (подробности о залегании и материалах детальных стратиграфических колонок см.: [Tsatskin, 2002; Nadel et al., in press]). На всех разрезах нижняя часть археологического слоя четко контрастировала с более светлыми подстилающими мергелями, глинами и песками.

Заполнение пяти хижин не содержало заметных слоев, которые тянулись бы от одного края к другому, хотя имелись локальные линзы и включения. Это позволило заключить, что скопление осколков кремния соответствует одному полу. Однако в хижине I ситуация была иной. Здесь оказалось возможным различить три хронологически последовательных уровня пола. Верхний (I) лишь частично сохранился в южной половине хижины. Средний (II) хорошо сохранился и был полностью изучен в 1991 г. Он был отделен от верхнего и нижнего уровней слоями ила и песка, имеющими в большинстве мест толщину 3 – 5 см. Этот уровень характеризовался высокой концентрацией находок, среди которых были горизонтально залегающие кремневые орудия, кости и стержень рога газели. Кроме того, на нем находился плоский кусок базальта. Он лежал на линзе желтого песка, специально принесенного в хижину; ни в одном другом месте песка на полу не было (рис. 8, а). Камень подпирали маленькие гальки, воткнутые в песок. В распределении кремневых орудий и позвонков рыб на данном уровне обнаруживаются четкие закономерности. Нижний уровень пола (III) был выявлен в 2000 г. По площади он оказался больше среднего. Концентрация кремневых изделий, костей и обугленных органических остатков здесь также высокая (их распределение пока не изучено), причем вблизи северо-восточного края выявлено необычное расположение маленьких камешков. Пол III почти круглый в плане (пол II имел овальные очертания); в его восточной части отчетливо прослеживается вход. Таким образом, материалы, касающиеся не глубокой впадины, отражают три последовательных этапа заселения. Возможно, на протяжении первого этапа вблизи входа скапливались отходы производства. Затем был сооружен второй пол, меньшего размера, после чего скопление отходов оказалось за его пределами. Эта последовательность полов существенна для понимания процессов функционирования памятников, их повторного заселения и продолжительности пребывания людей в одном месте.

Внутренние сооружения

Сооружения внутри хижин редки. Ни в одной из них не обнаружено ни каменных обкладок очагов, ни четких очагов. Повсюду отмечены пятна золы и угля, поскольку хижины сгорели. Однако в нижнем уровне пола хижины 1 выявлено белое зольное пятно диаметром около 1 м. Поскольку полы хижин и внешние очаги хорошо сохранились, можно заключить, что внутренние очаги на этой стоянке были очень редки.

В некоторых местах найдены крупные камни. Три таких камня размерами 25 – 35 см были поставлены вертикально внутри хижины 2 и обнаружены *in situ* при раскопках (рис. 9). Два из них стояли внутри хижины, причем не вдоль стены. Один похожий камень был найден непосредственно у северо-восточного угла хижины 3, снаружи (рис. 10), а другой – на таком же месте хижины 12. Оба были вкопаны в землю с наклоном от хижины.

Хижина 1 была необычной – на полу II находились два крупных базальтовых камня. Один из них, длиной 40 см, мог служить наковальней или рабочим столом, хотя вблизи него отсутствовали скопления кремневых изделий или костей. Другой камень, крупный и угловатый, около 50 см в длину, был найден в том месте, где стена, окружавшая хижину, прерывалась (см. рис. 4). Похоже, здесь располагался вход, а камень мог служить подпоркой дверной рамы. Плоский кусок базальта длиной 40 см обнаружен в хижине 12 (см. рис. 6, 8, б, в). По размерам и уплощенности он напоминает “наковальню” из хижины 1. Однако этот камень стоял наклонно на самом краю чашевидного пола, его нижняя часть гораздо более правильна по форме и более уплощена, чем верхняя. Оба плоских камня находились в северной части хижин.

Последнее наблюдение касается небольших камней, стоявших вертикально под некоторыми полами. Больше всего (шесть) их найдено в хижине 3 (рис. 11, а), хотя некоторые обнаружены в других местах, в частности, два встречены под полом III хижины 1 (рис. 11, б). Все камни в высоту достигали 6 – 20 см и были, как правило, базальтовыми. Они стояли вертикально под полом и либо были скрыты целиком, либо над полом выступала только верхушка. Малый размер и место расположения не позволяют понять их функцию. Возможны две предварительные гипотезы. Первая: камни служили подпорками для небольших деревянных сооружений, стоявших на полу (от них ничего не осталось). Вторая гипотеза связана со сферой символического поведения: камни могли иметь социальную функцию, в частности, служить знаками собственности. Это предположение помогает понять причину их особой закладки под полом либо вкапывания в него. Интересно, что один плоский кусок базальта был установлен в вертикальном положении

жении вблизи круга из камней, примыкающего к единственному на данной стоянке человеческому погребению. И в этом случае камень, будучи частью могильного комплекса, мог иметь символическое значение [Nadel, 1994, in press].

Деятельность людей в помещениях

Находки с территории стоянки либо непосредственно отражают некоторые домашние занятия ее обитателей, либо косвенно указывают на то, что люди были знакомы с другими видами деятельности. Обнаруженные во всех хижинах комплексы кремневых изделий свидетельствуют об обработке кремня. На всех полах были зафиксированы нуклеусы, первичные элементы, элементы подправки нуклеусов, пластинки и чешуйки [Nadel, 1999, 2001a]. Таким образом, все хижины были местами первичной обработки нуклеусов. Судя по обилию пластинок и ретушированных изделий, внутри помещений обрабатывался кремень, здесь же хранились или использовались ретушированные изделия. В нескольких случаях на полах найдены кучи или запасы кремня. Зафиксировано также несколько фрагментов одного изделия. Интересно, что на некоторых из них имеются трещинки, вызванные действием огня. Вероятно, лежавшие на полу кремневые изделия потрескались, когда хижины горели. В общем можно сказать, что жилища были местами обработки кремня. Для более поздних народов, судя по этнографическим материалам, это довольно нетипично.

Скопление кремневых нуклеусов и продуктов первичного расщепления в хижине 1 (пол II) свидетельствует о том, что кремень обрабатывали у входа, возможно, этим занимались два-три человека [Nadel, 2001a]. Кости на этом полу распределялись не так, как камни. Особенno интересны позвонки рыб, образующие четкие кучки [Nadel et al., 1994]. Предполагается, что рыбу в хижинах хранили в каких-то корзинах, которые, скорее всего, висели на стенах. Во время пожара все, включая рыбу, упало на пол. Кусочки шнура, найденные на том же полу, подтверждают такую догадку.

На всех полах были отмечены многочисленные кости млекопитающих. Особенно часто встречались кости газели, реже – лани, еще реже – лис и зайцев [Rabinovich, 1998]. Вероятно, мясо потребляли и, возможно, хранили тут же. Кости птиц более 60 видов свидетельствуют, быть может, не только о потреблении мяса, но и об использовании перьев [Simmons, Nadel, 1998; Simmons, 2002]. На стоянке, например в хижине 1, обнаружены останки маленьких грызунов [Belmaker, Nadel, Tchernov, 2001].

Найдены два фрагмента каменных чащ. Один был обнаружен на полу хижины 3, другой – на полу хижины 13. Оба лежали внутренней стороной вниз, причем никаких иных аналогичных фрагментов на этих



Рис. 9. Хижина 2 до раскопок, вид с юга.



Рис. 10. Крупный камень, вертикально вкопанный в суглинок у хижины 3.

*a**б*Рис. 11. Камни, вертикально вкопанные в суглинок под полом хижины 3 (*а*); два маленьких камня, вертикально возвышающиеся над нижним уровнем пола III хижины 1 (*б*).*а**б*Рис. 12. Часть пола хижины 13 с фрагментом чаши, лежащей у известняковой гальки (*а*).
Фрагмент чаши после расчистки (*б*).

полах встречено не было (рис. 12). Внутренняя сторона каждого фрагмента покрыта плотно расположенным нарезками. Возможно, эти предметы имели символическую функцию и их специально клади на пол или под него (см.: [Nadel, in press]).

Все полы на стоянке Охало II свидетельствуют о непрерывном накоплении мусора внутри построек. Найдены разнородны по размерам – кремневые изделия, кости животных и каменные (в основном базальтовые) орудия представлены как мелкими, так и круп-

ными экземплярами. Некоторые, обнаруженные *in situ*, образуют скопления или кучи; в распределении остальных просматриваются закономерности, иногда фрагменты одного изделия обнаруживаются в непосредственной близости друг от друга. Можно заключить, что, во-первых, остатки непрерывно накапливались в течение относительно длительного периода, во-вторых, в каждой хижине люди занимались различными видами деятельности, в-третьих, полы если и подметали, то нечасто, и наконец, в-четвертых, когда стоянку покидали, многие предметы оставались на своих местах. Дополнительные сведения о занятиях обитателей стоянки и о периодах ее запустения можно будет получить по завершении палеоботанических исследований.

Следует подчеркнуть, что интеграция результатов ботанических [Kislev, Nadel, Carmi, 1992; Kislev, Simchoni, Weiss, 2002]*, териологических [Lieberman, 1993; Rabinovich, 2002] и орнитологических исследований [Simmons, Nadel, 1998; Simmons, 2002], а также полевых и лабораторных наблюдений приводит к однозначному выводу о том, что стоянка в целом и некоторые хижины в особенности использовались круглый год.

Натуфийские постройки

О натуфийской архитектуре имеется много данных. Поскольку доступны и отчеты о раскопках поселений, и многочисленные сводные исследования (см., напр.: [Byrd, 2000; Goring-Morris, 1996]), в настоящей статье будет дана лишь краткая сводка, причем с акцентом на отдельные аспекты. Некоторые уникальные постройки мы не будем упоминать, т.к. они не относятся к числу типичных. Например, постройка 1 в Эйнане сложнее других и отличается тем, что при ее сооружении использовались большие плоские камни для вымостки и известковый раствор для обмазки стен, кроме того, под ее полами обнаружены погребения. Эта необычное и сложное сочетание позволило Дж. Перро предложить несколько интерпретаций [Perrot, 1966; Perrot, Ladiray, 1988].

Основания стен натуфийских построек сделаны из неоштукатуренного камня. Каменные стены обычно хорошей сохранности, они позволяют представить размеры и форму построек. По форме постройки делятся на три типа: овальные, круглые и U-образные (в виде незамкнутого овала или незамкнутого круга). В Эйнане представлены все три типа, причем строение 131 U-образной формы было интерпретировано

как хижина с широким входом [Valla, 1988, 1991]. Мало вероятно, что данное и другие постройки изначально имели овальную форму, а впоследствии стены были частично разрушены или же в процессе продолжающегося строительства некоторые камни использовались повторно, вследствие чего нарушилась целостность отдельных стен.

Размеры натуфийских построек варьировали в широких пределах. Особенно сильны различия между разновременными постройками. Крупные постройки с полезной площадью пола 20 м² более характерны для ранненатуфийских памятников (Эйнан, Вади эль Хамме 27, эль Вад B2). Их нет в эпоху позднего натуфа, для которой характерны постройки площадью 5 – 10 м² (о поздней фазе натуфа на поселении Эйнан см.: [Valla, Khalaily, Samuelian et al., 2001; Goring-Morris, 1996, fig. 3]). Постройки в пещере Хайоним служат ярким примером маленьких строений. Они могли использоваться для разных целей, в частности, как мастерские или кладовые; мало вероятно, что это были жилища [Bar-Yosef, Goren, 1973; Belfer-Cohen, 1988].

Одна из наиболее типичных черт натуфийских построек состоит в том, что уровень пола в них всегда ниже уровня окружающей дневной поверхности. В строениях часто встречаются внутренние сооружения, например, каменные очаги. В Эйнане в большинстве раскопанных строений имелся очаг, полностью или частично обложенный камнями [Perrot, 1966; Valla, Lechevallier, 1989; Valla, Khalaily, Samuelian et al., 2001]. В Вади эль Хамме 27 внутри жилищ обнаружены крупные прямоугольные каменные сооружения. Некоторые из них напоминали скамьи [Edwards, 1991].

Повторное использование построек, свидетельством чего является напластование хронологически последовательных полов, отмечено в нескольких хижинах на разных памятниках, в частности, в хижине 131 в Эйнане [Perrot, Ladiray 1988; Valla, 1988] и в постройках Вади эль Хамме [Edwards, 1989, 1991].

О том, чем занимались люди в постройках, можно судить по фаунистическим остаткам и кремневым изделиям. Кости животных – частая находка внутри помещений, видимо, свидетельствуют о приготовлении пищи на внутренних очагах; не исключено также, что тут же хранилось мясо, по крайней мере часть запасов. Среди многочисленных кремневых изделий представлены все категории отходов и все типы орудий. Исходя из этого, можно предположить, что обработка кремня происходила в хижинах, где пол подметали редко. Обнаружены также шлифованные изделия из камня, в частности, базальта. Под двумя полами хижины 131 в Эйнане встречены запасы галек и каменных орудий [Dollfus, 1985; Valla, 1988].

* См. также: Simchoni O. Reconstruction of the Landscape and Human Economy 19,000 BP in the Upper Jordan Valley by the Botanical Remains Found at Ohalo II. – Ramat Gan: Bar-Ilan University, 1997. – (Unpublished Ph.D. Thesis).

Мощность культурных напластований в пределах каменных стен иногда достигает 50 – 60 см. В большинстве случаев в заполнениях отсутствуют четко разграниченные хронологические слои. Это означает, что остатки накапливались достаточно долго, причем новые полы в это время не сооружали, а мусор вообще не убирали ни в углах, ни снаружи. Очевидно, такие скопления могли сохраниться *in situ* только благодаря тому, что углубленный пол и окружающие каменные стены препятствовали смыву материала в результате естественных процессов.

Иногда натуфийцы создавали свои сооружения непосредственно или почти непосредственно на остатках предшествующих построек [Edwards, 1989]. Это может свидетельствовать о преемственности во владении земельными участками на стоянке или же о нехватке земли на поселении, вследствие чего, в силу неких ограничений, связанных с социальной организацией или местной политикой, люди вынуждены были вновь и вновь строить дома на одних и тех же местах (впрочем, это предположение трудно подтвердить или опровергнуть на основании археологических данных).

Непрерывное строительство на крупных натуфийских поселениях непосредственно воздействовало на ландшафт. Никогда прежде люди из года в год не приносили на стоянки столько строительного материала, притом разнообразного, в основном камня, а также глины и дерева. В результате образовывался настоящий телль. И хотя на большинстве натуфийских стоянок открытого типа мощность культурных напластований колеблется в пределах 0,5 – 1 м, в результате непрекращающегося строительства на месте поселения возник холм, который на протяжении тысячелетий является элементом ландшафта.

Постройки эпохи ДКНА

Первые свидетельства фазы ДКНА *in situ* на территории Южного Леванта получены на памятниках Иерихон и Нахал Орен еще в 50-х гг. XX в., но только многостадийная публикация материалов раскопок Иерихона позволила получить представление о древнейших крупных поселках в этой части Средиземноморья [Excavations..., 1981, 1982, 1983].

Два самых крупных памятника – Иерихон и Нетив Хаггуд – находятся на расстоянии 12 км друг от друга в нижней части долины Иордана. Они были раскопаны разными способами. В Иерихоне отложения ДКНА удалось выявить лишь в нижней части глубоких и узких траншей, ибо только так можно было пробраться сквозь мощные напластования, связанные с более поздними эпохами. В телле Нетив Хаггуд таких напластований не было и выявить слой, относящийся к неолитическому поселку, на почти сплошном участке пло-

щадью более 600 м² не представлялось возможным [An Early Neolithic Village..., 1997]. К менее крупным памятникам или же к памятникам, изученным с помощью раскопов меньшей площади, которые позволили, однако, выявить архитектурные сооружения, относятся Айн Дарат [Gopher, 1996], Дра [Kuijt, Mahasneh, 1998], Гешер [Garfinkel, 1990], Гилгал [Noy, 1989; Noy, Schuldenrein, Tchernov, 1980], Хатула [Ze Grisement..., 1994], Ирак-эд-Дубб [Kuijt, Mabry, Palumbo, 1991], Нахал Орен [Stekelis, Yizraeli, 1963; Noy, Legge, Higgs, 1973] и памятник WF16 [Finlayson et al., 2000].

Все постройки круглые или овальные в плане; впрочем, в конце эпохи ДКНА появляются подпрямоугольные дома (Иерихон). Обычным строительным материалом был камень, хотя на некоторых памятниках зафиксированы следы широкого использования и сырцовых кирпичей плоско-выпуклой формы. Из камней сооружали, вероятно, в основном фундаменты или нижние части стен, поскольку ни целых каменных стен, ни куч камней, которые могли бы остаться после разрушения стен, не обнаружено. Верхние части стен и крышу делали, видимо, из недолговечных материалов. Полы углубляли в землю на одну-две ступеньки.

Внутренняя площадь построек существенно варьирует даже в пределах памятников. Так, площадь большинства овальных построек в Нетив Хаггуд 25 м², но постройки 40 – около 35 м². Круглые сооружения, примыкающие к овальным, значительно меньше последних – 5 – 7 м², хотя некоторые достигают 10 – 12 м². Аналогичный разброс размеров отмечен и на других памятниках.

Внутренние перегородки в постройках редки. Они встречаются в постройке 8 в Нетив Хаггуд [An Early Neolithic Village..., 1997, fig. 3.19] и, возможно, в строении MJ-MH на раскопе М в Иерихоне [Excavations..., 1981, Pl. 277 – 278]. Интересно, что первая из этих построек отличается от прочих строений, выявленных на этом памятнике, по ориентировке, количеству чашевидных углублений на массивных известняковых плитах, вкопанных в пол, концентрации грубых каменных орудий, а также количеству изделий из обсидиана [An Early Neolithic Village..., 1997; Nadel, 1997].

К внутренним объектам относятся редкие очаги и кучи камней, потрескавшихся от огня. Кое-где обнаружены запасы орудий. Известняковые плиты с чашевидными углублениями встречаются довольно часто. Обычно они вкопаны в пол таким образом, что верхняя поверхность камня находится на уровне пола. Дополнительную информацию о деятельности людей внутри помещений дают многочисленные отходы кремневого производства, кости и прочий мусор. По количеству и характеру находок в большинстве построек можно составить представление о домашних занятиях обитателей поселка.

Мощность культурных отложений внутри построек зависит от высоты сохранившихся стен. Во многих случаях толщина культурного слоя превышает 50 см. На большинстве памятников трудно зафиксировать уровни полов внутри заполнений, но в Иерихоне на ряде разрезов выявлено несколько хронологически последовательных полов и построек.

Обсуждение

Эволюция неолитической архитектуры на территории Южного Леванта (как и Ближнего Востока в целом) и ее интерпретация с точки зрения структуры общества – темы, которые затрагивались в трудах ряда исследователей (см., напр.: [Aurenche, 1981; Banning, Byrd, 1989; Byrd, 1994; Flannery, 1972; Rollefson, 1997]). Сравнительный анализ с учетом материалов более ранних культур, в частности, натуфийской, был предпринят Б. Бэрдом [Byrd, 2000]. Теперь его можно дополнить анализом новых материалов из Охало II.

В своих рассуждениях мы, как и авторы всех указанных работ, исходим из допущения, что в своем большинстве архитектурные остатки характеризуют жилища и пристройки к ним (мастерские, склады). Это предположение основано на данных о размере, форме и количестве построек, расстоянии между ними, а также характере археологического материала, обнаруженного внутри строений. Уникальные постройки могли иметь политическую или церемониальную функцию. Примерами могут служить строения 1 в Эйнане, 8 в Нетив Хагдуде, а также башня с прилегающим к ней комплексом в Иерихоне (о последних см.: [Bar-Yosef, 1986; Excavations..., 1981; Ronen, Adler, 2001]).

Одна из главных особенностей, которые характеризуют переход от раннего эпипалеолита, представленного памятниками типа Охало II, к раннему неолиту (ДКНА), – многочисленные параллели в характере жилищ. Во-первых, постройки на всех памятниках имеют круглую или овальную форму. Исключение представляют лишь U-образные натуфийские строения, хотя и их можно рассматривать как вариант овальных построек с большим входом в узкой части. Во-вторых, все строения изолированы, т.е. не имеют общих стен и не соединены крытыми переходами. В-третьих, во всех надежно документированных случаях уровень пола был на 20 – 50 см ниже уровня окружающей дневной поверхности, следовательно, на первом этапе строительства выкапывался неглубокий котлован, который по размерам и форме соответствовал будущему сооружению. В-четвертых, стены и крышу всегда делали из дерева и прочих недолговечных материалов. Камень использовали широко начиная с натуфийской эпохи

(обычно для сооружения оснований стен), но лишь изредка в более ранний период (едва ли он был обычным строительным материалом).

Существенно, что базовой единицей застройки было однокомнатное сооружение с одним входом. Если не считать редких исключений, относящихся к эпохе ДКНА, внутреннее пространство построек не разделялось перегородками. Как было отмечено, это весьма важно для реконструкции социальной организации. Многочисленные этнографические примеры и исследования позволяют создать модель, основанную на прямой корреляции между социальной структурой и сложностью архитектурных сооружений [Banning, Byrd, 1989; Byrd, 1994, 2000; Kent, 1993; Kramer, 1979, 1982; Watson, 1979]. Показателем степени сложности может служить, с одной стороны, количество комнат, с другой – вход в жилище или переход между внешним пространством, открытым для всех, и внутренними помещениями. Действительно, во всех надежно документированных хижинах имеются единое внутреннее пространство и непосредственно соединяющий его с наружным пространством вход. Если модель верна и базовая единица застройки действительно отражает социальную структуру, то можно заключить, что основная единица социальной структуры оставалась практически неизменной от времени функционирования стоянки Охало II до конца ДКНА.

Особый интерес представляют полы жилищ. Проблема связи между величиной жилищ и размерами групп подробно рассмотрена в ряде исследований (см., напр.: [Byrd, 2000; Naroll, 1962; Van Beek, 1982; Watson, 1979]), и мы здесь не будем ее касаться. Необходимо подчеркнуть преемственность размеров жилищ в долине Иордана от Охало II до ДКНА. В Охало II, Эйнане (ранний и поздний натуф) и в Нетив Хагдуде есть жилища размерами 8 – 12 м², видимо, рассчитанные на одну нуклеарную семью. Правда, на всех памятниках имеются и малые, и крупные постройки. Последние, в частности, относятся к ранненатуфийской стадии, когда техника строительства была выше, чем в какую-либо из более ранних эпох. Такие строения, возможно, свидетельствуют об укрупнении групп в начале натуфа. Не исключено также, что по крайней мере некоторые крупные постройки служили центрами общественной жизни на поселениях (см.: [Goring-Morris, 1996]). В Нетив Хагдуде большинство построек круглой формы, как правило, площадью около 8 – 12 м². Там же отмечены более крупные овальные постройки, причем по крайней мере одна из трех таких построек (8) четко отличается от всех прочих раскопанных строений; она рассматривается в качестве общественного здания. Итак, хотя на некоторых памятниках и в отдельных слоях, относящихся к натуфийской эпохе и ДКНА,

имеются крупные постройки, гораздо более типичны хижины размерами 8 – 12 м², содержащие обычный домашний мусор. В засушливых районах Южного Леванта, например, на харифийских памятниках, синхронных заключительной фазе натуфа, постройки меньше по размерам [Goring-Morris, 1987].

Очаги были центрами некоторых видов деятельности. Здесь готовили и потребляли пищу, изготавливали и использовали орудия и т.д. В Охало II большинство очагов расположено между хижинами, в открытом общественном пространстве. Поэтому можно предположить, что многие занятия имели общественный характер, причем широко практиковался межсемейный дележ пищи. Натуфийские очаги с каменной обкладкой находятся обычно внутри помещений. Такое изменение может свидетельствовать об усилении роли домашних (семейных) занятий и, соответственно, о сокращении времени, отводимого на деятельность во внешнем (общественном) пространстве. Натуфийцы либо вовсе перестали делиться пищей у наружных очагов, либо стали уделять этому меньше времени. Такой сдвиг не кажется удивительным, ибо общеизвестно, что натуфийские поселения крупнее и более долговременны, чем поселения любой из предшествовавших эпох, а следовательно, отражают новый характер социальной организации. Помимо этого, усложнение погребального обряда, появление многочисленных и разнообразных предметов “искусства” также свидетельствуют об изменении социальной организации (см.: [Bar-Yosef, 1998a; Bar-Yosef, Belfer-Cohen, 1989, 1992, 1999; Belfer-Cohen, 1991; Byrd, Monahan, 1995], обращаем внимание на аргументы, изложенные в работах: [Belfer-Cohen, 1995; Boyd, 2001]).

Другим проявлением отчетливой преемственности являются напластования полов на ранних эпипалеолитических (Охало II, Эйн Гев I) и на более поздних памятниках. Натуфийцы иногда сооружали жилища непосредственно поверх предшествующих построек, как это делали и представители раннеолитической культуры, по крайней мере, в Иерихоне. Эта непрерывность, проявляющаяся в структуре построек (напластование полов) и характере использования территории (строительство новых жилищ поверх прежних), отражает систему, в основе которой лежит привязанность людей к своему дому и к месту, которое этот дом занимал на стоянке или в поселке. Следовательно, памятники существовали на протяжении длительного времени, что, вероятно, свидетельствует об оседлом образе жизни натуфийцев и людей более поздних эпох. На это же указывают и другие факты [Edwards, 1989].

Привязанность людей к дому и к месту отражается в находках из заполнения жилищ. Так, в жилищах, относящихся к ранней поре эпипалеолита, отмечаются запасы или кучки изделий, по-видимому,

заранее отобранных, необычные скопления орудий, а также камни, вертикально вкопанные в пол без видимой цели [Nadel, in press]. Последние можно предварительно считать свидетельствами символического поведения людей в социальном контексте стоянки или поселка. Поскольку такие предметы довольно редки и не всегда сохраняются, то вероятность их обнаружения возрастает с увеличением площади раскопов.

На полах и в заполнениях построек всего рассматриваемого периода часто встречались кости животных и кремневые орудия. Этот материал отражает домашнюю деятельность людей. Ее характер, как видно, оставался неизменным. Впрочем, концентрация находок на памятниках разных эпох не была одноковой, на что уже обращалось внимание [Bar-Yosef, 1983; Nadel, 2001b]. Так, концентрация кремневых орудий снижается от многих сотен (в ряде случаев до 2 тыс.) на 1 м³ на эпипалеолитических памятниках до нескольких десятков на поселениях ДКНА. Конечно, одной из главных причин такого сокращения является быстрый рост культурного слоя в более поздних поселках. Если же учесть концентрацию орудий определенных типов, в частности резцов, на полах (это позволяет исключить фактор роста телля в целом и напластований внутри заброшенных построек), то различия между Охало II и Нетив Хагудом оказываются малы [Nadel, 2001b]. Одно из возможных объяснений состоит в том, что число обитателей жилища в пересчете на единицу времени было сходным в обоих случаях.

Архитектурные остатки на территории Леванта (особенно в долине Иордана) демонстрируют отчетливую преемственность во многих аспектах использования внутреннего пространства жилищ и в характере деятельности людей внутри жилищ. На протяжении примерно 10 тыс. лет (от Охало II до Нетив Хагуда и Иерихона) здесь происходили радикальные изменения в экономике и технологиях. Социальная организация также трансформировалась, однако, если судить по элементарной единице застройки, площадь, занимаемая нуклеарной семьей, едва ли изменилась. Это, разумеется, не значит, что появление внутренних каменных очагов в натуфийских жилищах, равно как и применение новых технологий и строительных материалов, не имело значения. Тем не менее, заметных диахронных изменений не наблюдается ни в размерах построек, ни в сложности их планировки, ни даже в их форме. Налицо общая преемственность по целому ряду показателей.

Обсуждавшийся выше социальный аспект эволюции архитектуры от ранней фазы эпипалеолита до раннего неолита позволяет сделать и другой вывод. Невозможно сомневаться в том, что за это время изменились общая структура общества, характер использования территории поселков (в частности,

их размер, плотность застройки, концентрация материальных остатков резко возросли в связи с усилением плотности населения внутри поселков и увеличением времени их функционирования). А если так, то практическая неизменность большинства аспектов элементарной единицы застройки означает, что использование архитектурных показателей в качестве однозначных индикаторов общей социальной структуры не всегда оправдано. Сходство некоторых деталей на фоне изменений социальной организации свидетельствует о том, что эти изменения не сказалось на архитектурных коррелятах элементарных единиц социальной структуры. Сходство, отмеченное в данной работе, могло быть вызвано, например, адаптацией к среде обитания. Жители долины Иордана в течение тысячелетий, на которые приходятся рассматриваемые периоды, жили в относительно похожих средовых условиях, охотились на одних и тех же животных, собирали одни и те же растения. Возможно, по этой причине изменение социальной системы отразилось на количестве базовых единиц застройки и их концентрации, а соответственно, и на расположении домашних очагов, но не затронуло многих структурных элементов самой этой единицы. Кроме того, на протяжении изучаемого временного отрезка возникали и развивались символические аспекты социальной жизни, в частности, погребальный обряд, малые формы “искусства” и пр.

В Южном Леванте наиболее радикальные изменения в использовании внутреннего пространства жилищ произошли при переходе к докерамическому неолиту Б. На смену овальным или круглым строениям приходят прямоугольные, они часто разделены перегородками и оштукатурены. Размеры построек возрастают, появляются двухэтажные сооружения, поселки становятся гораздо крупнее.

Обитатели Охало II жили в простых овальных постройках (рис. 13) на поселении, которое располагалось на берегу озера и функционировало круглый год. Источниками пищи служили злаки, рыба и множество местных растений и животных. Вода также была доступна круглый год. Таким образом, не натуфийцы первыми решили жить на одном и том же месте в течение всего года – задолго до них именно так в отдельные периоды жили некоторые группы местного населения. Представляется, что основная единица застройки, служившая местом обитания нуклеарной семьи, менялась под влиянием колебаний среды, а также социально-экономических изменений на отрезке от времени бытования поселка на Охало II до времени возникновения поселков ДКНА. Несмотря на это, прослеживается отчетливая преемственность в форме и размерах жилищ, чашевидном профиле полов, а также в некоторых домашних занятиях. Такая устойчивость сохранялась



Рис. 13. Реконструкция хижны I.

даже несмотря на появление новых строительных материалов и приемов. Круглые или овальные постройки площадью 8 – 12 м² без внутренних перегородок и с одним простым входом сооружались на протяжении по крайней мере 10 тыс. лет. Радикальные изменения произошли лишь при переходе к фазе Б докерамического неолита.

* * *

Мы признательны Оферу Бар-Йозефу и Анне Белфер-Коэн за советы, которые они дали в процессе подготовки рукописи. Проект Охало II был щедро поддержан Археологическим фондом Sala CARE имени Ирены Леви, Израильской Академией наук, Иерусалимским Центром антропологических исследований, Фондом Л.С.Б. Лики, Музеем доистории имени М. Штекелиса, Фондом MAFCAF, Национальным Географическим обществом и Израильским комитетом по охране памятников.

Список литературы

An Early Neolithic Village in the Jordan Valley / Eds. O. Bar-Yosef, A. Gopher. – Cambridge: Harvard University, American School of Prehistoric Research, 1997. – Part I: The Archaeology of Netiv Hagdud. – 266 p.

Aurenche O. La Maison Orientale. L'Architecture du Proche-Orient Ancien des Origines au Millieu du Quatrième Millénaire. – P.: Geuthner, 1981. – 307 p.

Banning E.B., Byrd F.B. Alternative approaches for exploring Levantine Neolithic architecture // Paléorient. – 1989. – Vol. 15 (1). – P. 154 – 160.

Bar-Yosef O. Man – an outline of the prehistory of the Kinneret area // Monographiae Biologicae / Ed. C. Serruya. – N.Y.: The Hague, 1978. – Vol. 32. – P. 447 – 464.

Bar-Yosef O. The Natufian in the Southern Levant // The Hilly Flanks and Beyond / Eds. C.T. Young, P.E.L. Smith, P. Mortensen. – Chicago: The Oriental Institute, The University

- of Chicago Press, 1983. – P. 11 – 42. – (Studies in Ancient Oriental Civilization; N 36).
- Bar-Yosef O.** The walls of Jericho: an alternative interpretation // Current Anthropology. – 1986. – Vol. 27 (2). – P. 157 – 162.
- Bar-Yosef O.** The PPNA in the Levant – an overview // Paléorient. – 1989. – Vol. 15 (1). – P. 57 – 63.
- Bar-Yosef O.** The early Neolithic of the Levant: recent advances // The Review of Archaeology. – 1991. – Vol. 12 (2). – P. 1 – 18.
- Bar-Yosef O.** The Natufian culture in the Levant, threshold to the origins of agriculture // Evolutionary Anthropology. – 1998a. – Vol. 6 (5). – P. 159 – 177.
- Bar-Yosef O.** Introduction // The Transition to Agriculture in the Old World / Ed. O. Bar-Yosef. – The Review of Archaeology (Special Issue), 1998b. – Vol. 19 (2). – P. 1 – 5.
- Bar-Yosef O., Goren N.** Natufian remains in Hayonim Cave // Paléorient. – 1973. – Vol. 1 (1). – P. 49 – 69.
- Bar-Yosef O., Vogel J.C.** Relative and absolute chronology of the Epipaleolithic in the Southern Levant // Chronologies in the Near East / Eds. O. Aurenche, J. Evin, F. Hours. – Oxford: British Archaeological Reports, 1987. – P. 219 – 245. – (BAR Int. Series; N 379).
- Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A.** The origins of sedentism and farming communities in the Levant // Journal of World Prehistory. – 1989. – Vol. 3 (4). – P. 447 – 498.
- Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A.** From foraging to farming in the Mediterranean Levant // Transitions to Agriculture in Prehistory / Eds. A.B. Gebauer, T.D. Price. – Madison: Prehistory Press, 1992. – P. 21 – 48.
- Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A.** Encoding information: Unique Natufian objects from Hayonim Cave, Western Galilee, Israel // Antiquity. – 1999. – Vol. 73. – P. 402 – 410.
- Belfer-Cohen A.** The Natufian graveyard in Hayonim Cave // Paléorient. – 1988. – Vol. 14 (2). – P. 297 – 308.
- Belfer-Cohen A.** The Natufian in the Levant // Annual Review of Anthropology. – 1991. – Vol. 20. – P. 167 – 186.
- Belfer-Cohen A.** Rethinking social stratification in the Natufian culture: the evidence from burials // The Archaeology of Death in the Ancient Near East / Eds. S. Campbell, A. Green. – Oxford: N.p., 1995. – P. 9 – 16. – (Oxbow Monograph; N 51).
- Belfer-Cohen A., Bar-Yosef O.** The Aurignacian at Hayonim Cave // Paléorient. – 1981. – Vol. 7 (2). – P. 19 – 42.
- Belitzky S., Nadel D.** Late Pleistocene and recent tectonic deformations at the Ohalo II prehistoric site (19K) and the evolution of the Jordan River outlet from the Sea of Galilee. Geoarchaeology (in press).
- Belmaker M., Nadel D., Tchernov E.** Micromammal taphonomy in the site of Ohalo II (19 Ky., Jordan Valley) // Archaeofauna. – 2001. – Vol. 10. – P. 125 – 135.
- Boyd B.** The Natufian burials from el-Wad, Mount Carmel. Beyond issues of social differentiation. Mitekufat Haeven // Journal of the Israel Prehistoric Society. – 2001. – Vol. 31. – P. 185 – 200.
- Byrd B.F.** The Natufian: settlement variability and economic adaptations in the Levant at the end of the Pleistocene // Journal of World Prehistory. – 1989. – Vol. 3 (2). – P. 159 – 197.
- Byrd B.F.** Public and private, domestic and corporate: the emergence of the southwest Asian village // American Antiquity. – 1994. – Vol. 59 (4). – P. 639 – 666.
- Byrd B.F.** Households in transition // Life in Neolithic Farming Communities. Social Organization, Identity and Differentiation / Ed. I. Kuijt. – N.Y.: Plenum Publishers, 2000. – P. 63 – 98.
- Byrd B.F., Monahan C.M.** Death, mortuary ritual and Natufian social structure // Journal of Anthropological Archaeology. – 1995. – Vol. 14 (3). – P. 251 – 287.
- Dollfus G.** Le travail de la pierre à Mallaha // Historie et Archéologie (Prehistoire en Israël). – 1985. – Vol. 100. – P. 69.
- Edwards P.C.** Problems of recognizing earliest sedentism: the Natufian example // Journal of Mediterranean Archaeology. – 1989. – Vol. 2 (1). – P. 5 – 48.
- Edwards P.C.** Wadi Hammeh 27: an Early Natufian site at Pella, Jordan // The Natufian Culture in the Levant / Eds. O. Bar-Yosef, F.R. Valla. – Ann Arbor: International Monographs in Prehistory, 1991. – P. 123 – 148. – (Archaeological Series; N 1).
- Excavations** at Jericho / Ed. K.M. Kenyon. – Jerusalem: The British School of Archaeology, 1981. – Vol. 3. – 585 p.
- Excavations** at Jericho / Eds. K.M. Kenyon, T.A. Holland. – Jerusalem: The British School of Archaeology, 1982. – Vol. 4. – 771 p.
- Excavations** at Jericho / Eds. K.M. Kenyon, T.A. Holland – Jerusalem: The British School of Archaeology, 1983. – Vol. 5. – 540 p.
- Finlayson B., Mithen S., Carruthers D., Kennedy A., Pirie A., Tipping R.** The Danna-Faynan-Ghuwayr early prehistory project // Levant. – 2000. – Vol. 32. – P. 1 – 26.
- Flannery K.V.** The origins of the village as a settlement type in Mesoamerica and the Near East: a comparative study // Man, Settlement and Urbanism / Eds. P.J. Ucko, R. Tringham, G.W. Dimbleby. – L.: Duckworth, 1972. – P. 23 – 53.
- From Kostenki to Clovis.** Upper Paleolithic – Palaeo-Indian Adaptations / Eds. O. Soffer, N.D. Praslov. – N.Y.: Plenum Press, 1993. – 334 p.
- Garfinkel Y.** Gesher, un nouveau site "Neolithique Preceramique A" dans la moyenne Vallée du Jordain, Israël // L'Anthropologie. – 1990. – Vol. 94 (4). – P. 903 – 906.
- Garrod D.A.E.** The Natufian culture: the life and economy of a Mesolithic people in the Near East // Proceedings of the British Academy. – 1957. – Vol. 43. – P. 211 – 247.
- Garrod D.A.E., Bate D.M.A.** The Stone Age of Mount Carmel. – Oxford: Clarendon Press, 1937. – 240 p.
- Gaussin J.** Le Paleolithique Supérieur de Plein Air en Perigord (Industries et Structures d'Habitat): XIVe Supplement à "Gallia Préhistoire". – P.: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1980. – 300 p.
- Gaussin J.** Le Plateau Parrain (l'organisation) // L'Anthropologie. – 1994. – Vol. 98 (2/3). – P. 418 – 426.
- Gopher A.** A preliminary report on the flints from 'Ain Darat: a PPNA site in the Judean desert // Neolithic Chipped Stone Industries of the Fertile Crescent, and their Contemporaries in Adjacent Regions / Eds. S.K. Kozłowski, H.G.K. Gebel. – Berlin: Ex-orient, 1996. – P. 443 – 452.
- Goring-Morris A.N.** At the Edge, Terminal Pleistocene Hunter-Gatherers in the Negev and Sinai. – Oxford: British Archaeological Reports, 1987. – 526 p. – (BAR Int. Series; N 361).
- Goring-Morris A.N.** Complex hunter-gatherers at the end of the Paleolithic (20,000 – 10,000 B.P.) // The Archaeology of Society in the Holy Land / Ed. T.E. Levi. – L.: Leicester University Press, 1995. – P. 141 – 164.

- Goring-Morris A.N.** The Early Natufian occupation at El Wad, Mt. Carmel, reconstructed // *Nature et Culture* / Ed. M. Otte. – Liège: Univ. de Liège, 1996. – P. 417 – 427. – (E.R.A.U.L.; N 68).
- Goring-Morris A.N., Belfer-Cohen A.** The articulation of cultural processes and Late Quaternary environmental changes in Cisjordan // *Paléorient*. – 1998. – Vol. 23 (2). – P. 71 – 93.
- Henry D.O.** From Foraging to Agriculture // *The Levant* at the end of the Ice Age. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1989. – 277 p.
- Kent C.** A cross-cultural study of segmentation, architecture, and the use of space // *Domestic Architecture and the Use of Space* / Ed. S. Kent. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 127 – 152.
- Kislev M.E., Nadel D., Carmi I.** Epipaleolithic (19,000 B.P.) cereal and fruit diet at Ohalo II, Sea of Galilee, Israel // Review of Palaeobotany and Palynology. – 1992. – Vol. 73 (1/4). – P. 161 – 166.
- Kislev M.E., Simchoni O., Weiss E.** Reconstruction of the landscape, human economy and hut use according to seeds and fruit remains from Ohalo II // Ohalo II, a 23,000 Year-Old Fisher-Hunter-Gatherers Camp on the Shore of the Sea of Galilee / Ed. D. Nadel. – Haifa: Hecht Museum, 2002. – P. 21 – 23.
- Kramer C.** An archaeological view of a contemporary Kurdish village: domestic architecture, household size, and wealth // *Ethnoarchaeology. Implications of Ethnography for Archaeology* / Ed. C. Kramer. – N.Y.: Columbia University Press, 1979. – P. 139 – 163.
- Kramer C.** Ethnographic households and archaeological interpretation. A case from Iranian Kurdistan // *American Behavioral Scientist*. – 1982. – Vol. 25 (6). – P. 663 – 675.
- Kuijt I., Mabry J., Palumbo G.** Early Neolithic use of upland areas of Wadi El-Yabis: preliminary evidence from the excavations of 'Iraq ed-Dubb, Jordan // *Paléorient*. – 1991. – Vol. 17 (1). – P. 99 – 108.
- Kuijt I., Mahasneh H.** Dhra': An early Neolithic village in the southern Jordan Valley // *Journal of Field Archaeology*. – 1998. – Vol. 25. – P. 153 – 161.
- Le Gisement de Hatula en Judee Occidentale, Israel / Eds. M. Lechevallier, A. Ronen. – P: Association Paléorient, 1994. – 341 p. – (Mémoires et Travaux du Centre de Recherche Français de Jérusalem; N 8).
- Leroi-Gourhan A., Brezillon M.** L'Habitation Magdalénienne No. 1 de Pincevent près Montereau (Seine-et-Marne) // *Gallia Préhistoire*. – 1966. – Vol. 9 (2). – P. 263 – 385.
- Leroi-Gourhan A., Brezillon M.** Fouilles de Pincevent: Essai d'analyse ethnographique d'un habitat Magdalénien (la section 36). – P: Editions du C.N.R.S., VIIe Supplément à *Gallia Préhistoire*, 1972. – 331 p.
- Lieberman D.E.** The rise and fall of seasonal mobility among hunter-gatherers: the case of the Southern Levant // *Current Anthropology*. – 1993. – Vol. 34 (5). – P. 599 – 631.
- Life in Neolithic Farming Communities.** Social Organization, Identity and Differentiation / Ed. I. Kuijt. – N.Y.: Plenum Publishers, 2000. – 325 p.
- Nadel D.** Levantine Upper Paleolithic – Early Epipaleolithic burial customs: Ohalo II as a case study // *Paléorient*. – 1994. – Vol. 20 (1). – P. 113 – 121.
- Nadel D.** The organization of space in a fisher-hunter-gatherers camp at Ohalo II, Israel // *Nature et Culture* / Ed. M. Otte. – Liège: Univ. de Liège, 1996. – P. 373 – 388. – (E.R.A.U.L.; N 68).
- Nadel D.** The chipped stone industry from Netiv Hagdud // An Early Neolithic Village in the Jordan Valley. – Cambridge: Harvard University, American School of Prehistoric Research, 1997. – Part I: The Archaeology of Netiv Hagdud / Eds. O. Bar-Yosef, A. Gopher. – P. 71 – 149.
- Nadel D.** Scalene and proto-triangles from Ohalo II. Mitekufat Haeven // *Journal of the Israel Prehistoric Society*. – 1999. – Vol. 29. – P. 5 – 16.
- Nadel D.** Indoor / outdoor flint knapping and minute debitage remains: the evidence from the Ohalo II submerged camp (19.5 ky, Jordan Valley) // *Lithic Technology*. – 2001a. – Vol. 26 (2). – P. 118 – 137.
- Nadel D.** Tools on the floor: Examples from Ohalo II and Netiv Hagdud // Beyond tools: Redefining the PPN Lithic Assemblages of the Levant / Eds. I. Caneva, C. Lemorini, D. Zampetti, P. Biagi. – Berlin: Ex-orient, 2001b. – P. 273 – 282.
- Nadel D.** Society and ritual // Ohalo II – a 23,000 Year-Old Fisher-Hunter-Gatherers Camp on the Shore of the Sea of Galilee / Ed. D. Nadel. – Haifa: Hecht Museum, 2002. – P. 60 – 64.
- Nadel D.** Stones in their symbolic context: Epipaleolithic – Pre-Pottery Neolithic continuity in the Jordan Valley // (in press).
- Nadel D., Herskovitz I.** New subsistence data and human remains from the earliest Levantine Epipaleolithic // *Current Anthropology*. – 1991. – Vol. 32 (5). – P. 631 – 635.
- Nadel D., Danin A., Werker E., Schick T., Kislev M.E., Stewart K.** 19,000 years-old twisted fibers from Ohalo II // *Current Anthropology*. – 1994. – Vol. 35 (4). – P. 451 – 458.
- Nadel D., Carmi I., Segal D.** Radiocarbon dating of Ohalo II: archaeological and methodological implications // *Journal of Archaeological Science*. – 1995. – Vol. 22 (6). – P. 811 – 822.
- Nadel D., Werker E.** The oldest ever brush hut plant remains from Ohalo II, Jordan Valley, Israel (19,000 BP) // *Antiquity*. – 1999. – Vol. 73 (282). – P. 755 – 764.
- Nadel D., Tsatskin A., Bar-Yosef Mayer D.E., Belmaker M., Boaretto E., Kislev M.E., Herskovitz I., Rabinovich R., Simmons T., Weiss E., Zohar I., Asfur O., Emmer G., Ghraieb T., Grinberg E., Halabi H., Weissbrod L., Zaidner Y.** The Ohalo II 1999–2000 seasons of excavation: a preliminary report. Mitekufat Haeven // *Journal of the Israel Prehistoric Society* (in press).
- Nadel D., Belitzky S., Boaretto E., Carmi I., Heinemeier J., Werker E., Marco S.** New dates from submerged late Pleistocene sediments in the Sea of Galilee, Israel // *Radiocarbon*. – 2001. – Vol. 43 (3). – P. 1167 – 1178.
- Narrol R.** Floor area and settlement population // *American Antiquity*. – 1962. – Vol. 27. – P. 587 – 588.
- Noy T.** Gilgal I: a Pre-Pottery Neolithic site, Israel – the 1985 – 1987 seasons // *Paléorient*. – 1989. – Vol. 15 (1). – P. 11 – 18.
- Noy T., Legge A.G., Higgs E.S.** Recent excavations at Nahal Oren, Israel // *Proceedings of the Prehistoric Society*. – 1973. – Vol. 39. – P. 75 – 99.
- Noy T., Schuldenrein J., Tchernov E.** Gilgal I: a Pre-Pottery Neolithic A site in the Lower Jordan Valley // *Israel Exploration Journal*. – 1980. – Vol. 30 (1/2). – P. 63 – 82.
- Ohalo II** – a 23,000 Year-Old Fisher-Hunter-Gatherers Camp on the Shore of the Sea of Galilee / Ed. D. Nadel. – Haifa: Hecht Museum, 2002.

- Perrot J.** Le gisement Natoufien de Mallaha (Eynan), Israel // L'Anthropologie. – 1966. – Vol. 70 (5/6). – P. 437 – 484.
- Perrot J., Ladiray D.** Les Hommes de Mallaha (Eynan) Israel. I. Les Sepultures. – P.: Association Paléorient, 1988. – 208 p. – (Memoires et Travaux du Centre de Recherche Francais de Jerusalem; N 7).
- Pidoplichko I.G.** Upper Paleolithic Dwellings of Mammoth Bones in the Ukraine. Kiev-Kirillovskii, Gontsy, Dobranichevka, Mezin and Mezhirich. – Oxford: British Archaeological Reports, 1998. – (BAR Int. Series; N 712).
- Rabinovich R.** “Drowning in numbers” – gazelles dominance and body size groups in the archaeozoological record // Archaeozoology of the Near East III / Eds. H. Buitenhuis, L. Bartosiewicz, A.M. Choyke. – Groningen: ARC, 1998. – Publications 18. – P. 45 – 71.
- Rabinovich R.** The Mammal Bones: food, environment and tools // Ohalo II, a 23,000 Year-Old Fisher-Hunter-Gatherers Camp on the Shore of the Sea of Galilee / Ed. D. Nadel. – Haifa: Hecht Museum, 2002. – P. 24 – 27.
- Rollefson G.O.** Changes in architecture and social organization at Neolithic ‘Ain Ghazal // The Prehistory of Jordan, II. Perspectives from 1997 / Eds. H.G.K. Gebel, Z. Kafafi, G.O. Rollefson. – Berlin: Ex-orientre, 1997. – P. 287 – 307.
- Ronen A.** Sefunim Prehistoric Sites, Mount Carmel, Israel. – Oxford: British Archaeological Reports, 1984. – (BAR Int. Series; N 230).
- Ronen A., Adler D.** The walls of Jericho were magical // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2001. – Vol. 2 (6). – P. 97 – 103.
- Simmons T., Nadel D.** The avifauna of the Early Epipaleolithic site of Ohalo II (19,400 B.P.), Israel: species diversity, habitat and seasonality // International Journal of Osteoarchaeology. – 1998. – Vol. 8 (2). – P. 79 – 96.
- Simmons T.** The birds at Ohalo II // Ohalo II, a 23,000 Year-Old Fisher-Hunter-Gatherers Camp on the Shore of the Sea of Galilee / Ed. D. Nadel. – Haifa: Hecht Museum, 2002. – P. 32 – 36.
- Soffer O.** The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. – Orlando: Academic Press, 1985. – 539 p.
- Stekelis M., Yizraely T.** Excavations at Nahal Oren // Israel Exploration Journal. – 1963. – Vol. 13 (1). – P. 1 – 12.
- Tsatskin A.** Geoarchaeology of a prehistoric campsite on the shore of lake Kinneret // Ohalo II, a 23,000 Year-Old Fisher-Hunter-Gatherers Camp on the Shore of the Sea of Galilee / Ed. D. Nadel. – Haifa: Hecht Museum, 2002. – P. 56 – 59.
- Valla F.R.** Aspects du sol de l’abri 131 de Mallaha (Eynan) // Paléorient. – 1988. – Vol. 14 (2). – P. 283 – 296.
- Valla F.R.** Les Natoufiens de Mallaha et l'espace // The Natufian Culture in the Levant / Eds. O. Bar-Yosef, F.R. Valla. – Ann Arbor: International Monographs in Prehistory, 1991. – P. 111 – 122. – (Archaeological Series; N 1).
- Valla F.R.** The first settled societies – Natufian (12,500 – 10,200 BP) // The Archaeology of Society in the Holy Land / Ed. T.E. Levi. – L.: Leicester University Press, 1995. – P. 170 – 187.
- Valla F.R., Lechevallier M.** Notes a propos de quelques foyers Natoufiens de Mallaha (Eynan, Israel) // Nature et Fonction des Foyers Préhistoriques / Eds. M. Olive, Y. Taborin. – Îlede France, 1989. – P. 293 – 302. – (Memoires du Musée de Préhistoire d’Île de France; N 2).
- Valla F.R., Khalaily H., Samuelian N., March R., Bocquentin F., Valentine B., Marder O., Rabinovich R., Le Dosseur G., Dubreuil L., Belfer-Cohen A.** Le Natoufien final de Mallaha (Eynan), deuxième rapport préliminaire: les fouilles de 1998 et 1999. Mitekufat Haeven // Journal of the Israel Prehistoric Society. – 2001. – Vol. 31. – P. 43 – 184.
- Van Beek G.W.** A population estimate for Marib: a contemporary tell village in North Yemen // Bulletin of the Association of Oriental Research. – 1982. – Vol. 248. – P. 61 – 67.
- Watson P.J.** Archaeological Ethnography in Western Iran. – Tucson: The University of Arizona Press, 1979. – (Viking Fund Publications in Anthropology; N 57). – 327 .

Материал поступил в редакцию 13.05.02 г.

УДК 572

К.Дж. Тернер¹, Н.Д. Оводов², О.В. Павлова²

¹Отдел антропологии Университета штата Аризона
Темпе, Аризона, 85287-2402, США

²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

ПЕРИМОРТАЛЬНАЯ ТАФОНОМИЯ СКЕЛЕТНЫХ ОСТАТКОВ И ОДОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЯХ ДРЕВНИХ ОБИТАТЕЛЕЙ ПЕЩЕРЫ ЕЛЕНЕВА В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ*

Скелетные остатки и зубы людей, послужившие материалом данной статьи, были собраны в пещере Еленева в течение полевых сезонов в конце 1980-х – начале 1990-х гг. и переданы на время в Институт археологии и этнографии СО РАН из Красноярского краеведческого музея для исследования.

Значительная степень разрушения костей и следы обожженности на некоторых из них дали повод предположить, что люди практиковали каннибализм. Поскольку К.Дж. Тернер в течение 30 лет исследовал многочисленные случаи древнего каннибализма в Северной Америке, то, естественно, его заинтересовала возможность этого явления в Старом Свете. Исследование костных материалов из пещеры Еленева проводилось в рамках крупного проекта по изучению перимортальной тафономии (термин, введенный К.Дж. Тернером в 1983 г. для обозначения изменений в костях, произошедших незадолго до гибели животного или человека, а также в момент смерти) костей животных с различных археологических

стоянок и палеонтологических местонахождений плейстоценового и голоценового периодов в Сибири и Приморье.

Человеческие остатки из пещеры Еленева были изучены на предмет определения тафономических особенностей, которые могут быть использованы для реконструкции истории смерти по костным материалам. Повреждения костей варьируют от практически полного отсутствия частей скелета (в преднамеренных погребениях) до сильных, включающих расчленение и разные виды расколов, образовавшихся в результате насилия и каннибализма. Именно каннибализм приводит к самому сильному посмертному разрушению костей.

Человеческие скелетные остатки

Общее число целых костей и фрагментов 70. Из них для анализа было отобрано 65. Четыре фрагмента оказались неповрежденными целыми фалангами, не представляющими интереса с точки зрения тафономии, а видовая принадлежность одного фрагмента позвонка была не вполне ясна. Поэтому дальше речь пойдет о 65 элементах (табл. 1). Самая многочисленная группа фрагментов (13,8%) относится к ребрам, следующее место по количеству занимают плечевые (10,8%) и тазовые (9,2%) кости, на долю всех остальных приходится не более 8% фрагментов. Совсем не представлены грудины и надколенники.

Минимальное число индивидуумов. Как видно из табл. 2, изученная выборка из 65 скелетных элементов относится по крайней мере к пяти, а возмож-

* Это исследование – часть совместного российско-американского проекта по изучению перимортальной тафономии костей из пещер, заселенных гиенами и людьми, а также со стоянок открытого типа, относящихся к плейстоцену и голоцену Сибири и Приморья. Проект был финансирован Национальным Географическим обществом США, Фондом им. Веннер-Грена и Университетом штата Аризона. Разрешение на изучение коллекций, а также всестороннее содействие в работе мы получили от директора Института археологии и этнографии СО РАН академика А.П. Деревянко, а также от ректора Красноярского педагогического университета Н.И. Дроздова.

Таблица 1. Костные остатки людей из пещеры Еленева

Элемент (кость)	Число целых костей и фрагментов				
	Левая сторона	Правая сторона	Сторона неясна	Всего	%
Свод черепа	—	—	3	3	4,6
Лобная	—	—	—	1	1,5
Верхняя челюсть	—	—	—	5	7,7
Скуловая	—	1	—	1	1,5
Нижняя челюсть	—	—	—	2	3,1
Шейные позвонки	—	—	—	2	3,1
Грудные позвонки	—	—	—	1	1,5
Поясничные позвонки	—	—	—	2	3,1
Позвонки (отдел нейасен)	—	—	—	1	1,5
Крестец	—	—	—	1	1,5
Ребра	—	—	—	9	13,8
Ключица	3	2	—	5	7,7
Лопатка	2	1	—	3	4,6
Плечевая	3	4	—	7	10,8
Лучевая	1	—	—	1	1,5
Локтевая	3	—	1	4	6,1
Кисти/стопы	—	—	3	3	4,6
Таз	1	2	3	6	9,2
Бедренная	—	1	1	2	3,1
Большая берцовая	2	1	1	4	6,1
Малая берцовая	1	—	—	1	1,5

Таблица 2. Минимальное число индивидуумов

№ п/п	Возраст	Пол	Основание определения	Слой
1	7 – 8 лет	?	В альвеоле M_1 есть неполностью сформированный корень, M_2 не прорезался	10
2	12 – 15 лет	?	Коронка M_2 слегка стерта; M_3 не прорезался	10
3	Молодой, взрослый	Женщина (?)	Маленькие зубы; M^3 прорезались и имеют небольшую стертость	10
4	Взрослый (от молодого до среднего возраста)	?	На верхушках корней верхних клыков начал формироваться вторичный дентин	7
5	Взрослый (старый)	?	На обоих M^3 бугорки полностью стерты	11
6	Взрослый	Мужчина (?)	Медиально-латеральный диаметр крыла крестца значительно меньше, чем тела. Состояние ушк овидной поверхности соответствует, скорее вс его, среднему возрасту, так что кость могла принадлежать индивидууму № 4	?

но, к шести индивидуумам. Пятеро из них были определены на основании индивидуальных особенностей роста зубов, изменений в корнях и стертости же-

вательных поверхностей. Шестой индивидуум идентифицирован по относительно полному крестцу, морфологические особенности которого позволяют уве-

ренно отнести его к взрослому мужчине. Поскольку крупных зубов в выборке нет, можно предположить, что ни один из них не принадлежал мужчине. Вместе с тем суставные поверхности крестца относительно гладкие и на их границах отсутствуют остеофиты. Такая картина характерна для взрослых людей молодого и среднего возраста. К той же возрастной категории мог принадлежать (по зубным признакам) индивидуум № 4. Таким образом, предполагаемое минимальное число – пять человек. Ни один из скелетных элементов не позволяет увеличить эту оценку. Фрагментов плечевых костей правых рук взрослых людей насчитывается четыре. У всех отсутствуют проксимальные и дистальные эпифизы. Ни одна пара из этих четырех фрагментов не совмещается, как и никакая другая пара фрагментов в этой коллекции.

Место и условия залегания. В табл. 3 для каждого элемента скелета указаны место залегания, сохранность и типы повреждения. Информация о многих целых костях и фрагментах (год раскопок, слой, квадрат, глубина) дает основание предполагать, что костные остатки были найдены во многих местах – по крайней мере, в слоях 1 – 3, 7, 9 и 10 – 12. Большинство из них происходит из слоя 10. Кости трех индивидуумов, идентифицированных по зубам, обнаружены в слое 10, одного – в слое 7 и еще одного – в слое 11.

Графа “Сохранность” (табл. 3) не требует пояснений, как и графа “Тип повреждения”. Тем не менее возьмем для примера первый экземпляр (см. табл. 3) – ребро из слоя 1. Оба его конца обломаны. Однако кризисма кости и другие морфологические признаки указывают на то, что этот кусочек относится к средней части ребра. Второй экземпляр (из слоя 2) имеет один конец; кость, по-видимому, была вскрыта с целью доступа к внутренней полости. Прочие термины в таблице понятны за исключением одного – “сегмент”. Это часть длинной кости, поперечное сечение которой сохранилось на всем протяжении фрагмента. Последний может варьировать от небольшого кольца до длинной трубки. Термином “осколок” обозначается любая часть сегмента без полного поперечного сечения. Таким образом, по степени сохранности длинная кость может варьировать от неповрежденной до сегмента и осколка.

Из табл. 3 видно, что позвонки, а также кости кистей и стоп представлены в явно недостаточном числе. Именно эти кости обычно отсутствуют среди материалов с тех древних стоянок юго-запада США и Мексики, где по костным остаткам был зафиксирован каннибализм [Turner II, Turner, 1999]. Однако из той же таблицы яствует, что у большей части фрагментов (72,3%) не было обоих анатомических концов. Это свидетельствует не о каннибализме, а о деятельности хищников, которые обычно отгрызают наиме-

нее плотные части костей. Только у 20% (13 из 65) костей сохранился один конец, и всего 7,7% материала составляют целые кости (как правило, это позвонки). В общем, можно заключить, что человеческие кости из пещеры Еленева подверглись очень значительным перимортальным изменениям, а многие кости отсутствуют.

Считается, что скелет взрослого человека состоит из 206 костей. Когда представлено по меньшей мере пять индивидуумов, ожидаемое число костей равно 1 030. Имея 65 – 70 фрагментов и допустив, что каждый из них представляет отдельную кость, можно заключить, что сохранилось менее 8% костей. В нормальных условиях это могло бы свидетельствовать об очень интенсивном процессе разрушения и утраты костей, причем в нем участвовали как люди, так и животные. Следует также иметь в виду возможное смещение отложений вниз, к берегу Енисея вследствие наклона скальной поверхности. Если, однако, учесть, что пещера могла быть заселена с перерывами в разные периоды начиная с мезолита, т.е. на протяжении 7 – 10 тыс. лет, то скорость утраты костей оказывается не столь уж большой – в среднем менее одной кости в год.

Перимортальные разрушения, связанные с каннибализмом

Изучая каннибализм на юго-западе США и в Мексике, мы [Turner II, Turner, 1999], как и другие специалисты, выявили несколько типов повреждений костей в результате разделки, варки и иных видов обработки. Выделено шесть ключевых признаков, позволяющих говорить о каннибализме: 1) перимортальные переломы; 2) надрезы; 3) обожженность; 4) стертость, возникающая при трении о каменную наковальню; 5) заполированность концов костей; 6) отсутствие многих позвонков.

Люди обычно разламывают свежие трубчатые кости в средней части диафиза, тогда как хищники чаще повреждают эпифизы. Надрезы обычно распознаются легко: это прямые желобки с острыми краями, в сечении напоминающие букву V. Следы от рубящих орудий короче, глубже и грубее, чем от режущих. Они чаще всего располагаются вблизи суставных поверхностей, что свидетельствует о расчленении. Иногда следы зубов хищников очень похожи на следы орудий, и только присутствие иных признаков, в частности, царапин, оставленных зубами, и вмятин от бугорков зубов, помогают отличить псевдонадрезы от истинных надрезов. Обожженность кости свидетельствует о том, что мясо жарилось на огне либо кость уронили или бросили за ненадобностью в костер. В любом случае обожженность указывает на деятельность людей, если только речь не идет о пожаре.

Таблица 3. Сохранность скелетных остатков человека из пещеры Еленева

Слой	Скелетный элемент	Сохранность	Тип повреждения	Инв. №
1	2	3	4	5
1	Ребро	Концы отсутствуют	Средняя часть	A-38
2	Метаподий	Один конец	Полость вскрыта	A-79
3	Малая берцовая	Концы отсутствуют	Сегмент	A-53
7	Клыки	Целые	Не повреждены	A-?
9A	Плечевая	Концы отсутствуют	Сегмент	A-13
9A	Метаподий	Один конец	Полость вскрыта	A-78
9A	Тазовая	Края отсутствуют	Средняя часть	A-26
9A	Скуловая	Целая	Не повреждена	A-44
9Б	Локтевая	Концы отсутствуют	Сегмент	A-16
10	»	То же	То же	A-72
10	Ребро	»	Проксимальная часть	A-33
10	Тазовая	Края отсутствуют	Средняя часть	A-73
10	»	То же	»	A-73
10	Лопатка	»	Почти целая	A-23
10	Плечевая	Концы отсутствуют	Сегмент	A-?
10	Верхняя челюсть	Неполная	С зубами	A-?
10	Ребро	Концы отсутствуют	Средняя часть	A-30
10	Ключица	То же	Сегмент	A-21
10	»	»	»	A-20
10	Лопатка	Края отсутствуют	Почти целая	A-24
10	Верхняя челюсть	Неполная	С зубами	A-6
10	То же	»	»	A-7
10	Нижняя челюсть	»	»	A-8
10	Ребро	Концы отсутствуют	Средняя часть	A-31
10	Локтевая	То же	Сегмент	A-?
10	Черепной свод	»	Фрагмент(ы)	A-?
10	То же	»	»	A-?
10	»	»	»	A-62
10	Ключица	»	Сегмент	A-19
10	»	»	»	A-?
10	Бедренная	»	»	A-69
10	Тазовая	Края отсутствуют	Фрагмент	A-4
10	Позвонок	То же	Остистый отросток	A-?
10	Плечевая	»	Осколок	A-15
10	Нижняя челюсть	»	С зубами	A-60
10	Лобная	»	Фрагмент	A-51
11	Верхняя челюсть	»	С зубами	A-43
11A	Малая берцовая	Концы отсутствуют	Сегмент	A-64
11Б	Большая берцовая	Один конец	Эпифиз	A-5
11Б	Ребро	Концы отсутствуют	Средняя часть	A-28

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5
11В	Позвонок (атлант)	Концы отсутствуют	Средняя часть	A-42
11В	Лопатка	Края отсутствуют	Почти целая	A-25
12А	Ключица	Концы отсутствуют	Сегмент	A-18
?	Ребро	То же	Проксимальная часть	A-34
?	Фаланга	Один конец	Полость вскрыта	A-82
?	Плечевая	Концы отсутствуют	Сегмент	A-14
?	»	То же	»	A-1
?	Лучевая	»	»	A-71
?	Тазовая	»	Почти целая	A-65
?	Большая берцовая	»	Осколок	A-27
?	Плечевая	»	Сегмент	A-11
?	Бедренная	»	Осколок	A-70
?	Локтевая	»	Сегмент	A-17
?	Ребро	»	Средняя часть	A-32
?	Большая берцовая	»	Эпифиз	A-68
?	Плечевая	»	Сегмент	A-12
?	Позвонок	»	»	A-61
?	Верхняя челюсть	Неполная	Фрагмент	A-55
?	Тазовая	Края отсутствуют	Средняя часть	A-66
?	Ребро	Один конец	Проксимальный	A-35
?	Крестец	Неполный	Фрагмент	A-67
?	Позвонок	Целый	Почти целый	A-39
?	Позвонок (атлант)	»	То же	A-41
?	Позвонок (грудной)	»	»	A-40
?	Позвонок (поясничный)	»	»	A-37
?	Ребро	Концы отсутствуют	Проксимальная часть	A-29

Обширные следы огня на нерасчлененном скелете, найденном в сгоревшей постройке, свидетельствуют о том, что человек оказался в ловушке. Следы стертости представляют собой маленькие царапинки, возникающие при трении кости о наковальню или отбойник в процессе разбивания. Наковальни и отбойники использовались для разламывания длинных костей и позвонков с целью извлечения костного мозга и жира. Заполированность концов фрагментов возникает в процессе перемешивания мяса при его варке в глиняном сосуде вследствие трения о стенки сосуда. Заполированность обширного участка кости, особенно в середине фрагмента (вышеуказанный причина в данном случае исключается) свидетельствует, скорее всего, о деятельности хищников. Отсутствие позвонков объясняется тем, что их разламывали и вываривали для извлечения жира и других питательных веществ.

Перимортальные переломы. Из 65 изученных экземпляров 59 (90,8%) имели перимортальные переломы. Поскольку разламывать свежую кость способны как люди, так и животные, сам по себе этот тип разрушений не может быть надежным индикатором деятельности тех или других. На основании формы разрушения можно полагать, что часть костей, хотя и очень небольшая, была повреждена людьми.

Сравнение размеров фрагментов костей из пещеры Еленева и из северо-американских коллекций (табл. 4) показывает, что в целом те и другие варьируют примерно в одинаковых пределах, но среднее значение для человеческих костей из пещеры Еленева (10,1 см) несколько больше. Средний размер фрагментов костей косули из этой пещеры меньше, чем образцов человеческой кости с того же местонахождения. Разница объясняется способами разделывания мяса и костей:

Таблица 4. Размеры (см) фрагментов костей с перимортальными повреждениями из пещеры Еленева и с памятников Северной Америки

Стоянка	Элемент	Средний	Пределы вариации	Число наблюдений
Пещера Еленева, человеческие	Все	10,1	2,5 – 19,8	54
Пещера Еленева, <i>Capreolus</i> , группа 1	»	7,3	2,9 – 17,5	104
То же, группа 2	Неопределенные длинные кости	4,2	1,5 – 6,8	72
То же, группа 3	Все	6,5	1,6 – 14,2	114
То же, группа 4	Неопределенные длинные кости	4,0	2,4 – 6,2	30
Вупатки, парнокопытных	Неопределенные длинные кости	8,5	2,5 – 19,1	172
Леру Уош, человеческие	То же	5,7	1,8 – 15,3	260
То же	Ребра	15,7	1,9 – 17,3	168
Пенаско Бланко, человеческие	Неопределенные длинные кости	8,3	2,6 – 21,6	147
То же	Ребра	7,3	3,0 – 14,0	66
Тлателкомила, человеческие	Неопределенные длинные кости	6,0	1,5 – 20,8	306
То же	Ребра	7,1	2,1 – 16,7	149

Примечание. Леру Уош и Вупатки находятся в Аризоне, Пенаско Бланко – в Нью-Мексико, Тлателкомила – в Мексике. Все данные из работы [Turner II, Turner, 1999].

человеческие кости обгладывали главным образом животные, тогда как кости косуль повреждены в основном людьми. Встречаемость на человеческих костях повреждений, причиненных хищниками, в коллекции из пещеры Еленева (73,8%) гораздо выше, чем в материалах какой-либо стоянки юго-запада США, где отмечен каннибализм [Turner II, Turner, 1999]: Ла Плата-23 (Колорадо) – 39 фрагментов из 351 (11,1%); Маршвью Хэмлет (Колорадо) – 37 из 528 (7,6%), Ацтек Уош-1 (Колорадо) – 69 из 1 169 (5,9%). На большинстве других стоянок юго-запада США и Мексики процент гораздо ниже, причем по крайней мере на шести из них следы зубов хищников и грызунов на человеческих костях отсутствуют. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что соотношение было обратным: если в пещере Еленева человеческие кости повреждались главным образом хищниками, то на стоянках юго-запада США – людьми.

Надрезы. На двух неполных костях (диафизах) имеются четыре очень узких надреза. Эпифизы отсутствуют. Один диафиз относится к плечевой кости (A-13), другой – к малой берцовой (A-53). Обе кости левые и принадлежали взрослым. Диафиз плечевой кости был найден в слое 9А, диафиз малой берцовой – в слое 3. То, что они находились на раз-

ных уровнях, а значит, были разделены во времени, свидетельствует о том, что речь идет о двух эпизодах, по-видимому, связанных с расчленением тел. На обоих экземплярах есть также следы зубов (на плечевой – 6 царапин и 22 вмятины, на малой берцовой – соответственно 2 и 3). Хищники, гладавшие эти кости, откусили по крайней мере по одному эпифизу от каждой. Оба фрагмента сильно заполированы. Учитывая несомненное участие хищников в разрушении этих костей, нельзя исключить того, что и следы, кажущиеся надрезами, не были результатом деятельности людей.

На скелетной кости взрослого человека (A-44), найденной в слое 9А, тоже имеются повреждения, которые можно было бы принять за надрезы, но поскольку имеется также 12 царапин от зубов, мы без колебания сочли и “надрезы” следами деятельности животных. Правда, на некоторых костях косули, не тронутых хищниками, тоже имеются похожие тонкие надрезы.

Обожженность. На двух образцах из 65 (3,1%) отмечены следы огня. Один из них – часть фаланги (A-82, слой не обозначен). Другой состоит из 19 очень мелких фрагментов черепного свода подростка. Все они обожжены снаружи, а большинство несет слабые следы огня также и на внутренней поверхности.

Поскольку размеры этих косточек малы (меньше 2,5 см), мы не стали бы изучать каждую по отдельности. Но так как все они обожжены одинаково и имеют примерно одну и ту же толщину, похоже, что они принадлежали одному индивидууму, а потому были изучены в совокупности, как один образец. Эти 19 фрагментов происходят из слоя 10 и на одном из них, возможно, есть очень узкий надрез.

Следы трения о наковалью. На одном фрагменте женской бедренной кости (без эпифизов) из слоя 10 отмечена группа коротких бороздок (6). Имеются также царапины (12) и вмятины от зубов хищников. Этот фрагмент длиной 15,2 см сильно заполирован на концах и в середине. Учитывая обилие повреждений, причиненных хищниками, и в данном случае нельзя исключить того, что бороздки тоже были результатом их деятельности.

Заполированность. Заполированность может присутствовать на одном конце, на обоих и/или в средней части. Из 65 фрагментов 23,1% имели заполированность на концах, 6,1 – в средней части, 67,7 – как на концах, так и посередине, а 3,1% не имеют этой особенности. К последним относятся два наиболее полных поясничных позвонка, на которых вообще нет никаких перимортальных повреждений. Если исключить четыре фрагмента с заполированностью в средней части (на двух из них имеются царапины или вмятины от зубов) и неповрежденные позвонки, то оставшиеся экземпляры позволяют выяснить, существует ли связь между заполированностью и следами зубов хищников. Если слабая заполированность – результат человеческой деятельности, то следов зубов на таких фрагментах будет немного. Это предположение, однако, не подтвердилось: 12 из 15 костей со следами заполированности на концах (80,0%) имели также царапины и вмятины, а из 44 образцов с заполированностью на концах, и в середине следы зубов отмечены на 34 (77,3%). Различия, разумеется, недостоверны.

Отсутствующие позвонки. Семь экземпляров из 65 (10,8%) – неполные или полные позвонки. Для пяти из них слой не указан, по одному найдено в слоях 10 и 11В. Все они принадлежали взрослым индивидуумам, минимальное число которых – два, поскольку имеются два атланта. Если учесть, что, по другим данным, наименьшее число индивидуумов – пять, а всего у человека 24 позвонка, ожидаемое число позвонков должно составить 120. А поскольку их всего семь (5,8% от ожидаемого числа), это означает, что многие позвонки отсутствуют, как и в материалах со стоянок юго-запада США, где отмечен каннибализм. Однако большое количество повреждений, связанных с деятельностью хищников, не позволяет дать однозначный ответ на вопрос о том, имел ли тут место каннибализм.

Другие перимортальные изменения. Повреждения костей из пещеры Еленева, по-видимому, не связаны с условиями залегания. По существу, кости не плохо сохранились – все, кроме одной. Такая ситуация обычно наблюдается при раскопках пещерных стоянок. Единственный плохо сохранившийся образец (фрагмент диафиза плечевой кости взрослого, А-12, точные сведения о слое отсутствуют) легко крошился. Остальные были твердыми, некоторые даже напоминали слоновую кость. Упомянутый образец имел 2 царапины и 10 вмятин от зубов хищников.

В отличие от сибирских стоянок эпохи плейстоцена, где были обнаружены костные остатки гиен, в пещере Еленева не найдено фрагментов, разъеденных желудочным соком. “Желудочные” кости являются результатом заглатывания и частичного переваривания костей гиенами и волками. Впрочем, один астрагал косули имеет эродированную поверхность. Эта косточка диаметром всего 2,9 см, найденная в 1987 г. в слое 9А, вполне могла быть случайно проглочена волком или собакой. Наконец, все образцы были обследованы на предмет обнаружения следов деятельности грызунов и насекомых. Таковых не выявлено.

Итак, практиковали ли обитатели пещеры Еленева каннибализм? К сожалению, определенный ответ в настоящее время дать нельзя. Возможно, практиковали. Если бы мы располагали большим количеством фрагментов с насечками и другими следами искусственной обработки, но без повреждений, причиненных хищниками, можно было бы высказаться более определенно, как и в том случае, если бы все человеческие кости происходили из одного слоя, что свидетельствовало бы об однократном событии. В настоящее время тафономические “помехи”, возникшие вследствие деятельности хищников, заглушают слабый сигнал о каннибализме, который, возможно, поступает из одного или нескольких слоев.

Морфология зубов и родственные связи обитателей пещеры Еленева

Кто же были обитатели пещеры Еленева? Сильные разрушения костей и малочисленность серии не позволяют провести сопоставительный краинологический анализ. Однако имеется достаточное количество нестертых зубов, благодаря чему можно провести, по крайней мере, приблизительную оценку родственных связей. В табл. 5 представлены описательные признаки зубных коронок и корней (определения сделаны по одонтологическим стандартам, разработанным в Университете штата Аризона [Turner et al., 1991]) и сравнительные данные о частоте встречаемости этих признаков в материалах памятников Западной Европы, Китая и Монголии [Scott, Turner, 1997].

Таблица 5. Морфологические признаки человеческих зубов из пещеры Еленева
(данные для обоих полов суммированы)

Слой	Признак	Число индивидуумов	Балл	Частота встречаемости признака, %		Предполагаемые родственные связи
				Западная Европа	Китай и Монголия	
<i>Верхняя челюсть</i>						
10	Поворот I ¹	1	3 (прямая)	3 – 11	22 – 28	Европа
10	Лопатообразность I ¹	1	4	0 – 4	50 – 75	Азия
10	Лабиальная кривая I ¹	1	0	Низкая	Редко	?
10	Двойная лопатообразность I ¹	1	3	2 – 4	22 – 28	Азия
10	Лингвальный бугорок на I ²	1	2	Часто	Часто	?
10, 11	Метаконус на M ³	2	3; 3	Неясно	Неясно	?
10, 11	Трехбугорковый M ²	2	3,5; 3,5	20 – 30	8 – 12	Азия
10	Пятый бугорок на M ¹	1	2	8 – 18	19 – 24	»
10	Бугорок Карабелли (4 – 6)	1	2	23 – 33	12 – 18	»
10, 11	Парастиль на M ³	2	0; 0	Неясно	Неясно	?
10	Межкорневой затек эмали на M ¹	1	3	2 – 4	50 – 55	Азия
7, 10	Двухкорневой P ¹	3	1; 1; 2	35 – 46	27 – 32	»
10, 11	Трехкорневой M ²	2	1; 3	52 – 65	65 – 70	Европа
10, 11	Редукция M ³ (колышковидность, отсутствие)	2	1R	Часто	Часто	?
7, 10	“Бушменский клык”	2	0	Редко	Редко	?
<i>Нижняя челюсть</i>						
10	Шестой бугорок на M ₁	1	0	3 – 12	33 – 38	Европа
10	Седьмой бугорок на M ₁	1	2	3 – 8	5 – 10	?
10	Протостилид на M ₁	1	0	Редко	Часто	Европа
10	Y-борозда на M ₂	2	Y, +	23 – 25	8 – 10	»
10, 11	Четырехбугорковый M ₂	2	0	4 – 13	0 – 2	Азия
10	Дистальный гребень тригонида на M ₁	1	0	3 – 9	2 – 8	?
10	Трехкорневой M ₁	3	0	0 – 3	22 – 32	Европа
10, 11	Однокорневой M ₂	2	1; 2	22 – 33	35 – 44	Азия

Примечание. Признаки и схемы определения см: [Scott, Turner, 1997; Turner et al., 1991].

Зубы обитателей пещеры Еленева чуть ближе к зубам с местонахождений Китая и Монголии (по семи признакам, а возможно и еще по двум, отмечено сходство с восточными азиатами, по шести, а быть

может и по семи, – с европейцами, восемь признаков не дают указаний на направление связей). В целом серия из пещеры Еленева (все слои объединены) морфологически промежуточная. Это не удивительно,

т.к. почти все группы, относимые, согласно классификации Г. Скотта и К. Тернера [Ibid], к южносибирским, являются промежуточными между восточноазиатскими и европейскими. Так, двухкорневые нижние постоянные клыки у европейцев имеют частоту встречаемости в среднем немного более 5%. Они чрезвычайно редки у народов Восточной Азии, Австралии, Океании и Америки. В южносибирских группах этот показатель 2 – 4% [Ibid, p. 229]. Т.А. Чикишева [2000, с. 142, 145] также рассматривает южносибирские группы в качестве промежуточных между европейскими (европеоидными) и восточноазиатскими (монголоидными). Она полагает, что метисация произошла не позже, чем на рубеже неолита и энеолита.

К сожалению, материалы из пещеры Еленева не дают практически никакой информации по поводу того, произошло ли смешение относительно недавно или же в плейстоцене. И все-таки можно предположить, что в эпоху формирования слоя 10 (около 6 тыс. л.н.) обитатели пещеры в одонтологическом отношении были сходны как с европейскими, так и с восточноазиатскими популяциями.

Что же касается оценки родственных связей по остеологическим признакам, то следует отметить сохранившийся кусочек носовой кости на одном фрагменте черепа взрослого (А-51), которая не обнаруживает ни малейшей уплощенности, в отличие от носовых костей большинства восточных азиатов.

Заключение

Антропологический материал из пещеры Еленева был проанализирован с целью выявления разных типов перимортальных повреждений. При анализе использовались шесть ключевых критериев для определения каннибализма по тафономическим показателям. Некоторые свидетельства этой практики были получены по всем шести ключевым критериям, в частности, на материалах из смежных слоев 9А и 10. Одна-

ко сильные повреждения, причиненные хищниками (на 73,8% фрагментах костей отмечены царапины и вмятины от зубов, а также значительная заполированность), могли создать картину, очень похожую на ту, которая наблюдается в результате деятельности людей. Поэтому определенные заключения относительно каннибализма на нынешней стадии едва ли возможны.

Данные о родственных связях обитателей пещеры Еленева по морфологическим признакам скелета выглядят более убедительно, хотя не стоит забывать о малочисленности выборки. Складывается впечатление, что, по крайней мере, в тот период, когда формировался слой 10, жители пещеры Еленева, как и другие южносибирские популяции, обнаруживали в одонтологическом отношении сходство как с европейцами, так и с восточными азиатами.

Список литературы

Чикишева Т.А. К вопросу о формировании антропологического состава населения Западной Сибири в эпоху поздней бронзы (интерпретация палеоантропологического материала из могильника Старый Сад в Центральной Барабе) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2 (2). – С. 131 – 147.

Scott G.R., Turner C.G. II. The Anthropology of Modern Human Teeth: Dental Morphology and its Variation in Recent Human Populations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Turner C.G. II, Nichol C.R., Scott G.R. Scoring procedures for key morphological traits of the permanent dentition: The Arizona State University dental anthropology system // Advances in Dental Anthropology / Eds. M.A. Kelley, C.S. Larson. – N.Y.: Wiley-Liss, 1991. – P. 13 – 31.

Turner C.G. II, Turner J.A. Man Corn: Cannibalism and Violence in the Prehistoric American Southwest. – Salt Lake City: University of Utah Press, 1999. – 547 p.

Материал поступил в редакцию 12.09.02 г.

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ

УДК 572

А.Г. Козинцев

Музей антропологии и этнографии РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: alexander.kozintsev@pobox.spbu.ru

ОТ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА К ВЕРХНЕМУ: АДАПТАЦИЯ И АССИМИЛЯЦИЯ (сунгирская проблема на новом этапе изучения)

Дискуссия по проблеме перехода от среднего палеолита к верхнему затрагивает один из наиболее важных аспектов древней истории человечества. С ним связан вопрос, касающийся не только истории, но и биологии, – о преемственности (или отсутствии такой) между архаическими и современными гоминидами. Для его изучения исключительно важна недавно появившаяся фундаментальная антропологическая монография о Сунгире [Homo *sungirensis*..., 2000], уже вторая по счету и по объему намного пре восходящая первую [Сунгирь..., 1984], поскольку она содержит огромное количество данных о биологической адаптации сунгирцев. Не будем придираться к названию “*Homo sungirensis*”, а перейдем сразу к сути дела. Предлагаемая статья – ни в коей мере не рецензия, а лишь попытка продолжить обсуждение вопроса, под которым даже и столь фундаментальное исследование, как мне кажется, не подвело черту.

Напомню прежде всего, что находки на Сунгире имеют прямое отношение к вопросу о связи между средним и верхним палеолитом. Культура памятника, хотя и не относится к ранним этапам верхнего палеолита, отчетливо демонстрирует, подобно другим европейским культурам, которые в отличие от явно пришлой ориньякской культуры сформировались на местной основе, целый ряд среднепалеолитических (мустерьских) черт [Бадер, 1978, с. 219 – 225; Сунгирь..., 1984, с. 8].

В новой монографии, как и в предыдущей, есть археологическая глава [Homo *sungirensis*..., 2000, с. 21 – 27]. В ней говорится о том, что аналоги сунгирской культуре обнаруживаются на памятниках костенко-стрелецкой (Восточная Европа) и позднеселетской (Центральная Европа) культур, но что именно

отсюда следует, остается неясным. Судя по всему, это не случайно. Интегрировать выводы археологов и антропологов теперь стало практически невозможно и, боюсь, не по вине первых. Дело в том, что новая монография полемична по отношению к предыдущей, несмотря на то, что некоторые авторы участвовали в обоих исследованиях. Если в первой книге представлен целый ряд фактов, позволивших говорить о неандертальском компоненте у сунгирцев, то во второй книге главенствует мысль об отсутствии такого компонента. Приведу в качестве примера трансформацию взглядов А.А. Зубова. Написанная им для первой монографии глава о зубной системе сунгирцев во второй книге напечатана без изменений, лишь вывод стал звучать по-иному. В первой книге он формулируется так: “Сунгирский материал дает, таким образом, хорошие аргументы в пользу существования преемственности между неандертальским и современным человеком” [Сунгирь..., 1984, с. 178]. Во второй книге читаем: “Сунгирский материал дает, таким образом, хорошие аргументы в пользу существования преемственности между древними гоминидами и современным человеком” [Homo *sungirensis*..., 2000, с. 267]. Вторая мысль при всей ее бесспорности заставляет задуматься о закономерности такого изменения, представляющего собой часть более широкой тенденции.

В последние годы на позиции узкого моноцентризма, отрицающего какую бы то ни было метисацию пришедших в Европу с юга (из Африки или с Ближнего Востока) сапиенсов и местных неандертальцев, перешли некоторые наши и зарубежные моноцентристы, прежде допускавшие возможность метисации. Среди них, напр., Г. Брайер (ср.: [Bräuer, 1990, 2001]).

Основная, если не единственная, причина такого сдвига – появление в 1997 г. данных о мтДНК неандертальцев. Эти материалы, произведшие на антропологов огромное впечатление, свидетельствуют о том, что неандертальцы (после публикации результатов по Виндии число исследованных индивидуумов достигло трех, см.: [Krings et al., 2000]) в генетическом отношении противостоят всем современным человеческим группам вместе взятым. У сунгирских детей, напротив, обнаружен вариант мтДНК, типичный для современных европейцев [*Homo sapiens*..., 2000, с. 351 – 356].

Мне трудно понять причину того поистине революционного эффекта, который произвели на антропологов генетические данные о неандертальцах. Не приходится, конечно, сомневаться в том, что возникновение палеогенетики открыло перед наукой об антропогенезе широчайшие перспективы. Однако, строго говоря, новые факты лишь подтвердили то, в чем моноцентристы не сомневались и прежде.

Еще полвека назад Я.Я. Рогинский с полной наглядностью продемонстрировал, что неандертальцы, как и прочие несапиентные гоминиды, противостоят всему современному человечеству в целом [1949, с. 71, 75]. Разрыв между неандертальцами и современными людьми превосходит межрегиональную изменчивость у последних, причем региональная преемственность между сапиенсами и их предшественниками почти не обнаруживается и в масштабе всей эйкумены. Эти выводы выглядят едва ли менее убедительными от того, что сделаны на материалах краинологии, а не генетики. Морфологические признаки полимерны (контролируются многими локусами), тогда как по отношению к наследуемости мтДНК вследствие отсутствия рекомбинации ситуация в сущности такова, как если бы речь шла об одном единственном локусе, впрочем, высокополиморфном. К тому же, неандертальских черепов, конечно, не три (таков размер генетической выборки), а гораздо больше.

Говорить о решающем воздействии среды на строение черепа в данном случае не приходится. Старая идея полицеントристов, объясняющая краинологические особенности неандертальцев трудовой деятельностью, в частности, использованием челюстей в качестве тисков, настолько наивна, что заставляет удивляться ее живучести в американской антропологии наперекор здравому смыслу. Сегодня полицеентризм в его традиционном понимании практически мертв. Утверждать, что неандертальцы были прямыми и единственными предками современных европейцев, стало совершенно невозможно. После обнаружения останков “классического” неандертальца в весьма позднем (верхнепалеолитическом) слое Сен-Сезера настаивать на этом продолжал, кажется, только Л. Брэйс.

Однако, по мнению Я.Я. Рогинского, который назвал защищаемую им концепцию “широким моноцентризмом”, было бы полной ошибкой полагать, будто сапиенсы, расселившись из одного центра, истребили всех своих предшественников и не смешались с ними. Одним из главных доказательств происходившей метисации служит то, что из всех современных групп от неандертальцев наименее удалены жители Европы [Рогинский, 1949, с. 75, 93 – 94]. Маловероятно, что это случайность или, что еще менее вероятно, результат влияния среды. Правда, и в Европе наблюдается не преемственность, а разрыв. Но в данном регионе разрыв несколько менее широк, чем на других континентах. Этот факт, игнорируемый узкими моноцентристами, был позже подтвержден американскими краинологами [Brace, Tracer, 1992].

Что же касается результатов анализа мтДНК, то вопреки широко распространвшемуся в последние годы мнению они вовсе не свидетельствуют о принадлежности неандертальцев и сапиенсов к разным биологическим видам. Генетических различий между этими двумя группами меньше, чем между подвидами шимпанзе [Krings et al., 1999]. Нет никаких генетических свидетельств того, что сапиенсы были отделены от неандертальцев непреодолимым репродуктивным барьером. Даже если бы они принадлежали к разным видам, то и тогда, как известно, была бы возможность образования гибридных популяций. Такая ситуация зафиксирована, например, в зоне контактов гамадрилов и анубисов в Эфиопии [Симмонс, 1997]. Возможность метисации между неандертальцами и сапиенсами признается и генетиками [Krings et al., 2000; Relethford, 2001].

Единственное, о чем можно говорить с уверенностью, – так о том, что неандертальские варианты мтДНК были утеряны в процессе эволюции. Причинами этого могли быть, кроме исчезновения самих неандертальцев, чрезвычайно высокий темп мутаций (гораздо выше, чем в ядерной ДНК), отсутствие рекомбинации, а также малые размеры групп, способствующие генному дрейфу (вдобавок эффективный размер группы в случае мтДНК намного меньше, чем для систем, контролируемых ядерной ДНК).

Существует, наконец, еще один фактор, который мог ускорить данный процесс. Речь идет об отборе. Это не значит, что неандертальские гаплотипы сами по себе могли как-то ограничивать жизнеспособность (или, напротив, “сапиентные” гаплотипы – ее повышать). Селективный механизм мог быть не биологическим, а чисто социальным. Как известно, мтДНК передается только по женской линии. Отбор против неандертальских гаплотипов мтДНК (если такой действительно происходил) – это отбор против неандертальских или метисных женщин или девочек. Когда популяция попадает в неблагоприятные условия

(неандертальцы вполне могли оказаться в таких условиях после появления сапиенсов), риск для разных полов неодинаков. Как известно из этнографии, при общем стрессе жертвами детоубийства и плохого ухода становились, как правило, девочки. Так развивалась ситуация для африканских рабов в Америке. Неизбежное в данных условиях вымирание искусственно компенсировалось тем, что среди ввозимых рабов значительно преобладали девочки. На кладбище невольников в Нью-Йорке среди детей до пяти лет девочек оказалось в 7 – 11 раз больше, чем мальчиков, тогда как среди взрослых погребенных преобладали мужчины [Howson et al., 2000].

Именно вымиранием неандертальских или метисных матрилиний при большей устойчивости мужской части местного населения можно, как представляется, объяснить тот факт, что по mtДНК современные европейцы не ближе к неандертальцам, чем иные человеческие группы [Krings et al., 1999], хотя по краниологическим признакам выявляется другая картина (см. выше). В целом ассимиляция неандертальцев, как альтернатива их полному вымиранию, вполне вероятна, что отмечалось многократно, в т.ч. мною [Козинцев, 1994, 1997]. Это предположение вполне соответствует обоснованной Я.Я. Рогинским теории широкого моноцентризма.

Подобная ситуация имела место, например, на Японских островах, где вторгшиеся с Корейского полуострова земледельцы, носители культуры бронзового века яёй, постепенно оттесняли на север местных охотников и собирателей, носителей более отсталой неолитической культуры дзёмон, и частично ассимилировали их. Впоследствии южные группы аборигенов влились в формирующийся японский этнос (о чем свидетельствует изменчивость краниологических признаков у японцев, см.: [Kozintsev, 1990]), тогда как северные, сопротивлявшиеся ассимиляции в течение многих веков, превратились в айнов и в конечном итоге оказались на грани исчезновения. Соответственно, в северных группах японцев дзёмонский антропологический субстрат не прослеживается.

На мой взгляд, “японская” модель как нельзя лучше годится для понимания ситуации в Европе в эпоху последнего оледенения. В самом деле, тут представлены все этапы процесса, подобного тому, который происходил на Японских островах. Имеются, в частности, неандертальцы с верхнепалеолитической культурой (Сен-Сезер, Арси-сюр-Кюр), более поздние сапиенсы с неандертальским субстратом, возможно, неоднородным по происхождению (примерами, на мой взгляд, служат Сунгирь, гоминиды из Моравии, Кро-Маньян III, Лагар Велью), сапиенсы, у которых такой субстрат пока не обнаружен (прочие верхнепалеолитические гоминиды Европы), и, наконец, пос-

ледние неандертальцы, сохранившие мусьевскую культуру, оттесненные на периферию континента и, очевидно, вымершие там (Сафаррайя).

М.Б. Медникова недоумевает по поводу использованного мною термина “верхнепалеолитические неандертальцы” и, насколько можно понять, приписывает мне абсурдную мысль о том, что сунгирцы – не сапиенсы [*Homo sungirensis*..., 2000, с. 388]. Жаль, что в археологической главе новой монографии о Сунгире по существу не затронута проблема генетических связей. Если бы это было сделано, М.Б. Медникова убедилась бы в том, что принадлежность выросших на местной мусьевской основе верхнепалеолитических культур, близких к сунгирской, но более ранних (селет, шательперрон и др.), неандертальцам или их потомкам не вызывает сомнений практически ни у кого. Благодаря находке из Сен-Сезера это перестало быть гипотезой и стало фактом. Что касается обитателей Западной Европы, то спор идет лишь о том, усваивали ли аборигены культурные достижения пришельцев (так думает большинство специалистов) или же сами, независимо от ориентиров, перешагнули культурный рубеж, отделяющий средний палеолит от верхнего. Но и то, и другое должно было способствовать и выживанию, и ассимиляции совершенно так же, как земледелие, заимствованное аборигенами Южной Японии у пришельцев с континента, способствовало тому, что местное население не было истреблено и образовало субстрат южных групп японцев. Аналогичным образом лошадь и огнестрельное оружие, заимствованные аборигенами Нового Света у европейцев, способствовали тому, что индейцы не были полностью уничтожены и составили часть американской нации.

Однако упомянутый спор затрагивает начало верхнего палеолита. Сравнительно поздние даты Сунгиря, как и принадлежность его обитателей к людям современного вида, в чем, конечно же, никто не сомневался, переводят вопрос в иную плоскость: существуют ли биологические свидетельства неандертальского субстрата в данной сапиентной группе, верхнепалеолитическая культура которой, по мнению археологов, явно и притом довольно поздно (судя по обилию пережиточных черт) выросла из мусье не очень отдаленных территорий, скорее всего, Южной России? Иными словами, соответствуют ли антропологические факты археологическим или же противоречат им? Если согласиться с М.Б. Медниковой, считающей единственными предками сунгирцев “кроманьонских мигрантов из тропических регионов”, – противоречат. Однако никаких способов разрешить созданное ею противоречие она не предлагает и даже вообще о нем не упоминает.

На мой взгляд, никакого противоречия нет. В свое время Е.Н. Хрисанфова, посвятившая образцовое по тщательности исследование посткраниальному скелету взрослого мужчины из Сунгиря, несомненного представителя вида *Homo sapiens*, обратила внимание на целый ряд особенностей (большей частью мелких), сближающих его с неандертальцами [Хрисанфова, 1980; Сунгирь..., 1984, с. 100 – 140; *Homo sungirensis...*, 2000, с. 193 – 215, 345 – 348]. Как следует из новой монографии, исследовательница не отказалась от своих выводов, которые она защищала на протяжении многих лет и которые представляются мне в высшей степени убедительными, и по-прежнему считает наиболее вероятным смешанное происхождение сунгирцев, хотя и допускает, что какие-то из этих черт могли возникнуть конвергентно [*Homo sungirensis...*, 2000, с. 348].

Я предложил некоторую модель, помогающую понять, каким образом процессы аккультурации, метисации и отбора (климатического и полового) в условиях сосуществования аборигенов с пришельцами могли привести к наблюдаемому результату [Козинцев, 1994, 1997]. Эти построения вопреки тому, что пишет М.Б. Медникова [*Homo sungirensis...*, 2000, с. 393], вовсе не означают признания “непосредственного происхождения сунгирцев от европейских неандертальцев”. Альтернатива “либо прямая преемственность, либо полное замещение” была приемлема в эпоху М. Буля и А. Хрдлички, но сегодняшнему уровню науки она не соответствует. Современная “широкая” версия теории мультирегиональной эволюции, по крайней мере в той части, которая касается Европы, почти не отличается от теории широкого монополитизма Я.Я. Рогинского [Wolpoff, Hawks, Caspari, 2000]. Кстати, еще до появления данных о mtДНК неандертальцев я писал о том, что считать ситуации типа сунгирской “серезным аргументом в пользу полиполитизма как универсальной модели нет оснований. Все это были скорее всего поздние и слабые отголоски того уникального события, которое произошло гораздо раньше и в совершенно ином месте” [Козинцев, 1994, с. 15].

Предложенная мною модель – лишь одна из возможных. Она вполне может оказаться не адекватной реальности. Но М.Б. Медникова ее и не опровергает. Споря не столько со мной, сколько с Е.Н. Хрисанфовой, она пытается доказать отсутствие неандертальской специфики в строении сунгирского скелета.

В этой полемике очень важно отделить факты от гипотез. Повторяю, предложенная мной схема носит вполне гипотетический характер. Но факты, на которых она базируется, представляются мне твердо установленными. Каким же образом М.Б. Медникова трактует отмеченные Е.Н. Хрисанфовой черты? Она лишь ссылается на то, что аналогичные особенности

характерны для людей из Пршедмости. Можно добавить, что в еще большей степени пережиточно-неандертальские (именно неандертальские, а не просто “архаические”) черты присущи их черепам (см., напр.: [Howells, 1982]). Об очень вероятном неандертальском компоненте у этих сапиенсов специалисты писали неоднократно, привлекая серьезные аргументы. Скажу попутно, что используемый в обсуждаемой монографии для обозначения всех европейских верхнепалеолитических сапиенсов термин “кроманьонцы” вряд ли удачен. Как заметил М. Уоллоф, если бы эталоном верхнепалеолитической морфологии черепа был не Кро-Маньян, а, например, Младеч, вопрос о неандертальском компоненте у европейских сапиенсов предстал бы в совсем ином свете.

Впрочем, и в отношении Кро-Маньюна ясности нет. В.И. Кочеткова, исследовав эндокран индивидуума Кро-Маньян III, пришла к выводу, что по ряду особенностей строения мозга этот человек «представляет собой как бы прямого потомка “классических неандертальцев”» [1964, с. 127]. Те же признаки обнаружаются и у некоторых других верхнепалеолитических людей, в частности, из Моравии. Где и когда могли появиться эти черты? На Ближнем Востоке, будучи унаследованными у гоминид типа Схул-Кафзех (и тогда результат был бы совместим с идеей полного вытеснения европейских неандертальцев), или уже в Европе благодаря местному неандертальскому субстрату? Не вдаваясь в этот вопрос, замечу только, что, по данным В.И. Кочетковой, в единственном случае, когда гоминиды из Схула демонстрируют отличия от большинства европейских неандертальцев и сходство с современными людьми (по размерам среднего участка затылочной доли), Кро-Маньян III сближается не с гоминидами из Схула и современными людьми, а с неандертальцами Европы [1966, с. 480, рис. 7].

Е.Н. Хрисанфова пишет о “поразительном сходстве” сунгирца по некоторым мелким деталям посткраниальной анатомии с гоминидом Схул 4, но отмечает также параллели с неандертальцами и верхнепалеолитическими сапиенсами Европы [*Homo sungirensis...*, 2000, с. 346, 348].

Следует учесть, что люди из Кро-Маньюна (и Младеч), в отличие от сунгирцев, были носителями пришлой (ориньякской) культуры. Но ведь и у гоминид группы Схул-Кафзех отмечаются неандертальские черты в строении черепа, тогда как для их посткраниального скелета эти черты менее типичны. Именно такое соотношение (обратное от сунгирского!) обнаруживается у людей из Младеч, Пршедмости и, возможно, у ранних ориньякцев из пещеры Фогельхерд [Churchill, Smith, 2000]. И археологические, и антропологические данные, похоже, свидетельствуют о том, что эти гоминиды действительно могли быть

прямymi потомками пришельцев с Ближнего Востока. Но вместе с тем, как показало изучение морфологических особенностей зубов ориньякцев и граветтийцев, в одонтологическом отношении эти люди обнаруживают не просто архаизм, а специфическое тяготение к европейским неандертальцам. По мнению исследователей, это указывает на гибридизацию [Coppa et al., 1999]. Как бы то ни было, ясно пока лишь одно: ситуация намного сложнее, чем это представляется сторонникам узкого моноцентризма.

Независимо от того, кто был источником неандертальского компонента – ранние мустьерцы Палестины или же поздние мустьерцы Европы (в разных верхнепалеолитических группах ситуация могла быть различной), в самом присутствии этого компонента у европейцев эпохи верхнего палеолита сомневаться, на мой взгляд, невозможно. Но тогда возникает вопрос: если неандертальские пережитки представляют собой в основном ближневосточное наследие, то чем объяснить исчезновение этих черт в последующие эпохи? Существованием на территории Европы самостоятельного и очень позднего очага сапиентации? Тем, что эти большей частью мелкие и не связанные между собой особенности стали почему-то селективно невыгодны в условиях потепления климата? Ноным притоком сапиентного населения извне? Все эти предположения ничем не подтверждаются. Наиболее вероятным представляется постепенное исчезновение местного неандертальского субстрата в верхнепалеолитических и более поздних популяциях в ходе естественных демографических процессов. (Впрочем, при внимательном анализе незначительные следы этого субстрата выявляются и в поздние эпохи, о чем свидетельствуют краинометрические особенности близкого к современности населения Европы, особенно ее северо-западной части [Brace, Tracer, 1992].)

Но если так, то приходится предположить, что первые сапиенсы, принесшие в Европу ориньякскую культуру, отличались от ближневосточных мустьерцев значительно более современным строением. Их облик нам пока не известен ни по ближневосточным, ни по европейским материалам. Ранняя стадия ориньяка в Европе представлена по существу лишь крайне фрагментарными останками из Фогельхерда (см. выше), прочие сапиентные находки относятся к более позднему времени. Но даже самый ранний европейский ориньяк едва ли древнее 45 тыс. лет. Между тем средние даты Схула (по разным анализам) – 119 – 81 тыс. л.н., Кафзеха – 115 – 92 тыс. л.н. (сводку дат см.: [Kaufman, 2001]). Хронологический разрыв по крайней мере в 36 тыс. лет заставляет осторожно относиться к предположению о том, что первые ориньякцы в Европе были очень похожи на этих левантийских гоминид. И даже если принять самую позднюю, aberрантную, дату Схула (55 тыс. л.н.), то все равно

остается зазор как минимум в 10 тыс. лет, в течение которого процесс сапиентации мог завершиться за пределами Европы.

Мог он, впрочем, завершиться и гораздо раньше. Метисное сапиентно-неандертальское происхождение гоминид Схула и Кафзеха, в которых мы привыкли видеть “неготовых сапиенсов”, нельзя исключить [Thoma, 1957, 1958], даже и несмотря на ранние даты. Как верно замечает Е.Н. Хрисанфова, антропологические параллели между Сунгирем и Схулом (не распространяющиеся, кстати, на строение черепа, в отличие от того, что наблюдается в Младече и Пршедмости) вполне могут быть вторичными, вызванными метисационными процессами, происходившими в разное время и на разных территориях [Homo sungirensis..., 2000, с. 348]. Постулировать существование самостоятельного позднего очага сапиентации в Европе (а именно к этому вынуждает отрижение местного неандертальского субстрата) нет никакой надобности.

Поскольку вопрос о неандертальском субстрате не утратил актуальности и после появления данных о mtДНК, “мы вынуждены, – пишет М.Б. Медникова, – в самых общих чертах вернуться к обсуждению морфологии посткраниального скелета в связи с проблемами расселения и адаптации человека верхнего палеолита” [Там же, с. 387 – 388]. Но дело в том, что обсуждать эту морфологию “в самых общих чертах” после детальнейшего исследования Е.Н. Хрисанфовой вряд ли имеет смысл. Многомерный статистический анализ, предпринятый М.Б. Медниковой и опровергающий, по ее мнению, идею неандерталоидных пережитков, относится не к множеству сравнительно мелких и едва ли существенных для биологической адаптации черт сходства, которые выявила Е.Н. Хрисанфова, а к общим размерам длинных костей. На базе этого анализа трудно сделать какие-либо выводы эволюционного, адаптационного или какого-либо иного характера. В самом деле, ни по первой главной компоненте, отражающей общую длину конечностей, ни по второй, характеризующей длину ключицы, неандертальцы не противостоят верхнепалеолитическим сапиенсам. Пропорции, по которым различаются обе группы гоминид, не отразились ни на одном из двух векторов изменчивости.

Причина столь странного результата состоит, насколько я понимаю, в том, что использован метод главных компонент, применение которого на межгрупповом уровне недопустимо, когда признаки связаны внутригрупповой корреляцией. Обойти эту трудность при изучении единичных находок можно, если использовать канонический анализ со стандартной корреляционной матрицей. Даже сравнение простых индексов было бы полезнее. В данном же случае находки проанализированы так, как если бы все они принадлежа-

ли к одной группе. Поэтому межгрупповые связи признаков не отделены от внутригрупповых. Полученный результат, естественно, не отражает реальную межгрупповую изменчивость и не может способствовать разрешению спора, поскольку все участники, независимо от их позиции, признают отличие сапиенсов от неандертальцев. Вопрос о родственных связях сунгирцев, а также более общую проблему преемственности (или отсутствия таковой) между гоминидами среднего и верхнего палеолита трудно обсуждать на базе анализа, не выявляющего различий между обеими группами.

Вместо того чтобы признать очевидное и попытаться выбрать информативные признаки и адекватный статистический метод, М.Б. Медникова переходит к обсуждению вопроса о причинах морфологической изменчивости в верхнем палеолите. Вывод: гриимальдийцы (Барма Гранде, Гrot Детей) и люди верхнего палеолита Моравии (Пршедмости) – представители высокогорного адаптивного типа. А поскольку морфотип сунгирца – переходный от высокогорного к арктическому, предки обитателей бассейна р. Клязьмы, надо полагать, “обитали на значительной высоте над уровнем моря”, ведь “с гористым ландшафтом связано и расселение близневосточных гоминид (например, гора Кармель – обиталище гоминид группы Схул)” [Там же, с. 393].

Слова “гора”, “гористый”, видимо, навели автора на ложный след. Высота горы Кармель – 546 м над ур. м. Схул находится на отметке 45 м над ур. м., Кафзех – 220 м над ур. м. В Палестине вообще нет высокогорных районов. Ривьера и Моравия также не относятся к местам, где могли бы выработать предполагаемые адаптации к гипоксии. В горных областях, как указывает А.А. Величко [1997, с. 261], гоминиды заселяли преимущественно низкогорные, т.е. благоприятные для обитания участки.

Единственный вывод, который можно сделать на основании всего этого, – теорию адаптивных типов следует применять с осторожностью, если дело касается ископаемого материала. Предположения относительно связи габитуса сунгирцев с их жизненной стратегией, физической активностью, питанием, климатом, болезнями и т.д., несомненно, интересны с точки зрения биологической адаптации, но в качестве жизнеспособной альтернативы идеи неандертальского наследия в антропологическом комплексе сунгирцев они рассматриваться не могут.

Возникает интересный парадокс более общего характера. Еще сравнительно недавно моноцентристы предпочитали говорить не об адаптации, а о филогении, тогда как для полигенетиков, особенно американских, адаптационизм был испытанным средством, помогавшим справиться с любыми затруднениями. Чем только не объясняли краниологические отличия сапиенсов от неандертальцев – и климатом,

и характером трудовой деятельности, и даже речью – все это ради того, чтобы вопреки очевидности считать первых непосредственными потомками вторых. Утверждать такое в наши дни невозможно. Однако, как ни удивительно, практически та же логика теперь взята на вооружение сторонниками моноцентризма в его крайней, максимально узкой версии.

Каким же образом один и тот же ход рассуждений приводит к диаметрально противоположным выводам? Оказывается, все зависит от того, к каким признакам мы применяем адаптационистскую логику. Если полигенетики утверждали, что различия между сапиенсами и неандертальцами обусловлены средовыми факторами и не противоречат идею происхождения первых от вторых, то приверженцы узкого моноцентризма стремятся доказать, что антропологические параллели между некоторыми сапиенсами и неандертальцами вызваны влиянием среды и не противоречат идею полного вытеснения вторых первыми без всякой метисации. В обоих случаях человеческая морфология в сущности признается бесконечно пластичной.

Так или иначе, неандертальская специфика, выявленная и в материалах Сунгиря, и в некоторых других сапиентных верхнепалеолитических популяциях Европы, пока не получила сколько-нибудь убедительной трактовки с точки зрения гипотезы адаптации. Пока факты в пользу данной гипотезы не будут представлены, придется принять более простое и более правдоподобное объяснение.

Экологический подход, вскрывающий механизмы биологической изменчивости, традиционно считается интереснее, и современнее, чем подход, позволяющий всего лишь реконструировать родственные связи группы на основании признаков, адаптивное значение которых неясно, а быть может, и вовсе отсутствует. Видимо, настало время признать, что у каждого из двух подходов своя область применения. Перспективность палеэкологических исследований несомненна. В какой мере они могут помочь в реконструкции истории, а не только биологии, ископаемых гоминид – покажет будущее.

Список литературы

Балер О.Н. Сунгирь: Верхнепалеолитическая стоянка. – М.: Наука, 1978. – 271 с.

Величко А.А. Глобальное инициальное расселение как часть проблемы эволюции человека и окружающей среды // Человек заселяет планету Земля. – М.: Ин-т географии РАН, 1997. – С. 255 – 275.

Козинцев А.Г. Связи между коллективами позднеплейстоценовых гоминид: Полигенетизм и моноцентризм на современном этапе // Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит – средневековье). – СПб.: Б.и., 1994. – С. 8 – 19.

- Козинцев А.Г.** Переход от неандертальцев к людям современного типа в Европе: Эволюция путем полового отбора? // Человек заселяет планету Земля. – М.: Ин-т географии РАН, 1997. – С. 109 – 114.
- Кочеткова В.И.** Муляж мозговой полости ископаемого человека Кро-Маньон III // Современная антропология. – М.: Изд-во МГУ, 1964. – С. 111 – 135.
- Кочеткова В.И.** Сравнительная характеристика эндокранов гоминид в палеоневрологическом аспекте // Ископаемые гоминиды и происхождение человека // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. – 1966. – Т. 92. – С. 457 – 496.
- Рогинский Я.Я.** Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас. – М.: Изд-во МГУ, 1949. – 155 с.
- Симмонс Т.** Позднеплейстоценовые зоны контакта в Леванте и Северной Африке // Человек заселяет планету Земля. – М.: Ин-т географии РАН, 1997. – С. 85 – 96.
- Сунгирь:** Антропологическое исследование. – М.: Наука, 1984. – 215 с.
- Хрисанфова Е.Н.** Скелет верхнепалеолитического человека из Сунгирия // Вопр. антропологии. – 1980. – Вып. 64. – С. 40 – 68.
- Brace C.L., Tracer D.P.** Craniofacial continuity and change: A comparison of Late Pleistocene and recent Europe and Asia // The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia / Eds. T. Akazawa, K. Aoki, T. Kimura. – Tokyo: Hokuseisha, 1992. – P. 439 – 471.
- Bräuer G.** The evolution of modern humans: A comparison of the African and non-African evidence // The Human Revolution: Behavioural and Biological Perspectives in the Origins of Modern Humans / Eds. P. Mellars, C. Stringer. – Princeton: Princeton University Press, 1990. – P. 123 – 154.
- Bräuer G.** The “Out-of-Africa” model and the question of regional continuity // Humanity from African Naissance to Coming Millennia / Eds. P.V. Tobias, M.A. Raath, J. Moggi-Cecchi, G.A. Doyle. – Firenze: Firenze University Press, 2001. – P. 183 – 189.
- Churchill S.E., Smith F.H.** A modern human humerus from the early Aurignacian of Vogelherdhöhle (Stetten, Germany) // American Journal of Physical Anthropology. – 2000. – Vol. 112, N 2. – P. 251 – 273.
- Coppa A., Cucina A., Lucci M., Vargiu R.** The Pavlov/Dolni Vestonice human remains in the context of the European Pleistocene populations // IV International Anthropological Congress of Aleš Hrdlička. Abstracts. – Prague, 1999. – P. 32.
- Homo sungirensis:** Верхнепалеолитический человек: Экологические и эволюционные аспекты исследования. – М.: Научный мир, 2000. – 460 с.
- Howells W.W.** Modern and Late Pleistocene cranial profiles // Bulletins et mémoires de la Société d’anthropologie de Paris. – 1982. – Sér. 13. – T. 9, N 4. – P. 333 – 337.
- Howson J.E., Goode-Null S.K., Blakey M.L., Brown E.L., Rankin-Hill L.M.** Political economy of forced migration and sex ratio (abstract) // American Journal of Physical Anthropology. – 2000. – Supplement 30. – P. 184.
- Kaufman D.** Comparisons and the case for interaction among Neanderthals and early modern humans in the Levant // Oxford Journal of Archaeology. – 2001. – Vol. 20, N 3. – P. 219 – 240.
- Kozintsev A.G.** Ainu, Japanese, their ancestors and neighbours: Cranioscopic data // Journal of the Anthropological Society of Nippon. – 1990. – Vol. 98, N 3. – P. 247 – 267.
- Krings M., Geisert H., Schmitz R.W., Krainitzki H., Pääbo S.** DNA sequence of the mitochondrial hypervariable region II from the Neandertal type specimen. – Proceedings of the National Academy of Sciences of USA, 1999. – Vol. 96. – P. 5581 – 5585.
- Krings M., Capelli C., Tschentscher F., Geisert H., Meyer S., von Haseler F., Grossschmidt K., Possnert G., Paunovic M., Pääbo S.** A view of Neandertal genetic diversity // Nature Genetics. – 2000. – Vol. 26, N 2. – P. 144 – 146.
- Relethford J.H.** Absence of regional affinities of Neandertal DNA with living humans does not reject multiregional evolution // American Journal of Physical Anthropology. – 2001. – Vol. 115, N 1. – P. 95 – 98.
- Thoma A.** Métissage ou transformation? // L’Anthropologie. – 1957. – T. 61. – P. 470 – 502; 1958. – T. 62. – P. 30 – 52.
- Wolpoff M.H., Hawks J., Caspari R.** Multiregional, not multiple origins // American Journal of Physical Anthropology. – 2000. – Vol. 112, N 1. – P. 129 – 136.

Материал поступил в редакцию 18.11.02 г.

УДК 903.2

Ли Хонджон

Национальный университет Мокпо, Республика Корея

Mokpo National University

Dorim-ri 61, Chunggye-myeon Muan-gun Chonnam 534-729, Republic of Korea

E-mail: ruslee@mtnum.mokpo.ac.kr

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОТ СРЕДНЕГО К ПОЗДНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ И ТРАДИЦИЯ ОРУДИЙ НА ОТЩЕПАХ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Введение

Переходный период в культуре палеолита связан с формированием новой системы взаимодействия человека и меняющейся окружающей среды. Климат не всегда стабилен, но поскольку обладает устойчивым свойством постепенного циклического изменения, то можно сказать, что трансформация культуры палеолита также носила постепенный характер, при этом кумулятивные процессы были более сильны. Таким образом, изменение культуры не всегда имеет прямую пространственно-временную обусловленность, а обладает собственной движущей силой, которая как раз и проявляется в адаптации к новым природно-климатическим условиям групп населения или наиболее приспособленных индивидуумов путем выработки технологических инноваций. Конечно же, возникающая в ходе этого материальная культура формируется не сразу, а является результатом накопления и отбора технологических решений [Ли Х.Д., 2002]. В материальной культуре переходного периода нашли отражение различные эксперименты и сложные культурные конфликты, особенно ярко проявляющиеся в процессе закрепления инноваций. Следовательно, культуры палеолита различных регионов будут включать также и прочно устоявшуюся на основе технических стандартов технологическую традицию.

В палеолите Северо-Восточной Азии всегда была очень ярко представлена галечная индустрия. По своим особенностям среднепалеолитическая культура этого региона в корне отличается от культур Северной

Азии и более западных территорий. Ее основу составляет галечная индустрия, включающая чопперы-чоппинги и многогранники из кремня [Ли Х.Д., 2000а]. К этому периоду возрастает количество стоянок, на которых изготавливались ручные рубила. Однако из-за особенностей сырья и отсутствия четких технологических стандартов большинство таких орудий неопределенной формы и не сходны ни с одним из типичных европейских рубил. Можно отметить присутствие в среднепалеолитических коллекциях рубил, топоров с горизонтальным лезвием и других рубящих орудий на отщепах различной формы, сколотых с больших и маленьких нуклеусов. Однако гораздо более распространены различные скребущие орудия из отщепов, среди которых преобладают скребла.

На памятниках среднего палеолита Корейского полуострова представлены различные каменные индустрии в зависимости от этапа среднего палеолита, природных условий изучаемого района, включающих и сырье, а также функции памятника. Хотя внешне палеолитическая культура Корейского полуострова может показаться неустойчивой и слабо поддающейся реконструкции, по итогам скрупулезного анализа каменных орудий с различных памятников можно предположить, что здесь существовало несколько технологических систем: галечная индустрия, включающая рубила; галечная, но основанная на чопперах-чоппингах и многогранниках; индустрия орудий на крупных и мелких отщепах и т.д. Очевидно, среднепалеолитическое население Корейского полуострова, пережив последний интерглациональ, пыталось применять различные технические приемы для адаптации



Рис. 1. Полигональная структура. Стоянка Чонгок в Назу.



Рис. 2. Аэрофотосъемка стоянки Писеори в районе аэропорта Муан.

к новым условиям окружающей среды. Эту вариабельность техники изготовления каменных орудий необходимо учитывать при интерпретации культурных процессов в среднем палеолите. К сожалению, для данного периода не характерно наличие многочисленных антропологических остатков, поэтому нет возможности установить связь между антропологическим типом человека и каменной индустрией. Однако, как уже говорилось выше, разнообразные технологические системы существовали в рамках крупного образования, т.н. галечной индустрии. Это может свидетельствовать о том, что более ранняя каменная индустрия продолжала сохранять свои позиции.

В культуре переходного периода от среднего к позднему палеолиту Северо-Восточной Азии отсутствуют признаки четкого перехода от леваллуазской к пластинчатой технике обработки камня, как в соседней Северной Азии, не говоря уже о Европе. Но видно, что уже в среднем палеолите она приобретает новый облик, основанный на предшествующей традиции производства орудий.

Данная работа посвящена переходному периоду от среднего к верхнему палеолиту, традиционно он датируется временем около 50 – 30 тыс. л.н. Выберем памятники, датировка которых укладывается в установленные хронологические рамки, и, сопоставив их материалы с материалами начального этапа верхнего палеолита, выделим особенности культуры переходного периода на территории Корейского полуострова. Конечно, в настоящее время археологических объектов, которые можно отнести к указанному времени, не так много, к тому же переходный характер культуры на них выражен довольно слабо. В связи с этим необходимо сделать оговорку по поводу ограниченности выборки представленных в работе памятников.

Взаимосвязь морозобойных трещин и абсолютных датировок

С того времени, когда были изучены морозобойные трещины в палеолитических отложениях и появилась точка зрения о том, что они являются геологическим индикатором холодного климата [Ли Д.Ё., 1992], такие образования стали играть важную роль в установлении хронологии памятников Корейского полуострова и в развитии исследований по геологии четвертичного периода. Морозобойные трещины представляют собой образования, проходящие сквозь слои сверху вниз в виде клиньев и зафиксированные главным образом в плейстоценовой толще. Напластования, к которым они приурочены, сформировались на коллювиальных осадках, перекрывающих береговые террасы. В зависимости от характера отложений того или иного района бывают одна, две, а иногда три морозобойные трещины. Они легко фиксируются в верхних частях напластований. Заполнение жил составляют бело-серые или желто-серые осадки. В сечении они имеют пятиугольную форму (рис. 1). Характер рельефа и минералогический состав свидетельствует о том, что криогенные жилы предстают в районах, где образование трещин усыхания невозможно. Это геологические образования, сформировавшиеся в условиях вечной мерзлоты [Ли Д.Ё., 1996].

В результате исследований стратиграфии речных и приморских береговых террас установлено, что большинство выявленных на территории Корейского полуострова палеолитических памятников приурочено к террасам второго уровня. Археологические объекты, расположенные в толще верхних отложений на террасах третьего уровня, по своему возрасту не древнее их. Считается, что формирование террас второго уровня происходило в последний интерглациональ, нижнюю хронологическую границу которого принято относить ко времени около 125 тыс. л.н. [Han C.G.,

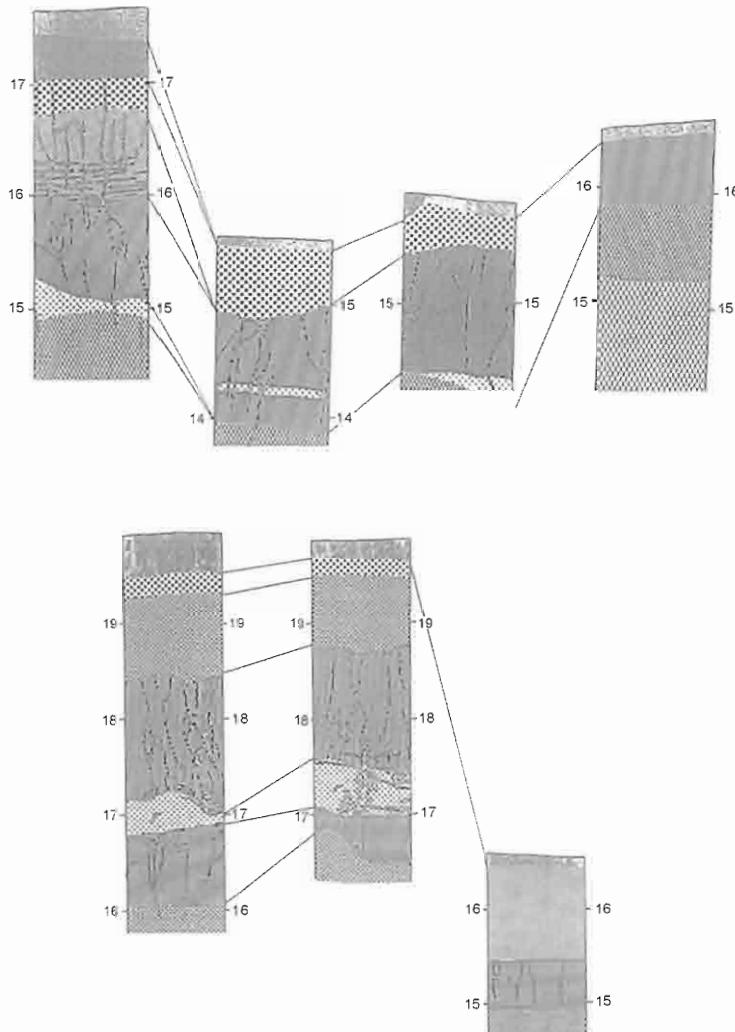


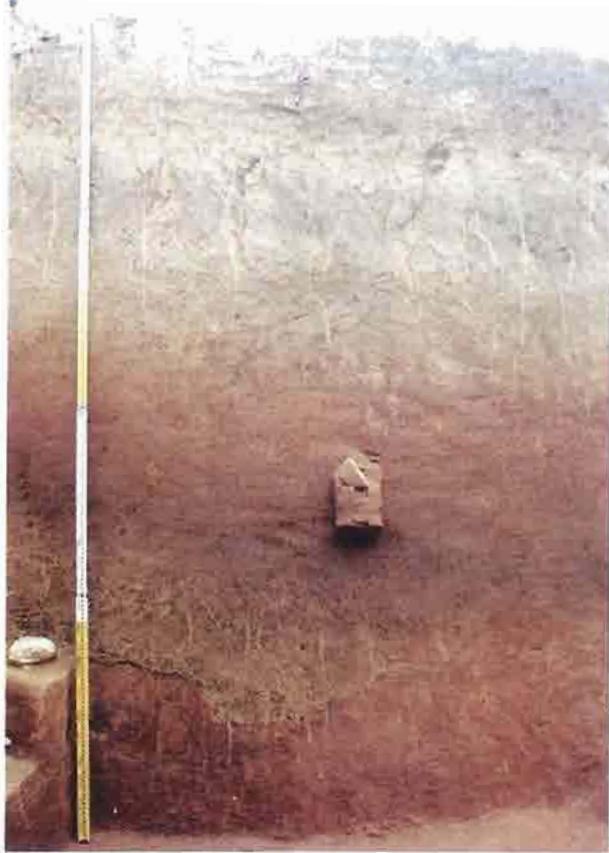
Рис. 3. Стратиграфия отложений в районе аэропорта Муан.

1997]. Возникновение красно-коричневых делювиальных отложений в верхних частях напластований на террасах связывают с действием теплого климата. В течение последнего ледникового периода (73 – 15 тыс. л.н.) неоднократно происходило резкое похолодание, в частности, около 65 тыс. и 15 тыс. л.н., и типичная стратиграфическая ситуация, когда представлены две криогенные жилы, может быть связана с этими периодами [Ли Д.Ё., 1996, 1999; Хан С.Г., 1996].

Однако по поводу данной гипотезы было поставлено несколько дискуссионных вопросов. В частности, высказывались сомнения относительно времени формирования прибрежных речных террас второго уровня. Кроме того, для подтверждения гипотезы, основанной на литостратиграфических методах исследования, необходимо провести не только петрографический, но и педостратиграфический анализ. В литературе приводятся сведения о том, что Ли Дон Ён обнаружил в желтоватых отложениях,

которые можно считать материковым слоем верхней криогенной жилы, датируемой 15 тыс. л.н., вулканический пепел АТ (выброс 25 тыс. л.н.) [Ли С.Б., 2000, с. 7 – 8]. Вопросы, связанные с криогенной жилой, окончательно проясняются в дальнейшем, когда будут накоплены абсолютные даты формирования террас и проведено всестороннее исследование напластований, расположенных над материковым слоем. Что касается найденного вулканического пепла, то он не образует отдельного стратиграфического горизонта, а, возможно, отражает непрерывный процесс пеплоотложения. Аналогичная ситуация наблюдается на памятнике Чжаннёнри Дангхасан [Чой С.Р., Ли Х.Д., 2000].

Обнаруженные на территории Корейского полуострова морозобойные трещины на различных памятниках имеют разные размеры, и, кроме того, как уже говорилось выше, не всегда их две, кое-где встречаются одна или три. На хорошо известном памятнике



*Рис. 4. Стратиграфия стоянки Дангга.
Культурные горизонты 1 – 3.*

Секущими даже на расположенных рядом участках могут быть трещины одной или двух генераций. Ледниковая трещина, обнаруженная на территории недавно изученного острова в провинции Южная Чолла [Ли Х.Д., 2001], отличается от известных ранее исключительным разнообразием стратиграфических ситуаций. Были проведены исследования стратиграфии на недавно раскопанных памятниках Чжаниёри Дангхасан и в районе Оксан [Чой С.Р., Ли Х.Д., 2000], а также на участке, отведенном под строительство аэропорта Муан (рис. 2), где велись разведочные раскопки [Чой С.Р., Ли Х.Д., Ким Ё.Х., 2001]. В последнем случае выявлены разнообразные варианты стратиграфической ситуации, а на участке I обнаружен палеолитический памятник. Как показано на стратиграфическом разрезе (рис. 3), даже на близких друг к другу участках в зависимости от структуры подстилающего материкового горизонта характер отложений может быть различным. Кроме того, палеолитические памятники на Корейском полуострове формировались в местах, где часто случаются разливы рек и сильная эрозия почвы, поэтому трудно обнаружить неподтверженные морозобойные трещины. В боль-

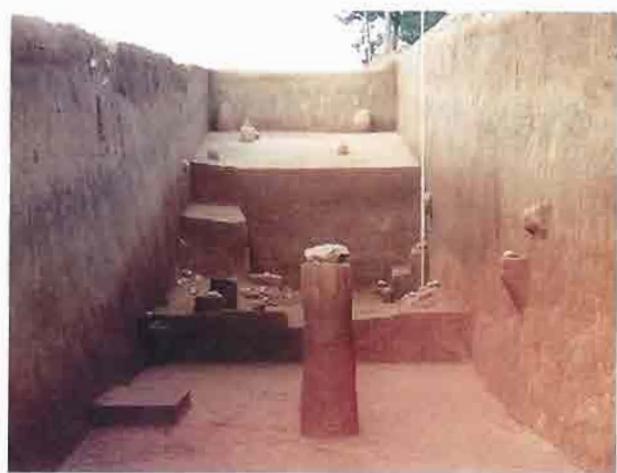


Рис. 5. Пространственное расположение артефактов на стоянке Дангга.

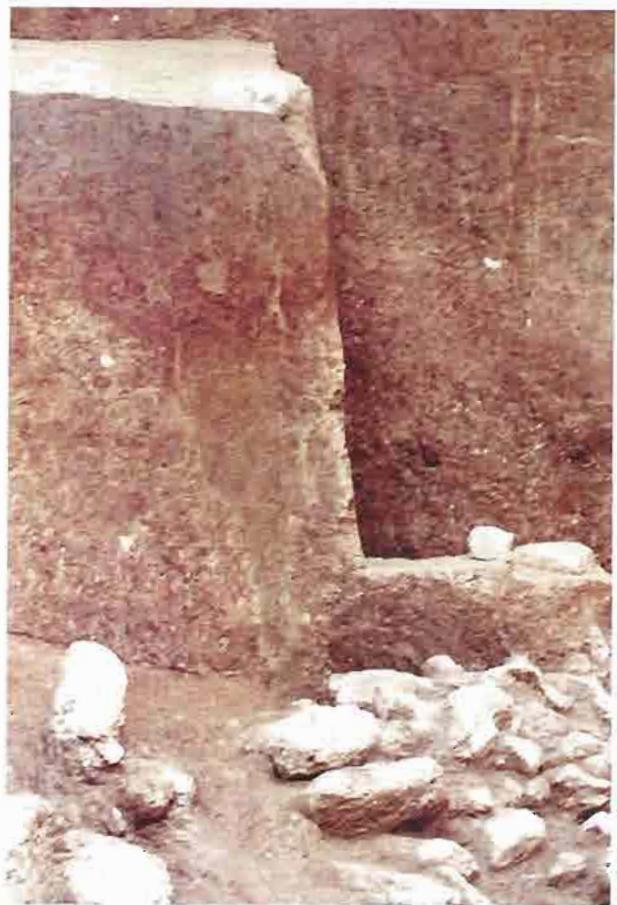


Рис. 6. Типичный морозобойный разрыв в культурном горизонте 2 стоянки Дангга.

шинстве случаев верхняя часть жилы бывает разрушена в результате эрозии почвы и не прослеживается.

Таким образом, не возникает сомнений в том, что морозобойные трещины образуются под воздействием холодного климата, однако наличие в перигляциальной зоне разнообразных по форме жил показывает, что процесс их образования шел неравномерно, под воздействием эпизодических похолоданий. В результате изменений микроклимата не только количество жил является непостоянным, но и возраст их разный [Ли Х.Д., 2001]. В частности, в процессе археологических раскопок было установлено, что даже в одном и том же районе в зависимости от характера отложений структура и облик морозобойных трещин различаются. Следовательно, они не могут служить ведущим признаком двух экстремальных климатических изменений. При выделении культурных горизонтов и анализе облика культуры их нужно рассматривать в контексте различных кумулятивных геоморфологических процессов, связанных с эрозией почв.

Разнообразие облика морозобойных трещин не всегда бралось в расчет, однако этому стали уделять более пристальное внимание в связи с накоплением связанных с данной стратиграфической ситуацией абсолютных дат. Количество памятников, на которых были обнаружены криогенные жилы и получены абсолютные даты, невелико. Один из них – Дангга в уезде Начжу, расположенный в юго-западной части Корейского полуострова. Проведенные там в январе 2002 г. раскопки дали важный материал для изучения обнаруженных ранее на многих археологических объектах морозобойных трещин и стратиграфии четвертичного периода.

На памятнике Дангга обнаружено семь геологических слоев, среди которых выявлено три культурных горизонта [Гымчеон-Сиге..., 2001; Ли Х.Д., Но С.Х., 2002]. Если рассматривать стратиграфию, установленную в ходе исследований шурфами, можно заметить, что в отличие от современного холмистого рельефа в древности здесь была небольшая речка. Данная стратиграфия была установлена в результате изучения напластований восточной стенки траншеи № 3 (рис. 4).

Памятник Дангга расположен на склоне холма, сформировавшемся в зоне выветривания коренной породы. Поэтому уровень обитания древних людей оказался перекрытым коллювиальными отложениями. Культурный горизонт 1 содержит слой коллювиальных отложений, включающий скопления крупных галек. В результате периодически продолжавшейся эрозии этот единовременно сформировавшийся слой был перекрыт несколькими слоями палеопочвы, содержащей большое количество суглинка (рис. 5).

Для определения времени формирования памятника использовались образцы марганца и мелкого древесного угля из культурного горизонта 2. По этим материалам были получены радиоуглеродные даты:

$44\ 710 \pm 1\ 150$ (GX-28665-AMS) и $45\ 380 \pm 1\ 250$ л.н. (GX-28666-AMS). В нижней части культурного горизонта 2 расположена нижняя морозобойная трещина (рис. 6), которая является индикатором холодного климата. Верхняя образовалась уже после формирования культурного горизонта 3. На основании указанных абсолютных дат можно предположить, что обе они сформировались в промежутке между интерглациалом и максимумом последнего гляциала. Следовательно, памятник Дангга, содержащий три культурных горизонта, является многослойным и может дать много информации о среднем палеолите и переходном периоде от среднего к верхнему палеолиту.

К настоящему времени во многих районах Корейского полуострова на памятниках с галечной индустрией получены сходные абсолютные даты: горизонт II пещеры Ёнгок – $49\ 900 \pm 2\ 000$ и $46\ 100 \pm 2\ 000$ л.н. ($^{230}\text{Th}/^{234}\text{U}$) [Хан С.Г., 1992], нижний слой памятника Бонмёндон – $49\ 860 \pm 2\ 710$ и $48\ 450 \pm 1\ 970$ л.н. (^{14}C) [Ли Ю.Д., Хонг М.Ё., 1999], горизонт 7 памятника Ноындон – $> 54\ 720$ л.н. (^{14}C) [Хан С.Г., 1999]. Наконец, для слоя торфа, образовавшегося в некоторых местах внутри речных отложений, расположенных над материковым слоем, была получена абсолютная дата $> 36\ 350$ л.н. (^{14}C) [Ли Ю.Д., У Д.Ю., 2000].

Таким образом, криогенные жилы являются индикатором холодного климата и отражают глобальные климатические циклы. В дальнейшем, когда на основе анализа химического состава почвы с различных памятников будет установлена смена климатических циклов и получено достаточное количество абсолютных дат, эти материалы можно сопоставить с данными по криогенным жилам. Такое исследование могло бы стать основой стратиграфической колонки, пригодной для установления хронологии древних стоянок.

Технологические и морфологические характеристики переходного периода

Облик каменной индустрии различных памятников

К настоящему времени среди раскопанных палеолитических памятников Корейского полуострова представлены три типа: 1) с галечной индустрией, основанной на чопперах-чоппингах и многогранниках; 2) с аналогичной галечной индустрией, но включающей ручные рубила; 3) с отщеповой индустрией. Облик палеолитических культур Корейского полуострова не однороден, однако в основе групп 1 и 2 лежит галечная индустрия [Ли Хонджон, 2002].

Эта ситуация отражает главным образом технологическое многообразие, которое возникает при адаптации к окружающей среде. В каждом из районов предпринимались активные попытки отбора и освоения нового сырья.

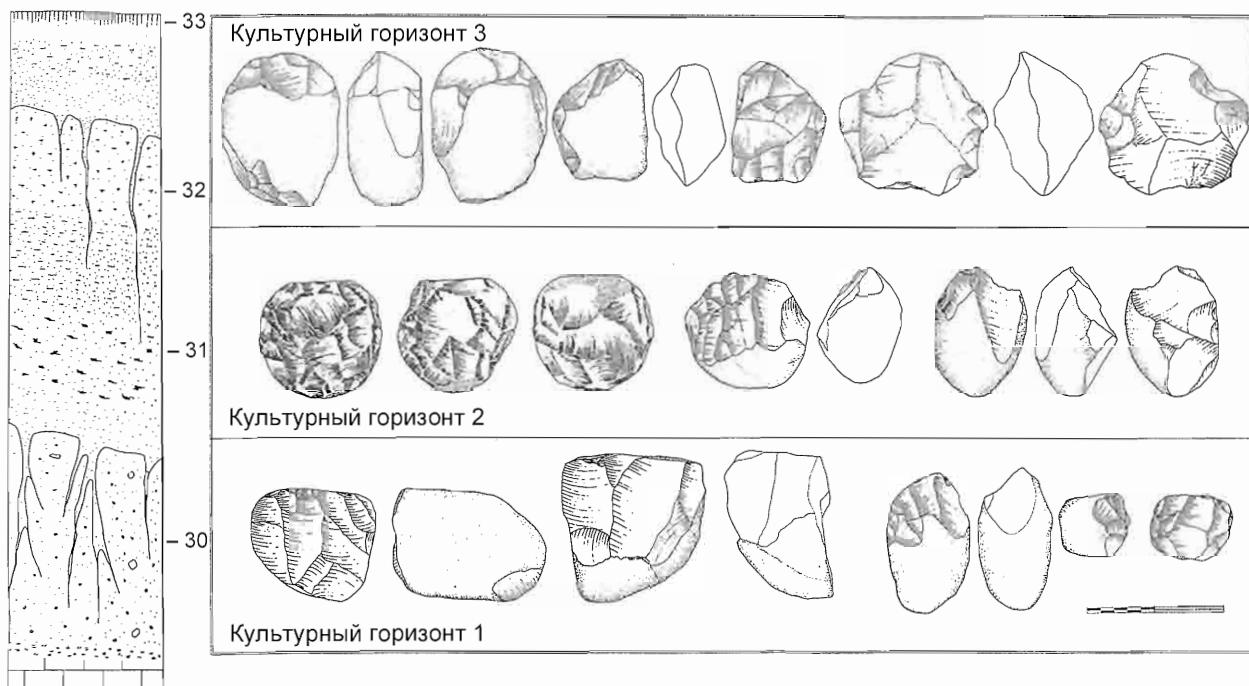


Рис. 7. Каменные орудия со стоянки Дангга.

Во всех культурных горизонтах памятников Бонмёндон, пещеры Ёнгок, Ноындон, где были получены абсолютные даты, основу составляет галечная индустрия, в которой преобладают чопперы-чоппинги и многогранники.

Во всех трех культурных горизонтах недавно раскопанного памятника Дангга [Ли Х.Д., Но С.Х., 2002] выявлена галечная индустрия (рис. 7). В культурном горизонте 1 были найдены разнообразные каменные орудия из кремневых галек. Типичными здесь являются чопперы, многогранники и отщепы. В культурном горизонте 2 были обнаружены многогранники округлой формы (рис. 8, 4), которые иногда даже можно назвать каменными сфероридами, чопперы (рис. 8, 5) с рабочим краем, сформированным одним-двумя сколами, чоппинги (рис. 8, 3) и многочисленные отщепы. Культурный горизонт 3 также содержал многогранники из кремневых галек, в т.ч. с почти полностью сработанной поверхностью, нуклеусы с негативами диагональных сколов и естественной ударной площадкой, нуклеусы со следами глубоких диагональных снятий крупных отщепов, ударной площадкой у которых служила естественная наклонная поверхность, чоппинги с двухсторонне обработанным выпуклым рабочим краем, а также несколько миниатюрных скребков. Необходимо отметить, что в этом слое были найдены обработанные изящной ретушью орудия на отщепах. На памятнике Чонгок [Гымчен-Сиге..., 2001] аналогичный культурный горизонт

также содержал многочисленные каменные орудия (рис. 9, 10)*. Облик этой индустрии практически такой же, как на памятнике Дангга, с той лишь разницей, что здесь присутствуют каменные орудия сравнительно правильной формы, такие как ручные рубила и резцы. В частности, на памятнике Чонгок также были найдены ретушированные орудия на отщепах: скребки, зубчато-выемчатые орудия, которые отличаются миниатюрными размерами и многообразием форм.

Таким образом, можно говорить о широком временном диапазоне существования галечной индустрии из горизонтов, включающих слои верхнепалеолитического времени. В период 50 – 40 тыс. л.н. количество многократно использовавшихся стоянок с галечной индустрией постепенно возрастает. Есть сведения о том, что на неоднократно упоминавшемся в ходе дискуссий по проблемам нижнего и среднего палеолита памятнике Джонгокри в слоях, содержащих типичные орудия галечной индустрии, такие как многогранники, чопперы-чоппинги и иногда ручные рубила, были найдены отщепы и орудия на отщепах [Джонгокри, 1983, с. 341 – 344, 467 – 469].

* В результате изучения геологической ситуации в окрестностях Чонгока было установлено, что во время образования культурного горизонта 3 памятника Дангга почти во всех районах шел аналогичный процесс формирования отложений. Эти памятники находятся на расстоянии около 1 км друг от друга.

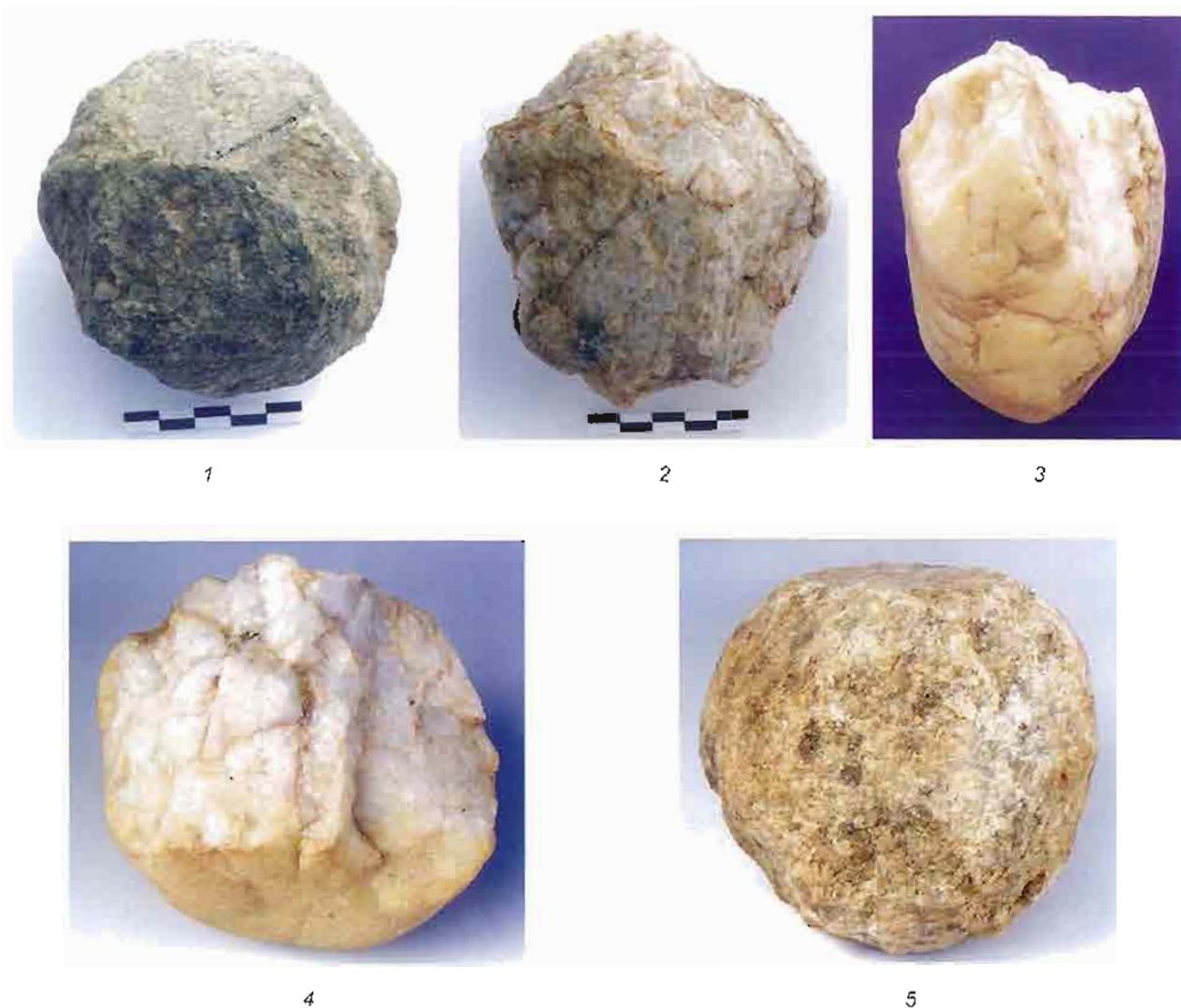


Рис. 8. Каменные орудия со стоянки Дантга.
1 – 2 – культурный горизонт 3; 3 – 5 – культурный горизонт 2

Из многослойных археологических объектов следует также отметить памятник Беонгсангри, где выявлено три культурных горизонта с галечной индустрией. Для их датировки были использованы криогенные жилы и данные океанической кислородно-изотопной шкалы. В результате выяснилось, что на протяжении последнего оледенения эта территория была заселена трижды. Культурный горизонт 2 предположительно соотносится со стадией 3 шкалы SRECMAP. В нем были найдены не только отбойники, многогранники, чопперы-чоппинги, но и нуклеусы, многочисленные отщепы и изготовленные из них зубчато-выемчатые орудия, скребки и др. (рис. 11) [Хан С.Г., 1996, с. 38 – 45].

На памятнике Сорори также три культурных горизонта. Все каменные орудия из самого нижнего третьего (средний палеолит) и перекрывающего его вто-

рого (начальный этап верхнего палеолита) изготовлены из кремня. Культурный горизонт 3 содержал скребки, концевые скребки и зубчатые орудия, а 2 – чопперы-чоппинги, скребки, отщепы, нуклеусы и др. (рис. 12).

Несмотря на то что памятник Пеонгчангри является однослоистым, на нем были обнаружены не только изготовленные из кремневых галек массивные каменные орудия типа чопперов-чоппингов, но также и многочисленные орудия на отщепах: черешковые остроконечники, скребки, пластины, зубчатые орудия (рис. 13). Ученые, исследовавшие этот памятник, предполагают, что его также можно отнести к переходному периоду от среднего к верхнему палеолиту [Ли С.Б., Ю Ё.У., Сеонг Ч.Т., 2000].

В пещере Ёнгок [Джон Д.Х. и др., 1986] выявлено пять культурных горизонтов. Второй, как уже гово-



Рис. 9. Каменные орудия со стоянки Чонгок.

рилось выше, сформировался около 45–50 тыс. л.н. В нем найдены в основном многогранники и чопперы-чоппинги. Перекрывающий его горизонт 3 содержал миниатюрные рубила и орудия на отщепах, а 4 – главным образом только отщепы и орудия из них. Конечно, среди орудий на отщепах преобладают экземпляры с грубой ретушью, отдельные миниатюрные орудия представляют собой обломки, подвергнутые реутилизации посредством подработки ретушью (рис. 14).

Особенности каменной индустрии переходного периода

Среди перечисленных выше памятников к многослойным относятся Дангга, Беонгсангри, Сорори и пещера Ёнгок. Главная их особенность состоит в том, что на всех в качестве сырья использовался кремень; в нижних горизонтах, относящихся к среднему палео-

литу, преобладают галечные орудия, однако в перекрывающих их горизонтах относительно резко возрастает содержание орудий на отщепах и расширяется видовой состав орудийного набора. На однослоиных памятниках, таких как Чонгок, Педигчангри, помимо этого представлена такая особенность каменной индустрии переходного периода, как наличие большого количества орудий на отщепах, обработанных изящной ретушью.

При более подробном рассмотрении можно выделить еще ряд особенностей этих памятников. На многих из них наблюдается увеличение количества нуклеусов. Как правило, у ядрищ естественная ударная площадка, но встречаются экземпляры, у которых она подвергалась обработке. Обычно такие нуклеусы относятся к дисковидным с центростремительным снятием заготовок. Однако на рабочей поверхности некоторых ядрищ сохранились следы снятия пластин или пластинчатых отщепов. Эти нуклеусы

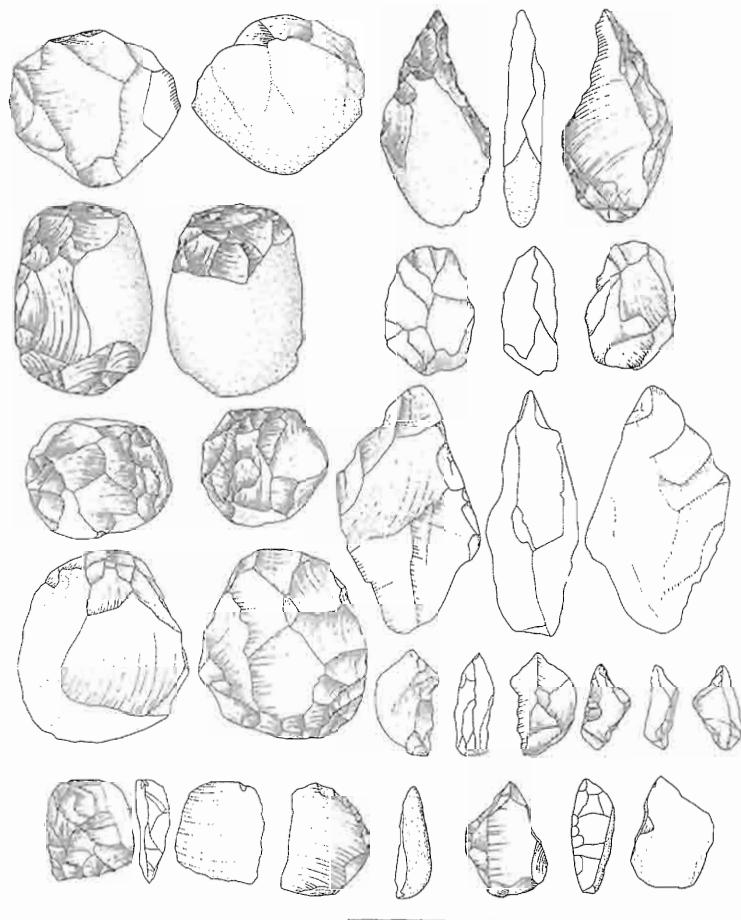


Рис. 10. Каменные орудия со стоянки Чонгок.

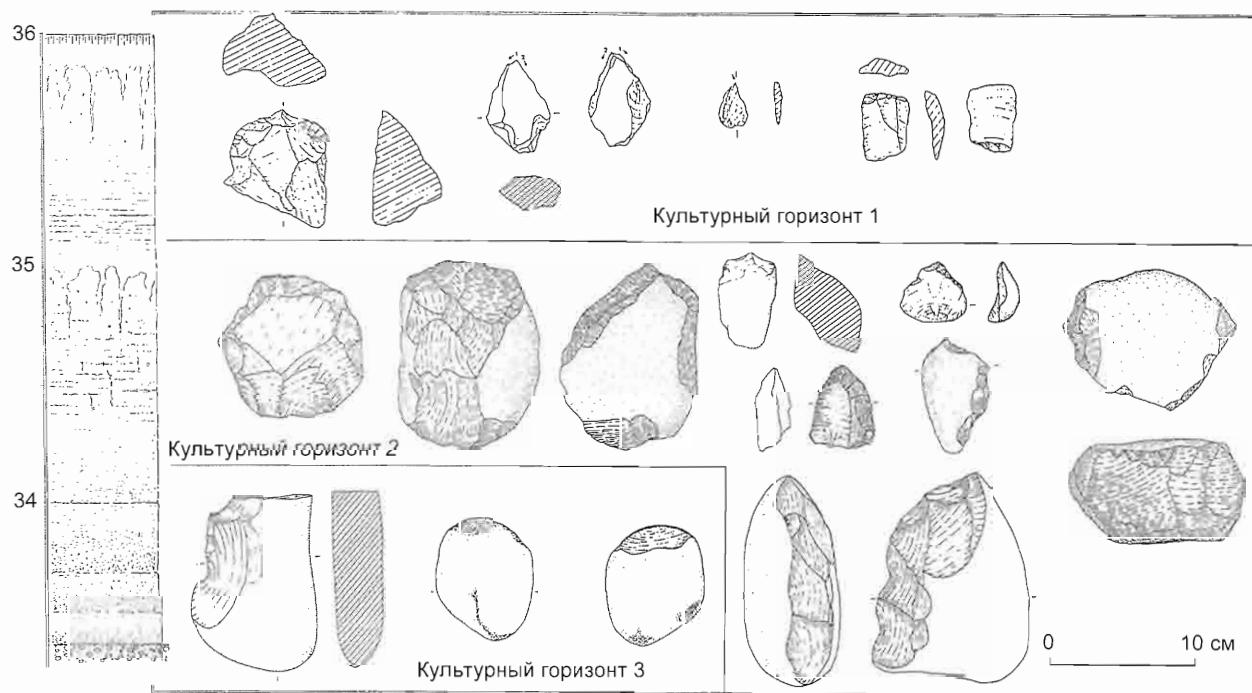


Рис. 11. Каменные орудия со стоянки Беонгсанги.

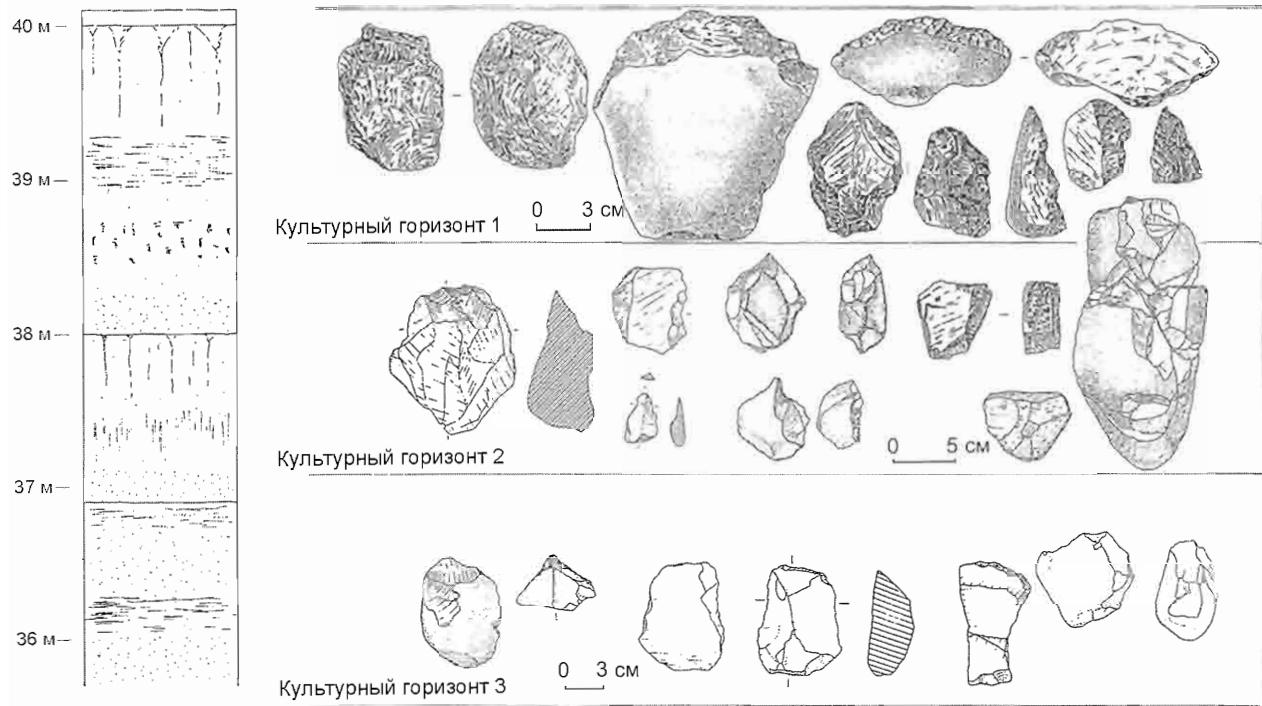


Рис. 12. Каменные орудия со стоянки Сорори.

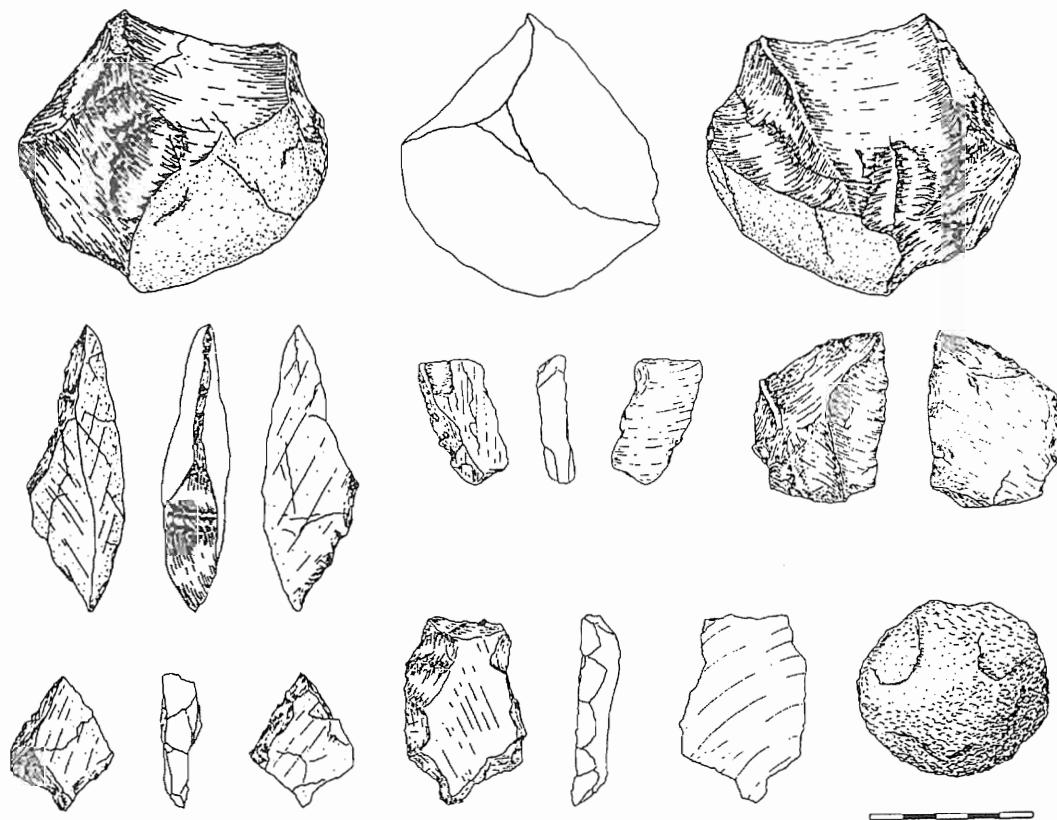


Рис. 13. Каменные орудия со стоянки Пеонгчанги.

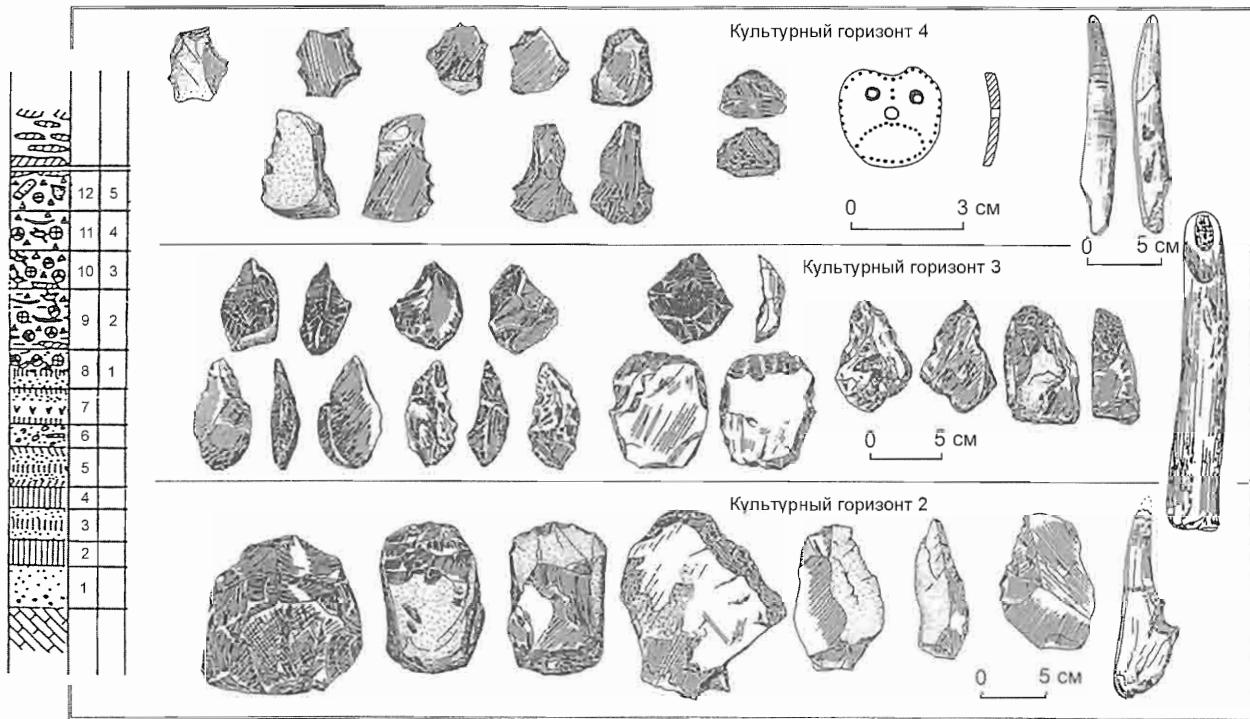


Рис. 14. Артефакты с пещерной стоянки Ёнгок.

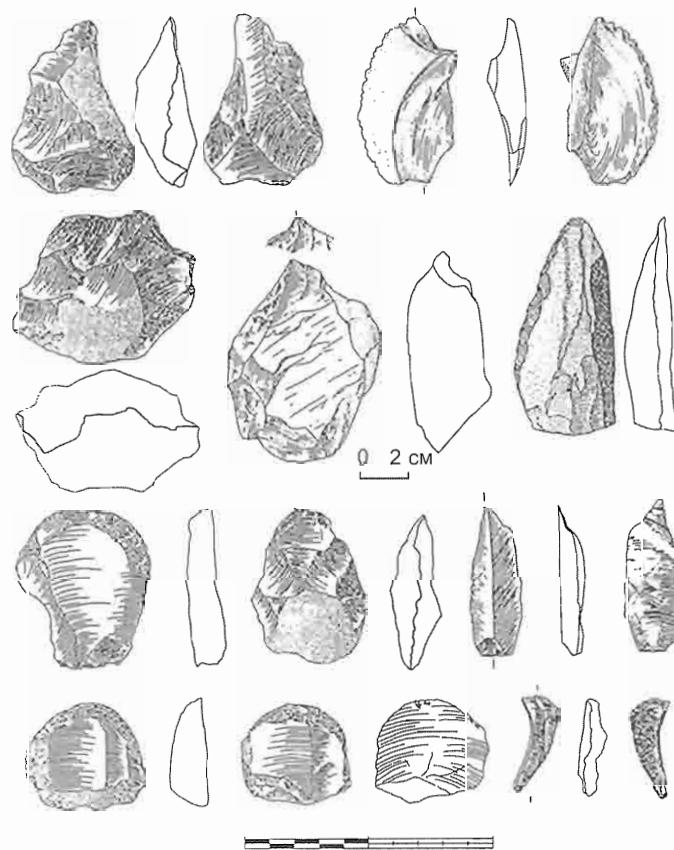


Рис. 15. Каменные орудия со стоянки Чангнэ.

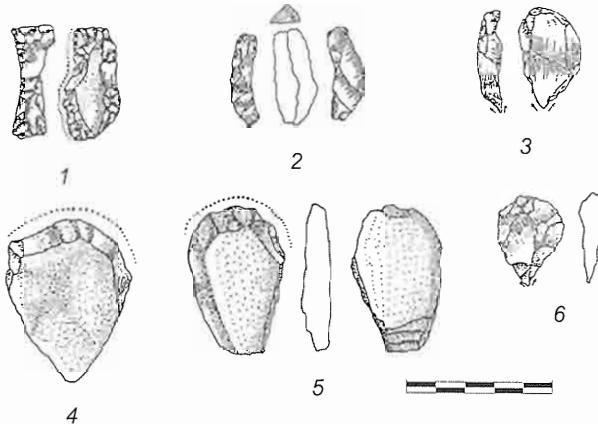


Рис. 16. Каменные орудия со стоянки Семгол.

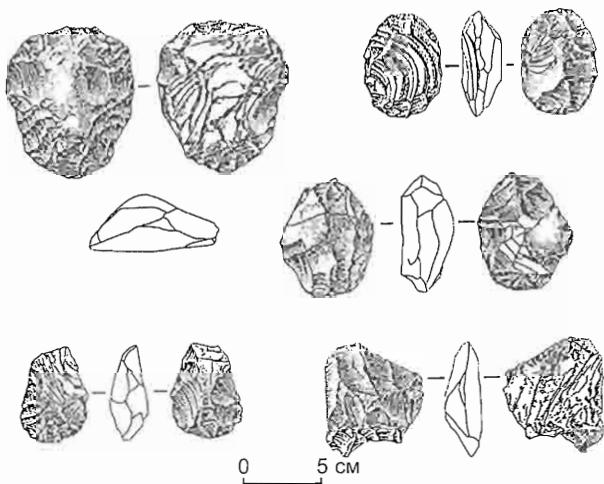


Рис. 17. Каменные орудия со стоянки Гулпори.

нельзя отделить от галечной индустрии, т.к. их находят в одних и тех же слоях и они изготавливались из одного и того же сырья. Даже частичное присутствие пластинчатой системы расщепления, хотя и неклассического варианта, является доказательством того, что наряду с техникой изготовления орудий на отщепах, характерной для галечной индустрии, уже использовалась или только начинала внедряться совершенно иная техника. Такие нуклеусы найдены в горизонте 2 памятника Беонгсангри, в горизонте 1 памятника Сорори и др.

Следует отметить еще одну особенность памятников переходного периода – большое количество отщепов, обработанных изящной ретушью. На памятниках Беонгсангри, Пеонгчангри, Сорори продолжают использоваться кремневые гальки, но есть и такие археологические объекты, на которых присутствуют признаки технологических изменений,

о которых свидетельствуют миниатюрные отщепы и орудия на отщепах. Это небольшие памятники с малым количеством орудий, поэтому на них в основном представлены скребки, но имеются также и зубчатые изделия. Часто для изготовления миниатюрных орудий использовались не только отщепы, но и сходные с ними сколы, что отмечено, например, для пещеры Ёнгок.

Важный материал для определения культуры переходного периода представляют ручные рубила, получившие наиболее широкое распространение в среднем палеолите. Изготовление этих орудий не из кремня, а из туфа, порфира, риолита и другого качественного сырья, что зафиксировано в среднепалеолитических горизонтах памятников Чжуннэри, Чжаннёни, Сокчжанри, было не особенно распространено. Это косвенно свидетельствует против того, что попытки изготовления ручных рубил предпринимались группой носителей одной технологической традиции [Ли Х.Д., 2001]. Причина распространения данной категории орудий по всей территории Корейского полуострова на всем протяжении среднего палеолита кроется не в традиционности технологии, а в адаптации к условиям окружающей среды. В связи с этим в технике изготовления таких орудий наблюдаются случайность и несистематичность, ведущие к дестандартизации [Ю Е.У., 1997; Li S.B., 2001].

Аморфные ручные рубила продолжают встречаться и на памятниках, датируемых 40 тыс. л.н., причем их форма еще более дестандартизуется. Это также особенность переходного периода, которая хорошо представлена на памятниках Чонгок, Беонгсангри, Ёнгок. Предполагается, что в этот период место ручных рубил занимают другие каменные орудия.

Наконец, следует отметить, что в культуре переходного периода сохраняется составляющая ее основу галечная индустрия, при этом идет процесс распространения техники изготовления ретушированных орудий из отщепов. Однако миниатюрные орудия делали не только на отщепах, довольно часто для этого использовались обломки орудий, что свидетельствует, в первую очередь, об ограниченности источников сырья. Изменение системы производства каменных орудий тесно связано с необходимостью адаптации к окружающей среде, с освоением новых источников сырья. В связи с этим шел активный поиск новой технологии. Примером тому служит то, что во время господства отщеповой индустрии были попытки снятия ножевидных пластин с нуклеусов, не совсем пригодных для этого. Возможно, пластинчатая техника и не получила распространения в Восточной Азии, однако стали изготавливаться сравнительно длинные отщепы, сходные с ножевидными пластинами. Наблюдаются небольшие изменения и в технике оформления нуклеусов [Ли Х.Д., 1998; Lee H.J., 1998].

Распространение орудий на отщепах уходит корнями в средний палеолит, однако в переходный период это явление становится более отчетливым. Увеличение производства орудий на отщепах и использование, хотя и редко, нового сырья вызвали коренные изменения в галечной индустрии, долго сохранявшей консервативный характер, и в итоге привели к окончательному переходу к верхнепалеолитической технике изготовления каменных орудий.

Традиция орудий на отщепах в ранний период верхнего палеолита

Среди памятников верхнего палеолита есть такие, на которых найдены в основном ретушированные орудия на отщепах, изготовленные из нового сырья. К ним относятся Чангнэ (рис. 15) [Park , 1989], Семгол (рис. 16) [Ли Ю.Д., 1979], Гулпори (рис. 17) [До Ю.Х., 1964, 1965] и др. Найденные на этих памятниках орудия сделаны из сколотых с нуклеусов сравнительно крупных отщепов, края которых обработаны изящной ретушью, или из крупных ретушированных сколов. На некоторых стоянках, таких как Чангнэ и Семгол, каменные орудия изготавливались из нетрадиционного сырья – вулканических и осадочных пород. Однако абсолютное большинство найденных артефактов изготовлено из кремневых галек, что указывает на преемственную связь в технике изготовления каменных орудий с этих памятников верхнего палеолита с Джонгокри или Беонгсангри, где представлена отщеповая индустрия, а в качестве сырья использовался кремень.

На раскопанном совсем недавно памятнике Ёнхodon классическая галечная индустрия сопровождается типичными отщепами и ножевидными пластинами. Это обстоятельство указывает на то, что на финальной стадии галечной индустрии возрастает процентное содержание орудий из сырья высокого качества.

На памятниках переходного периода Беонгсангри и Сорори имеются слои позднего этапа верхнего палеолита. В горизонте 1 (кислородно-изотопная стадия 1) Беонгсангри найдены изготовленные из кремня отщепы, резцы, концевые скребки, причем резцы и концевые скребки встречены только в этом горизонте (см. рис. 11) [Хан С.Г., 1996]. В горизонте 1 Сорори в небольшом количестве обнаружены массивные орудия типа чопперов-чоппингов, но при этом здесь представлены все основные категории орудий на отщепах: боковые и концевые скребки, зубчато-вывемчатые изделия. В горизонте 1, хотя и в небольшом количестве, были найдены подпризматические нуклеусы (см. рис. 12) [Ли Ю.Д., У Д.Ю., 2000].

Эти факты свидетельствуют о том, что в верхнем палеолите на Корейском полуострове шло развитие

техники изготовления из нетрадиционного сырья ретушированных орудий на отщепах. В процессе ее закрепления появляются типичные орудия этого периода, представленные на опорных памятниках верхнего палеолита и определяющие их культурную принадлежность, а также отличающие их от памятников предшествующего переходного периода [Ли Х.Д., 1997]. Тем не менее продолжает существовать и традиционная техника изготовления каменных орудий, характерная для переходного периода, при которой для изготовления орудий на отщепах в качестве сырья использовался кремень.

Заключение

Основу культуры переходного периода от среднего к верхнему палеолиту на территории Корейского полуострова составляет галечная индустрия, более широкое распространение получают орудия на отщепах. Продолжает существовать техника изготовления ручных рубил, однако она становится проще, чем в предшествующий период среднего палеолита, а количество таких орудий – меньше, идет процесс дестандартизации изделий. Отщеповая индустрия распространяется и закрепляется в период верхнего палеолита вместе с внедрением нового сырья.

Увеличение производства орудий на отщепах и использование нового сырья, характерные для переходного периода и раннего этапа верхнего палеолита, вызвали коренные изменения в среднепалеолитической галечной индустрии, долго сохранявшей консервативный характер, и в итоге привели к окончательному переходу к верхнепалеолитической технике изготовления каменных орудий.

Для переходного периода характерно многообразие каменных индустрий, отражающее процесс становления своеобразной палеолитической культуры на территории Корейского полуострова: шел поиск нового сырья и приспособление к нему, в результате появилась техника изготовления орудий на отщепах, и в конце концов в галечной индустрии тоже начали происходить значительные изменения. На памятниках переходного периода находят изделия галечной индустрии и разнообразные продукты первичного расщепления (хотя и изготовленные из традиционного сырья), в частности, отщепы крупных размеров. Новая, отщеповая индустрия ослабила позиции галечной.

Несмотря на это, следует заметить, что даже в период верхнего палеолита галечная индустрия продолжает существовать. Ручные рубила и крупные орудия типа остроконечников постепенно исчезают, однако определенные элементы техники изготовления орудий путем двусторонней оббивки сохраняются. Длительное существование индустрии орудий на от-

щепах свидетельствует о том, что культура палеолита, сформировавшаяся в результате адаптации к окружающей среде, восходит к местной традиции, ее появление не связано с пришлым населением.

Таким образом, на многослойных памятниках представлена культура как минимум начиная со среднего палеолита, которая претерпевает постепенные изменения. Носители культуры переходного периода, основанной на индустрии орудий на отщепах, характерной для позднего палеолита, были не иммигрантами, которые принесли с собой новую культуру, а автохтонным населением, выработавшим новые способы адаптации к местным условиям. Основу культуры камня Восточной Азии составляет галечная индустрия, по своим технико-морфологическим характеристикам очень близкая, как считается, олдувайской индустрии *Homo erectus*. После того как эта культура утверждается в отдельных районах, начинается процесс ее адаптации к местным условиям [Derevianko, 2001]. Очень убедительной кажется гипотеза, согласно которой для палеолитической культуры в ходе адаптации к природным условиям Корейского полуострова характерны преемственная связь с более ранними культурами и постепенные изменения. Аргументом в пользу эволюционного процесса является длительное существование галечной индустрии и утверждение в позднем палеолите индустрии орудий на отщепах.

Список литературы

Гымчеон-Сиге ган гукгациуонзибангдосаоргуганне мунхвазе балгулзоса [Археологические исследования в зоне строительства дороги Гымчеон-Сиге] / Мокподехакгё бакмулгуан; Донгиндеахакгё бакмулгуан [Музей Университета Мокпо; Музей Университета Донгсин] – Гуангзу: Мудол, 2001. – 53 с. (на кор. яз.).

Деджон сокбонгзансузанг гонсолсаорзёкы гусекгиюзеок (Ёнгхонг) 3ча балгулзоса хеонзанг солмеонгхое зарё [Материалы 3-го этапа раскопок палеолитической стоянки Ёнгхонг в Деджоне] / Ханнамдехакгую Зунгандакмулгуан [Центральный музей Ханнамского ун-та]. – 2001. – 25 с. (на кор. яз.).

Джон Д.Х., Юн Д., Ким Г.С., Рю Д.Г. Рёнгокдонглюджок [Пещерная стоянка Реонгок]. – Пёнянг: Кимилсондехакчулпанбу, 1986. – 268 с. (на кор. яз.).

Джонгокри [Джонгокри]. – Сеул: Джунмун, 1983. – 612 с. (на кор. яз.).

До Ю.Х. Палеолитическая культура Гулло в Чосоне // Гогоминсок. – 1964. – Вып. 2. – С. 3 – 6 (на кор. яз.).

До Ю.Х. Новые сведения по культуре Гулло // Гогоминсок. – 1965. – Вып. 3. – С. 54 – 55 (на кор. яз.).

Ли Д.Ё. Четвертичная стратиграфия и исследования района Восточного моря в Корее // Бакмулгунгии. – 1992. – Вып. 8. – С. 5 – 31 (на кор. яз.).

Ли Д.Ё. Геологические особенности культурных стоянок на Корейском полуострове // Гомунхва. – 1996. – Вып. 49. – С. 239 – 260 (на кор. яз.).

Ли Д.Ё. Хангук зе4гихак еонгу: Го Ли Донгеонг баксачумозир ганхенгуионхос [Изучение четвертичного периода Кореи: Мемориальная публикация, посвященная памяти д-ра Ли Донгеонга]. – Сеул: Неан, 1999. – 816 с. (на кор. яз.).

Ли С.Б. О хронологии и стратиграфии корейского палеолита // Хангукгогохакбо. – 2000. – Вып. 42. – С. 1 – 22 (на кор. яз.).

Ли С.Б., Ю Ё.У., Сеонг Ч.Т. Ёнгин Пеонгчангдонг гусекгиюзеок [Палеолитическая стоянка Пеонгчангдонг в Ёнгине]. – Сеул: Хакеон, 2000. – 215 с. (на кор. яз.).

Ли Х.Д. Различные аспекты производства каменных орудий в верхнем палеолите в Корее // Suyanggae and Her Neighbors: Second international Symposium. – Danyang: S.n., 1997. – С. 215 – 229 (на кор. яз.).

Ли Х.Д. Предварительные исследования консервативного характера традиции каменных орудий в Корее // Кёнгхисахак. – 1998. – Вып. 22. – С. 1 – 14 (на кор. яз.).

Ли Х.Д. Хронология верхнего палеолита в Корее // Suyanggae and Her Neighbors: 3rd international Symposium. – Danyang: S.n., 1999. – С. 98 – 109 (на кор. яз.).

Ли Х.Д. Культурные особенности палеолитической стоянки Джаннёнри Дангхасан // Хангукгусекгихакбо. – 2000а. – Вып. 2. – С. 1 – 15 (на кор. яз.).

Ли Х.Д. Изучение среднепалеолитической культуры в Северо-Восточной Азии // Хангуксангосахакбо. – 2000б. – Вып. 33. – С. 7 – 48 (на кор. яз.).

Ли Х.Д. Палеолитическая культура и условия обитания на островах Западного моря провинции Джоннам // Хонангохакбо. – 2001. – Вып. 14. – С. 51 – 80 (на кор. яз.).

Ли Х.Д. Изменение технологии производства каменных орудий в палеолите Кореи // Уринары гусекгимунхва. – Сеул: Еонсеидехакгую чулпанбу, 2002. – С. 85 – 106 (на кор. яз.).

Ли Хонджон. Исследование культуры среднего палеолита на Корейском полуострове // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 2 (10). – С. 87 – 104.

Ли Х.Д., Но С.Х. Предварительный отчет о раскопках палеолитической стоянки Дангга в Назу: Материалы Международного семинара, посвященного палеолитической стоянке Джонгокри, 2002 год // 2002 Джонгокри гусекгиюзеок гинеом гукзе наксул семинар зарёзир [Материалы международного семинара 2000 г., посвященного исследованиям палеолитической стоянки Джонгокри]. – 2002. – С. 50 – 52 (на кор. яз.).

Ли Ю.Д. Дечеонгдем сумолзигу юзеок балгулзоса бо-госео – Чунгчонгбукдо реон [Отчет о раскопках памятников в районе затопления плотины Дечеонг в Чунгчонгбукдо]. – Чунгзу: Чунгбукдехакгую, 1979. – 208 с. (на кор. яз.).

Ли Ю.Д., У Д.Ю. Чеонхвон Сорори гусекгиюзеок [Палеолитическая стоянка Сорори, Чеонхвон]. – Сеул: Хакеон, 2000. – 613 с. (на кор. яз.).

Ли Ю.Д., Хонг М.Ё. Отчет о предварительном исследовании палеолитической стоянки Богмеондонг, Чеонджу // Неонбо. – 1999. – Вып. 8. – С. 103 – 112 (на кор. яз.).

Хан С.Г. Проблемы периодизации пещерной стоянки Ёнгок // Бакмулгунгии. – 1992. – Вып. 8. – С. 69 – 88 (на кор. яз.).

Хан С.Г. Палеолитическая стоянка Беонгсангри // Сонсамунхва. – 1996. – Вып. 4. – С. 31 – 54 (на кор. яз.).

Хан С.Г. Палеолитические стоянки в районе строительства стадиона в Деджоне // 43 джонгукексахакдехое гого-

хакбу джарёжир [Материалы археологической секции 43-й исторической конференции в Корее]. – Б.м.: Б.и., 1999. – С. 251 – 256 (на кор. яз.).

Чой С.Р., Ли Х.Д. Джаннёнри Дангхасан юджеок [Стоянка Джаннёнри Дангхасан]. – Гуангуз: Мудол, 2000. – 547 с. (на кор. яз.).

Чой С.Р., Ли Х.Д., Ким Ё.Х. Отчет об исследовании памятника культуры в районе аэропорта Муан. – Гуангуз: Мудол, 2001 (на кор. яз.).

Ю Е.У. Характеристика ручных рубил из береговой зоны Имжин – Хантан // Хангукгогхакбо. – 1997. – Вып. 36. – С. 147 – 180 (на кор. яз.).

Derevianko A.P. Two Major Waves of the Early Human Population Migration into Asia // Suyanggae and Her Neighbors: 7th International Symposium. – Danyang: S.n., 2001. – P. 31 – 60.

Han C.G. About the Second Terrace formation period at the Yangpyong Byongsanri Paleolithic site // Suyanggae and Her Neighbors: Second International Symposium Danyang: S.n., 1997. – P. 139 – 155.

Lee H.J. New Understanding of Pebble Tool Tradition in Korean Peninsula // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт, 1998. – Т. 2. – С. 322 – 331.

Li S.B. Middle-Upper Paleolithic Transition in Korea: A Brief Review // Хангукгусеокгихакбо. – 2001. – Вып. 4. – С. 17 – 24.

Park H.H. A study of the Upper Paleolithic at the Changnae, Korea: Seoul: Yonsei Univ., 1989.

Материал поступил в редакцию 16.10.02 г.

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 903

А.Д. Цыбиктаров

Бурятский государственный университет

ул. Смолина, 24а, Улан-Удэ, 670000, Россия

E-mail: hist@bsu.ru

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА (проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья середины II – первой половины I тыс. до н.э.)*

Введение

Изучение бронзового и раннего железного веков северной части Центральной Азии в пределах Монголии и Южного Забайкалья имеет почти трехсотлетнюю историю. В 30-х гг. XVIII в. появились первые сведения о плиточных могилах [Миллер, 1937, с. 517 – 518]. С 70-х гг. XIX в. стали известны херексыры и оленные камни [Потанин, 1881; Радлов, 1893; Талько-Грынцевич, 1896, 1902; и др.]. Одновременно проводились сбор материалов с развеянных стоянок и изучение петроглифов. Однако осмысление полученных данных не выходило за рамки предположений и догадок [Диков, 1958, с. 7 – 17; Волков, 1967, с. 4; Гришин, 1981, с. 5 – 13; Савинов, 1990а, с. 107 – 109].

Начало научно обоснованной историко-культурной оценке этих памятников было положено Г.И. Боровко по монгольским материалам [1927] и Г.П. Сосновским – по забайкальским [1933, 1941]. Их результаты были углублены по памятникам Монголии С.В. Киселевым [1954], В.В. Волковым [1967], Д. Навааном [1975], Э.А. Новгородовой [1984, 1989], Д. Эрдэнэбаатаром [1997, 2002], а Забайкалья – А.П. Окладниковым [1954, 1975; Окладников, Запорожская, 1969, 1970], Н.Н. Диковым [1958], Ю.С. Гришиным [1981], И.И. Кирилловым [1979, 1981], Н.Л. Членовой [1992], О.И. Кирилловым [1994], И.В. Асеевым [1997] и др. При этом крупные обобщения материалов бронзового и раннего железного веков северной части Центральной Азии осуществлялись по региональному принципу – либо по Южному Забайкалью, либо по Монголии. Однако было очевид-

но, что памятники обоих регионов однотипны и единокультурны. Мы предприняли попытку объединить материалы культуры плиточных могил этих регионов, дополнив данными с территории Китая [Цыбиктаров, 1989, 1998а]. В течение 1970 – 1980-х гг. на Хэнтай-Чикойском нагорье на границе Южного Забайкалья и Монголии проводились исследования памятников таежного населения эпохи бронзы и раннего железа, результаты которых обобщила Л.В. Семина [1986].

Завершая очень краткий обзор истории изучения бронзового и раннего железного веков Центральной Азии, отметим, что с 50 – 60-х гг. XX в. стали формироваться разные подходы к историко-культурной оценке выявленных памятников. В качестве примера можно привести варианты их датировок. Плиточные могилы Г.И. Боровко, Г.П. Сосновский, В.В. Волков, И.И. Кириллов датировали VII – III вв. до н.э., А.П. Окладников, Ю.С. Гришин, Э.А. Новгородова, И.В. Асеев [1985] – серединой II тыс. до н.э. – II в. н.э., А.Д. Цыбиктаров – XIII – VI вв. до н.э., Н.Л. Членова – VIII в. до н.э. – II в. н.э. Херекссыры А.Д. Цыбиктаров, Ю.С. Худяков [1987], Д. Эрдэнэбаатар относят к середине II – началу I тыс. до н.э., Э.А. Новгородова – к середине II тыс. – III в. до н.э., Г.П. Сосновский (см.: [Дебец, 1948]), Л.Р. Кызласов [1979] – к VII – III вв. до н.э., Г.И. Боровко, А.П. Окладников – к VI – VIII вв. н.э. Существует не менее восьми вариантов датировки оленных камней монголо-забайкальского типа: вторая половина II тыс. до н.э. – А.П. Окладников, середина II – начало I тыс. до н.э. – Э.А. Новгородова, середина II – середина I тыс. до н.э. – А.П. Окладников, XII в. до н.э. – первая половина I тыс. до н.э. – А.Д. Цыбиктаров [2000б], первая половина I тыс. до н.э. – В.В. Волков [1981], Д.Г. Сави-

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 02-01-00400а.

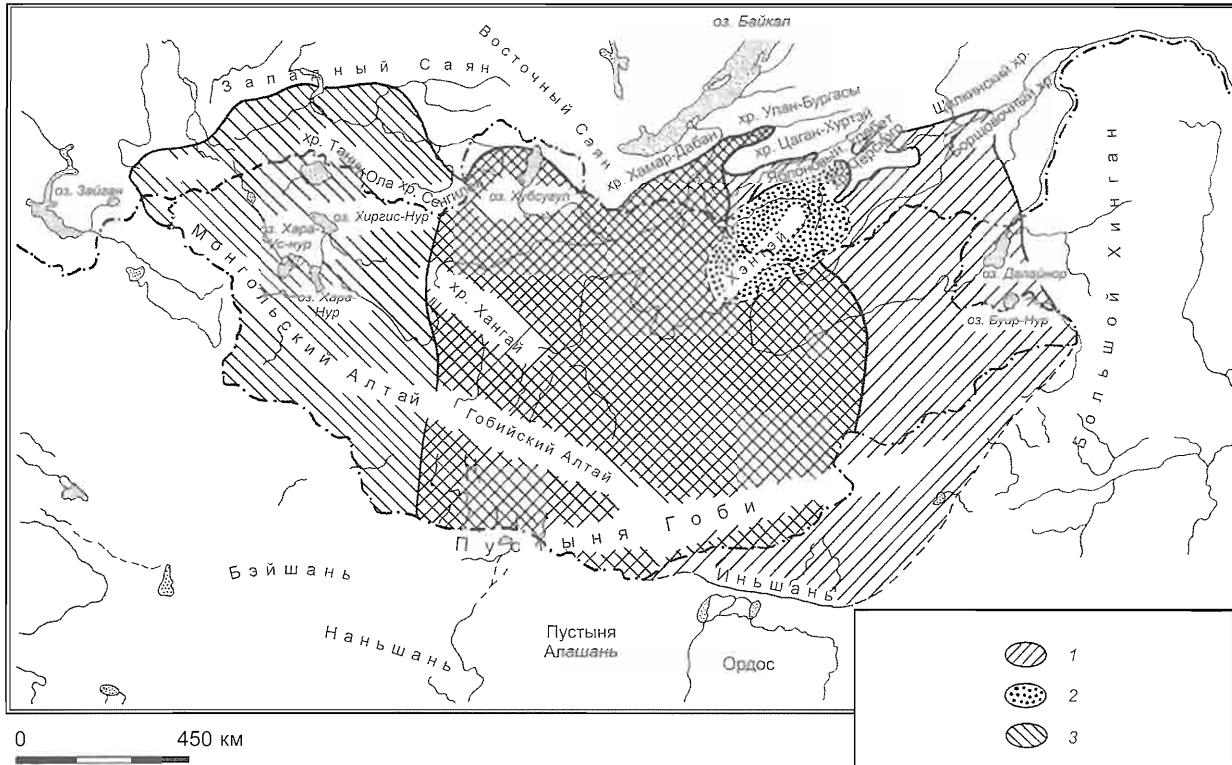


Рис. 1. Культурные области Центральной Азии эпохи поздней бронзы и раннего железа.
1 – культура плиточных могил, 2 – хэнтэйская, 3 – культура херексуров.

нов [1994], IX/VIII–VII вв. до н.э. – М.П. Грязнов [1983], М.Е. Килуновская, В.А. Семенов [1998], VIII(IX) – IV вв. до н.э. – А.А. Ковалев [2000], VII – II вв. до н.э. – Н.Н. Диков, VI – IV вв. до н.э. – Н.Л. Членова [2000]. Дискуссионны вопросы о датировке и культурной принадлежности памятников дворцовского типа Забайкалья и курганов монгун-тайгинского типа Западной Монголии, Тувы, Горного Алтая и Южной Бурятии.

Разногласия в датировании указанных памятников обусловливают и разные подходы к их осмыслинию и интерпретации, что, в свою очередь, ведет к формированию различных представлений об особенностях культурно-исторических и этнокультурных процессов в Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа.

Основу данной статьи составили материалы раскопок на территории Монголии и Южного Забайкалья: около 600 плиточных погребений более 220 могильников и 58 херексуров с 33 памятниками. Использованы публикации по оленным камням и петроглифам бронзового и раннего железного веков, учтены случайные находки. В целом задача заключалась в систематизации и анализе собранных материалов, их обобщении и исторической интерпретации, реконструкции культурно-исторических процессов в Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа.

Культурные области эпохи развитой – поздней бронзы и раннего железа

К эпохе поздней бронзы на территории Монголии и Южного Забайкалья складываются три культурные области: две на востоке (степная и таежная) и одна на западе. Каждая из них имела особенности в облике памятников, материалов и направлении связей населения.

Восточная степная культурная область характеризуется памятниками культуры плиточных могил [Боровко, 1927; Сосновский, 1941; Киселев, 1954; Окладников, 1954; Диков, 1958; Волков, 1967; Наваан, 1975; Гришин, 1981; Членова, 1992; Цыбиктаров, 1998а]. Она охватывала огромные пространства (1400 км с севера на юг, почти 1800 км с востока на запад) от берегов Байкала на севере до предгорий Наньшаня на юге, от хребтов Большого Хингана на востоке до Котловины Больших озер на западе Монголии (рис. 1).

Основными памятниками данной культуры являются погребальные: плиточные и фигурные могилы, погребения дворцовского типа. Плиточные могилы внешне выглядят как прямоугольные оградки, в той или иной степени возвышающиеся над уровнем дневной поверхности, а фигурные представляют собой кладки, стенки которых вогнуты вовнутрь. Захороне-

ния в них, как правило, индивидуальные. Умерших укладывали в вытянутом положении на спине головой на восток (66,4%), реже с отклонениями к северу или югу. Инвентарь представлен украшениями, принадлежащими одеждам и туалету, реже орудиями труда. Еще более редкой находкой являются предметы вооружения. Среди погребений встречаются и безинвентарные, в которых отсутствуют даже фрагменты керамики.

Особую группу составляют захоронения дворцовского типа*. Они имеют вид каменных кладок овальной или подпрямоугольной формы размерами по длинной оси до 6 – 8 м. В могильных ямах глубиной от 0,5 до 1,5 – 2,5 м умерших хоронили в вытянутом положении на спине головой на восток. В каждой из них найдены черепа преимущественно домашних животных в количестве от 3 – 5 до 30. Инвентарь этих погребений более богатый и разнообразный по сравнению с плиточными могилами [Кириллов И.И., 1979, с. 51 – 52; 1981, с. 34 – 35; Кириллов О.И., 1994, с. 10 – 15]. Погребения дворцовского типа представляют собой захоронения родоплеменной знати носителей культуры плиточных могил [Цыбиктаров, 1998а, с. 131 – 133, 136].

По нашему мнению, культура плиточных могил относится к эпохе поздней бронзы – раннескифскому времени и в своем развитии прошла два этапа: чулутский – XIII – VIII вв. до н.э. и ацайский – VIII – VI вв. до н.э. [Цыбиктаров, 1989, с. 11 – 17; 1998а, с. 88 – 106]. Возможно, она сформировалась в период развитой бронзы по южносибирской периодизации бронзового века, примерно в середине II тыс. до н.э. [Цыбиктаров, 1998б, с. 605].

Сопоставление материалов чулутского и ацайского этапов показало плавное развитие данной культуры на протяжении конца бронзового – начала раннего железного века [Цыбиктаров, 1998а, с. 116 – 122]. Это означает, что культура населения скифского времени Монголии и Южного Забайкалья складывалась на основе культуры плиточных могил эпохи поздней бронзы. Здесь не произошло резкой смены облика материальной культуры и погребального обряда при переходе от одной эпохи к другой, а значит, не было и резких изменений в хозяйстве и верованиях. В этом заключается одна из главных особенностей культурно-исторических процессов при переходе от бронзового к раннему железному веку в Центральной Азии, в отличие от более западных

областей евразийских степей, где везде наблюдается четкая смена позднебронзовых культур культурыми скифского типа.

В антропологическом отношении носители культуры плиточных могил характеризуются признаками северной сибирской ветви большой монголоидной расы: черепа брахицранные с низким сводом, высота лица в среднем умеренная или большая, лицо очень плоское, с широким уплощенным переносцем и слабо выступающими носовыми костями. В целом население отличалось единством антропологического типа, это были ярко выраженные монголоиды [Дебец, 1952; Гохман, 1958; 1980, с. 22 – 23; Тумэн, 1985, с. 7; Алексеев и др., 1987, с. 231].

Основой хозяйства носителей культуры плиточных могил являлось скотоводство. Разводили лошадей, мелкий и крупный рогатый скот [Сосновский, 1941, с. 308; Диков, 1958, с. 57 – 61; Волков, 1967, с. 92 – 95; Гришин, 1981, с. 193 – 196; Наваан, 1975, с. 95 – 119; Цыбиктаров, 1998а, с. 147 – 149]. В погребениях найдены кости лошадей (54% могил), овец (35,8), коров (16,6), а также диких животных (4,8% могил). По мнению Г.П. Сосновского [1941, с. 308], Н.Н. Дикова [1958, с. 61], В.В. Волкова [1967, с. 92], Д. Наваана [1975, с. 104 – 105] и Ю.С. Гришина [1981, с. 194], скотоводство с начала I тыс. до н.э. приняло кочевой характер.

Переход к подвижной форме ведения скотоводческого хозяйства произошел, с нашей точки зрения, даже раньше, к эпохе поздней бронзы, а может быть, уже в середине II тыс. до н.э. Этому во многом способствовало изменение климата в сторону аридизации на протяжении II тыс. до н.э. После климатического оптимума в неолите первое заметное увеличение сухости климата в Монголии произошло на рубеже среднего и верхнего голоцен – около 4 тыс. л.н. Эта засушливая фаза продлилась до середины II тыс. до н.э. Затем 3,5 – 3,3 тыс. л.н. наступил короткий период повышенного увлажнения, сменившийся новой фазой аридизации с максимумом около 2,7 – 2,6 тыс. л.н. [Виппер и др., 1978, с. 21; 1989, с. 165; Динесман и др., 1989, с. 197 – 203, рис. 1, 7]. Примерно по такой же линии шло развитие климата в соседнем Прибайкалье. Суб boreальный период в Приольхонье начался с фазы аридизации, достигнувшей максимума 4,1 – 3,8 тыс. л.н. Затем произошло некоторое повышение влажности климата. Период 3,6 (3,7) – 3,3 тыс. л.н. был теплым и влажным, а 3,3 – 3,1 тыс. л.н. – холодным и засушливым [Воробьев и др., 1992, с. 179 – 180, табл. 1, 2; Горюнова, Воробьева, 1993, с. 96 – 98]. Нараставшая в течение II тыс. до н.э. аридизация климата ухудшила условия для земледелия, а прогрессирующий характер ксерофитности в степной зоне способствовал развитию скотоводства и переключению на разведениеnomadных пород скота, прежде всего лошадей и овец, хорошо приспособлен-

* И.И. Кириллов и О.И. Кириллов выделяют погребения дворцовского типа в самостоятельную культуру бронзового века Восточного Забайкалья. Ю.С. Гришин, В.В. Волков, Н.Л. Членова и автор статьи считают их одним из типов памятников культуры плиточных могил. Авторскую позицию см.: [Цыбиктаров, 1998а, с. 128 – 136].



Рис. 2. Зернотерки из кладки сильно разрушенного объекта № 14 (плиточной могилы?).
Могильник Жаргаланта. Бурятия.

ных к содержанию на подножном корму в течение всего года в условиях резко континентального климата в Центральной Азии. Такая специализация стада вела к формированию подвижной формы ведения скотоводческого хозяйства.

Культура плиточных могил характеризуется развитым бронзолитейным производством и началом выплавки железа [Диков, 1958; Волков, 1967; Наваан, 1975; Гришин, 1981; Сергеева, 1981; Членова, 1992; Цыбиктаров, 1998а]. Охота, рыболовство и собирательство играли подсобную роль. В последние годы появились данные о занятиях земледелием. В кладке сильно разрушенной плиточной могилы (?) № 14 могильника Жаргаланта в Южной Бурятии были найдены две зернотерки (рис. 2), а в плиточной могиле № 1 могильника Хаар Асгат в Монголии – крупный фрагмент кольца-утяжелителя от деревянной мотыги [Эрдэнэбаатар, 2002, с. 239, рис. 1].

С культурой плиточных могил связаны петроглифы селенгинского типа. Они наносились на скальные плоскости красной и желтой охрой. Наиболее распространенными являются изображения оградок, человечков, пятачек, хищных птиц [Окладников, Запорожская, 1969, 1970; Волков, 1967; Наваан, 1975; Новгородова, 1984; Мазин, 1994; Тиваненко, 1990].

Восточная таежная культурная область связана с районами Хэнтэй-Чикойского нагорья (см. рис. 1). Характеристика ее памятников была дана ранее [Цыбиктаров, 2002г]. Напомним лишь некоторые моменты. Л.В. Семина датировала эпоху бронзы Чикойско-Мензенской провинции XVIII – II вв. до н.э. и разделила ее на два периода: ранний (XVIII – VIII вв. до н.э.) и поздний (VIII – II вв. до н.э.). Эпоха “ранней бронзы” совпадает с периодами ранней, развитой и поздней бронзы степной зоны Евразии. “Позднебронзовое” время характеризуется материалами из почвенных (верхних) слоев памятников, датированных “ранней бронзой”, из горизонтов 2а Усть-Мензы I и 2, 3 Алтана [Семина, 1986, с. 7].

В эпоху “поздней” бронзы металлические орудия шире входят в обиход. В связи с этим падает роль камня. Значительно уменьшается доля орудий на пластинах и, соответственно, увеличивается количество изделий на отщепах, растет число крупных орудий – топоров, тесел, чопперов. Чаще встречаются орудия для обработки руды. Керамические сосуды становятся более крупными и массивными. Их поверхность затирается, иногда подвергается лощению. Орнамент становится беднее и все чаще переносится в зону венчика. Теряется тщательность его нанесения. В культурных слоях поселений несколько раз встречены фрагменты триподов и кости домашних животных – козы или овцы на Студеном, свиньи на Усть-Мензе III [Константинов, Семина, 1980; Семина, 1985, 1986; Сухопарова и др., 1990].

Культура населения горно-таежных районов Хэнтэй-Чикойского нагорья позднего бронзового века, которую мы предложили назвать хэнтэйской, самым тесным образом связана с культурой эпохи ранней бронзы. Ее носители, как и раньше, занимались охотой, рыболовством и собирательством. По сравнению с культурой плиточных могил хэнтэйская выглядит архаичной, она сохраняла некоторые неолитические черты. В антропологическом отношении население было монголоидным.

Западная культурная область характеризуется памятниками культуры херексуров и оленных камней. Она охватывала горно-степные районы Западной Монголии, Тувы и Юго-Восточного Алтая (см. рис. 1). Херексуры представляют собой памятники сложной конструкции. Они состоят из каменной курганной насыпи, ограды вокруг нее (в виде круга, квадрата, прямоугольника, трапеции) и поминально-жертвенных сооружений. В 24 из 58 херексуров были обнаружены останки людей. В 16 случаях они лежали на уровне древнего горизонта, в четырех – в неглубоких (15 – 20 см) могильных ямах. Чаще всего на уровне древней поверхности сооружалась валунная камера,

камера комбинированного типа или ящик. Умерших обычно укладывали в вытянутом положении на спине, реже на боку с подогнутыми ногами и еще реже в скорченном положении. В ориентации погребенных преобладает западное (10 случаев) или северо-западное (5) направление.

Для этой культуры характерны безынвентарные захоронения (лишь в насыпях двух херексуров были найдены фрагменты керамики), что нельзя объяснить низким социальным положением умерших, т.к. сооружение херексуров требовало усилий больших коллективов и, следовательно, в них были похоронены не рядовые члены общества, а представители родоплеменной знати. В антропологическом отношении носители культуры херексуров были европеоидами. Но в восточных районах ее распространения встречаются черепа брахицранического типа или с явными следами метисации [Дебец, 1948, с. 119; Алексеев, 1974, с. 371, 382; Тумэн, 1985, с. 7 – 8; Алексеев и др., 1987, с. 231].

Другими характерными памятниками западной культурной области являются олennые камни монголо-забайкальского типа [Цыбиктаров, Данилов, 2000], которые в последнее время привлекают повышенное внимание исследователей. Поэтому нет необходимости останавливаться на их описании. По сравнению с херексурами олennые камни имеют гораздо меньшее распространение на территории Центральной Азии. Подавляющее их большинство сосредоточено в Центральной Монголии. В западных районах Монголии они встречаются гораздо реже [Волков, 1981, с. 101; Кубарев и др., 1998, с. 261] и еще реже в Туве [Савинов, 1994, с. 29 – 41, 58 – 69, 71; Семенов, 1997, с. 26 – 27; Килуновская, Семенов, 1998, с. 151, рис. 1, 2].

В насыпях 11 херексуров и в жертвенниках найдены кости домашних животных, представлены те же виды, что и в плиточных могилах: лошадь, мелкий и крупный рогатый скот. Проживая в одинаковых природно-климатических условиях Монголии и Забайкалья, носители культур плиточных могил и херексуров имели, скорее всего, схожий тип хозяйства и занимались преимущественно полукочевым и кочевым скотоводством.

С культурой херексуров связана, как показывают реалии на олennых камнях, значительная часть бронз карасукского типа Центральной Азии из числа случайных находок. Они представлены кинжалами, ножами с звериноголовыми навершиями, боевыми топорами, наконечниками копий, стрел. Высокое качество их исполнения свидетельствует о расцвете бронзолитейного производства.

Общественный строй носителей культуры херексуров, видимо, находился на стадии разложения патриархально-родовых отношений и формирования военной демократии. Похороненные в херексурах люди являлись, по нашему мнению, представителями ро-

доплеменной знати. В честь выдающихся из них устанавливались, вероятно, олennые камни. Высокий уровень милитаризации этого общества уже не раз отмечался в литературе [Худяков, 1987, 1993; и др.]. Погребения других слоев населения, занимавших более низкое положение в общественной структуре, представлены курганами монгун-тайгинского типа Горного Алтая, Тувы, Западной Монголии и Южного Забайкалья [Цыбиктаров, 2002б]. Об их принадлежности к той же культуре свидетельствует тот факт, что основные формальные признаки (положение погребенных, их ориентация, устройство могил и наземных сооружений) херексуров и курганов монгун-тайгинского типа совпадают (см. таблицу). По этим параметрам они почти неотличимы друг от друга. Если у херексура, содержащего внутри насыпи захоронение, убрать внешнюю ограду, то он будет представлять собой типичный курган монгун-тайгинского типа. Для обоих типов памятников характерен безынвентарный обряд захоронения. Все это свидетельствует об общих представлениях людей, оставивших херексуры и курганы монгун-тайгинского типа, о жизни в мире мертвых, путях и способах перехода в этот мир. Очень важна и близость антропологического типа данных групп населения. И те и другие характеризуются европеоидными особенностями, но в ряде случаев отмечается примесь монголоидных черт [Алексеев, 1974, с. 371, 382; Гохман, 1980, с. 29; Тумэн, 1985, с. 7 – 8; Алексеев и др., 1987, с. 230 – 231; Гохман, Влчек, 1991, с. 54].

Единообразие памятников и погребального обряда носителей этой культуры свидетельствует об единстве верований, мировоззренческих представлений, идеологии и позволяет рассматривать всю территорию распространения херексуров и курганов монгун-тайгинского типа как единую культурно-историческую область.

Вопрос о датировке рассматриваемой культуры вследствие безынвентарного обряда захоронения очень сложен. Существуют разные варианты определения времени ее существования. На основании совокупности редких вещественных находок, особенностей погребального обряда херексуров и курганов монгун-тайгинского типа, радиоуглеродных дат, анализа реалий олennых камней монголо-забайкальского типа мы датируем эту культуру эпохой развитой – поздней бронзы и раннескифским временем [Цыбиктаров, 1988; 1999в, с. 75; 2000б]. Некоторые херексуры, но уже со срубами в глубоких ямах под насыпями – один из типов памятников культур скифского облика Саяно-Алтая – продолжали сооружаться и в позднескифское время.

С культурой херексуров и олennых камней связано, видимо, значительное количество петроглифов, выбитых на скалах Монголии. Они выделены

Основные особенности курганов монгун-тайгинского типа и херексуров

Особенности погребального обряда и конструкции сооружения	Курганы монгун-тайгинского типа, %*	Херексуры**
<i>Положение погребенного</i>		
На боку	78,5	+
На боку с согнутыми ногами	9,8	+
На правом боку	30,4	Точных данных нет
На левом боку	60,8	То же
На спине	8	+
<i>Ориентировка</i>		
ЮЗ	10,7	-
З	67	+
СЗ	19,6	+
<i>Устройство могилы</i>		
На горизонте	49,1	+
Обкладка	22,3	Валунные камеры
Циста	27,7	Комбинированные камеры
Каменный ящик	5,4	+
Яма	56,2	+
Две могилы	5,4	-
<i>Наземное сооружение</i>		
Четырехугольное (в плане)	8,9	-
Округлое (в плане)	84,8	+
Выкладка	8	+
Одно кольцо/крепида	34,8	+
Два кольца	7,1	-
Внешняя ограда круглая	6,3	+

* По: [Чугунов, 1994]. Единичные случаи (менее 5%) фиксации тех или иных черт курганов монгун-тайгинского типа, как нехарактерные, не учитывались.

** Указываются только наличие (+) или отсутствие (-) признака вследствие небольшого, по сравнению с курганами монгун-тайгинского типа, количества раскопанных кладок, содержащих остатки захоронений, – 24 против 112.

А.П. Окладниковым и Э.А. Новгородовой и иногда называются петроглифами в стиле оленных камней [Савинов, 1990б]. Позже новые петроглифы бронзового века на западе Монголии были открыты В.Д. Кубаревым, Д. Цэвээндоржем и Е. Якобсон. На них часто встречаются изображения оленей с клововидными мордами или выполненные в т. н. примитивно-реалистической манере с елкообразными рогами, антропоморфные фигуры с грибовидными головными уборами, с луками и клевцами. Имеются сцены сражения двух пеших воинов, вооруженных боевыми топорами-чеканами или клевцами. На петроглифах изображены горные козлы и бараны, реже кабаны, лошади. Есть сцены охоты на диких животных. Среди сюжетов выделены т. н. солнцеголовые копыт-

ные [Окладников, 1980, 1981а, б; Новгородова, 1984, 1989; Кубарев, 1996; Кубарев и др., 1997, 1998; Цэвээндорж, 1999].

Культурно-исторические процессы в Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа

К эпохе поздней бронзы в этнокультурной ситуации на территории Центральной Азии произошли важные и существенные изменения по сравнению с периодом раннего металла [Цыбиктаров, 2002г]. Во-первых, к этому времени в степной и лесостепной зонах сформировались совершенно новые археологические культуры. В восточной части Монголии и Южном Забай-

калье место селенгинско-даурской заняла культура плиточных могил, а на территории монгольского варианта афанасьевской общности в Западной Монголии [Цыбиктаров, 2002а, г] распространилась культура херексуров. В южных гобийских районах Монголии пока не выявлено каких-либо оригинальных археологических памятников времени развитой – поздней бронзы и раннего железа, которые свидетельствовали бы о сохранении культурного своеобразия ее населения, характерного для предшествующего времени. Однако здесь известны плиточные могилы, а чуть севернее Гоби, в Баян-Хонгорском аймаке, – херексуры. Таким образом, территория южной культурной области времени раннего металла вошла в ареал культуры плиточных могил, а западная ее часть – возможно, в зону распространения культуры херексуров. Вероятно, население гобийской зоны подверглось культурной и этнической ассимиляции со стороны носителей степных культур или вообще покинуло по каким-то причинам места своего обитания. Лишь в горно-таежных районах Хэнтэй-Чикойского нагорья сохранилась культура предшествующего времени – хэнтэйская.

Во-вторых, в позднебронзовое время и в раннем железном веке образовались большие контактные зоны, где сосуществовали группы носителей культур плиточных могил и херексуров. Они протягивались на многие сотни километров, охватывали огромные пространства (см. рис. 1). Это свидетельствует не об эпизодических проникновениях отдельных групп на соседние территории, а о крупномасштабных миграциях больших масс населения. В результате территориальные границы степных культур стали неустойчивыми. Такие масштабные перемещения должны были иметь серьезные причины.

Отмеченные выше обстоятельства свидетельствуют о сложении в Южном Забайкалье и Монголии в эпоху поздней бронзы и раннего железа совершенного новой этнокультурной ситуации.

Хозяйство носителей обеих степных культур (плиточных могил и херексуров) имело ярко выраженный скотоводческий характер. Поэтому жили они в одних и тех же ландшафтных зонах степей и лесостепей. Появление мигрантов со схожим типом экономики на территории автохтонного населения затрагивало его жизненно важные хозяйствственные интересы. По нашему мнению, культурно-исторические процессы в Центральной Азии были сопряжены с важными изменениями, происходившими в бронзовом веке в палеоэкономике степного населения (сложением кочевого экстенсивного скотоводства), демографической ситуации и в природно-климатической обстановке. Рассмотрим их подробнее.

Аридизация климата, начавшаяся в конце III тыс. до н.э. и продолжавшаяся до середины II тыс. до н.э., обусловила преобладание скотоводства в хозяйствен-

ных занятиях степного населения Центральной Азии. К концу указанного периода сформировался кочевой уклад жизни и стабилизировался подвижный состав стада (лошади, мелкий и крупный рогатый скот).

Примерно с 3 500 до 3 300 л.н. (XV – XIV вв. до н.э., что по периодизации бронзового века степной зоны Евразии соответствует развитому бронзовому веку) происходит повышение влажности климата. Безусловно, это сопровождалось ростом продуктивности пастбищ, а также создавало благоприятные условия для земледелия и положительно отразилось на экономике степного населения. Следует полагать, что носители культур плиточных могил и херексуров жили в этот период достаточно стабильно, совершая кочевки по устоявшимся маршрутам, попутно занимаясь земледелием, подобно монголам второй половины XIX – начала XX в. [Милюшкин, 1924, с. 126 – 127, 130; Марков, 1976, с. 105 – 106]. Такая экологическая и экономическая обстановка позволяет предположить рост численности населения. По всей видимости, в целом ситуация в XV – XIV вв. до н.э. была весьма благоприятной для развития степного населения Центральной Азии. Поэтому и территориальные границы распространения культур оставались стабильными.

В конце II тыс. до н.э., в последней трети или четверти, как в Прибайкалье, так и в Южном Забайкалье началась очередная фаза аридизации климата. Исходя из одинаковой направленности климатических изменений в Монголии, Южном Забайкалье и Прибайкалье на протяжении голоцене и сопредельного их расположения, можно заключить, что и в Монголии в это время также началась фаза аридизации. Она сопровождалась уменьшением количества осадков, засухами, обмелением рек и озер, что должно было вызвать падение численности и продуктивности скота вследствие нехватки подножного корма и источников воды. Ухудшились условия и для занятия земледелием. Таким образом, наступившая в конце II тыс. до н.э. засушливая фаза была губительна для обеих отраслей производящего хозяйства. Аридизация климата в совокупности с таким фактором, как давление избытка населения на производительные силы в условиях производящего хозяйства, могла стать причиной миграции носителей обеих степных культур (плиточных могил и херексуров) в поисках более благоприятных местообитаний. При преимущественно кочевом скотоводческом хозяйстве прежде всего были необходимы хорошие пастбищные угодья. В результате начались крупномасштабные миграции носителей культур плиточных могил и херексуров по степям Монголии и Южного Забайкалья. Первые продвинулись до Баян-Улэгэйского аймака в Западной Монголии, а вторые – до Восточного аймака Монголии и Южной Бурятии (см. рис. 1). Таким образом, эти миграции носили встречный характер.

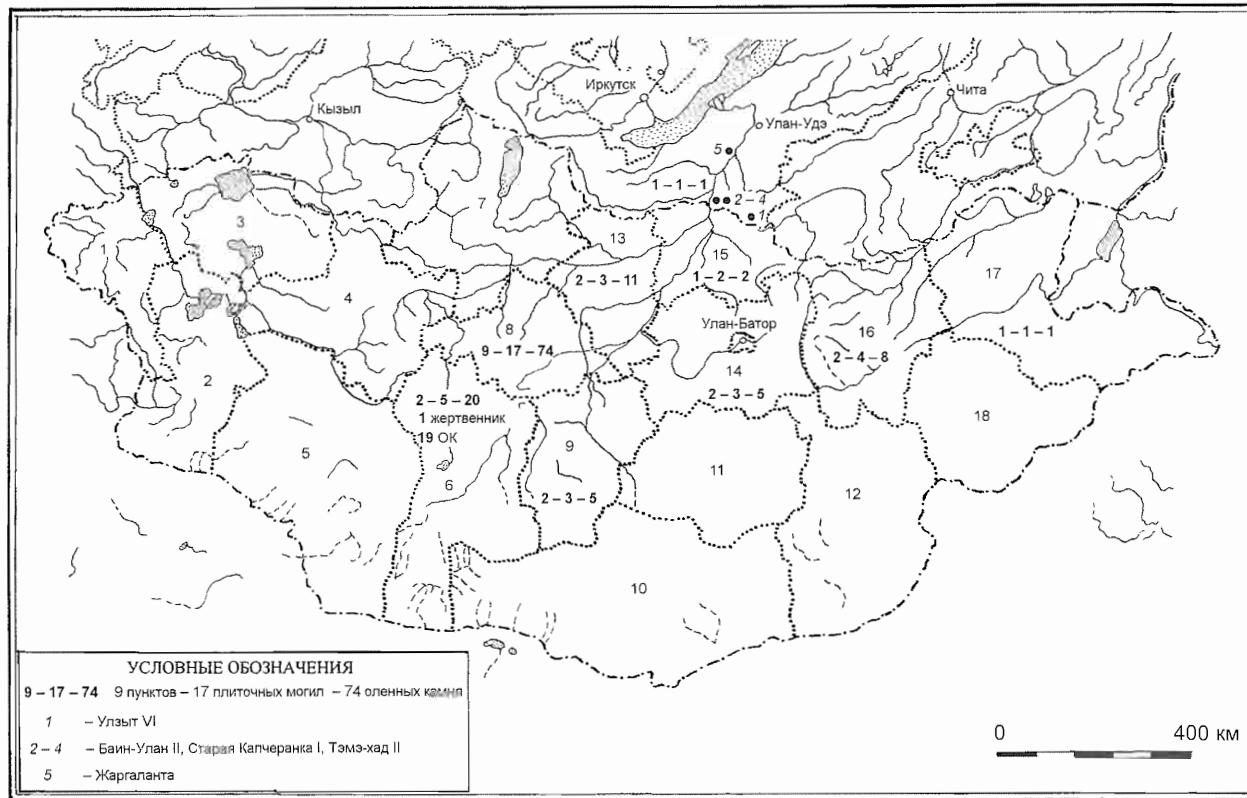


Рис. 3. Местоположение плиточных могил с вторично использованными оленевыми камнями и могильников с наложением кладок плиточных могил и херексуров в Монголии и Южном Забайкалье.

Аймаки Монголии: 1 – Баян-Улэгэйский, 2 – Кобдоский, 3 – Убсунурский, 4 – Дзабханский, 5 – Гоби-Алтайский, 6 – Баян-Хонгорский, 7 – Хубсугульский, 8 – Ара-Хангайский, 9 – Увэр-Хангайский, 10 – Южно-Гобийский, 11 – Средне-Гобийский, 12 – Восточно-Гобийский, 13 – Булганский, 14 – Центральный, 15 – Селенгинский, 16 – Хэнтэйский, 17 – Восточный, 18 – Сухэ-Баторский.

В конце II тыс. до н.э. носители обеих степных культур двинулись, вероятно, и в южном направлении, осваивая территории гобийских районов Монголии и Северного Китая. Поскольку после климатического оптимума аридизация климата в Центральной Азии продолжалась более пяти веков, можно предположить, что на протяжении этого огромного периода шел процесс постепенного опустынивания современных гобийских районов Монголии и Северного Китая, сопровождавшийся, вероятно, деградацией культуры потомков населения гобийской зоны эпохи раннего металла. Вторгавшиеся сюда с севера кочевые племена (носители культуры плиточных могил – в восточную часть, культуры херексуров – в западную), по-видимому, постепенно ассимилировали или вытесняли автохтонное население.

Крупномасштабные встречные миграции носителей культур херексуров и плиточных могил по степным и лесостепным районам Монголии и Забайкалья неизбежно должны были привести к конфликтам между мигрантами и автохтонным населением, т.к. уве-

личивалась плотность населения и росла интенсивность эксплуатации пастбищ. Вероятно, в это время имели место многочисленные военные столкновения за право обладания пастбищными угодьями.

Одной из форм проявления напряженных отношений между мигрантами и автохтонным населением стали акты обоюдного осквернения могил. Это зафиксировали раскопки херексуров и плиточных могил на памятниках Байн-Улан II, Старой Капчеранке I, Тэмэ-хад II в местности Бурдуны на границе Бурятии и Монголии, осуществленные нами во второй половине 1990-х гг. (рис. 3). На Байн-Улане II и в Старой Капчеранке I носители культуры плиточных могил осквернили херексуры пришлого населения, частично разобрав их и использовав камни при сооружении своих могил, которые перекрывают ограды херексуров (рис. 4 – 7). Но и сами плиточные могилы на обоих памятниках оказались потревоженными. На могильнике Тэмэ-хад II курган-жертвенный носителей культуры херексуров был сооружен так, что перекрыл края кладок двух плиточных могил (рис. 8). Только



Рис. 4. Кладки херексура № 4 и плиточных могил № 1, 2 после расчистки. Вид с В (90°). Могильник Старая Кацхеранка. Бурятия. В правом верхнем углу видно наложение кладки плиточной могилы № 1 на северо-западную сторону ограды херексура; в левой части фотографии – кладка плиточной могилы № 2, установленная на линии юго-западной стены ограды херексура.



Рис. 5. Кладки херексура № 19 и плиточных могил № 21, 23 после расчистки. Вид с СВ (45°). Могильник Старая Кацхеранка. Бурятия. В левой части фотографии видно наложение кладок плиточных могил № 21, 23 на ограду херексура.



Рис. 6. Бляшка-туговица (1) и зооморфная бляшка (2) из плиточной могилы № 1. Бронза. Могильник Старая Кацхеранка. Бурятия.

они были оставлены в более или менее удовлетворительном состоянии для обозначения факта перекрытия, а все остальные плиточные могилы на этом могильнике в значительной степени разобраны. Таким образом, можно считать доказанными факты обоюдного осквернения могил со стороны носителей обеих культур, а следовательно, и их сосуществование на одной территории. Эти факты свидетельствуют о немирном характере взаимоотношений между носителями культур плиточных могил и херексуров [Цыбиктаров, 1999б, в].

Наряду с херексурами в Южной Бурятии выявлены и другие памятники примитивного населения: курганы монгун-тайгинского типа, олениные камни монголо-забайкальского типа и петроглифы саяно-алтайского типа. Последние получили название "кяхтинская группа писаниц" [Окладников, Запорожская, 1970, с. 133 – 159; Тиваненко, 1990, с. 35 – 37]. Курганы



Рис. 7. Кладки плиточных могил № 1 – 8, 14, херексура № 13, жертвеника № 12 после расчистки. Вид с СВ. Могильник Байн-Улан II. Бурятия. На заднем плане в правой части фотографии видно наложение кладок плиточных могил № 2, 4 на северо-западную сторону ограды херексура № 13. Кладка плиточной могилы № 1 находится между насыпью и северным углом ограды херексура № 13.



Рис. 8. Наложение кладки кургана № 3 саяно-алтайского типа на кладки плиточных могил № 7, 8. Вид с ЮЗ (222°). Могильник Тэмэ-хад II. Бурятия. В левом углу разобранная кладка объекта № 6 (плиточной могилы?).

монгун-тайгинского типа были выявлены на могильниках Старая Капчеранка I, Тэмэ-хад I (рис. 9), Сухой Ключ [Цыбиктаров, Кузнецов, 2000; Цыбиктаров, 2002в].

Олениные камни – кульевые стелы носителей культуры херексуров также использовались в качестве строительного материала, что было зафиксировано в 43 плиточных могилах на 28 могильниках Южного Забайкалья, Северной и Центральной Монголии (см. рис. 3, 10). Их количество (153 стелы) составляет более 30% от общего числа оленых камней, обнаруженных на территории Монголии и Забайкалья [Цыбиктаров, 2000а, с. 98]. Разбросив на куски кульевые стелы мигрантов и используя их при сооружении могил или жертвенныхников, автохтонное население как бы демонстрировало свое неприязненное и открыто



Рис. 9. Кладка кургана № 5 монгун-тайгинского типа. Вид с ЮЗЗ (245°). Могильник Тэмэ-хад I. Бурятия.

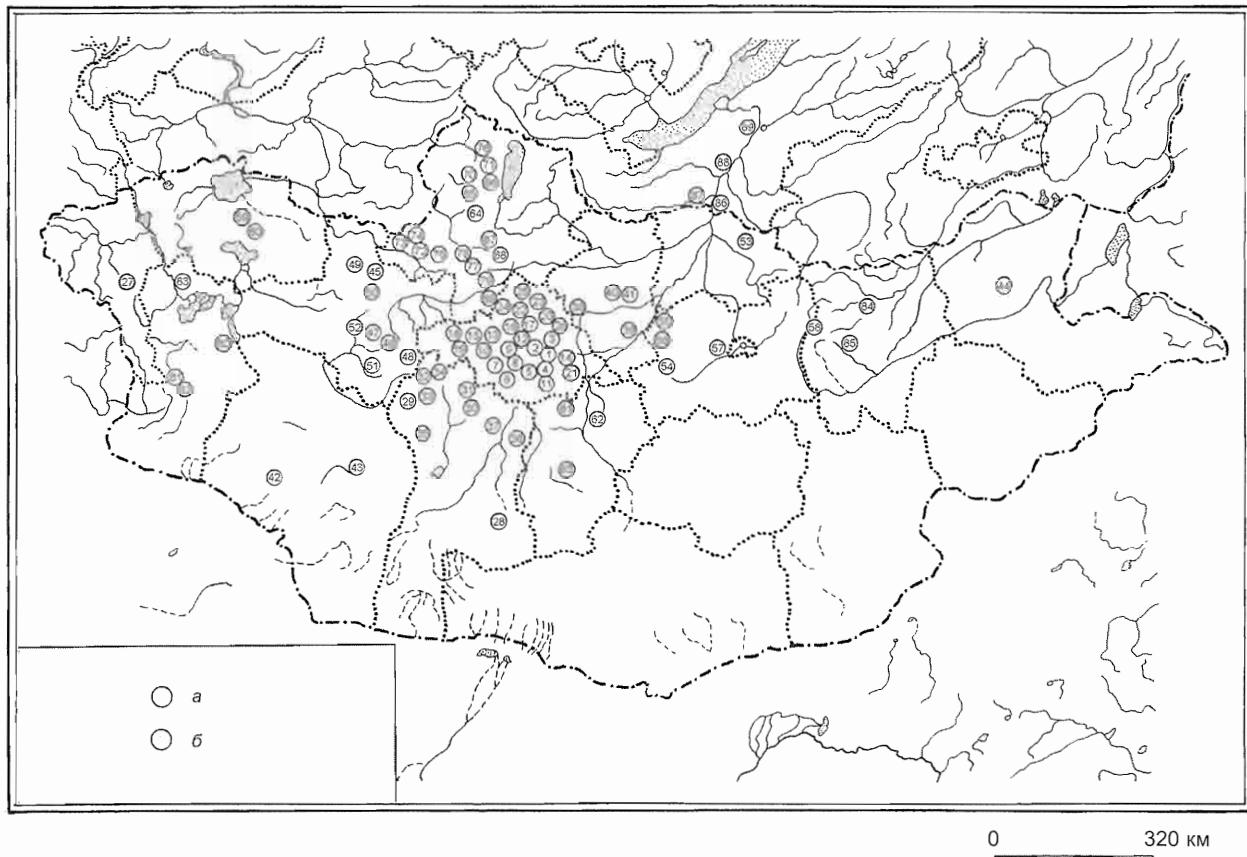


Рис. 10. Распространение оленных камней по территории Монголии и Южного Забайкалья
(составлено с использованием материалов В.В. Волкова).
а – оленные камни, б – оленные камни во вторичном использовании в плиточных могилах.

враждебное отношение к пришельцам. Одновременно это означало осквернение жертвенныхников и святилищ носителей культуры херексуров (см.: [Цыбиктаров, 2000а]).

Территория распространения плиточных могил с вторично использованными оленными камнями охватывает, как показало их картографирование, Ара-Хангайский, Увэр-Хангайский, Баян-Хонгорский, Булганский, Центральный, Селенгинский, Хэнтэйский, Восточный аймаки в Монголии и южные районы Забайкалья (см. рис. 3, 10), т.е. всю контактную зону ареалов степных культур плиточных могил и херексуров. Значит, напряженные отношения между носителями этих культур имели не локальный, а достаточно масштабный характер.

Вторичное использование оленных камней в плиточных могилах происходило в период бытования стел монголо-забайкальского типа, подтипов 2–4 по классификации Д.Г. Савинова, которые он датирует X–VIII вв. до н.э. [1994, с. 113]. Однако, с нашей точки зрения, наиболее ранние из них появились, вероятно, еще в начале эпохи поздней бронзы, в XIII–XI вв. до н.э. [Цыбиктаров, 2000б; Варенов, 1995]. Следова-

тельно, часть плиточных могил и жертвеников с херексурами, связанных с оленными камнями монголо-забайкальского типа, может датироваться этим же временем, что позволяет отнести выявленные процессы к концу II – началу I тыс. до н.э.

По вещественным находкам могильники Байн-Улан II и Старая Капчеранка I были датированы концом II – началом I тыс. до н.э. [Цыбиктаров, 1999б, с. 508; 2000а, с. 98 – 99]. Это подтверждено радиоуглеродными датами*: Старая Капчеранка, плиточная могила (ПМ) № 2 – 3 020 ± 100 л.н. (Ле-5819), ПМ № 3 – 2 890 ± 70 (Ле-5822), курган монгун-тайгинского типа № 22 – 3 330 ± 120 л.н. (Ле-5818); Байн-Улан II, ПМ № 4 – 2 680 ± 200 л.н. (Ле-5820), ПМ № 7 – 2 940 ± 80 (Ле-5825), ПМ № 8 – 2 940 ± 110 л.н. (Ле-5821). Почти все даты легли достаточно плотно в пределах XI – IX вв. до н.э.

Вместе с тем отдельные факты вторичного использования оленных камней в плиточных могилах могли

* Радиоуглеродное датирование было выполнено в лаборатории радиоуглеродного анализа Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург), зав. лабораторией Г.И. Зайцева.



Рис. 11. Кладки херексура № 2 и плиточных могил № 4, 5 (в левой части фотографии) после расчистки. Вид с ЮЮВ (162°). Могильник Жаргаланта. Бурятия. Кладки плиточных могил № 4, 5 установлены на линии ограды херексура № 2. При их сооружении были использованы камни ограды и насыпи херексура.



Рис. 12. Кладки херексура № 2 и плиточных могил № 4, 5 (на заднем плане в правой части фотографии) после расчистки. Вид с ЗСЗ (300°). Могильник Жаргаланта. Бурятия.



Рис. 13. Валунно-плитовая камера херексура № 3. Вид с ЮЮВ (165°). Могильник Жаргаланта. Бурятия.



Рис. 14. Валунно-штуковая камера херексура № 2. Вид с ССЗ (330°). Могильник Жаргаланта. Бурятия.



Рис. 15. Бляшки-пуговицы из шиточной могилы № 30 (1, 2) и пряжка из херексура № 2 (3). Бронза. Могильник Жаргаланта. Бурятия.

иметь место и в несколько более позднее время, на начальном этапе развития скифо-сибирских культур или в период, предшествующий их сложению, в самом конце эпохи поздней бронзы. На одной из вто-

рично использованных стел Алтан-сандала изображен свернувшийся в кольцо хищник [Волков, 1981, табл. 4]. Наиболее раннее подобное изображение в бронзе происходит из кургана Аржан в Туве, дати-

руемого многими исследователями в пределах первой половины VIII в. до н.э. [Грязнов, 1980, с. 54; Боковенко, 1986, с. 16; Марсадолов, 1989; Савинов, 1994, с. 65 – 66]. Олений камень из Алтан-сандала относится к подтипу 2 стел монголо-забайкальского типа по классификации Д.Г. Савинова. Вероятность его достаточно ранней датировки в относительной хронологии оленных камней весьма высока. Обращают на себя внимание большие размеры фигур животных на нем, как оленей, так и лошадей, и отсутствие признаков зональности в размещении изображений на плоскости стелы. Это особенности ранних оленных камней (по: [Савинов, 1994, с. 74, 81, 152 – 154]). В архаичном реалистическом стиле выбиты и изображения лошадей – в полный рост с подчеркнутыми большими головами и короткой массивной сильной шеей. В них легко угадываются низкорослые выносливые лошади монгольской породы.

В связи с этим напомним мнение исследователей о том, что аржанская пантера представляет собой классический сложившийся образ в законченном виде. Значит, истоки формирования данного сюжета уходят в предшествующую эпоху поздней бронзы. Если исходить из этого, то присутствие единичного изображения свернувшегося в кольцо хищника на камне из Алтан-сандала вовсе не является неожиданным и вписывается в контекст всех остальных реалий оленных камней эпохи поздней бронзы.

В Южной Бурятии на могильнике Жаргаланта наами раскопаны три херексура, камни которых были использованы при сооружении плиточных могил (см. рис. 3, 11, 12). Камеры внутри насыпей (рис. 13, 14) по типологическим особенностям имеют больше конструктивных признаков памятников эпохи поздней бронзы, чем шанчигского типа раннескифского времени. Но в херексуре № 2 Жаргаланты между камнями насыпи была найдена бронзовая пряжка, выполненная в зверином стиле, с изображением свернувшегося в кольцо хищника (рис. 15, 3), которое поразительно близко аржанской пантере [Грязнов, 1980, рис. 15] и изображению пантеры на оленном камне из Алтан-сандала [Волков, 1981, табл. 4].

Эта пряжка свидетельствует о проникновении населения из западных районов Монголии и Саяно-Алтая в Южное Забайкалье не только в эпоху поздней бронзы, но и в начальный период развития культур скифо-сибирского типа. В IX – VIII вв. до н.э. в Туве и прилегающих к ней районах Монголии, Горного Алтая сложился мощный племенной союз с центром в Турено-Үюкской котловине, глава которого похоронен в кургане Аржан в Туве [Грязнов, 1980]. Вполне возможно, что это объединение кочевых племен стремилось распространить свое влияние на окружающие территории. Группы населения аржанского союза, проникшие в районы распространения культуры пли-

точных могил в раннескифское время, могли оставить памятники, подобные Жаргаланте. В таком случае причины появления населения, оставившего херексуры, курганы монгун-тайгинского типа и наиболее поздние из оленных камней монголо-забайкальского типа, на территории носителей культуры плиточных могил на рубеже бронзового века и скифского времени (IX – VIII вв. до н.э.) были уже совсем иными, чем в конце II тыс. до н.э. Они связаны не с демографо-экономическими и природно-климатическими факторами, как в эпоху поздней бронзы, а с социально-экономическими.

Со временем между пришлым и местным населением установились отношения сосуществования, а затем начались и процессы этнического смешения групп, относящихся к разным антропологическим типам. Такое направление развития взаимоотношений было прослежено на могильниках Улзыт III и VI в долине р. Чикой на границе с Монголией. На могильнике Улзыт VI кладка сдвоенных плиточных могил аккуратно пристроена к круглой ограде херексура. При этом плиты южной стенки ограды одной из них были прислонены к камням ограды херексура, которая полностью сохранилась, как и насыпь. Лишь с южной стороны от валунно-цистовой камеры камни были выбраны в результате более поздней попытки ограбления [Цыбиктаров, 1998а, рис. 14, 15]. Это сделали не носители культуры плиточных могил. Будучи современниками строителей херексура, они хорошо знали, где находится камера, и поэтому при ограблении или осквернении херексура не могли ошибиться.

При раскопках херексура на могильнике Улзыт III в цисте на горизонте [Там же, рис. 17] был обнаружен костяк, череп которого характеризуется монголоидными признаками и, по мнению И.И. Гохмана (устное сообщение), почти идентичен черепам из плиточных могил. Это указывает, по нашему мнению, на установление не только спокойных и мирных отношений между носителями культур плиточных могил и херексуров, но и этнических связей между ними. Иначе трудно объяснить факт того, что человек из среды носителей культуры плиточных могил оказался похороненным по нормам погребального обряда носителей культуры херексуров. Анализ особенностей обряда захоронения в плиточных могилах позволяет предполагать наличие в погребальной практике населения, оставившего эти могилы, безынвентарного варианта, происхождение которого было обусловлено, возможно, контактами с носителями культуры херексуров [Там же, с. 80 – 81, 83 – 84, 153]. Такие факты могли иметь место только после нормализации отношений и установления прочных культурных и этнических связей. Таким образом, в конце бронзового века было положено начало формированию цен-

тральноазиатской расы континентальных монголоидов. Ведущим фактором этого процесса являлась метисация древней байкальской расы с европеоидами. Она сопровождалась постепенным уменьшением контрастности и формированием, “при явном преобладании монголоидного населения, смешанной по происхождению, но монголоидной по облику расы” [Гохман, 1980, с. 32 – 33; Алексеев и др., 1987, с. 237].

Раскопки херексуров и плиточных могил в западных районах Монголии, к сожалению, проводились эпизодически. В связи с этим заслуживает внимания Улангомский могильник V – III вв. до н.э. в окрестностях г. Улангома (см.: [Волков, 1978; Цэвэндорж, 1983; Новгородова, 1989]). Хотя он датируется более поздним временем по сравнению с рассматриваемым в данной статье периодом бронзового века, но для нас важны результаты антропологического исследования материалов памятника. Они показали заметную долю монголоидной примеси в европеоидном антропологическом типе населения, оставившего его [Мамонова, 1980]. Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что истоки ее появления уходят в эпоху поздней бронзы – время начала активных этнических контактов между европеоидным населением – носителями культуры херексуров и монголоидным – носителями культуры плиточных могил.

Однако культурно-историческая ситуация в Центральной Азии в эпоху поздней бронзы и раннего железа определялась не только носителями степных культур плиточных могил и херексуров, но и таежным населением (хэнтэйская культура), во всяком случае в южных районах Забайкалья и прилегающих областях Северной Монголии в пределах Хэнтэй-Чикойского нагорья. В природном отношении Южное Забайкалье представляет собой контактную зону степей Центральной Азии и восточносибирской тайги. Поэтому по всей его территории степные и лесостепные пространства перемежаются с горно-таежными районами, вследствие чего степняки-скотоводы эпохи бронзы повсеместно жили по соседству с охотниками-рыболовами лесных горно-таежных районов – носителями хэнтэйской культуры, которые по своему жизненному укладу и особенностям материальной и духовной культуры представляли совершенно иной мир. Они составляли особую этнокультурную общность. Ее представители жили не только на Хэнтэй-Чикойском нагорье, но и, возможно, в глубинных районах Монголии в пределах таежной части горной системы Хангая.

При сравнении культурных комплексов степного и таежного населения наряду с четко выраженным различиями прослеживаются и некоторые общие черты. Различия фиксируются прежде всего в погребальном обряде. Носители культуры плиточных могил бронзового века уже практически не имели ничего общего с погребальной обрядностью предшествую-

щего неолитического времени. Охотники и рыболовы тайги, напротив, сохраняли достаточно много черт, уходящих своими корнями в неолитическую эпоху: скорченное положение погребенных, использование охры, невыразительный инвентарь. Вместе с тем наблюдается и некоторая близость в материалах памятников степного и таежного населения Южного Забайкалья, особенно в керамике. Она прослеживается в технике изготовления сосудов методом выколачивания, в их формах, в некоторых приемах нанесения и композиционном построении орнамента на поверхности глиняной посуды. Однако в целом керамика лесного населения обнаруживает значительное сходство с таковой неолита – раннего металла, в то время как керамика из плиточных могил – минимальное. Это связано с тем, что в позднем бронзовом веке различия в материальной и духовной культуре степного и лесного населения окончательно приобрели этнокультурный характер. Близость же некоторых особенностей керамики объясняется, во-первых, общей древней подосновой, уходящей в неолитическую эпоху, а во-вторых, непрекращающимися культурными, хозяйственными и, вероятно, этническими связями [Цыбиктаров, 1999а, с. 73 – 76]. Исследователи чикойско-мензенских поселений отмечали появление бронзолитейного производства у лесного населения под влиянием степняков. В керамических коллекциях с памятников, оставленных этим населением, имеются фрагменты характерных для культуры плиточных могил гладкостенной керамики, украшенной валиками, и триподов [Семина, 1985, с. 121 – 122, рис. 6, 10; 1986, с. 12] (см. коллекции в лаборатории ЧГПУ).

Приведенные данные свидетельствуют о прямых контактах степного и таежного населения, весьма мозаично заселявшего Южное Забайкалье в соответствии со специфической ландшафтной ситуацией. Четкого территориального разграничения между этими общностями не существовало. Они сообразно направленности своей хозяйственной деятельности расселялись по территории края, постоянно перемежаясь друг с другом, примерно так же, как это было еще в недавнем прошлом (в XIX – начале XX в.) в расселении бурят и эвенков в южных районах Забайкалья. Тогда некоторые группы эвенков жили даже в лесных районах Северной Монголии в верховьях р. Иро. Таким образом, культурные, хозяйственые и этнические контакты степняков-скотоводов и охотников-рыболовов тайги обусловливались как социально-экономическими, так и природно-географическими факторами. Но контакты прослеживаются преимущественно по материалам таежных поселений, в плиточных могилах такие свидетельства практически не обнаруживаются. Вероятно, это говорит о том, что контакты не носили активного характера и происходили, скорее всего, эпизодически. Возможно, в них

больше были заинтересованы хэнтэйцы, получавшие от степняков металлы, изделия из него и, может быть, время от времени домашних животных, кости которых изредка встречаются в позднебронзовых слоях поселений.

Заключение

Итак, материалы раскопок плиточных могил, херексуров, памятников горно-таежных районов Южного Забайкалья и Монголии и восстанавливаемые по ним события свидетельствуют о достаточно сложной этнокультурной ситуации в Центральной Азии в конце бронзового и начале раннего железного века. В это время здесь взаимодействовали три этнические общности, представленные культурами плиточных могил и херексуров степной зоны, хэнтэйской горно-таежных районов края. При этом, проживая в одной экологической нише, носители культур плиточных могил и херексуров взаимодействовали между собой весьма активно, а их контакты с таежным населением происходили, вероятно эпизодически, по мере необходимости.

В результате в палеосибирском антропологическом типе носителей культуры плиточных могил появляется европеоидная примесь. В эту эпоху было положено начало формированию центральноазиатской расы континентальных монголоидов. Пять черепов из плиточных могил Центральной Монголии (Увэр-Хангайский и Ара-Хангайский аймаки), характеризующиеся особенностями центральноазиатской расы [Тумэн, 1985, с. 7 – 8, 15 – 16], подтверждают это. В восточных районах распространения культуры плиточных могил, судя по отсутствию в Восточном Забайкалье, Восточной Монголии и восточной части Гоби херексуров, антропологический тип ее носителей, видимо, не претерпел особых изменений. Это подтверждают несколько черепов байкальского типа из плиточных могил Восточной Монголии [Там же]. Примерно такая же ситуация, но с поправкой в сторону европеоидности, имела место в то время в Западной Монголии. Черепа из безынвентарных погребений монгун-тайгинского типа в Убсунурском и Кобдосском аймаках, череп из херексура в Худжиртэ в Центральной Монголии характеризовались европеоидными признаками при некоторой монголоидной примеси [Алексеев, 1974; Тумэн, 1985, с. 7 – 8, 15 – 16; Гохман, Влчек, 1991]. Таким образом, последствия событий, происходивших в эпоху поздней бронзы и в начальный период раннего железного века в южнозабайкальско-монгольских степях, имели самое непосредственное отношение к формированию антропологических особенностей центральноазиатской расы. Антропологический тип таежного населения остался, веро-

ятно, без особых изменений в силу редкости контактов с другими обитателями Южного Забайкалья и Северной Монголии.

В целом же стоявшие за культурами плиточных могил, херексуров и хэнтэйской древние этнические общности разной расовой принадлежности определяли историческую и этнокультурную ситуацию на обширных пространствах Центральной Азии от Байкала до Гоби и от Хингана до Монгольского и Российского Алтая в эпоху поздней бронзы и раннего железа. В это время в степях Монголии и Южного Забайкалья произошли существенные изменения в этнокультурной ситуации. Они имели принципиальный характер и кардинальным образом изменили культурно-историческую обстановку в Центральной Азии.

Список литературы

Алексеев В.П. Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 370 – 390.

Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 208 – 241.

Асеев И.В. К вопросу о датировке могил типа четырехугольных оградок // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 34 – 40.

Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла: Автoref. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1997. – 46 с.

Боковенко Н.А. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая: Автoref. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1986. – 24 с.

Боровко Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – Вып. 2. – С. 43 – 88.

Варенов А.В. К датировке оружия, изображенного на оленных камнях Монголии // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. – С. 25 – 35.

Виппер П.Б., Дорофеюк Н.И., Метельцева Е.П., Соколовская В.Т. Опыт реконструкции растительности Западной и Центральной Монголии в голоцене // География и динамика растительного и животного мира Монгольской Народной Республики. – М.: Наука, 1978. – С. 19 – 24.

Виппер П.Б., Дорофеюк Н.И., Метельцева Е.П., Соколовская В.Т. Ландшафтно-климатические изменения в Центральной Монголии в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковых и голоценов. – М.: Наука, 1989. – С. 160 – 167.

Волков В.В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967. – 148 с.

Волков В.В. Улангомский могильник // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 101 – 107.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. – 254 с.

- Воробьева Г.А., Горюнова О.И., Савельев Н.А.** Хронология и палеогеография голоценов юга Средней Сибири // Геохронология четвертичного периода. – М.: Наука, 1992. – С. 174 – 181.
- Горюнова О.И., Воробьева Г.А.** Археология и палеогеография развитого бронзового века Предбайкалья // Культура народов евразийских степей в древности. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1993. – С. 94 – 117.
- Гохман И.И.** Антропологические материалы из плиточных могил Забайкалья // Сб. МАЭ. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 18. – С. 428 – 443.
- Гохман И.И.** Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сб. МАЭ. – Л.: Наука, 1980. – Т. 36. – С. 5 – 34.
- Гохман И.И., Влчек Э.Э.** Древнее погребение из Худжиртэ (Центральная Монголия) // Сб. МАЭ. – СПб.: Наука, 1991. – Т. 44. – С. 48 – 54.
- Гришин Ю.С.** Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. – М.: Наука, 1981. – 204 с.
- Грязнов М.П.** Аржан – царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 62 с.
- Грязнов М.П.** Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. – Кемерово: КемГУ, 1983. – С. 3 – 18.
- Дебец Г.Ф.** Палеоантропология СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 392 с. – (ТИЭ. Нов. сер.; Т. 4).
- Дебец Г.Ф.** Череп человека из плиточной могилы в Херексурин-Ури (Забайкалье) // Зап. БМИК. – Улан-Удэ, 1952. – Т. 16. – С. 63 – 67.
- Диков Н.Н.** Бронзовый век Забайкалья. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – 108 с.
- Динесман Л.Г., Киселева Н.К., Князев А.В.** История степных экосистем Монгольской Народной Республики. – М.: Наука, 1989. – 215 с. – (Биологические ресурсы и природные условия Монгольской Народной Республики; Т. 32).
- Килуновская М.Е., Семенов В.А.** Олennые камни Тувы. Ч. 1 // Археологические вести. – СПб., 1998. – № 5. – С. 143 – 154.
- Кириллов И.И.** Восточное Забайкалье в древности и средневековье: Учеб. пособие. – Иркутск: Б.и., 1979. – 96 с.
- Кириллов И.И.** Восточное Забайкалье в древности: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1981. – 38 с.
- Кириллов О.И.** Погребальные памятники эпохи палеометаллов верховьев Амура: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1994. – 20 с.
- Киселев С.В.** Эпоха производства орудий из бронзы // История Монгольской Народной Республики. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Гл. 2. – С. 46 – 51.
- Ковалев А.А.** О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М.: ГЕОС, 2000. – С. 137 – 180.
- Константинов М.В., Семина Л.В.** Таежные племена на восточной окраине скифо-сибирского мира // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. – Кемерово: КемГУ, 1980. – С. 96 – 104.
- Кубарев В.Д.** Исследование петроглифов Монголии // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Материалы IV годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1996. – С. 136 – 139.
- Кубарев В.Д., Цвээндорж Д., Якобсон Е.** Некоторые итоги работ по изучению петроглифов Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и со-пределных территорий: Материалы V годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1997. – С. 213 – 214.
- Кубарев В.Д., Цвээндорж Д., Якобсон Е.** Предварительные результаты полевых работ в Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и со-пределных территорий: Материалы IV годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998. – С. 258 – 265.
- Кызласов Л.Р.** Древняя Тува. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 208 с.
- Мазин А.И.** Древние святилища Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 241 с.
- Мамонова Н.Н.** Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии // Сб. МАЭ. – Л.: Наука, 1980. – Т. 36. – С. 60 – 74.
- Марков Г.Е.** Кочевники Азии. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 319 с.
- Марсадолов Л.С.** Курган Аржан: Хронология, алтайские и европейские аналогии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. обл. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Б.Н. Гравкова. – Запорожье, 1989. – С. 81 – 82.
- Миллер Г.Ф.** История Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – 607 с.
- Милюшкин П.** Монгольское земледелие // Жизнь Бурятии. – Верхнеудинск, 1924. – № 6. – С. 126 – 132.
- Наваан Д.** Дорнод Монголийн хурлийн уе (Бронзовый век Восточной Монголии). – Улаанбаатар: Изд-во АН МНР, 1975. – 200 с.
- Новгородова Э.А.** Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.
- Новгородова Э.А.** Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 383 с.
- Окладников А.П.** Эпоха первобытнообщинного строя // История Бурят-Монгольской АССР. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1954. – Т. 1. – С. 9 – 48.
- Окладников А.П.** Древнее Забайкалье (культурно-исторический очерк) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1975. – Ч. 2. – С. 6 – 20.
- Окладников А.П.** Петроглифы Центральной Азии. – Л.: Наука, 1980. – 271 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Монголии. – Л.: Наука, 1981а. – 228 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Чулутын-гола. – Новосибирск: Наука, 1981б. – 182 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1969. – Ч. 1. – 220 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1970. – Ч. 2. – 264 с.
- Потанин Г.Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб.: [Тип Киршбаума], 1881. – Т. 2. – 272 с.
- Радлов В.В.** Атлас древностей Монголии. – СПб.: [Тип. Имп. Акад. наук], 1893. – 12 с. – (Тр. Орхонской экспедиции; Вып. 2).
- Савинов Д.Г.** Проблема оленных камней // История археологических исследований Сибири. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1990а. – С. 106 – 133.

- Савинов Д.Г.** Наскальные изображения в стиле оленевых камней // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Наука, 1990б. – С. 174 – 181.
- Савинов Д.Г.** Олени камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. – 208 с.
- Семенов В.А.** Монгун-Тайга. – СПб.: ИИМК РАН, 1997. – 100 с.
- Семина Л.В.** Керамика эпохи неолита и бронзы Юго-Западного Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 104 – 122.
- Семина Л.В.** Эпоха неолита и палеометалла Юго-Западного Забайкалья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1986. – 16 с.
- Сергеева Н.С.** Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1981. – 152 с.
- Сосновский Г.П.** К истории добычи олова на востоке СССР // Проблемы истории материальной культуры. – 1933. – № 9/10. – С. 15 – 19.
- Сосновский Г.П.** Плиточные могилы Забайкалья // ТОИПК ГЭ. – 1941. – Т. 1. – С. 273 – 309.
- Сухопарова С.А., Непомнящий А.С., Семина Л.В.** Металл и камень Чикойско-Мензенской тайги в эпоху ранней бронзы // Палеоэтнология Сибири: Тез. докл. XXX РАЭСК. – Иркутск, 1990. – С. 188 – 189.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Протокол № 8 ТКОРГО за 1896 год. – Иркутск, 1896. – С. 14 – 31.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Тр. ТКОРГО. – 1900. – Иркутск, 1902. – Т. 3, вып. 1. – С. 4 – 58.
- Тиваненко А.В.** Древнее наскальное искусство Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1990. – 208 с.
- Тумэн Д.** Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1985. – 20 с.
- Худяков Ю.С.** Херексыры и олennые камни // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 136 – 162.
- Худяков Ю.С.** Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху бронзы // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 65 – 73.
- Цыбиктаров А.Д.** О датировке херексуров в Южной Бурятии, Северной и Центральной Монголии // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: Тез. докл. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР; Барнаул: Изд-во АГУ, 1988. – С. 130 – 132.
- Цыбиктаров А.Д.** Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1989. – 24 с.
- Цыбиктаров А.Д.** Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1998а. – 288 с.
- Цыбиктаров А.Д.** Место культуры плиточных могил в древней истории Забайкалья // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы Междунар. симпоз. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998б. – Т. 1. – С. 600 – 608.
- Цыбиктаров А.Д.** Бурятия в древности. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1999а. – 264 с.
- Цыбиктаров А.Д.** Этнокультурные процессы в Южной Бурятии и Северной Монголии в эпоху поздней бронзы // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез: Тез. Междунар. симпоз. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999б. – С. 507 – 509.
- Цыбиктаров А.Д.** Плиточные могилы и херексуры Южной Бурятии в свете изучения некоторых проблем бронзового века Центральной Азии // Палеоэкология человека Байкальской Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999в. – С. 65 – 76.
- Цыбиктаров А.Д.** Олennые камни монголо-забайкальского типа как источники по изучению взаимоотношений древних скотоводов Центральной Азии эпохи поздней бронзы и раннего железа // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Материалы Междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000а. – Т. 1: Археология. Этнология. – С. 98 – 102.
- Цыбиктаров А.Д.** К вопросу о датировке олennых камней монголо-забайкальского типа // Пять исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2000б. – С. 127 – 129.
- Цыбиктаров А.Д.** Могильники афанасьевского типа Монголии и Тувы // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2002а. – С. 56 – 64.
- Цыбиктаров А.Д.** Херексуры и памятники монгунтайгинского типа // Степи Евразии в древности и средневековые: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002б. – Кн. 2 (в печати).
- Цыбиктаров А.Д.** ТERRITORIALНЫЙ аспект изучения херексуров и курганов монгун-тайгинского типа Центральной Азии // Мир Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002в. – Т. 1: Археология. Этнология. – С. 67 – 74.
- Цыбиктаров А.Д.** Центральная Азия на заре бронзового века // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002г. – № 3 (11). – С. 107 – 123.
- Цыбиктаров А.Д., Данилов С.В.** К вопросу о культурной принадлежности олennых камней монголо-забайкальского типа // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Материалы Междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – Т. 1: Археология. Этнология. – С. 102 – 105.
- Цыбиктаров А.Д., Кузнецов Д.В.** Открытие курганов монгун-тайгинского типа на юге Бурятии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой юбилейной сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000. – Т. 6. – С. 429 – 434.
- Цэвээндорж Д.** Чандманьский могильник – памятник раннего железного века Монголии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Батор, 1983. – 22 с.
- Цэвээндорж Д.** Монголын эртний урлагийн туух (История древнего искусства Монголии). – Улаанбаатар: Б.и., 1999. – 317 с.
- Членова Н.Л.** Культура плиточных могил // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 247 – 354. – (Археология СССР).
- Членова Н.Л.** Олени, кони и копыта // РА. – 2000. – № 1. – С. 90 – 106.

Чугунов К.В. Монгун-тайгинская культура эпохи по-
здней бронзы Тувы // Петербургский археологический ве-
стник. – 1994. – № 8. – С. 43 – 53.

Эрдэнэбаатар Д. Памятники бронзового и раннего
железного веков бассейна р. Селенги: Автoreф. дис. ... канд.
ист. наук. – Улан-Батор, 1997. – 23 с.

Эрдэнэбаатар Д. Монгол нутгийн дорволжин булиш, хи-
ригсуурний соёл (Культуры плиточных могил, херексуров
Монголии). – Улаанбаатар: Соёмбо принг, 2002. – 275 с.

Material поступил в редакцию 17.04.02 г.

УДК 903.2

В.Н. Логвин

*Сургутский государственный университет
ул. Энергетиков, 14, Сургут, 628400, Россия
E-mail: lvn@lap.surgu.ru*

РАННИЙ ЭНЕОЛИТ ТУРГАЯ

Введение

Тургай – географическая страна, большая часть территории которой приурочена к Тургайскому прогибу, соединяющему Западно-Сибирскую и Туранскую равнину. С запада он ограничен Зауральским плато, а с востока – Казахским мелкосопочником и отрогами гор Улутау. Северная и южная границы прогиба четко не очерчиваются, и он незаметно переходит на севере в Западно-Сибирскую, а на юге – в Туранскую равнину. Территория эта давно привлекает внимание исследователей как Западной Сибири, так и Средней Азии, но очень долго на археологической карте она представляла собой белое пятно.

За последние три десятка лет ситуация существенно изменилась к лучшему. Были выявлены и введены в научный оборот достаточно полноценные материалы по мезолиту, неолиту, позднему энеолиту и эпохе бронзы. В настоящей работе представлена имеющаяся в нашем распоряжении информация по раннеэнеолитической эпохе.

В понимании содержания понятия “энеолит” мы следуем за Н.Я. Мерпертом, давшим, по нашему мнению, наиболее обоснованную его трактовку применительно к памятникам степной зоны [Мерперт, 1980]. Его концепция базируется на принципах, которые легли в основу первых систем археологической периодизации. Жизнеспособность их доказана всей практикой археологической науки. Созданные на основе этих принципов системы периодизации работают, и прав Н.Я. Мерперт, когда говорит, что они требуют не замены, а постоянного развития и обогащения [Там же, с. 5].

Первым по значимости признаком энеолита он называет распространение медных орудий, именно распространение, а не производство. Независимо от

того, где они были изготовлены – на месте или на другой территории и “импортированы” в данный район, – появление меди “оказало определенное воздействие на жизнь общества” [Там же, с. 4].

Для отнесения к энеолиту того или иного памятника или их группы совсем не обязательно присутствие находок из металла. Вполне достаточно установления сходства по другим важнейшим признакам материальной культуры (керамика, орудия труда, погребальный обряд и т.д.) с памятниками, где обнаружен металл, в особенности при наличии аналогичных экологических условий [Там же, с. 11]. С этих позиций и решался нами вопрос об отнесении тургайских материалов к энеолитической эпохе.

Материальная культура

Материалы раннего энеолита в настоящее время получены только в северной части прогиба при раскопках стоянок Алкау-2 и Дачная на р. Тоболе, а также Дузбай-1, Сулуколь-1 и поселения Бестамак, расположенных в верховьях р. Убаган, единственного в пределах степной зоны восточного притока Тобола*. Коллекции с этих памятников включают в себя разновременные находки, среди которых раннеэнеолитические можно выделить лишь по типологическим признакам.

Достаточно уверенно вычленяется раннеэнеолитическая керамика. Прежде всего, это посуда, находящая наиболее близкие аналогии в боборыкинской культуре. Большая часть ее имеет плотное тесто без

* Следует отметить, что близкие материалы были собраны Т.М. Потемкиной во время обследования Верхней Алабуги, Убагана I, III в пограничной зоне Тургайского прогиба и Западно-Сибирской равнины [Потемкина, 1985, с. 148 – 154; Ковалева, 1989, с. 28 – 29].

видимых невооруженным глазом примесей. На Бестамаке встречены единичные фрагменты с примесью органического происхождения.

В этой группе имеются сложно профилированные сосуды с прямой высокой шейкой и сильно отогнутым наружу венчиком. Срез его обычно уплощенный, однако встречаются венчики округлой и приостренной формы. Бока сосудов умеренно раздутые. К сожалению, целых или поддающихся полной реконструкции экземпляров у нас нет. Поэтому можно лишь по аналогии со сложно профилированными боборыкинскими сосудами предполагать наличие плоских днищ. Это тем более вероятно, что в материалах Дачной стоянки имеется небольшой фрагмент нижней стенки плоскодонного сосуда с характерными насечками (рис. 1, 5). Обломки миниатюрных плоских днищ найдены также на поселении Бестамак.

Только часть этих сосудов имеет орнамент, нанесенный с использованием таких, считающихся традиционными для боборыкинской культуры, приемов, как прочерчивание (в том числе и в технике отступающей палочки), вдавления, насечки (рис. 2, 1, 2, 4 – 8). Часто внешняя поверхность сосудов украшена очень скрупо или совершенно лишена орнамента (см. рис. 2, 1, 2).

На Бестамаке около половины керамики данной группы украшено зубчатым штампом, которым выполнены горизонтальные зигзаги, линии, ленты-качалки и ряды оттисков косо поставленного штампа (рис. 2, 9, 10).

В орнаментации примерно пятой части керамики отмечено сочетание зубчатого штампа с насечками или вдавлениями (рис. 2, 3, 11, 12).

Бедно орнаментированная, а также украшенная прочерченными волнистыми линиями, насечками и вдавлениями посуда этой группы находит прямые аналогии в сложно профилированной керамике боборыкинской культуры, в т. ч. и с памятников лесостепного Притоболья, расположенных в пограничной зоне Западно-Сибирской равнины и Тургайского плато [Ковалева, Варанкин, 1976, с. 25, рис. 2, 18; Крижевская, 1977, табл. XVII, 14; Ковалева, Потемкина, 1980, рис. 3; Косарев, 1981, с. 36, рис. 6; Потемкина, 1985,

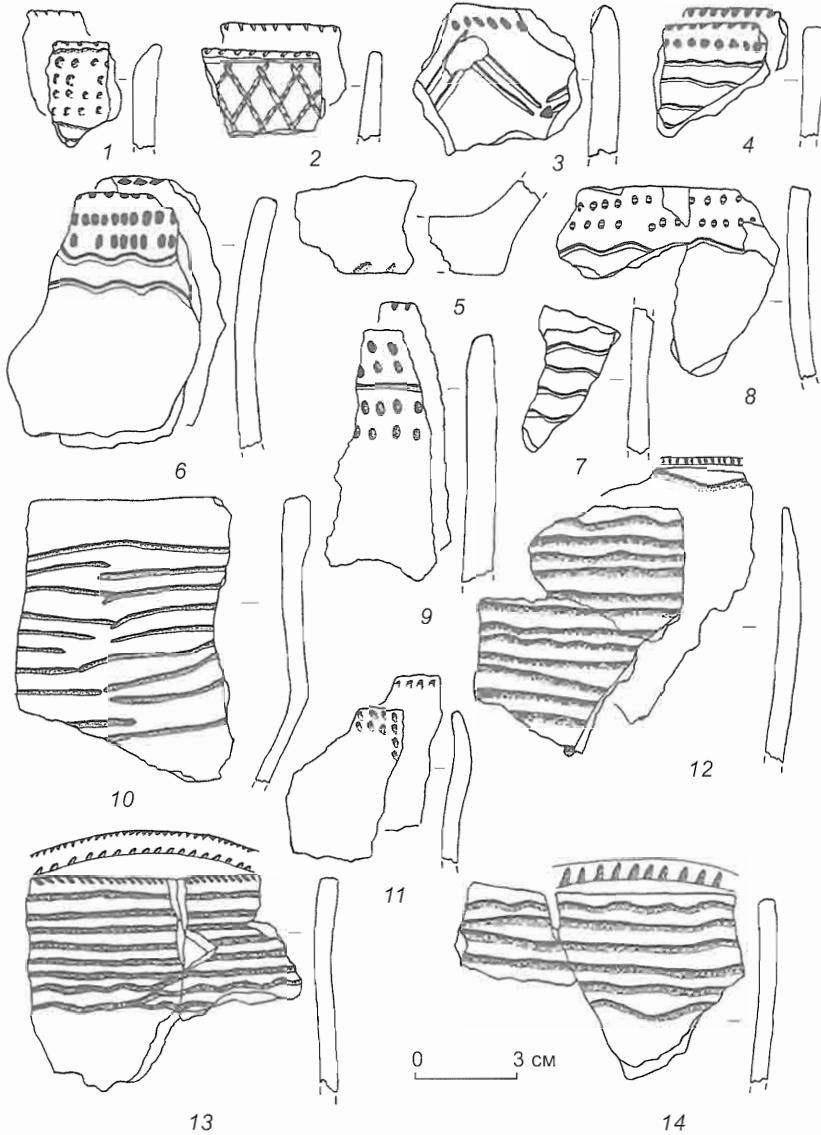


Рис. 1. Керамика раннего энеолита Тургая.
1, 5 – Дачная; 2 – Сулуколь-1; 3, 4, 6 – Алкау-2; 9, 13, 14 – Бестамак;
10 – Буруктал; 11, 12 – Дузбай-1.

с. 154, 263, рис. 106, 50 – 53]. Можно отметить также определенное сходство с керамикой сырдарьинских стоянок космолинской группы [Виноградов, 1981, с. 92, рис. 38].

Исследователи боборыкинской культуры неоднократно указывали на то, что для нее характерно отсутствие керамики, орнаментированной зубчатым штампом. Наличие такого орнамента наряду с прочерченным и накольчатым считается признаком одновременной ей полуденской культуры. Последняя от боборыкинской отличается также отсутствием сосудов сложной профилировки [Ковалева, 1989, с. 46; Косарев, 1996, с. 255].

В нашем случае, как видно из вышеизложенного, часть сложно профилированных сосудов, имея типичную для боборыкинской культуры форму, орнаментирована зубчатым штампом. Однако отделять их от украшенных в прочерченной манере и в технике отступающей палочки нельзя.

Во-первых, наличие гребенчатой орнаментации, возможно, является локальной особенностью тургайского аналога боборыкинских древностей. Во-вторых, вплоть до настоящего времени “чистые” боборыкинские памятники не известны* [Ковалева, Потемкина, 1980, с. 91 – 96; Ковалева, 1989, с. 26 – 32, 48 – 54], а потому не исключено, что исследователи интерпретируют как боборыкинские только бесспорные находки, а сомнительные, в т. ч. с гребенчатой орнаментацией, отделяют.

В пользу того, что наши “тиично боборыкинские” и близкие им по форме, но украшенные зубчатым штампом, сосуды одновременны, свидетельствуют и факты сочетания в орнаменте некоторых из них оттисков зубчатого штампа, насечек и вдавлений (рис. 2, 3, 11, 12).

Как известно, боборыкинская керамика представлена не только сосудами сложной профилировки. Большой удельный вес имеют и более простые формы с невыделенной или слабо выраженной шейкой.

Аналогичные сосуды известны и в материалах Алкай-2, Бестамака, Дачной, Дузбая-1, Сулуколя-1. Эта керамика по плотности черепка и примесям существенно не отличается от только что описанных сложно профилированных сосудов. Многое сходного и в орнаменте, который преимущественно расположен узкой полосой в верхней части сосуда и выполнен прочерчиванием палочкой, вдавлениями и насечками. Некоторые сосуды, орнаментированные оттисками отступающей палочки и прочерченными волнистыми линиями, производят впечатление более близких кошкинской, чем боборыкинской, керамике (см. рис. 1, 1 – 4, 6 – 14). Тем не менее мы не считаем возможным отрывать эту керамику от “тиично боборыкинской”. Для такого подхода есть достаточно серьезные основания.

Проблема соотношения кошкинских и боборыкинских древностей достаточно дискуссионна. По мнению В.Т. Ковалевой, они генетически взаимосвяза-

ны, причем кошкинские являются в целом предшествующими боборыкинским, хотя для Нижнего Притоболья предполагается их доживание до времени бытования последних. Данная концепция получила наибольшую известность [Ковалева, 1989, с. 56 – 59; Ковалева, Чайкина, 1991, с. 56 – 59; Косарев, 1996, с. 255 – 262; Ковалева, 1999, с. 25 – 26]. Однако существует и другая, чуть ли не прямо противоположная ей: В.А. Зах и его тюменские коллеги, также предполагая наличие генетической взаимосвязи этих древностей, считают более ранними боборыкинские, а не кошкинские [Зах, Матвеева, 1997, с. 7].

Концепция В.Т. Ковалевой и ее соавторов помимо значительной мере умозрительных реконструкций процесса эволюции керамики от кошкинской к боборыкинской базируется на стратиграфии поселений ЮАО-XV и Ташково III, где, по их информации, слой с боборыкинской керамикой перекрывает слой с кошкинскими жилищами [Ковалева, Варанкин, 1984; Ковалева, Чайкина, 1991, с. 51; Ковалева, 1999, с. 26].

По нашему мнению, трактовка соотношения кошкинских и боборыкинских древностей на ЮАО-XV не столь однозначна, как это представляется его исследователям. Сообщается, что в раскопе 1 котлованы жилищ 1, 2 и 4 заполнены серой супесью, содержащей “преимущественно керамику кошкинского типа”. Вместе с тем в жилище 3, где заполнение черного цвета включает “преимущественно керамику боборыкинского типа... на дне... найдено несколько фрагментов кошкинского типа, в то время как в жилище 4 (кошкинском) боборыкинская керамика отсутствует” [Ковалева, Варанкин, 1984, с. 145]. Эти факты трактуются в пользу того, что боборыкинская керамика более поздняя, но могут интерпретироваться и по-другому.

Еще Л.Я. Крижевская, впервые обнаружив на стоянке Кошкино V керамику, названную впоследствии кошкинской, отмечала: она “во многом чрезвычайно близка боборыкинской... а в некоторых сосудах наблюдается исключительное сходство вплоть до тождества” [Крижевская, 1970, с. 155]. Отсюда следует, что в отличие от сложно профилированных боборыкинских сосудов фрагменты сосудов более простых форм идентифицировать как боборыкинские или кошкинские далеко не всегда просто. А потому зачастую невозможно уверенно дифференцировать такую керамику, особенно на поселениях, где представлены как боборыкинские, так и кошкинские древности.

Кроме того, на ЮАО-XV жилище 5, по словам авторов, давшее боборыкинский комплекс находок, имеет не черное, а характерное для кошкинских жилищ серое заполнение. Отметим также существенно большую фрагментированность боборыкинской керамики по сравнению с кошкинской. Это можно трак-

* В одной из последних работ В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой говорится: «Заявление В.Н. Логвина об отсутствии в Зауралье “чистых” жилищных комплексов кошкинского и боборыкинского типов не обосновано» [Ковалева, Зырянова, 1998, с. 174]. Это недоразумение, возникшее из-за невнимательного прочтения работы, где написано: «В.Т. Ковалева сообщает лишь о “чистых” комплексах жилищ, но сами жилища найдены на многослойных памятниках»; при этом речь идет только о боборыкинских памятниках [Логвин, 1991, с. 30].

товать как свидетельство того, что здесь боборыкинское население было раньше кошкунского [Ковалева, Варанкин, 1984, с. 145 – 146, 152 – 154].

На поселении Ташково III, судя по довольно скучной опубликованной информации, ситуация также неоднозначная. Здесь вскрыта одна жилищная впадина. “Нижний слой, заполняющий котлован от жилища, – супесь темно-серого цвета мощностью до 1,2 м, в котором найдена керамика от 20 – 25 сосудов кошкунского типа”. Над ним залегал “слой светло-коричневой супеси (толщина 40 – 60 см) с разновременными находками, в том числе керамикой боборыкинского типа” [Ковалева, 1989, с. 29 – 30]. Поскольку эта стратиграфия прослежена в заполнении котлована жилища, не исключен вариант, когда наверху оказываются культурные остатки населения, обитавшего здесь ранее, до его сооружения. В итоге приходится признать, что проблема соотношения во времени кошкунских и боборыкинских древностей пока далека от окончательного решения. Есть большая вероятность того, что, как уже отмечалось исследователями, они значительную часть периода своего бытования сосуществовали [Сериков, 1992, с. 145 – 146; Ковалева, Зырянова, 1998, с. 172 – 173].

Все изложенное выше делает правомерным рассмотрение кошкунских и боборыкинских материалов, в т. ч. и близких им тургайских, как единого крупного культурно-хронологического пласта древностей. Таким образом, к раннему энеолиту нами отнесена керамика кошкунско-боборыкинского облика, а также близкая ей по форме сосудов, но орнаментированная зубчатым штампом. Помимо уже сказанного выше, в пользу правомерности отнесения последней к раннеэнеолитическому времени можно привести и факт обнаружения на поселении Исток IV печатно-гребенчатой керамики, которую исследовательница памятника не считает возможным отделить от типично кошкунской, поскольку, по ее мнению, они составляют единый комплекс [Степанова, 1991, с. 141].

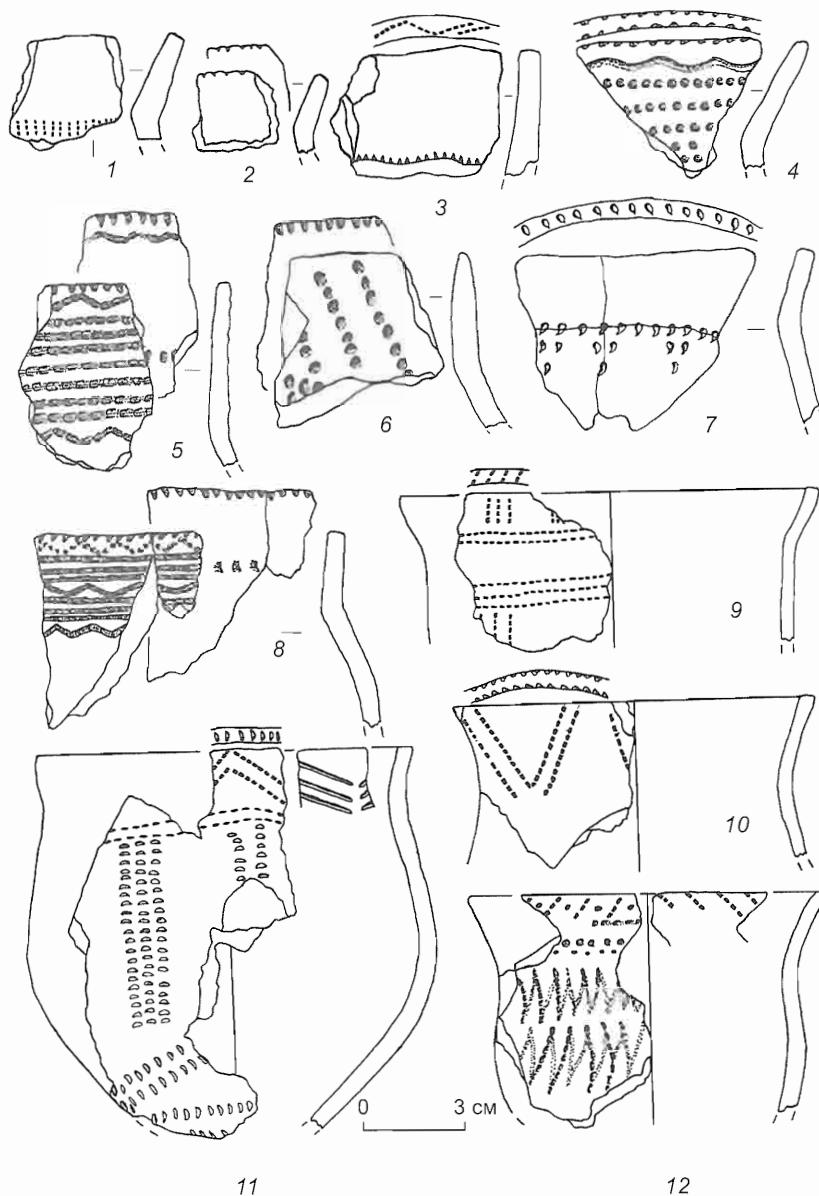


Рис. 2. Керамика раннего энеолита Тургая.
1 – 4, 7, 9 – 12 – Бестамак; 5, 6 – Сулуколь-1.

Ввиду ограниченности коллекций орудий, сопутствующих керамике этого типа, дать сколько-нибудь полную характеристику индустрии нельзя, можно лишь попытаться реконструировать наиболее общие ее черты.

Исследователи связывают с кошкунской и боборыкинской керамикой пластинчатые комплексы [Ковалева, 1989, с. 33, 55, 56; Ковалева, Потемкина, 1980, с. 92; Косарев, 1996, с. 257 – 259]. К сожалению, по публикациям подсчитать соотношение орудий из пластин и щепок нам удалось только для ЮАО-XII и ЮАО-XV.

На ЮАО-XII примерно 74% орудий изготовлено из пластин [Ковалева, Сериков, 1982, с. 42]. Поселение ЮАО-XV дает несколько иную картину. Насыщенность культурного слоя находками здесь ниже. Изделия из пластин в целом по раскопу составляют лишь 43% орудийного набора [Ковалева, Варанкин, 1984, с. 151].

Коллекции орудий из пластин обычно состоят из наконечников стрел, острый, резцов, резчиков, проверток, скребков. Изделия из отщепов, как правило, представлены лишь двумя формами: скребками и отщепами с ретушью. Обычны шлифованные орудия: топоры и тесла [Ковалева, Потемкина, 1980, с. 92; Косарев, 1981, с. 34; Ковалева, Сериков, 1982, с. 42 – 47].

В последнее время появилась тенденция относить к боборыклинским древностям трапеции, в т. ч. и асимметричные* [Ковалева, 1989, с. 51, 55; Косарев, 1996, с. 259]. В частности, В.Т. Ковалева связывает с боборыклинской керамикой трапеции, найденные на поселениях Ташково I, Боборыкино II, Юртобор-3, Полуденка II [1989, с. 55]. Все эти памятники включают в себя разновременные материалы, и связь трапеций именно с боборыклинскими не может быть доказана. Нельзя полностью исключать и наличие примеси мезолитических древностей в коллекциях.

Такова в общих чертах информация, которой мы располагаем в результате изучения кошклинско-боборыклинских памятников в Среднем и Нижнем Приитоболье.

На тургайских памятниках керамика кошклинско-боборыклинского облика, похоже, также связана с пластинчатой индустрией. На Алкау-2, где нет позднеэнеолитической керамики и соответствующего ей отщепового комплекса, изделия из пластин составляют 68% орудийного набора. Дополнительно можно отметить отсутствие в материалах Алкау-2 трапеций и других геометрических орудий.

На Сулуколе-1, несмотря на то что имеется небольшое число фрагментов керамики позднего энеолита, с которыми, безусловно, связана и какая-то часть орудий из отщепов, пластинчатый комплекс составляет 74%. Трапеции здесь, так же как и на Алкау-2, не найдены.

Все типы кремневых орудий, отмеченные исследователями в качестве характерных для кошклинско-боборыклинского круга памятников, имеются на этих, равно как и на всех других наших стоянках с керамикой, близкой кошклинской и боборыклинской. Таким образом, в настоящее время можно лишь предположить, что кремневая индустрия “чистых” раннеэнеолитических памятников Тургая в общих чертах будет соответствовать таковой кошклинско-боборыклинских.

* Вначале сообщалось о трапециях в связи с боборыклинскими материалами, а затем и с кошклинскими [Ковалева, 1989, с. 55; Ковалева, Чайкина, 1991, с. 51].

Проблема хронологии и стадиальной принадлежности

В силу специфики полученных нами раннеэнеолитических материалов культурная и хронологическая атрибуция их возможна лишь на основе сопоставления с лучше изученными памятниками сопредельных территорий, прежде всего с кошклинскими и боборыклинскими.

Боборыклинская культура с момента открытия ее К.В. Сальниковым вызывает большой интерес исследователей и неоднозначную интерпретацию связываемых с ней древностей. Оригинальность полученных им в 1957 – 1958 гг. при раскопках поселения Боборыкино II материалов позволила выделить новую археологическую культуру – боборыклинскую – на основе изучения одного памятника. К.В. Сальников определил ее как раннебронзовую и датировал в пределах рубежа III – II тыс. до н.э. Основными аргументами в пользу отнесения Боборыкина II к ранней бронзе были хорошо профилированная плоскодонная форма значительной части сосудов и найденная вместе с боборыклинской в одном жилище энеолитическая керамика кысыкульского типа [Сальников, 1961, с. 3 – 10].

Такой взгляд на хронологическую позицию боборыклинских древностей утвердился надолго [Крижевская, 1977, с. 125; Ковалева, Потемкина, 1980, с. 97; Потемкина, 1985, с. 279]. Самое большое, на что шли исследователи боборыклинских памятников, это предположение о возможности датировки их первой половиной III тыс. до н.э. или несколько более ранним временем [Ковалева, Сериков, 1982, с. 52].

Вместе с тем уже имелись все основания для удревнения боборыклинской культуры по крайней мере до первой половины IV тыс. до н.э. [Логгин, 1982, с. 157 – 159]. К этому времени на базе стратиграфических наблюдений было установлено, что боборыклинские древности более ранние по отношению к шапкульским [Варанкин, Ковалева, 1979, с. 212]. Коллекция кремневых находок со стоянки Шапкуль I наполовину состоит из пластин, в том числе она включает такие типичные для пластинчатых комплексов орудия, как пластины с притупленной спинкой, резцы, кельтеминарские наконечники стрел. Последние были найдены и на другом, близком Шапкулю I, памятнике – стоянке Малый Барашек I [Старков, 1976, с. 42 – 46]. По пластинчатому облику кремневой индустрии и кельтеминарским наконечникам шапкульские древности хорошо сопоставляются с материалами памятников Средней Азии Кават-7 и Джанбас-4 и должны быть признаны синхронными с ними [Виноградов, 1968, с. 42 – 44, 88 – 105]. А.В. Виноградов относил Кават-7 к концу IV тыс. до н.э., а Джанбас-4 – примерно к середине IV тыс. до н.э. [1981, с. 132 –

133]. Поскольку боборыкинские материалы стратиграфически фиксировались ниже шапкульских, то они не могли датироваться позднее первой половины IV тыс. до н.э. [Логвин, 1982, с. 157 – 159].

Такая датировка боборыкинских древностей хорошо контролировалась западной линией сопоставлений, поскольку в этом случае они оказывались синхронными раннеэнолитическому кругу степных памятников, в то время наиболее ярко представленному Съезженским, Мариупольским и Никольским могильниками [Даниленко, 1974, с. 36 – 40; Васильев, Матвеева, 1979, с. 147 – 166]. Обращало на себя внимание, что в материалах указанных памятников мариупольской области, так же как и в боборыкинских, значителен удельный вес плоскодонной посуды. Если в районах древнейшего земледелия плоскодонная керамика характерна для всех этапов развития, то в собственно степной, лесостепной и лесной зонах отмечается чередование периодов использования плоскодонной посуды с периодами преобладания островершинной и круглодонной. Плоскодонность значительной части посуды в этом случае сама по себе является хронологическим признаком [Логвин, 1981]. Найденный при раскопках Съезженского могильника кремневый инвентарь вполне сопоставим с тем, который исследователи, начиная с К.В. Сальникова, связывали с боборыкинской керамикой [Васильев, Матвеева, 1979, с. 160 – 162].

Предложенная нами на основе этих фактов переподификация боборыкинских древностей основными их исследователями была проигнорирована*, и только в 1986 г., в связи с получением радиоуглеродной даты для образца, взятого из предположительно боборыкинского слоя поселения Ташково I, они стали относить боборыкинскую культуру ко второй половине IV тыс. до н.э. [Ковалева, 1986, с. 26]**. В последнее время ими уже не исключается полностью возможность ее бытования не только в IV, но и в V тыс. до н.э. [Ковалева, Зырянова, 1998, с. 174].

* Первое упоминание о нашей статье 1982 г. в связи с датировкой боборыкинских древностей появляется только в 1998 г. [Ковалева, Зырянова, 1998, с. 174].

** Получившая широкую известность дата была приведена в значении $5\ 490 \pm 60$ л.н., однако в статье В.И. Тимофеева и в списке радиоуглеродных дат неолита, опубликованном им вместе с Г.И. Зайцевой, для Ташкова I указана дата $7\ 440 \pm 60$ л.н. [Тимофеев, 1996, с. 334; Тимофеев, Зайцева, 1996, с. 343]. При переводе ее в калиброванную получаем широко известное $5\ 490 \pm 60$. Если исходить из этой информации, то надо боборыкинскую культуру удревнить до середины VI тыс. до н.э. или же считать указанную дату относящейся не к боборыкинскому, а к нижележащему слою с гребенчатой керамикой и микролитическим инвентарем [Варанкин, Ковалева, 1979, с. 212]. (Редакция не разделяет оценки автором приведенных дат).

Кошкинская проблематика начала активно разрабатываться после публикации в 1970 г. Л.Я. Крижевской информации, полученной при раскопках стоянки Кошкино V в Курганском Притоболье [Крижевская, 1970, с. 155 – 157]. В то время она не склонна была отделять кошкинские материалы от собственно боборыкинских, отмечая при этом, что, возможно, “Кошкино несколько древнее Боборыкина”, имея в виду конкретные памятники [Там же, с. 157].

Позднее В.Т. Ковалевой и Н.В. Варанкиным [1976] древности кошкинского типа были выделены в самостоятельную генетически связанную с боборыкинской культурой. К настоящему времени получено несколько радиоуглеродных дат для образцов, связываемых исследователями с кошкинскими материалами Ташкова III ($6\ 380 \pm 120$), Кокшарово-Юрьинской стоянки ($6\ 470 \pm 80$), Истока IV ($6\ 620 \pm 260$), Сартыны I ($6\ 630 \pm 80$ и $6\ 440 \pm 80$) [Ковалева, Чайкина, 1991, с. 51; Тимофеев, Зайцева, 1996, с. 343].

Таким образом, кошкинско-боборыкинская линия сопоставления тургайских раннеэнолитических древностей с учетом сказанного выше о возможности синхронизации с материалами памятников мариупольской общности позволяет относить их к периоду от середины (может быть, второй четверти) V тыс. до н.э. до середины IV тыс. до н.э.

В.Т. Ковалева, удревнив боборыкинскую культуру, одновременно исключила ее из числа раннебронзовых (энолитических), определив как неолитическую на основании ранней даты, пластинчатого облика индустрии и отсутствия изделий из металла на известных боборыкинских поселениях [Ковалева, 1986, с. 26]. На наш взгляд, сделано это было несколько спешно.

Отсутствие металлических артефактов вряд ли можно признать решающим аргументом в пользу неолитического возраста памятников. Например, в материалах ботайской культуры пока также не известны изделия из металла, однако никто не возражает против определения ее как энолитической, поскольку она хорошо вписывается в круг синхронных ей энолитических культур [Зайберт, 1993].

Боборыкинская культура также принципиально сопоставима с раннеэнолитическими древностями съезженского типа (а шире, и мариупольской общности в целом) с их пластинчатой индустрией, плоскодонными сосудами и столь же ранней датой [Васильев, 1981, с. 6 – 18, 60 – 64; Васильев, Синюк, 1985, с. 9 – 39]. Уже на основании этих аналогий нельзя отказывать боборыкинским древностям в праве называться энолитическими.

Можно вспомнить и камские материалы с накольчатой керамикой, полученные на II Татарско-Азибекском поселении. Уже первый исследователь, осознав-

ший самостоятельный характер памятников этого типа, Р.С. Габышев отмечал их близость боборыкинским [1978, с. 55]. Они действительно близки по облику кремневой индустрии, форме сосудов и технике нанесения орнамента.

С этими материалами на II Татарско-Азибейском поселении связаны остатки медеплавильного производства [Там же, с. 66; Крижевская, 1996, с. 248], что дополнительно к сказанному является весомым аргументом в пользу отнесения к энеолитическим не только прикамских памятников типа II Татарско-Азибейского поселения, но и близких им зауральских.

В пользу энеолитического характера боборыкинских древностей говорит и тот факт, что, судя по материалам памятника Сопка-2, энеолитическая эпоха в лесостепном Прииртышье также началась не позднее конца V – IV тыс. до н.э. [Молодин, 2001]. В.И. Молодин указывает на идентичность материалов комплекса Сопка-2/2 и поселения Венгерово III, на котором в хозяйственных ямах найдены медные (бронзовые?) предметы, что свидетельствует об энеолитическом возрасте этого поселения. В свою очередь, для Сопки-2/2 были получены радиоуглеродные даты, позволившие В.И. Молодину заключить: “Появление первых памятников раннего металла приходится в западно-сибирской лесостепи на конец V – начало IV тыс. до н.э.” [Там же, с. 39]. Интересно, что для раннеэнолитического комплекса с плоскодонной керамикой, представленного курганным могильником Сопка-2/3 и грунтовым могильником Сопка-2/3А, получены близкие даты [Там же, с. 57, 60, 72, 117]. В.И. Молодин, отмечая принципиальную сопоставимость этого комплекса по погребальному обряду с Хвалынским и Съезженским могильниками, приходит к закономерному выводу: “...в лесостепной части Западно-Сибирской равнины культурно-исторические процессы развивались в конце неолита – начальной стадии эпохи металла синхронно явлениям, происходившим в восточно-европейской лесостепи” [Там же, с. 113, 122]. Это заключение должно распространяться и на боборыкинские древности.

Справедливости ради следует отметить, что В.Т. Ковалева не исключает полностью возможность того, что выявленные нами в Тургайском прогибе близкие боборыкинским материалы являются раннеэнолитическими [Ковалева, 1989, с. 56]*. Однако

если это так, то на каком основании нельзя считать энеолитическими боборыкинские памятники, расположенные в лесостепной зоне, и т.д.

Относительно культурной позиции выявленных в Тургайском прогибе раннеэнолитических материалов пока можно говорить лишь о их несомненной принадлежности к уже достаточно обширному кругу памятников боборыкинского облика. Значительные размеры ареала распространения этих древностей и определенная вариабельность материальных остатков заставляют думать, что мы имеем дело с еще одной крупной этнокультурной областью, в рамках которой в свое время будут выделены локальные культуры.

Список литературы

Варанкин Н.В., Ковалева В.Т. Раскопки поселения Ташково I в бассейне р. Исеть // АО 1978 г. – М.: Наука, 1979. – С. 212.

Васильев И.Б. Энеолит Поволжья: Степь и лесостепь. – Куйбышев: Куйб. гос. пед. ин-т, 1981. – 128 с.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. – 1979. – № 4. – С. 147 – 166.

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. – Куйбышев: Куйб. гос. пед. ин-т, 1985. – 118 с.

Виноградов А.В. Неолитические памятники Хорезма. – М.: Наука, 1968. – 180 с.

Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского Междуречья – М.: Наука, 1981. – 173 с.

Габышев Р.С. Второе Татарско-Азибейское поселение // Древности Икско-Бельского междуречья. – Казань: КФ АН СССР, 1978. – С. 40 – 66.

Даниленко В.Н. Энеолит Украины. – Киев: Наук. думка, 1974. – 176 с.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск: ИА АН РК, 1993. – 244 с.

Зах В.А., Матвеева Н.П. Поселение “8-й пункт” на Андреевском озере (о соотношении керамики с различными орнаментальными традициями в неолите Притоболья) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. – Вып. 1. – С. 3 – 8.

Ковалева В.Т. Боборыкинская культура // Проблемы урало-сибирской археологии. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1986. – С. 14 – 27.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. – 80 с.

Ковалева В.Т. К.В. Сальников и проблема изучения боборыкинской культуры // XIV Уральское археологическое совещание (21 – 24 апреля 1999 г.): Тез. докл. – Челябинск: Рифей, 1999. – С. 25 – 27.

Ковалева В.Т., Варанкин Н.В. К вопросу о происхождении боборыкинской культуры // Вопросы археологии Приобья. – Тюмень: Тюм. гос. ун-т, 1976. – С. 21 – 29.

Ковалева В.Т., Варанкин Н.В. О соотношении кошкинских и боборыкинских комплексов // СА. – 1984. – № 1. – С. 144 – 159.

* Эти материалы действительно настолько близки боборыкинским, что М.Ф. Косарев указывает на Бестамак как на самое южное боборыкинское поселение [1996, с. 257]. Однако мы никогда не относили степные древности к боборыкинской культуре, считая, что полученных материалов пока недостаточно для определения их культурной позиции, тем более мы никогда не называли боборыкинской гребенчатую керамику, в чем нас упрекают В.Т. Ковалева и С.Ю. Зырянова [1998, с. 174].

- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.** Историография и дискуссионные проблемы боборыкинской культуры // ВАУ. – 1998. – Вып. 23. – С. 162 – 183.
- Ковалева В.Т., Потемкина Т.М.** Поселения с линейно-накольчатой керамикой в бассейне р. Тобол // КСИА. – 1980. – Вып. 161. – С. 91 – 97.
- Ковалева В.Т., Сериков Ю.Б.** Поселение боборыкинского типа на Андреевском озере у г. Тюмени // Археологические исследования севера Евразии. – Свердловск: УрГУ, 1982. – С. 39 – 52.
- Ковалева В.Т., Чайкина Н.М.** Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного – начале бронзового века: итоги и проблемы исследования // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991. – С. 45 – 70.
- Косарев М.Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 278 с.
- Косарев М.Ф.** Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири // Археология: Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 253 – 269.
- Крижевская Л.Я.** Некоторые данные о неолите и ранней бронзе Западно-Сибирской лесостепи // Сибирь и ее соседи в древности. – Новосибирск: Наука, 1970. – С. 153 – 162.
- Крижевская Л.Я.** Раннебронзовое время в Южном Зауралье. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 128 с.
- Крижевская Л.Я.** Среднее Поволжье, Волго-Камье, Приуралье // Археология: Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 243 – 252.
- Логвин В.Н.** О некоторых сторонах механизма этнических процессов в неолите – бронзе степной полосы СССР // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1981. – С. 158 – 160.
- Логвин В.Н.** Стоянка маханджарской культуры Соленое Озеро-2 // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев: Куйб. гос. пед. ин-т, 1982. – С. 148 – 159.
- Логвин В.Н.** Каменный век Казахстанского Притоболья: Мезолит – энеолит. – Алма-Ата: Казах. гос. пед. ун-т, 1991. – 63 с.
- Мерперт Н.Я.** Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. – Куйбышев: Куйб. гос. пед. ин-т, 1980. – С. 3 – 26.
- Молодин В.И.** Памятник Сопка-2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов неолита и раннего металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.
- Потемкина Т.М.** Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М.: Наука, 1985. – 375 с.
- Сальников К.В.** Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья // КСИА. – 1961. – Вып. 85. – С. 3 – 10.
- Сериков Ю.Б.** Кокшарово-Юрынская торфяниковая стоянка в Среднем Зауралье // СА. – 1992. – № 4. – С. 131 – 147.
- Старков В.Ф.** Стоянка Шапкуль I и особенности энеолита в лесном Зауралье // Вопросы археологии Приобья. – Тюмень: Тюм. гос. ун-т, 1976. – С. 38 – 48.
- Степанова Н.К.** Исток IV – неолитический памятник Тюменского Притоболья // Неолитические памятники Урала. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991. – С. 132 – 143.
- Тимофеев В.И.** Проблемы абсолютной хронологии // Археология: Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 330 – 337.
- Тимофеев В.И., Зайцева Г.И.** Список радиоуглеродных датировок неолита // Археология: Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 337 – 348.

Материал поступил в редакцию 22.03.02 г.

УДК 903'15

С.Г. Боталов

Челябинский научный центр УрО РАН
Южноуральский отдел Института истории и археологии УрО РАН

ул. Коммуны, 68, Челябинск, 454000, Россия

E-mail: grig@sci.urec.ac.ru

ХУННЫ И ГУННЫ

Кочевые этносы в своей материальной и духовной культуре несут характерный именно для них историко-культурный комплекс (ИКК), своеобразный код, который составлен из наиболее значимых черт и традиций их культуры. Безусловно, этот ИКК в процессе переселений и изменения геокультурного пространства этноса видоизменяется, но доминирующее этносоциальное сообщество продолжает сохранять его основные черты, которые на последующих стадиях выступают своеобразными маркерами.

Такую закономерность демонстрирует хунно-гуннский ИКК, который формировался на территории Северного Китая в среде палеоиранских скотоводов [Кожин, 1990, с. 52; Григорьев, 1999, с. 293], т.н. северных варваров (жуны, ди), носителей культур ордосских бронз. В шаньско-иньскую эпоху в этом регионе закладывались основные черты сюнно-хуннского комплекса [Тянь Гуанцзинь, 1983; Коновалов, 1996, с. 58 – 59], для которого характерны индивидуальные погребения, прямолежание, преобладающая северная ориентировка, гробовые деревянные конструкции, погребение в могиле голов и конечностей животных, а также высокая культура бронзолитейного производства (рис. 1). Кардинальные ландшафтно-климатические изменения, произошедшие в зоне центрально-азиатских степей в конце II – середине I тыс. н.э. [Демкин, Рыков, 1996, с. 99 – 100], вызвали серьезную перегруппировку и культурную трансформацию этого варварского населения – сплошной переход к кочевью, китайскую асимиляцию племен бассейна Хуанхэ, множественные миграции и перемещения [Варенов, 1996, с. 4 – 6; Ковалев, 1998, с. 128 – 129; Крадин, 1996, с. 23; Кульпин, 1995, с. 11 – 14; Мануйлов, 1993; Материалы..., 1968,

с. 14 – 15, 35 – 36, 124; Новгородова, 1989, с. 320 – 321; McGovern, 1939, р. 99 – 100].

Начало этих процессов, относящееся к первой половине I тыс. до н.э., ознаменовано оттоком карасукоидного населения из Большой Монголии и Ордоса, участвовавшего в X – VIII вв. до н.э. в формировании на западе памятников бегазы-даньбыевского и северо-тагискенского круга (рис. 2, 9 – 11, II) [Исмагил, 1998, с. 6; Маргулан, 1979, с. 62]. Распад жунско-диской общности варварских культур Северного Китая стал причиной миграции на запад (в Казахстан и Южное Зауралье) тасмолинского древнесакского населения (рис. 2, 18, 19, IV) [Акишев, Кушаев, 1963, с. 118, 134; Акишев, 1973], на северо-запад (Алтай) – племен, оставивших памятники типа Чесноково I, Солонечный Белок, Машенка I (рис. 2, 16) [Шульга, 1998, с. 37, 49], а также образования в пределах Синьцзяна огромного пласта культур сакского облика (рис. 2, V) [Дебэн-Франкфор, 1989, с. 246 – 256].

Следующий этап сакских миграций начался в V – IV вв. до н.э. Материалы типа Алагоу зарегистрированы в регионах, достаточно удаленных от Турфана, на западе, юго-западе (Иссык, Бесшатыр, Берккара) [Погребова, 1988, с. 184 – 187; Самашев и др., 1998, с. 175 – 182], а также на северо-западе (Северо-Западный Алтай – комплексы типа Локоть IV, Сибирка [Могильников, 1999, с. 187; Полосьмак, 1990; Ситников, Шульга, 1995, с. 59 – 62]) и севере, где проникновение саков ярко отразилось на формировании кара-кобинской культуры и особой (сакской) группы керамического материала в большереченской культуре [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 74 – 76] (рис. 2, 23 – 25).

Завершающий этап миграций, которые были более масштабными на фоне других, приходится на конец III – II вв. до н.э. Он отражает территориальные изменения, произошедшие в Центрально-Азиатском регионе после возникновения Хуннской империи и связанные с движением из Западной Монголии и Восточного Туркестана всех народов, расселявшихся западнее хуннов. Эта миграционная волна, прокатившаяся по джунгарским степям, своим западным крылом охватила все племена, упоминавшиеся Страбоном: асси, тохары, сакаравы, сакарауки, паскарны, паскианы (ассианы, аланы, юэчжи, сакарауки – “светлые” саки, по Э.А. Грантовскому [1975]). Основными в этом процессе, на наш взгляд, были перемещения юэчжийско-сарматского населения из Ганьсуского (Хэсийского) коридора во второй половине I тыс. до н.э. и аланов из Восточного Туркестана в Среднюю Азию и Предкавказье в I в. н.э. [Берлизов, Каминский, 1993; Сергацков, 1998] (рис. 3, 2 – 5, 18 – 30; 4, 18, 26 – 36). Кроме того, следует отметить переселение усуней из Синьцзяна в долину среднего течения р. Или и Семиречье, а также в восточноказахстанские предгорья Алтая (памятники позднекулажургинского типа) (рис. 3, 31 – 34) [Черников, 1975, с. 135 – 136] и, вероятно, отток гянгуней в предгорья Саяно-Алтая, что ускорило распад единого пласта пазырыкско-тагарских европеоидных племен Южной Сибири (“динлин”) [Савинов, 1994, с. 9 – 10] в конце IV – III в. до н.э. и привело к формированию прателесского тюркского ареала памятников булан-кобинского, кокпашского, а позднее катандинско-берельского облика и общности енисейских кыргызов [Боталов, 1996] (рис. 3, 35 – 39). Многие из вышеперечисленных процессов бесспорно носили более сложный локально-хронологический характер, по сравнению с предложенной схемой, однако ограниченность объема настоящей статьи не позволяет подробно рассмотреть отдельные этапы названных трансформаций (см. рис. 3, 35, 36).

Историческим следствием деструктивных процессов в первой половине I тыс. до н.э. явилось создание централизованных северокитайских государств Цинь и Хань и сложение к III – II вв. до н.э. первой кочевой империи хунну. Хуннский ИКК окончательно сформировался как поликультурное явление. Кроме уже упомянутого населения палеоиранского облика, вероятно, значительную долю в нем составляли монголоидные племена Юго-Западной Маньчжурии. Впоследствии данный комплекс распространился на огромные территории Большой Монголии, Забайкалья и Тувы. Несмотря на определенные локально-территориальные особенности, в целом он довольно хорошо идентифицируется в пределах сюнно-хуннского ареала. Хуннский ИКК характеризуется следующими чертами погребального обряда: для рядовых захоро-

нений – окружные каменные насыпи (а также грунтовые и бескурганные погребения), узкие прямоугольные ямы, гроб, северная ориентировка; для аристократических усыпальниц – сложные многокамерные прямоугольные с дромосом (на юг) склепы, глубокие ямы, на дне которых внутри сруба помещался гроб с умершим, уложенным головой на север, головы крупного и мелкого рогатого скота в торцевых нишах. Вещевой комплекс включает лук (цельнодеревянный, составной с “гуннским” набором костяных накладок); колчан (наконечники в преобладающем количестве двухлопастные ромбические черешковые и трехлопастные асимметрично-ромбические и ярусные) [Худяков, 1986, с. 30 – 42]; узду, состоящую из кольчатых удил, железных двудырчатых псалий и крупных колец для перекрестных ремней и крупных подпружных пряжек [Коновалов, 1976, табл. VI, IX, X, XI; Даудова, 1996, табл. 70, 10 – 12, 21 – 22, 25, 26]; ножи с прямой спинкой с деревянной или костяной рукоятью; разнообразную по форме гончарную посуду (хумы, вазы, горшки и др.); поясной набор (наконечники ремней, ажурные бляхи с зооморфным орнаментом, фигурные накладки); ханьские зеркала, а также бусы, подвески и бубенчики (Дэрестуйский, Ноин-Ула, Ильмовая Падь, Иволгинский) (рис. 5, 6).

В рамках данного исследования нас в большей мере интересовало, как происходило расширение культурного влияния и перемещение хуннского ИКК на запад после раз渲ла кочевой империи (см. рис. 3, 7 – 10, 17, III; 4, 4 – 8, 11 – 13, 16 – 18). Анализ материала из кочевнических и полукоchевнических комплексов Средней Азии и Южного Казахстана последних веков до новой эры – первых веков новой эры позволяет выделить памятники, несущие черты, близкие к хуннскому ИКК. Среди среднеазиатских комплексов эти черты наиболее отчетливо проявились в памятниках тулхарской группы, т.н. юэчжийско-кушанского ИКК (см. рис. 3, 7, 20, 28 – 30), и кочевнических курганных комплексах, составляющих значительную часть погребений джетыасарской группы (см. рис. 4, 14) [Левина, 1992, 1996], названной нами гунно-каньюским ИКК. Сходство с юэчжийско-кушанскими памятниками II – I вв. до н.э. объясняется, вероятнее всего, едиными истоками и территориями культурогенеза (Хэси, Принаньшанье). В целом появление этих комплексов в Северной Бактрии и Предпамире во II – I вв. до н.э. и дальнейшее развитие юэчжийских погребальных традиций в кушанскую эпоху происходило в конкретной геокультурной области и не противоречило общей исторической ситуации [Заднепровский, 1975; Литвинский, Седов, 1989; Мандельштам, 1975; Сарианиди, 1989]. Джетыасарские курганные комплексы появились в низовьях Сырдарьи, вероятно, уже в первых веках новой эры, однако, как показала про-

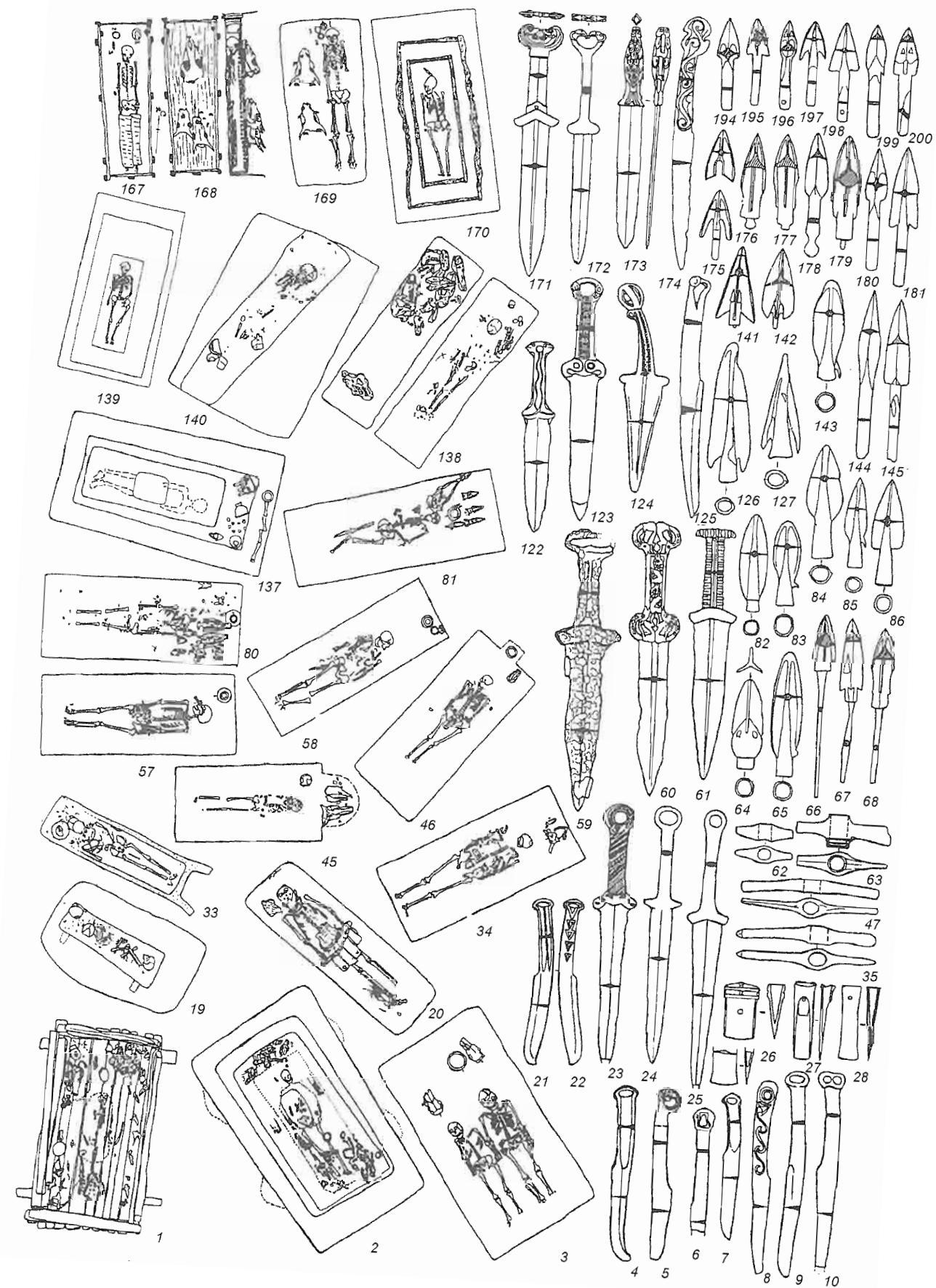




Рис. 1. Культура ордосских бронз (по Тянь Гуанцзинь [1983, с. 10 – 13, 16], Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь [1986, с. 5 – 12, 17 – 21, 53 – 59, 69 – 73, 76 – 89, 94 – 96, 105 – 107, 116, 120, 132, 146, 147, 151, 167, 206 – 209, 233 – 236, 241 – 255, 378; 395 – 397], Чжао Юэ [1990, с. 891 – 893], А.В. Варенову [1990, с. 47 – 48]).

Байфу: 1 (мог. 2); Байцаопо: 2 (мог. 2); Сигупань: 3 (мог. 1); Чжоуцзяди: 19 (мог. 19), 20 (мог. 45), 33 (мог. 43); Маоцингоу: 45 (мог. 23), 46 (мог. 31), 81 (мог. 43), 170 (мог. 25); Таохунбала: 58 (мог. 58), 80 (мог. 6), 138 (мог. 2); Чжанцзяпо: 137 (мог. 19); Лабудалинь: 167, 168 (мог. 3), 169 (мог. 2).

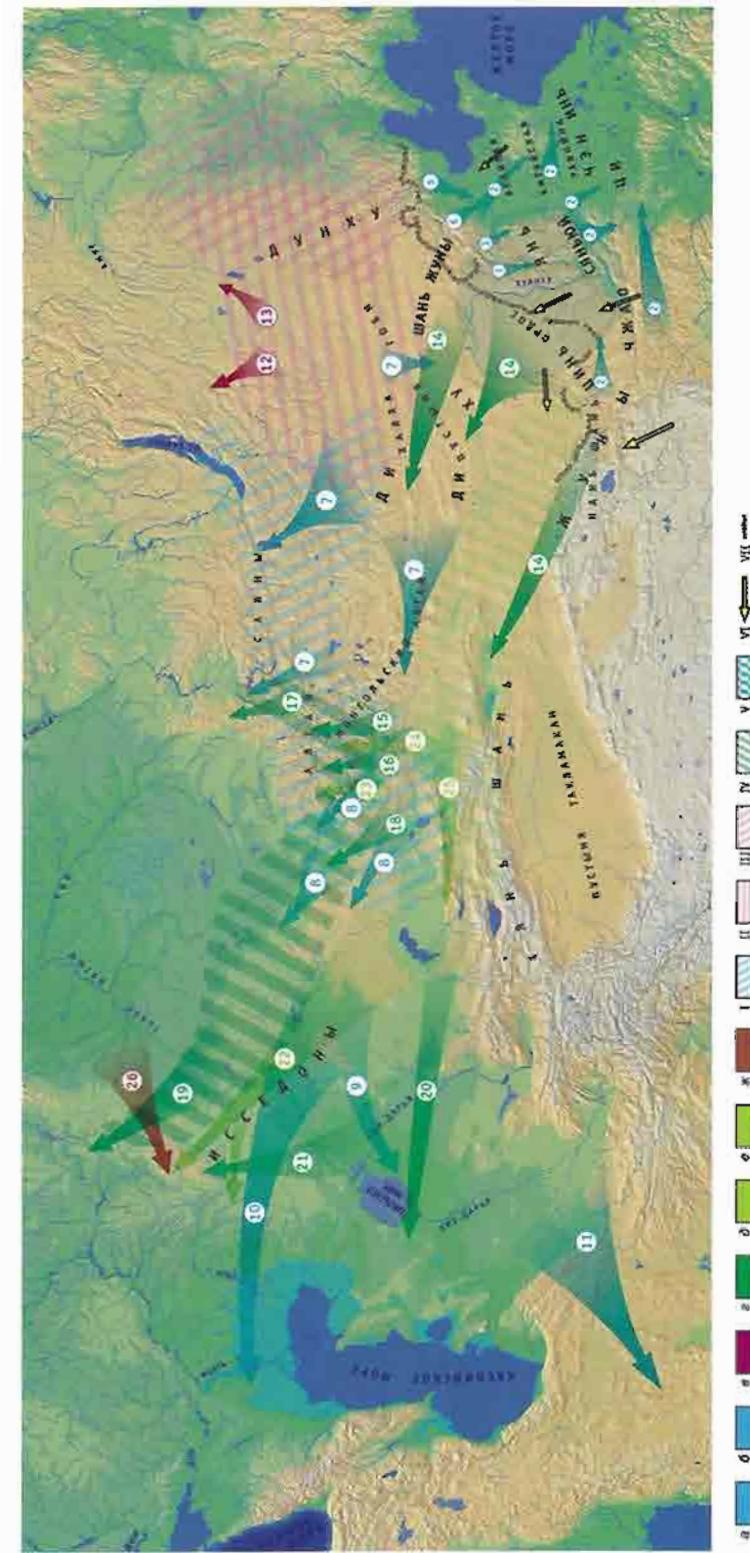


Рис. 2. Этапокультурные процессы в первой половине I тыс. до н.э.

а – вторжение населения северныхварваров (жуны, ли, шашжузы) в китайские царства в VIII – VII вв. до н.э.; 794 г. до н.э. (1), 782 – 771 г. до н.э. (2), 770 г. до н.э. (3), 714 г. до н.э. (4); 707 г. до н.э. (5), 664 г. до н.э. (6) (по В.С. Таскину [Материалы..., 1968, с. 14 – 37]; А.А. Кондаков [1998, с. 130 – 131]); б – распад карасукской общности в X – VIII вв. до н.э.; отток карасукского населения в Северный Китай, Восточный Туркестан, Южную Сибирь (7), миграции карасукского (бетгы-таптыбасинского) населения в Центральный Казахстан (8). Приграничье (Северный Таргисен) (9). Нижнее Поволжье (Ала-куль II, Саган, Колголок (по Г.М. Менделееву [1975, с. 40 – 41]) (10), на Иранское нагорье (туркестанские бронзы VIII в. до н.э.) (11); в – распад культуры плиоточных могиль Монголии в VII – VI вв. до н.э.; отток скано-сакского населения (жуны?) в Западную Монголию, на Алтай в Джунгарию, Синьцзян (14); сакское влияние на сканские культуры Туны (сако-усуцкое племянники кара-кобинской культуры) (15); сако-гасмонийские комплексы Алтая (Чесноково, Солнечный Белок и др.) (16); сакский компонент в сканских культурах Туны (сако-усуцкие племянники) (17); спложение тасмалинского комплекса в Северной Казахстане и Южном Зауралье (19); формирование культуры принаральских саков (20); сако-синий компонент в древнетюркской культуре (по С.Ю. Гущанову [1998, с. 131]) (21); в – сканский компонент в древнетюркской культуре (по С.Ю. Гущанову [1998, с. 131]) (22); е – сако-сканское влияние в Сибири и Казахстане в V – IV вв. до н.э.; памятники иссыкского (Люкоты IV) и сарыкского круга на юго-западе Сибири (по В.А. Могильникову [1999, с. 186 – 189]) (23); сакское влияние на формирование большепереславской культуры (24); единство саков Восточного Туркестана и Южного Казахстана (параллель Алтагу – Иессы); (25); ж – городской компонент в тюркской культуре (по М.Г. Мониковой [1974, с. 135 – 138]) (26). I – памятники карасукской общности; II – памятники культуры плиоточных могиль; III – культуры изврхнего слоя Синьцзяна; IV – сако-гасмонийские памятники; V – захват горногорий северныхварваров династиями Чжоу; VI – сако-сканское туркестано-сибирское единство; VII – Великая китайская стена.

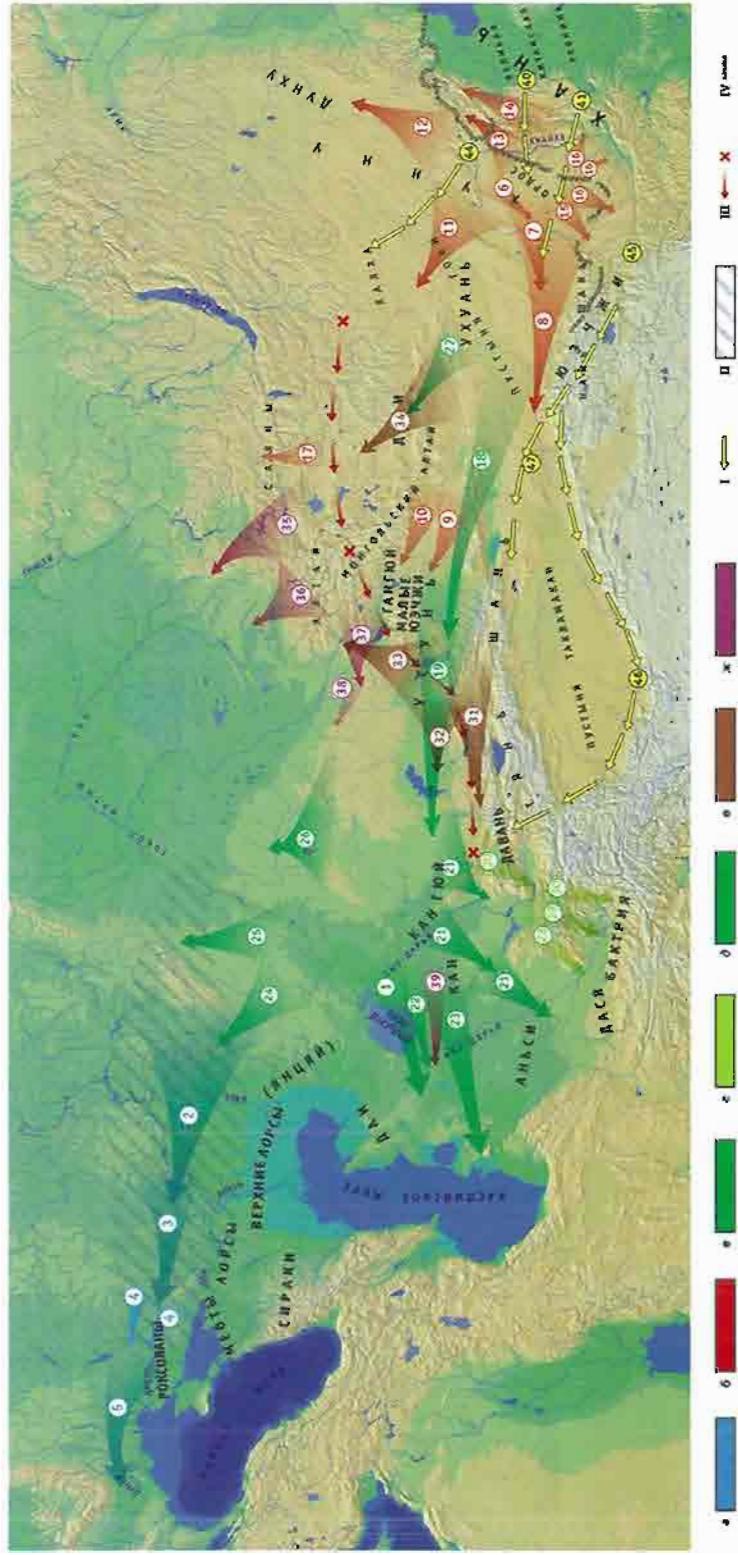


Рис. 3. Этнокультурные процессы во второй половине I тыс. до н.э.

a – проникновение раннесарматского населения (IV – I вв. до н.э.) проникновение раннечжуринской культуры на запад в IV – III вв. до н.э. (по А.Д. Танцову [1995, с. 90 – 91]) (1); проникновение прохоровского населения на правобережье Дона во II в. до н.э. (по В.Е. Максименко [1983, с. 128 – 129]) (3); переход скотоводов и горных племен из Центральной Азии через Дон во II в. до н.э. (по Ю.М. Десницкому [1973, с. 133]) (4); выход артов к левому берегу в 49 г. до н.э. (по Д.А. Манищкову [1974, с. 131 – 132]) (5); *б* – хуннское вторжение (Гоуманы) (6); второе походы к югу хуннов (205 – 203 гг. до н.э.) (8); завоевание усуней, гунн, хуннов, юньнань, синян, дя (205 – 203 гг. до н.э.) (9 – 11); завоевание пучу 209 г. до н.э. (12); возвращение Ордоса, завоевание зюйфана (208 г. до н.э.) (13, 14); набеги на Хань в 166 г. до н.э. (уезды Пинъян, Чжана, Юн-Ганьцзы, Шэнчэн), 128 – 121, 103 гг. до н.э. (округа: Янь-Мянь, Юйян, Динсян, Юньсань-Шанси, Ляоян, Даи, Хобой) (15, 16); проникновение хуннов в Туву (17); *в* – миграции южной пехоты из Принчипантия в Ганьсуского коридора (18); уход из Восточного Гурабатая после поражения от усуней и алан (170 – 130 гг. до н.э.) (19); *г* – вторжение киргизов в Среднюю Азию (южно-кумбакский ИКК) – Шалукукуский монгольник (погребения в простых ямах) (20); памятники Септо-Западной Бактрии (Бадахшанский, Гиль-Тепс) (28); памятники Северной Бактрии (Тукирский, Кокусский, Бишкекские) (29); Принчипань (Цзилак-Тобе, Махакан, Катал-Ту) (30); *д* – вторжение южной в Среднюю Азию, Казахстан и Южный Урал (южно-сарматский ИКК, "юготки дома Чжаову") У Ташкентской озере, Шалукукуский озере, Шалукукуский монгольник (погребения в простых ямах) (20); памятники Септо-Западной Бактрии (Бадахшанский, Гиль-Тепс) (28); памятники Северной Бактрии (Тукирский, Кокусский, Бишкекские) (29); Южное Приуралье (Покровка-1, 2, 7, 8, 10; Мелетский, Учай) (29); Южное Зауралье (Солоне, Страгетское, Граудуты) (26); Казахстан (Жетыныр, Ертыс) (25); Казахстан (Жетыныр, Ертыс) (26); сарматоидные памятники Западной Монголии (25); *е* – миграции скотоводческой племени (Берара, Чалыкса, Берара, Чалыкса) (31); усунь Или (Кашгарский, Учеган, Кызыл-Энте) (32); *ж* – миграции скотоводческой племени (Берара, Чалыкса) (31); усунь Или (Кашгарский, Учеган, Кызыл-Энте) (32); *з* – возможное сако-усунское проникновение в Западную Монголию, Туву (34); *и* – миграции гунну в Минтуе (техническо-иностранские памятники) (36); *к* – Алтай (памятники шаблинского и гунно-сарматского круга (булан-юйтинский, бересневский, раннекатунский типы) (36), раннекатунские памятники (III – II вв. до н.э.) (37); памятники киргитаского типа Кын-Узат, Капа-Кала (по Е.Е. Нерзик [1958, с. 381 – 382]) (39). *л* – походы Хань на югну и в западный край в II – I вв. до н.э.; 129 г. до н.э. (41), 123 г. до н.э. (42), 119 г. до н.э. (43), 114 г. до н.э. (44), 103 г. до н.э. (45), 104 – 102 гг. до н.э. (46), 97 г. до н.э. (47); *м* – раннесарматская (прохоровская) обитость; *н* – походы и места ставок Чжан-Чжет; *о* – места ставок Чжан-Чжет; *п* – раннесарматская стена.

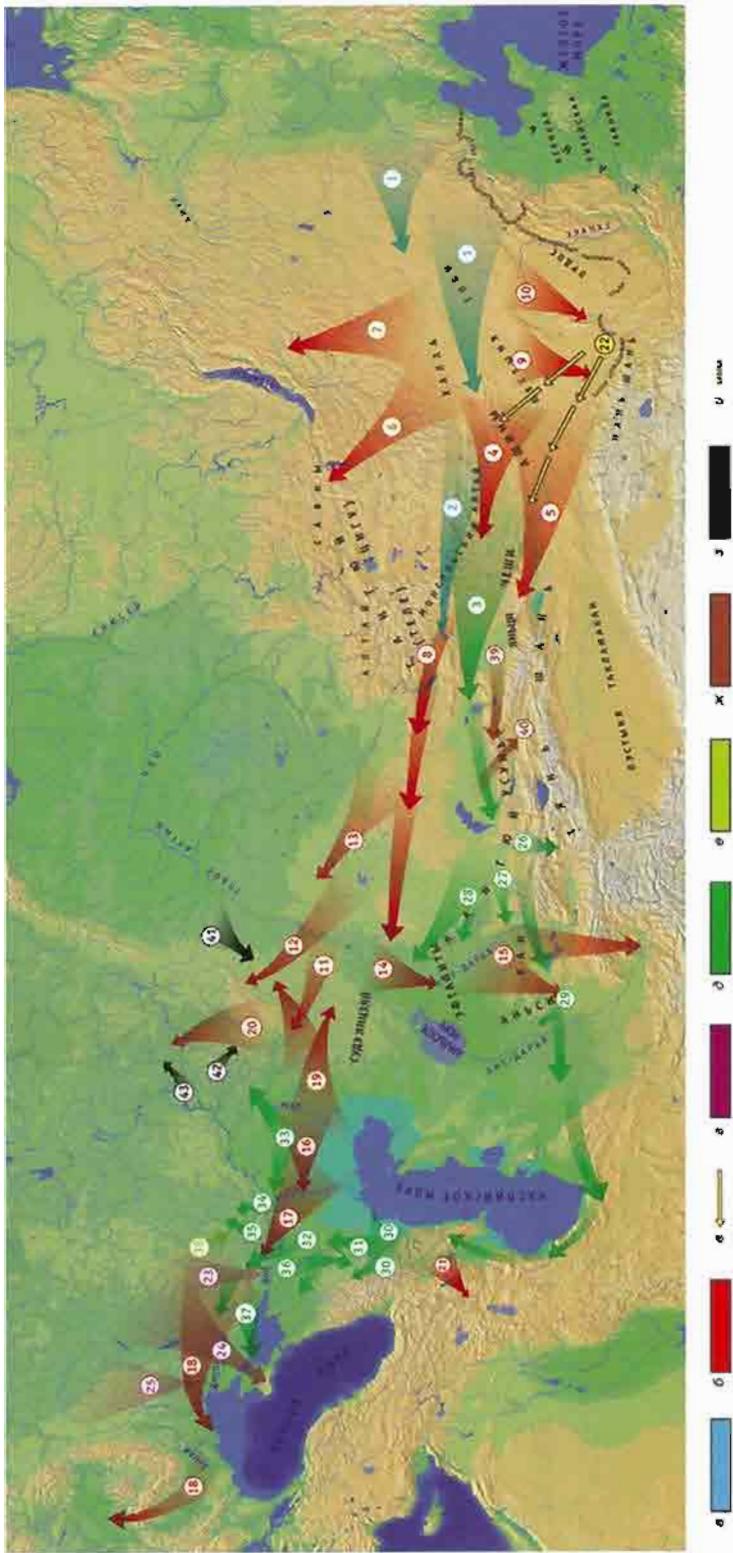


Рис. 4. Этнокультурные процессы в первой половине I тыс. н.э.

a – паштество санбон: 87 – 156 гг. (1); поход Тайшунтуа (2); *b* – миграции хано-туннов: уход северных хунн из Восточного Туркестана (87 г. н.э.) (4); уход части южных хунн после поражения от санбон (117 г. н.э.) (5); *c* – расход хунну в Туру и Забайкалье (48 г. н.э.) (6, 7); исход северных хунн из Восточного Туркестана в Каппой (151 г. н.э.) (8); участие южных хунн в Хань, отход южных хунн в Северный Китай (48 – 91 гг. н.э.) (9, 10); появление гунно-сарматского населения в урало-казахстанских степях (середина II в. н.э.) (11 – 13); осаждение гунно-сарматов и ногайцев Сындары (гунно-киргизской ИКК, 470 г. н.э.) (14); походы гуннов-эрзатлов в Пенджаб, Токхаристан, Уструшан, Самаркан (конец V – начало VI в. н.э.) (15); проникновение гунно-сарматов ("свадников") на прижем Дона и в Северном Причерноморье (середина VI в. н.э.) (16); проникновение гунно-сарматов на нижнюю Волгу в позднеесарматское время (16); появление гунно-сарматского населения (середина VII в. н.э.) (17); проникновение гунно-сармата в нижневолжскую степь (II – III вв. н.э.) (18); обратный отток гунно-сарматского населения после вторжения готов (середина VIII в. н.э.) (19); проникновение гунно-сармата в лесостепное Приуралье (турбасатская культура) (20); *c* – походы Хань на северных хунн в 91 – 98 гг. н.э. (21, 22); *c* – пакистанские готовы на нижней Дон (23); в Крым (24), Северо-Западное Причерноморье (25); *d* – миграции аланов в I в. н.э. (тирано-ханский ИКК); киргизская памятники на территории Таврии и Фракии (26); Ташкентского (качинская культура) (27); Самаркандского и Бухарского (29) оазисов, в среднем течении Сырдарьи (арийская культура) (28); проникновение аланов в Пререквакхан (аматинские гореско-даческой групп) [1993, с. 94 – 111] (30); появление кагакомб Степрополья (III в. н.э.) (31); проникновение аланов на илакий Дон (Донецкая Алания) и Северное Причерноморье (середина I в. н.э.) (32); среднесарматские (аланские) памятники Ногайто Поволжья и Орсинбургая (I – начало II в. н.э.) (33); переселение части среднесарматского населения в лесостепное Подонье в I – II вв. н.э., Ташкентского (качинская культура) (34); Самаркандского и Бухарского (35); миграции аланов в Восточное Предкавказье (по С.А. Численко [1993, с. 84]) (36); уход сармато-аланов в Крым в I – II вв. н.э. (37); по А.П. Мельцелову [1998, с. 3 – 12] (35); переселение части аланов в Восточное Туркестан (III в. н.э.) (39); уход усуней из Семиречья в V в. н.э. (40); *e* – всесоюзное гунно-сарматское население Урала: угорское журавское население южно-уральского типа (41); фрино-угорское население Южного Приуралья (памятники имелевинского типа) (42); взаимодействие с пастбищами имелевинского типа (43).

веденная корреляция вещевого инвентаря из курганных и склеповых погребений, наиболее широко они были представлены в V – VIII вв. н.э.

Особую группу составляют памятники сарматско-юэчжийского ИКК (лявандакская группа), занимающие северные окраины среднеазиатских оазисов (Ташкентский, Бухарский, Самаркандский, а также Хорезм, Казахстан и Южный Урал) и представляющие собой подвойно-катаомбные комплексы конца III – II вв. до н.э. – I в. н.э. (см. рис. 3, 1, 21 – 23) [Вайнберг, 1979; Лоховиц, 1979; Лоховиц, Хазанов, 1979; Максимова и др., 1968; Обельченко, 1961, 1967; Хабдулина, 1994; Мандельштам, 1971; Смирнов, 1975; Яблонский, Дэвис-Кимбэл, Демиденко, 1995]. Они получили дальнейшее историко-культурное развитие в катаомбных (дромосных) комплексах алано-кангюйского (кенкольская группа) ИКК (I – V вв. н.э.) на территории Таласа, Ферганы, Кетмень-Тюбе, Арыси, Самаркандского, Бухарского, Ташкентского оазисов и др. [Бернштам, 1940; Горбунова, 1991; Заднепровский, 1975, 1992а, б, в; Литвинский, 1967; Байпаков, Подушкин, 1989; Кожомбердиев, 1975; Максимова и др., 1968] (см. рис. 4, 3, 10, 26 – 29). Еще одну особую культуроединую группу образуют усуньские комплексы на территориях Киргизии, Юго-Восточного Казахстана и Западного Синьцзяна с каменными курганами и оградами, могилами с западной ориентировкой (сако-усуньский ИКК – чильпекская группа) [Акишев, Кушаев, 1963; Бернштам, 1952; Воеводский, Грязнов, 1938; Заднепровский, 1992а; Досымбаева, 1999]. Однако наиболее ярко черты сходства с хуннским ИКК воплотились в гунно-сарматских памятниках, появление которых в урало-казахстанских степях относится к середине II в. н.э. (см. рис. 4, 11 – 13). Безусловно, эти памятники имеют свои особенности, которые, по моему мнению, объясняются временными (хуннские материалы представлены в основном памятниками II – I вв. до н.э.) и геокультурными различиями хуннского и раннегуннского культурных очагов. При этом продолжают сохраняться наиболее общие черты хунно-гуннского ИКК: простые курганы, склепообразные и фигурные наземные конструкции с проходом в южной части, гробы, северная ориентировка умерших, особый тип ременной гарнитуры для узды и поясов (с прямоугольными, восьмерковидными, сферическими накладками и листовидным и кольцевидным привесками), длинные обоюдоострые узкие мечи с прямым перекрестием или без него и круглым навершием (северокитайского происхождения), трехлопастные железные и асимметрично-ромбические костяные наконечники стрел, котлы (монгольского и ордосского происхождения), ханьские зеркала (рис. 7). Впечатляет многочисленность гунно-сарматских комплексов (до 350 исследованных), очаг которых находился, ве-

роятно, в Орь-Илекском междуречье и на левых притоках среднего Урала. Эти территории, как, впрочем, и огромные районы Южного Зауралья и Поишимья, в предыдущие 200 лет были фактически незаселенными, на что указывают единичные памятники I в. до н.э. – I в. н.э. [Боталов, Гущалов, 2000, с. 146 – 151].

Таким образом, во II – IV вв. н.э. в урало-казахстанских степях на фоне сложных этногенетических процессов, в результате которых сложилось новое этнополитическое образование, накапливался огромный массив кочевнического населения. Кроме того, происходили разнохарактерные миграции гунно-сарматов в Восточную Европу (постепенная инфильтрация и разовые рейды) (см. рис. 4, 16 – 18). В этой связи следует коснуться вопроса о позднесарматской культуре.

Как показал анализ материалов комплексов II – IV вв. н.э., на территориях восточно-европейского ареала облик позднесарматских трансформаций не был одинаковым. В самой позднесарматской культуре различают по меньшей мере шесть локально-территориальных вариантов, которые соотносятся с Заволжьем, Волго-Доньем, нижним Доном, Причерноморьем, Буджакской степью, Подунавьем [Гудкова, Фокеев, 1984; Гросу, 1979; Костенко, 1977, 1979; Рикман, 1975; Смирнов, 1954; Федоров, 1960; Фокеев, 1986, 1987; Kulcsar, 1998]. Что же вынуждает многих исследователей рассматривать многочисленные и разнообразные комплексы, разбросанные на территории от Поволжья до Панонии, в рамках единой позднесарматской культурной общности? В целом такие культурообразующие признаки, как северная ориентировка, деформация черепов, мечи без перекрестья и навершия, зеркала-подвески, фибулы, луки с концевыми и срединными насадками, крупные трехлопастные железные и костяные наконечники стрел, выделенные А.С. Скрипкиным [1984, с. 82 – 87], на разных территориях представлены в различном соотношении. Результаты сравнительного анализа памятников на нижнем Дону, в Причерноморье, Подунавье выявили весьма существенные различия между синхронными позднесарматскими и нижневолжскими погребальными комплексами, что позволило в отдельных случаях даже изменить их определение (западносарматские памятники Молдовы [Рикман, 1975, с. 57]). Можно сказать, что на территориях западнее Волги названные позднесарматские черты находили отражение лишь в определенной степени и не на всех этапах. Они, словно некие маркеры новой эпохи (или все-таки культуры?), пронизывали всю толщу сармато-аланского массива племен и, постепенно разрушая его культурную монолитность в течение II – IV вв., к самому концу IV в. проявились на его краине западном пределе (Альфельд).

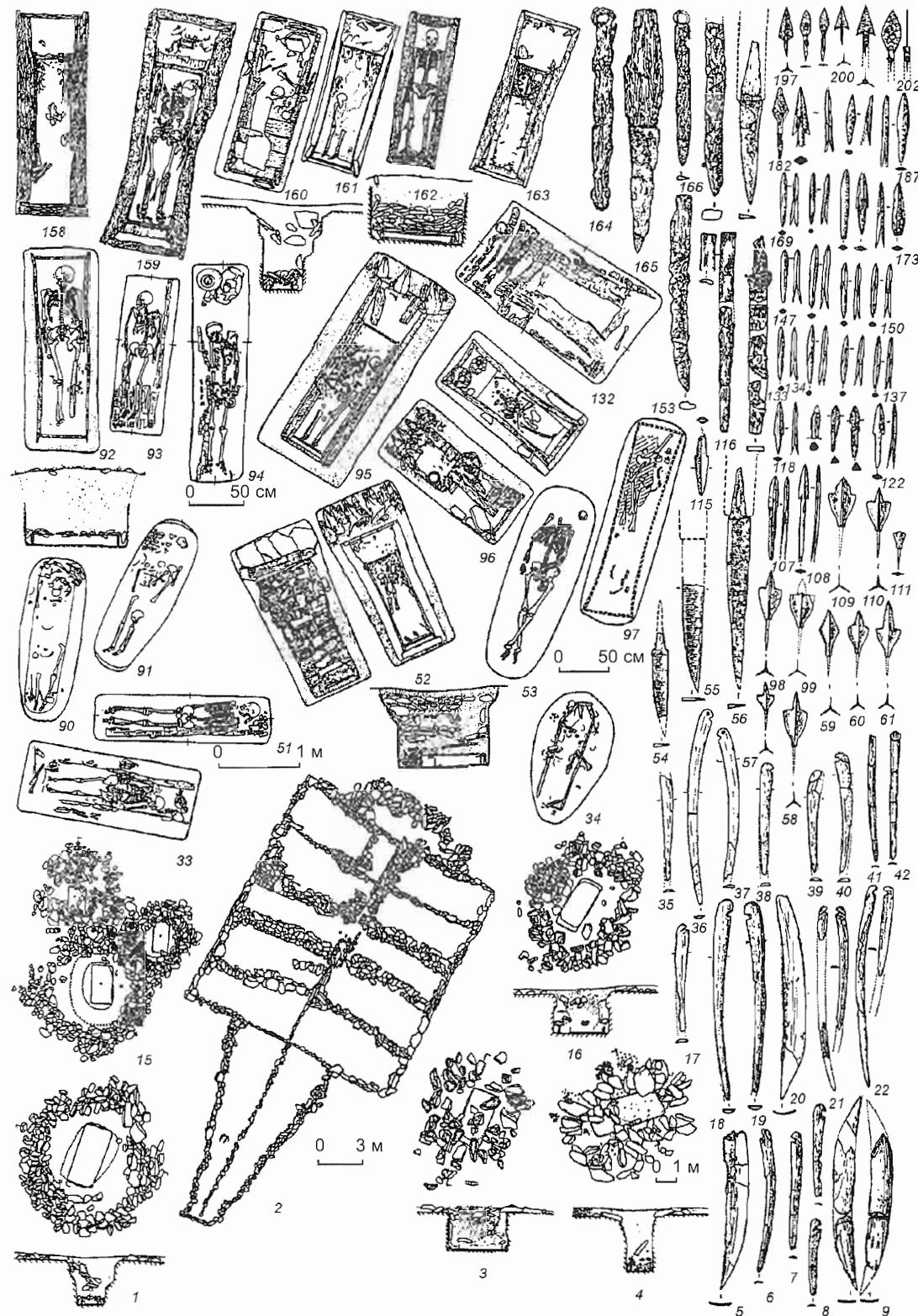
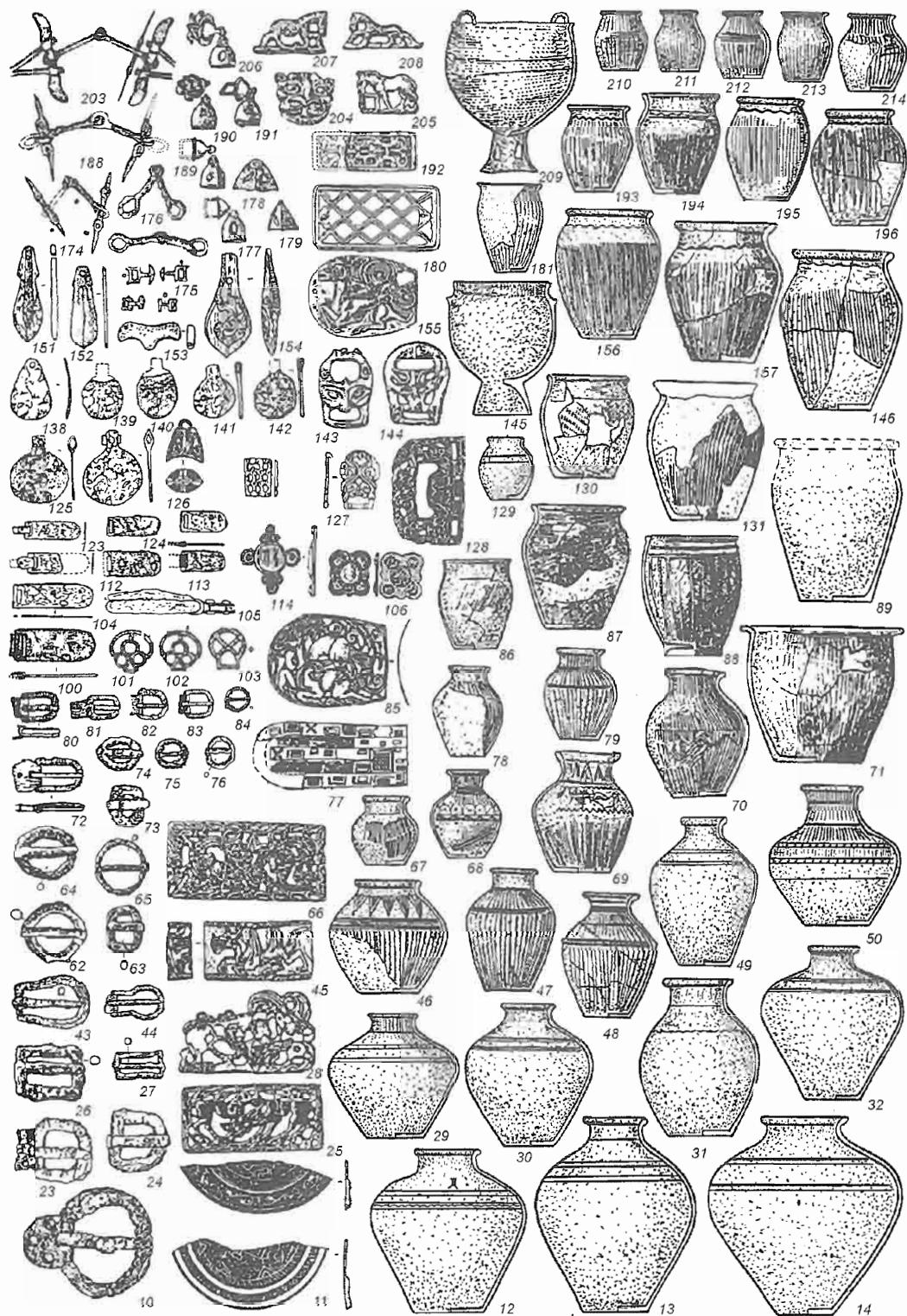


Рис. 5. Хуннский ИКК. Забайкалье (по П.Б. Коновалову [1976, рис. 4, 7, 10, 11, 19, 40, 43, 47, 48, 56, 59, 65, 87, 100, 106, табл. I – XXVI], В.А. Могильникову [1992, с. 455 – 458]).

Ильмовая Падь: 1 (мог. 46), 2 (мог. 544), 5 – 10, 17 – 22, 24, 30, 32, 35, 40 – 45, 49, 57 – 62, 66, 72 – 74, 80 – 83, 100, 104, 105, 107, 112, 113, 115, 123 – 125, 139 – 142, 144, 146, 154, 168, 174, 176, 182, 188 – 191, 208; 14, 89, 96, 129 (мог. 58); 15 (мог. 13); 16, 95 (мог. 45); 52 (мог. 42); 163 (мог. 46); Черемуховая Падь: 3 (мог. 38); 4 (мог. 58); 11 – 13, 29, 54 – 56, 98, 99, 106, 109 – 111, 114, 126, 138, 151, 152, 165, 195 – 199, 207; 158 (мог. 15); 159 (мог. 5); 160, 161 (мог. 49); Дерестуйский: 25, 28, 31, 50, 77, 85, 127, 155, 177 – 179, 200 – 204, 206; 162 (мог. 33);



Иволгинский: 26, 27, 51, 75, 86, 128, 167 (мог. 98); 33, 67, 69, 194 (мог. 100); 34, 63, 130, 131 (мог. 22); 36, 37, 39 (мог. 31); 38 (мог. 38); 48, 101, 102, 210 – 216 (мог. 120); 47, 78, 88 (мог. 138); 53 (мог. 3); 64, 70, 87, 94, 119 – 121 (мог. 88); 65, 103, 108, 122, 175 (мог. 48); 71, 91 (мог. 52); 76, 84 (мог. 180); 79, 145 (мог. 139); 90, 116, 117, 134 – 137, 147 – 150, 164, 169 – 171, 185, 186 (мог. 54); 92 (мог. 26); 93 (мог. 102); 97 (мог. 97); 116, 157, 166, 172, 173, 183, 184, 187 (мог. 9); 132 (мог. 91); 133 (мог. 133); 181 (мог. 141); 209 (мог. 119); Судженский: 46; Иволгинское городище: 143, 180, 190; Дурены: 205.

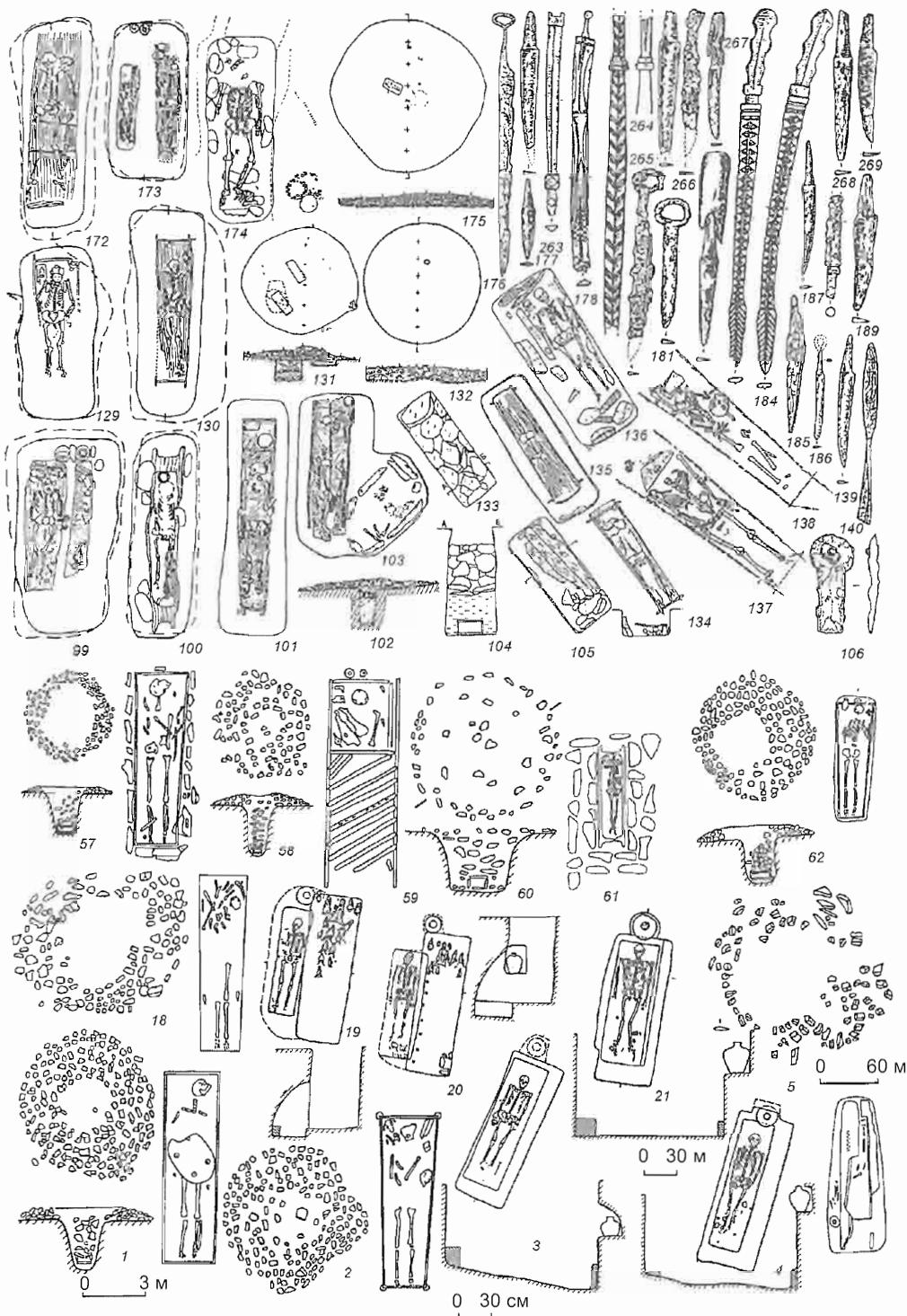
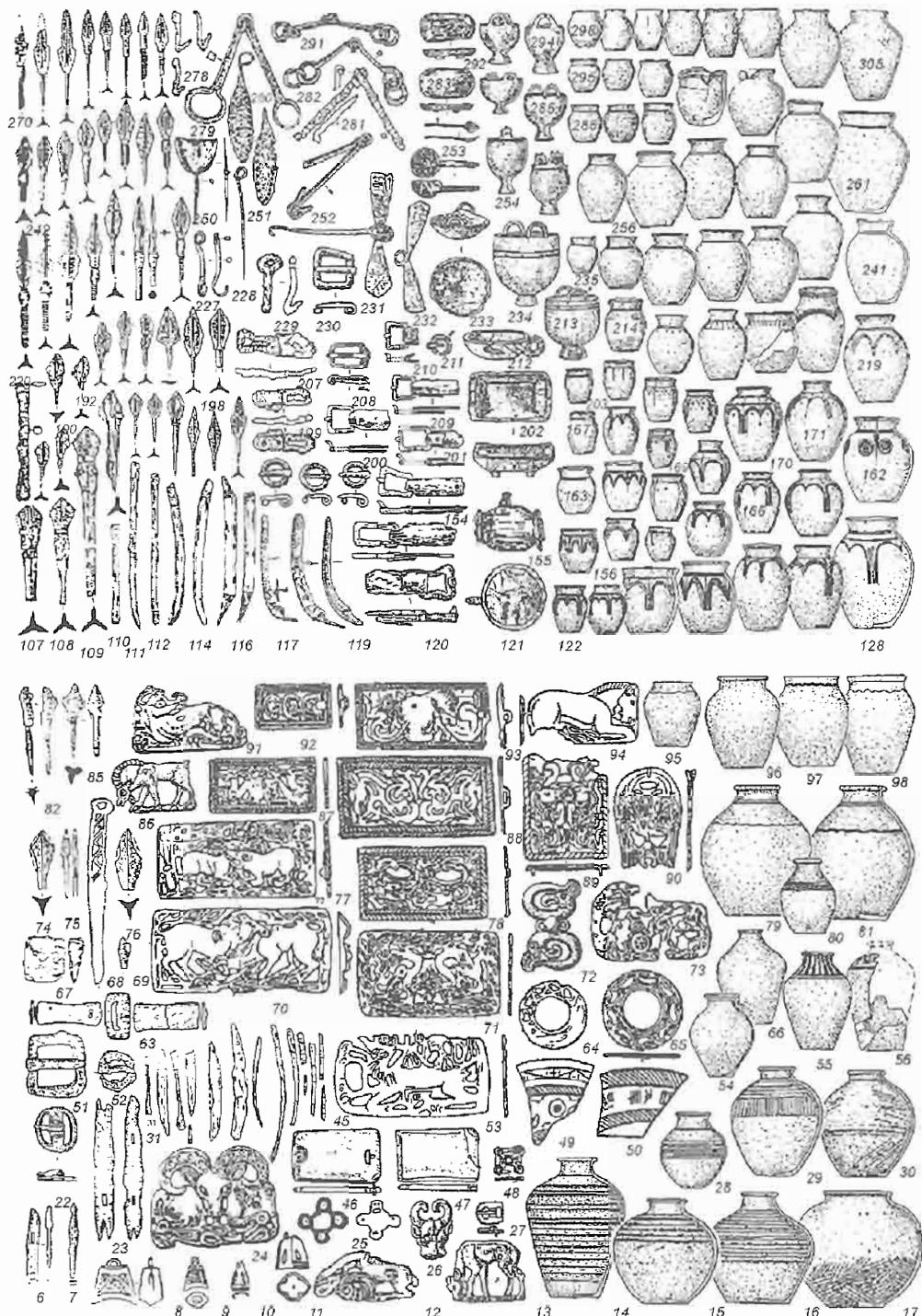


Рис. 6. Хуннский ИКК. Китай, Монголия, Тува (по Л.Р. Кызыласову [1979, с. 88 – 93, 95, 115 – 117], У Энь, Чжун Кань, Ли Циньцэн [1990, с. 89 – 98], Д. Цэвэндоржу [1985, с. 55, 56, 58 – 61, 63 – 74], С.И. Вайнштейну, В.П. Дьяконовой [Das Graberfeld..., 1984, S. 23, 25, 109 – 112, 114, 117, 118, 122, 127, 138 – 142], Г.П. Данченок, С.П. Нестерову [1989, с. 95 – 98]). Тэвш-Уул: 1, 49, 63 (погр. 8); 2, 25, 31, 54 (погр. 1); 6, 18, 23, 93 (погр. 3); 7, 58, 59, 82 – 85, 95 (погр. 2); 32 – 44, 57, 59 (погр. 16); 62, 80 (погр. 20); 98 (погр. 6); Даодунцызы: 3 (погр. 19); 4 (погр. 14); 8 – 11, 22, 27 – 30, 52 – 54, 46, 47, 64, 65, 67, 68, 70, 71, 73, 77 – 81, 92, 93; 19 (погр. 6); 20 (погр. 13); 21 (погр. 2); Нуухин ам: 5, 74, 76 (погр. 22); Ордос: 12, 13, 24, 26, 48, 72, 91; Найма Толгой: 6; 55, 66, 96 (погр. 5); Чандмань: 60, 61 (погр. 30); 69, 75 (погр. 29); Кохэль: 99, 173 (L, 11); 100, 206, 241, 261, 262 (LXIX, 11); 101, 130 (LХ, 11); 103 (кург. 53); 110 – 114 (XXV, 26); 115, 116, 189 (III, 26); 120, 158, 205 (кург. 41); 122, 179 (LXXXIV, 11); 123 (кург. 61); 124, 127, 128, 159 (LXVI, 11); 129, 177 (LXXI, 26); 145, 146, 163, 166, 169, 203, 213 (кург. 7); 150, 219, 247, 249, 294 (XXXI, 11); 151, 156 (XIX, 8); 152, 192 – 194, 198, 204, 238, 258, 259, 265, 300 (кург. 65); 153, 165, 171 (кург. 59); 154, 236 (XXI, 8); 155 (XL, 11, погр. 26); 157 (XC, 11); 160, 161, 252 (кург. 28); 166 (кург. 33); 167 (LXXI, 26).



11); 168, 235 (XXX, 26); 170, 197 (кург. 4); 174 (XX, 39); 178, 263 (кург. 23); 182 (XXIII, 8); 183, 184, 283, 285 (кург. 32); 186 (III, 11); 187, 269 (I, 11); 189, 268 (XXIV, 8); 195, 196, 214, 240, 256 (кург. 64); 200 (XXXVIII, 11); 201, 226, 245, 246 (XVI, 11); 210, 234 (LXXI, 11); 211 (XIX, 8); 215, 303 (LXXIV, 11); 216 (XX, 11); 220 – 223, 242, 255 (XXIV, 26); 225 (XII, 11); 230, 298 (кург. 57); 237, 254 (кург. 34); 239, 270 – 273 (XXII, 11); 243 (V, 26); 244, 299 (IV, 26); 248, 267 (LXXXVII, 11); 253 (XLII, 26); 257, 264 (XXII, II); 260 (XXXIII, 11); 274, 275 (LXXIX, 11); 276, 277 (LXXIX, 11); 278 (кург. 40); 284 (XX, 8); 286, 295 (XXXVIII, 8); 287 (XXXVI, 11); 288 (LXXX); 292 (кург. 33); 293 (LXXXI, 11); 296 (кург. 41); 297 (XI, 26); 301 (Х, 11); 302 (LXXXIV, 11); Кара-Даг: 104, 133, 202, 212 (кург. 1, погр. 1); 105, 136 (кург. 1, погр. 2); 107 – 109, 121, 131, 134, 135, 144, 186, 188, 208, 218, 233, 250, 266, 289 (кург. 1); Хара-Даг-Бажык: 106, 137, 138, 141 – 143, 190, 191, 199, 207, 217, 281 (погр. 1, 2); Атаманкова-10: 117 – 119, 251, 280, 305; Шанчылы: 123, 125, 175 (кург. 3); 132 (кург. 6); Туран: 126 (кург. 117); Шурман Тес: 139, 140, 185, 231, 232 (кург. 1, 4); Уюк-Тарлык: 147 – 149, 224 (кург. 58); Курже: 279 (кург. 3); Байдаг: 282, 291, 304 (кург. 69, 71, 77).

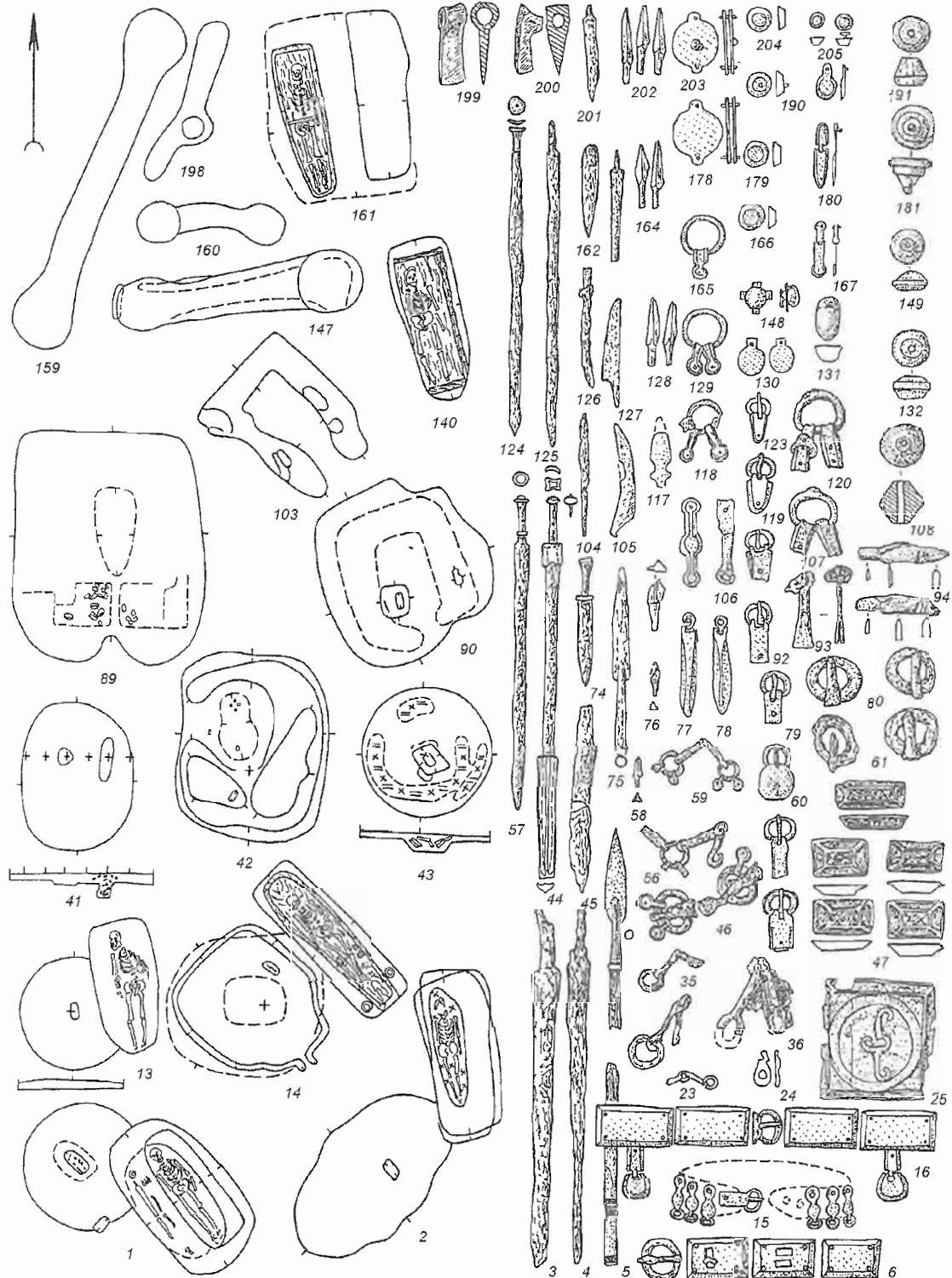
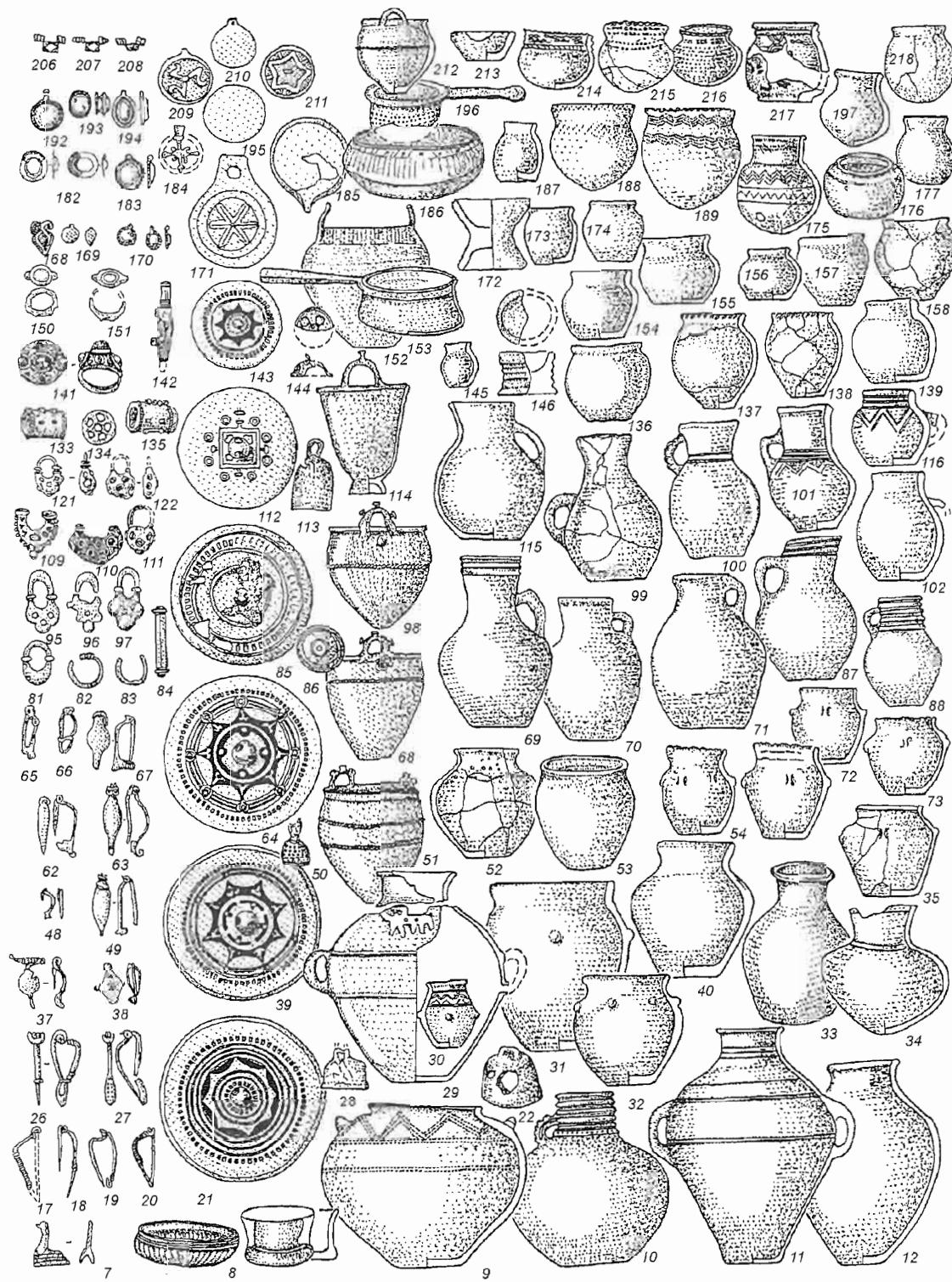


Рис. 7. Гунно-сарматский ИКК (урало-казахстанские степи) II – IV вв. н.э.

Покровка: 1, 4, 23, 181, 128, 164, 202 (кург. 2); Больше-Караганский: 2 (кург. 7); 13, 88, 184 (кург. 19); 14, 17, 99, 151, 156, 169, 209, 212 (кург. 8); 20, 40, 69, 101, 116, 132, 149, 162, 191, 211 (кург. 18); 100 (кург. 20); IV Комсомольский: 3, 19 (кург. 5); 70, 71, 143 (кург. 3); 79 (кург. 4); Лебедевский: 5, 8, 51, 75, 105, 110, 127, 163, 199, 200 (кург. 1); 110, 132, 135, 141, 168, 186, 192, 196 (кург. 2); Целинный: 6, 35, 44, 46, 157, 167, 180, 205 (кург. 6); 31 (кург. 32); 32 (кург. 20); 58, 76, 103 (сооружение 13); Восточно-Курайлинский: 7, 12, 30, 70, 108, 115 (кург. 3); Покровка-2: 9, 11, 25, 29, 47, 61, 80, 93, 94, 131, 213 (кург. 9, погр. 1); Малково: 10, 59 (кург. 3); 36, 39, 77, 78, 81, 86, 107, 120, 123, 142, 216 (кург. 1); Байрамгулово: 15, 16, 106, 109, 118, 166, 172, 179, 182, 188 – 190, 204, 215 (кург. 2, погр. 2); Дербеневский: 18 (кург. 17);



26 (кург. 20); 95, 96; Темясовский: 21, 22, 27, 33, 38, 50, 67, 111, 176 (кург. 3); 157, 158 (кург. 7); Жаман-Карагала I: 24 (кург. 8); Сарытау: 28, 89, 113 (сооружение 12); Восточно-Курайлинский I: 34, 87 (кург. 33); Целинный I: 37, 62 (кург. 87); 63, 82 – 84, 150, 171, 197 (кург. 86); 74 (кург. 57); 85, 172, 187 (кург. 81); Друженский: 41, 134 (кург. 5); 42, 102, 112, 130, 148, 156, 173, 178, 203 (сооружение); 97, 155, 194, 207, 208 (кург. 3); Новоникольское: 43, 60, 206 (кург. 4); Атпа II: 54, 72, 73, 104 (кург. 3); 55, 91 (кург. 4); Лебедевка VI: 57, 114 (кург. 37); 98, 112 (кург. 39); 147 (кург. 1); Лебедевка V: 64 (кург. 23); 152 (кург. 49); Шатрово: 65 (кург. 2); Кара-Тал I: 66 (кург. 6); Магнитный: 68, 90, 122, 146 (кург. 3); Сибайские II: 92, 129, 165 (кург. 2).

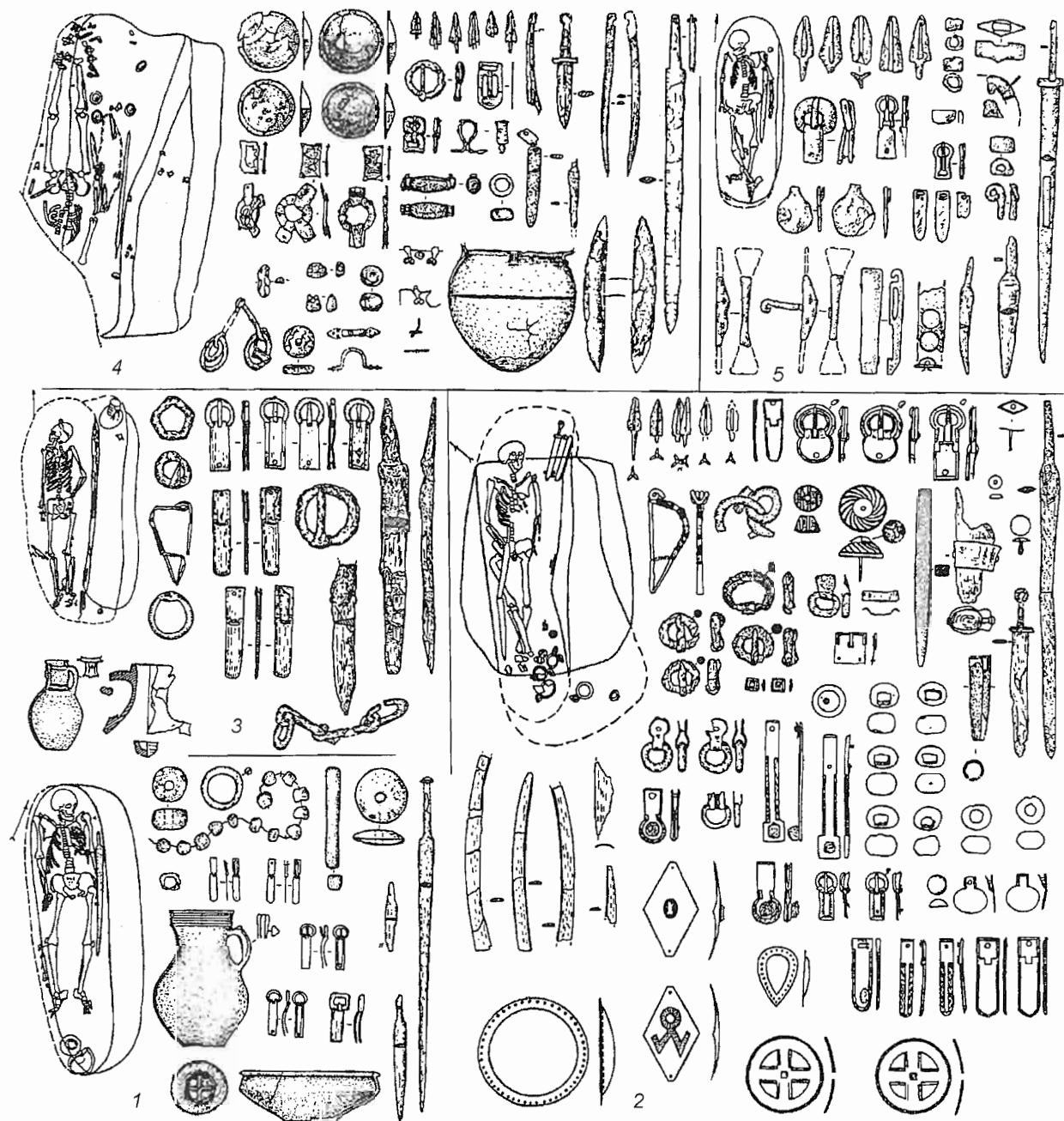
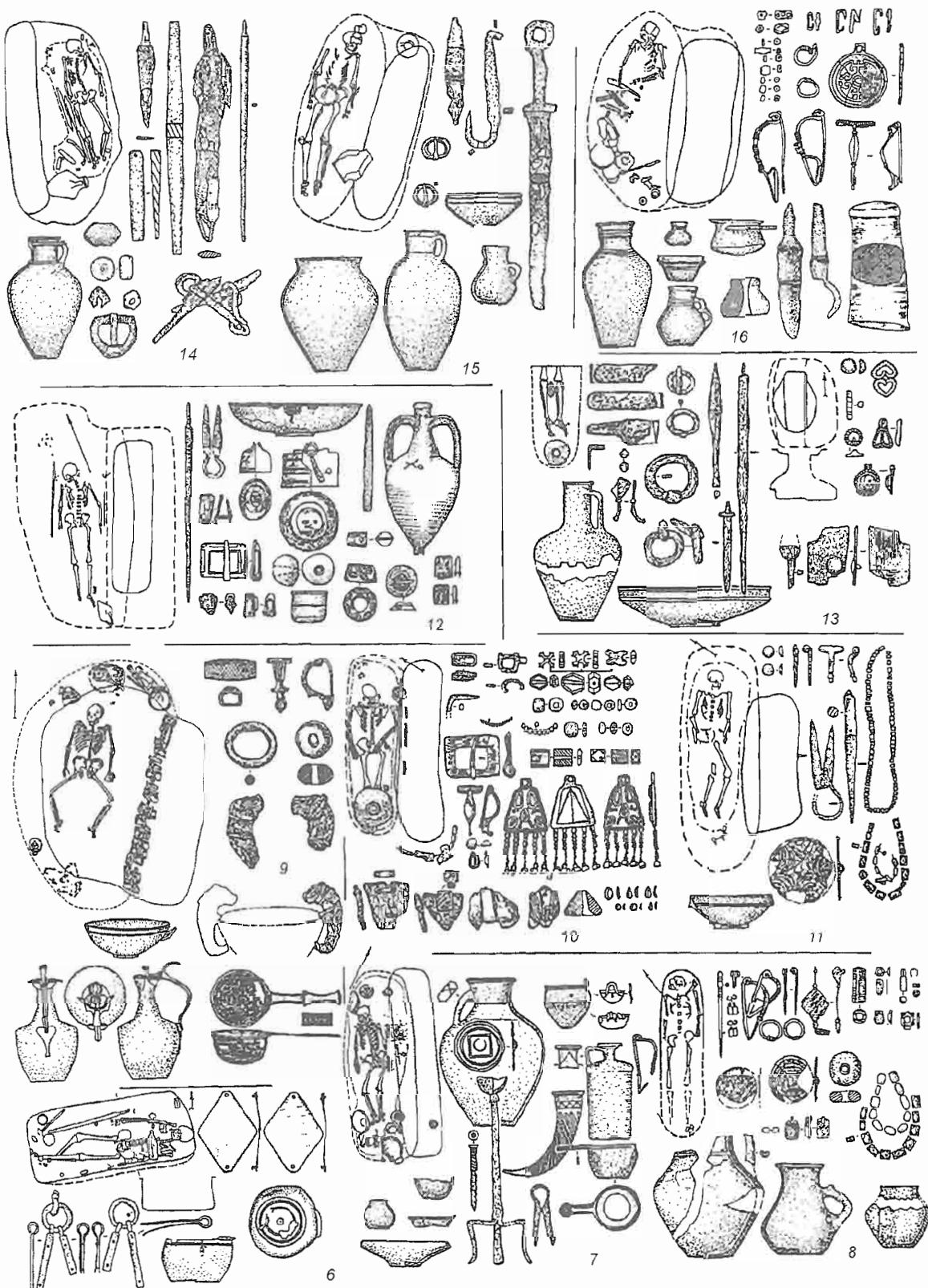


Рис. 8. Гунно-сарматские памятники Дона и Северного Причерноморья (“всадники”) (по А.И. Мелюковой [1962, с. 196, 198, 199, 203], С.И. Безуглому [1997, с. 214, 216, 218, 219, 221], Е.И. Беспалову [1990, с. 104 – 106], В.К. Гугуеву, С.И. Безуглому [1990, с. 165 – 168], В.Е. Максименко [1998, с. 264], Л.Г. Шепко [1987, с. 161, 164, 166, 167, 169]).



Сладковский: 1 (кург. 20, погр. 1); 5 (кург. 19, погр. 1); Центральный IV: 2 (кург. 16, погр. 8); Шевченко: 3 (кург. 4); 14, 15 (кург. 7, 9); Кобяково: 4 (кург. 5); Высочино VII: 6 (кург. 12); 8, 11 (кург. 17); Нагаевский II: 7 (кург. 11); Олонешты: 9; Новоалександровка I: 10, 12 (кург. 20); Новоалександровка: 13 (кург. 25).

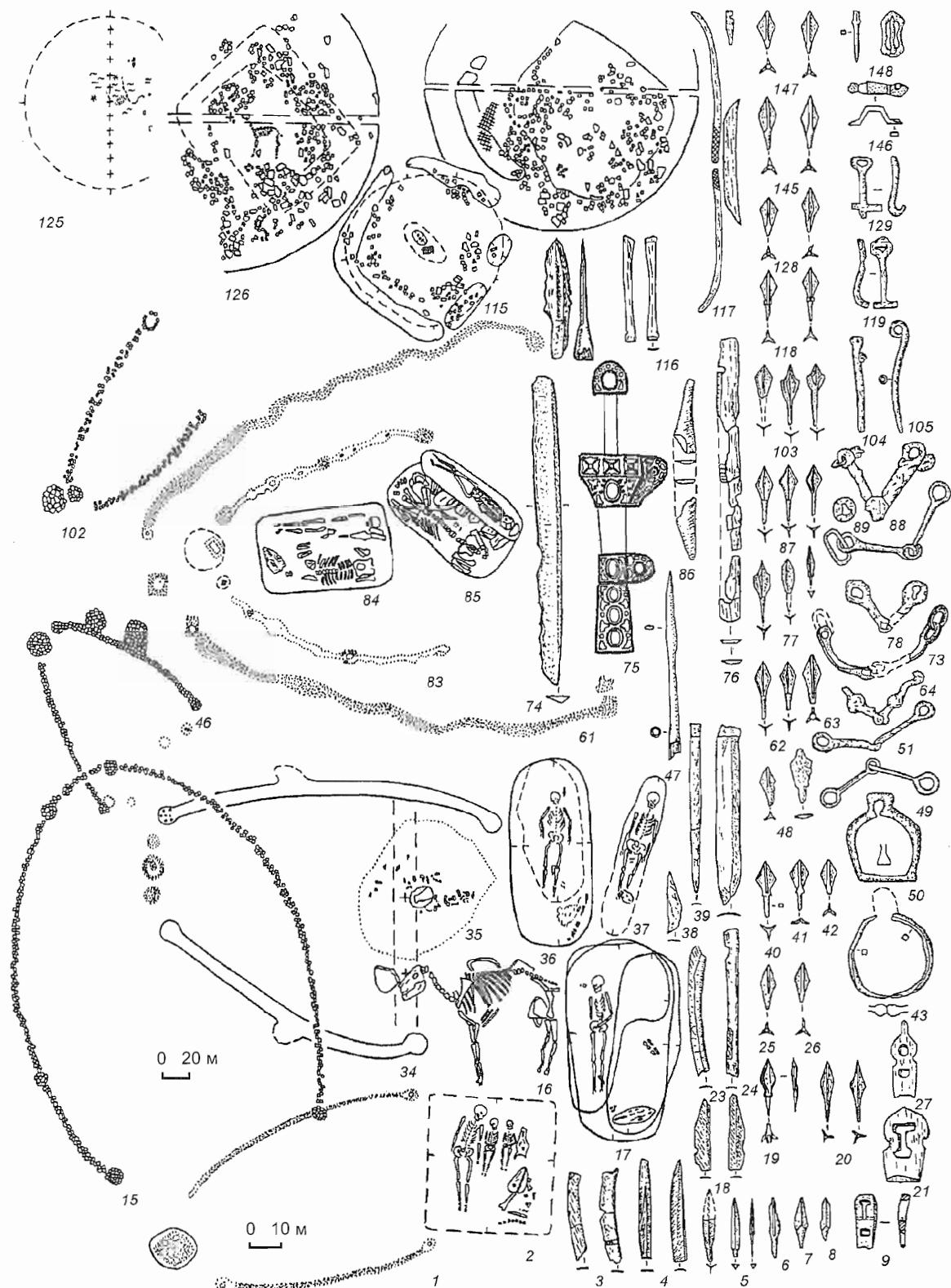
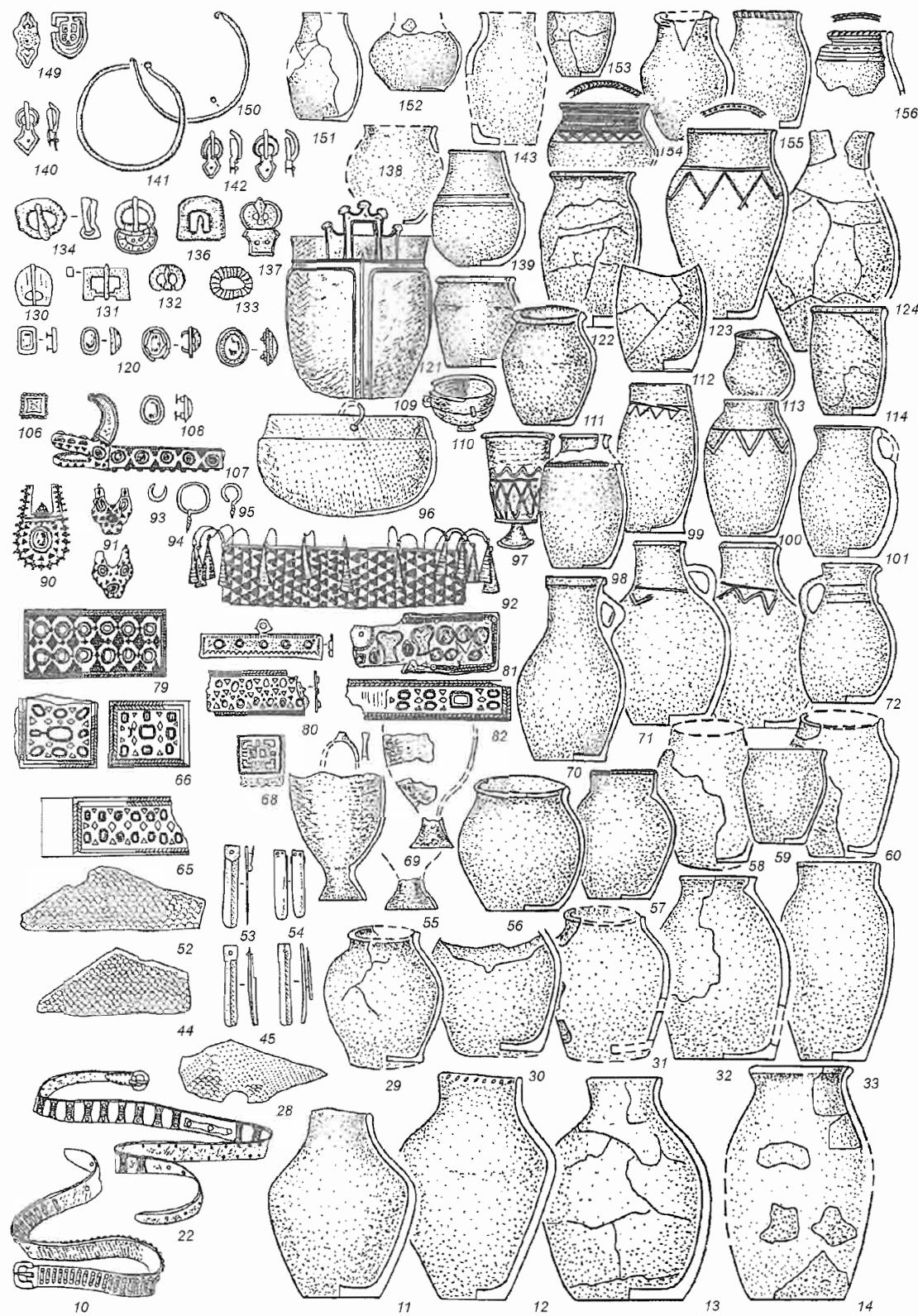


Рис. 9. Памятники постгуннского и раннетюркского периодов в урало-казахстанских степях V – VIII вв.
 Оленина Отнога: 1, 155; Каннатас: 2, 9, 10, 78, 79; Кызыл-Адыр: 3 – 5, 18, 38, 39, 54, 77, 87, 89, 93, 103, 109, 119; Боровое: 6 – 8, 28, 65 – 68, 75, 82, 90, 94, 106, 110, 131, 133, 141; Кызыл-Жар: 11 (кург. 1); 12, 125 (кург. 3); Городищенское IX: 13, 40, 41, 61; Кансай: 14, 83, 144 (кург. 14); Айдарлы: 15; Солончанка: 16, 20, 25, 26, 34, 35, 42, 44, 45 – 53, 50, 63, 71, 76, 80, 86, 96, 108, 120, 128, 140, 142, 145, 147; Каменный Амбар: 17, 132, 137 (кург. 6); 36, 72 (кург. 5); Султантемирский: 19, 33, 73, 105, 118, 129, 139; Егиз-Койтас: 21, 50, 51, 84;



Зевакинский: 22, 48, 49, 74, 95, 116, 117, 150 (кург. 1); 57 (кург. 3); 69, 99 (кург. 2); 30, 31, 57, 58, 60 (курганы с "усами"); Виннов: 32 – 36; Аркаим: 37, 64, 130, 136; Жарлы: 43, 85 (кург. 1); Нижнедавлетовский: 47; Кызылтас: 55, 100 (кург. 1); Ленинка: 56; Сангуыр: 59 (кург. 2); Беркуты: 70, 88; Кара-Агач: 89, 91, 92, 97, 107; Кызылтас II: 98; Селенташ: 101, 156 (кург. 4); 121, 126 (кург. 5); Батакара: 111 (кург. 5); Александровские: 112, 122 (кург. 1); Тасмола: 113, 143, 154 (кург. 19); Крутой Овраг: 114 (кург. 3); 148 (кург. 4); 153 (кург. 1); Елантау: 115, 146, 149 (кург. 4); III Восточно-Курайлинские: 151 (кург. 2); 152 (курган с костями лошади).

Кто же был носителем новых культивообразующих традиций?

Эти комплексы получили название “всаднических, или дружинных” [Максименко, Безуглов, 1987, с. 191; Безуглов, 1988, с. 113]. Нет смысла характеризовать их подробно, достаточно отметить, что в бассейне Дона имеются памятники, которые ярко демонстрируют позднесарматские черты комплексов Нижнего Поволжья и особенно гунно-сарматские черты большинства памятников урало-казахстанских степей, которые хорошо просматриваются в мужских погребениях по предметам вооружения и конской узды (кольчатые удила, накладки-зажимы с круглым щитком, наконечники ремней, пряжки с подвижным щитком и пр.) [Мошкова, 1978; Мелюкова, 1962; Максименко, Безуглов, 1987; Безуглов, 1988; Гугуев, Безуглов, 1990; Беспалый, 1990; Шепко, 1987; Максименко, 1998] (рис. 8). Однако в отличие от гунно-сарматских восточно-европейских комплексов данного периода несут признаки разнокультурного смешения. Ярким примером такого микширования является Сусловский могильник, который, как известно, стал основой для выделения позднесарматской культуры. Исходя из высказанного, использование сегодня введенного много лет назад определения “позднесарматская культура” – не более чем дань традиции. С точки зрения реальной историко-археологической обстановки более точным, по нашему убеждению, представляется определение “позднесарматский этап”, “позднесарматский период”.

Итак, во II – IV вв. н.э. в различных регионах Восточной Европы черты общесарматского облика деформируются, исчезают и приобретают облик новой гунно-сарматской общности. К III – IV вв. культурные инновации достигают степной и лесостепной зоны Подунавья. Готское нашествие лишь на столетие отсрочило окончательную консолидацию гуннской орды (см. рис. 4, 23 – 25). Создание единого гуннского союза произошло в период окончательной культурной нивелировки путем этнополитической консолидации на базе кочевого позднесарматского населения Восточной Европы под предводительством восточных кланов, обитавших до второй половины IV в. в урало-казахстанских степях.

Финальный, наиболее яркий и самый короткий этап хунно-гуннского культурогенеза приходится на собственно гуннский период – конец IV – середину V в. н.э. Для этого времени характерны памятники, несущие основные черты гунно-сарматского облика. К ним относятся следующие известные комплексы: Заммеринг, Печюсет (Венгрия); Белтени, Конциешты, Герсень (Румыния); Миролюбовка, Беляус (Крым); Кубей, Новоивановка, Черноморское (Причерноморье, Северный Кавказ); Ленинск (кург. 3, погр. 12), Шипово (кург. 2, 3), Верхне-Погромное, Новоселки,

Покровск (кург. 36, погр. 2), Переполовенка, Кирво, Владимировка (Поволжье). Однако некоторые из названных памятников датируются более поздним временем и имеют признаки ногунских культурных инноваций, выразившихся в изменении ориентировки – северный сектор постепенно заменяется северо-восточным, восточным. Явно инокультурными компонентами обряда становится помещение в могилу или рядом на ступеньку шкуры или целого скелета животного. Эти комплексы, как нам представляется, знаменуют собой начало нового раннетюркского историко-культурного периода, которое приходится на вторую половину V в. н.э. и связано с проникновением в казахстанские и южно-русские степи части тюрко-тесеских племен, составивших основу протоболгарского населения (савиры, утригуры, кутригуры) [Исхаков, Измайлова, 2000, с. 14 – 15]. Некоторые из перечисленных комплексов датируются IV – V вв. н.э. К ним, вероятнее всего, относятся: Беляус, Энгельс (кург. 36, погр. 2), Зеленокумское, Бережновка (кург. III, погр. 1), Кубей (погребения с восточной ориентировкой, с конем или шкурой лошади), а также Ново-грigорьевка (кург. VII – IX), Остроголовка (Д 18, 19), Ровное (кург. 42, 47), Высокое (Е7), Покровск (кург. 2, 3, 11), Бородавка (кург. 5) и др. (курганы-костища).

Традиция сооружения курганов-костищ получила особенно яркое развитие в комплексах т.н. селениташского типа в урало-казахстанских степях. Они представлены курганами с “усами”, или с грядами, каменными вымостками и оградами с остатками продуктов горения, в ряде случаев – с трупосожжением, захоронениями лошадей, их шкур или макетов, а также вещевым материалом, который помещался на древней поверхности внутри вымосток и оград. Сегодня известно до 300 комплексов, относящихся к этому типу памятников [Боталов, Гуцалов, 2000, с. 185 – 218]. Вероятно, они, а также немногочисленные погребения с восточной ориентировкой, шкурой или скелетом лошади (Елиз-Койтас, Чиликты, Семиозерное) и составляют памятники раннетюркского этапа конца V – VIII в. в пределах урало-казахстанских степей (рис. 9).

Таким образом, все вышеизложенное убеждает нас в единстве хуннского и гуннского культурогенеза в пределах евразийских степей, которые делятся на этапы: 1-й – дохуннский (жуно-диский), эпоха Инь – IV – III вв. до н.э.; 2-й – “классический хуннский”, III в. до н.э. – II в. н.э.; 3-й – гунно-сарматский, II – IV вв.; 4-й – гуннский, конец IV – середина V в.; 5-й – постгуннский (раннетюркский), конец V – VIII вв.

Список литературы

Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские. Общее и особенное в культуре // Археологические иссле-

- дования в Казахстане. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1973. – С. 43 – 58.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А.** Саки и усуны долины реки Или. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. – 304 с.
- Байпаков К.М., Подушкин А.Н.** Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана (I тысячелетие н.э.). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. – 160 с.
- Безуглов С.И.** Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА. – 1988. – № 4. – С. 103 – 115.
- Безуглов С.И.** Воинское позднесарматское погребение знатного воина // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 году. – Азов: Изд-во Азов. краевед. музея, 1997. – С. 133 – 142.
- Берлизов Н.Е., Каминский В.Н.** Аланы, Кангой, Дауван // Петербург. археол. вест. – 1993. – № 7. – С. 94 – 111.
- Бернштам А.Н.** Кенкольский могильник. – Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 222 с.
- Бернштам А.Н.** Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. – 1952. – № 26. – С. 50 – 60.
- Беспалый Е.И.** Погребение позднесарматского времени у г. Азова // СА. – 1990. – № 1. – С. 213 – 223.
- Боталов С.Г.** Волго-уральские и казахстанские степи в V – VIII вв. (некоторые вопросы тюркизации евразийских степей) // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск: Рифей, 1996. – С. 194 – 209.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю.** Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. – Челябинск: Рифей, 2000. – 267 с.
- Вайнберг Б.И.** Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. – М.: Наука, 1979. – С. 7 – 76.
- Вайнберг Б.И.** Этнogeография Турана в древности: VII в. до н.э. – VIII в. н.э. – М.: Вост. лит. РАН, 1999. – 358 с.
- Варенов А.В.** Реконструкция иньского защитного вооружения и тактика армии по данным оружейных кладов // Китай в эпоху древности. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 42 – 51.
- Варенов А.В.** Датировка оружия, изображенного на оленных камнях монголо-забайкальского типа и проблема археологических памятников сюнну // 100 лет хуннской археологии: Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: Гуннский феномен. – Улан-Удэ: Изд-во ТОО “Олzon”, 1996. – С. 3 – 6.
- Воеводский М.В., Грязнов М.П.** Усуньский могильник на территории Киргизской ССР: к истории усуней // ВДИ. – 1938. – № 3. – С. 162 – 177.
- Горбунова Н.Г.** О подвойно-катаомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии // СА. – 1991. – № 3. – С. 20 – 30.
- Грантовский Э.А.** О восточноиранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху. – М.: Наука, 1975. – Т. 2. – С. 76 – 92.
- Григорьев С.А.** Древние индоиранцы: Опыт исторической реконструкции. – Челябинск: Рифей, 1999. – 444 с.
- Гросу В.И.** Сарматский курган у с. Карпач // СА. – 1979. – № 2. – С. 250 – 255.
- Гугуев В.К., Безуглов С.И.** Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобяковского городища на Дону // СА. – 1990. – № 2. – С. 164 – 175.
- Гудкова А.В., Фокеев М.М.** Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I – IV вв. н.э. – Киев: Наук. думка, 1984. – 119 с.
- Гуцалов С.Ю.** Курган раннекифского времени на Иле-ке // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 1998. – № 2. – С. 127 – 136.
- Давыдова А.В.** Иволгинский археологический комплекс // Археологические памятники сюнну: Иволгинский могильник. – СПб.: Изд-во Центра “Петербургское востоковедение”, 1996. – Т. 2, вып. 2. – 176 с.
- Данченок Г.П., Несторов С.П.** Два погребения гунно-сарматской эпохи из Аймырлыгской долины // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 94 – 103.
- Дебэн-Франкфор К.** Саки в провинции Синьцзян до периода Хань. Критерий идентификации // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. – С. 246 – 256.
- Демкин В.А., Рысков Л.Г.** Динамика палеоэкологических условий в волго-уральских степях – проблема миграций ранних кочевников // 100 лет гуннской археологии: Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: Гуннский феномен. – Улан-Удэ: Изд-во ТОО “Олzon”, 1996. – С. 99 – 101.
- Десятчиков Ю.М.** Сатархи // ВДИ. – 1973. – № 1. – С. 131 – 144.
- Досымбаева А.М.** Культура населения Семиречья во II в. до н.э. – V в. н.э. (по погребальным памятникам): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алматы, 1999. – 29 с.
- Заднепровский Ю.А.** Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода (II в. до н.э. – VI в. н.э.) // Страницы истории и материальной культуры Киргизии. – Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1975. – С. 160 – 167.
- Заднепровский Ю.А.** Ранние кочевники Кетмень-Тюбе, Ферганы и Алая // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992а. – С. 87 – 94. – (Археология СССР).
- Заднепровский Ю.А.** Ранние кочевники Семиречья и Тяньшаня // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992б. – С. 73 – 86. – (Археология СССР).
- Заднепровский Ю.А.** Ранние кочевники Казахстана и Ташкентского оазиса // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992в. – С. 101 – 106. – (Археология СССР).
- Исмагил Р.** Бегазы-дандыбаевский феномен и его типологические параллели // Уфим. археол. вест. – Уфа: Изд-во ИИЯЛ УНЦ РАН, 1998. – Вып. 1. – С. 3 – 7.
- Исхаков Д.М., Измайлова И.Л.** Этнополитическая история татар. – Казань: Иман, 2000. – 136 с.
- Ковалев А.А.** Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского стиля (тип Наньшаньгэнь) // Древние культуры Центральной Азии. – СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. – С. 122 – 131.
- Кожин П.М.** О хронологии памятников Аньяна // Китай в эпоху древности. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 45 – 54.
- Кожомбердиев И.К.** Археологические памятники долины Кетмень-Тюбе // Успехи среднеазиатской археологии. – Фрунзе: Наука КиргССР, 1975. – С. 56 – 57.
- Коновалов П.Б.** Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ: Кн. изд-во, 1976. – 247 с.
- Коновалов П.Б.** О происхождении и ранней истории хунну // 100 лет гуннской археологии: Номадизм – прошлое,

- настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: Гуннский феномен. – Улан-Удэ: ТОО “Олzon”, 1996. – С. 58 – 63.
- Костенко В.И.** Сарматские памятники в материалах археологической экспедиции ДГУ // Курганные древности степного Поднепровья (III – I тыс. до н.э.). – Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1977. – С. 114 – 137.
- Костенко В.И.** Сарматы в междуречье Орели и Самары // Курганные древности степного Поднепровья (III – I тыс. до н.э.). – Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1979. – С. 124 – 139.
- Крадин Н.Н.** Империя хунну. – Владивосток: Дальнаука, 1996. – 164 с.
- Кульпин Е.С.** Генетические коды цивилизаций // Генетические коды цивилизаций. – М.: Московский лицей, 1995. – С. 3 – 28.
- Кызылов Л.Р.** Древняя Тува. – М.: Наука, 1979. – 207 с.
- Левина Л.М.** Памятники джетыасарской культуры середины I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Степная полоса азиатской части СССР. – М.: Наука, 1992. – С. 61 – 72. – (Археология СССР).
- Левина Л.М.** Этнокультурная история Восточного Приаралья. – М.: Вост. лит., 1996. – 396 с.
- Литвинский Б.А.** Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы // СА. – 1967. – № 2. – С. 32 – 35.
- Литвинский Б.А., Седов А.В.** Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. – М.: Наука, 1989. – 242 с.
- Лоховиц В.А.** Подбойно-катаомбные и коллективные погребения могильника Тумек-Кичижик // Кочевники на границах Хорезма. – М.: Наука, 1979. – С. 134 – 155.
- Лоховиц В.А., Хазанов А.М.** Подбойные и катаомбные погребения могильника Туз-Гыр // Кочевники на границах Хорезма. – М.: Наука, 1979. – С. 111 – 133.
- Максименко В.Е.** Сарматы на нижнем Дону. – Ростов: Изд-во РГУ, 1983. – 153 с.
- Максименко В.Е.** Сарматы на Дону // Донские древности. – Азов: Изд-во Азов. краевед. музея, 1998. – Вып. 6. – 280 с.
- Максименко В.Е., Безуглов С.И.** Позднесарматские погребения в курганах на реке Быстрой // СА. – 1987. – № 1. – С. 183 – 192.
- Максимова А.Г., Мершиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М.** Древности Чардары. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1968. – 262 с.
- Мандельштам А.М.** Мештерхазинский могильник // САСИА. – 1971. – № 128. – С. 66 – 72.
- Мандельштам А.М.** Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии // Тр. Тадж. археол. экспедиции. – Л.: Наука, 1975. – Т. 7. – 225 с.
- Мануйлов А.Н.** Сюнну: Традиции и обычай // Музейн. вест. – Краснодар: Изд-во Краснодар. краевед. музея, 1993. – Вып. 1. – С. 44 – 70.
- Маргулан А.Х.** Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. – 435 с.
- Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Пер. и прим. В.С. Таскина.** – М.: Наука, 1968. – Вып. 1. – 177 с.
- Мачинский Д.А.** Некоторые проблемы этнографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. – I в. н.э. // АСГЭ. – 1974. – № 16. – С. 131 – 135.
- Медведев А.П.** Верхнее Подонье в первой половине I тысячелетия н.э. // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998. – С. 4 – 18.
- Мелентьев А.Н.** Керамика карасукского типа Северного Прикаспия // КСИА. – 1975. – Вып. 142. – С. 39 – 43.
- Меликова А.И.** Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты // СА. – 1962. – № 1. – С. 195 – 208.
- Могильников В.А.** Хунну Забайкалья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 254 – 273. – (Археология СССР).
- Могильников В.А.** Тенденции этнокультурного развития населения северо-западных предгорий Алтая в эпоху раннего железа // Комплексные общества Центральной Евразии в III – I тыс. до н.э. – Челябинск: Изд-во ЧГУ, 1999. – С. 186 – 189.
- Мошкова М.Г.** Происхождение раннесарматской (проровской) культуры. – М.: Наука, 1974. – 58 с.
- Мошкова М.Г.** Два позднесарматских погребения в группе “Четыре брата” на нижнем Дону // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – С. 71 – 77.
- Неразик Е.Е.** Археологическое обследование городищ Куя-Уз в 1952 году // КСИА. – 1958. – № 154. – С. 380 – 388.
- Новгородова Э.А.** Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 384 с.
- Обельченко О.В.** Лявандакский могильник // История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1961. – Вып. 2. – С. 97 – 176.
- Обельченко О.В.** Погребения сарматского типа под Самаркандом // СА. – 1967. – № 2. – С. 181 – 187.
- Полосымах Н.В.** Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньзы и проблемы происхождения сюннской культуры // Китай в эпоху древности. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 101 – 107.
- Погребова М.Н.** Ранний железный век // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М.: Наука, 1988. – С. 156 – 189.
- Рикман Э.А.** Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первые века новой эры. – М.: Наука, 1975. – 336 с.
- Савинов Д.Г.** Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. – Кемерово: Изд-во КГУ, 1994. – 215 с.
- Самашев З.С., Франкфорт А.П., Ермолаева А.С., Жумабекова Г.С., Гий Э., Сунгатай С., Жетыбаев И.М., Омаров Г.К.** Исследования культуры древних кочевников Казахстанского Алтая // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. – Алматы: Изд-во ИА Казахстана, 1998. – С. 174 – 202.
- Сарианиди В.И.** Храм и некрополь Тиля-Тепе. – М.: Наука, 1989. – 240 с.
- Сергацков И.В.** О некоторых обстоятельствах появления аланов в Восточной Европе // Нижневолж. археол. вест. – Волгоград: Изд-во ВолГГУ, 1998. – Вып. 1. – С. 44 – 49.
- Ситников С.М., Шульга П.И.** Работы на Юго-Западном Алтае // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. – С. 59 – 62.
- Скрипкин А.С.** Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. – Саратов: Изд-во СГУ, 1984. – 150 с.

- Смирнов К.Ф.** Вопросы изучения сарматских племен // Вопросы скифо-сарматской археологии. – М.: Наука, 1954. – С. 195 – 219.
- Смирнов К.Ф.** Сарматы на Илеке. – М.: Наука, 1975. – 176 с.
- Таиров А.Д.** Историко-экологическая ситуация в Южном Зауралье во второй половине I тысячелетия до н.э. и расселение ранних сарматов // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородских цивилизаций Южного Урала. – Челябинск: Издво ЧГУ, 1995. – Кн. 2, ч. 5. – С. 90 – 96.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П.** Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.
- Тянь Гуанцинь.** Археология сюнну в районе Внутренней Монголии за последние годы // Каогу сюэбао. – 1983. – № 1. – С. 7 – 24 (на кит. яз.).
- Тянь Гуанцинь, Го Сусинь.** Оэрдосы ши цинтунци [Бронзы ордосского стиля]. – Пекин: Вэньу, 1986. – 412 с. (на кит. яз.).
- У Энь, Чжун Кань, Ли Циньцэн.** Могильник сюнну в деревне Даодуньцы уезда Тунсинь в Нинся // Китай в эпоху древности. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 88 – 101.
- Федоров Г.Б.** Население Прутско-Днепровского междуречья в I тыс. н.э. – М.: Наука, 1960. – 370 с. – (МИА; № 9).
- Фокеев М.М.** Типы сарматских могильников в Буджакской степи // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. – Киев: Наук. думка, 1986. – С. 157 – 160.
- Фокеев М.М.** Памятники первых веков новой эры в Буджакской степи // Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тысячелетия н.э. – Киев: Наук. думка, 1987. – С. 16 – 25.
- Хабдулина М.К.** Степное Поишимье в эпоху раннего железа. – Алматы: Гылым, 1994. – 170 с.
- Худяков Ю.С.** Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 368 с.
- Цэвэндорж Д.** Новые данные по археологии хунну // Древние культуры Монголии. – М.: Наука, 1985. – С. 51 – 87.
- Черников С.С.** К вопросу о хронологических периодах ранних кочевников (по археологическим материалам Казахстана) // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 132 – 137.
- Чжао Юэ.** Сянъбэйские погребения, найденные возле д. Лабудалинь, аймак Эргунай (правый), Внутренняя Монголия // Каогу. – 1990. – № 10. – С. 890 – 928 (на кит. яз.).
- Шепко Л.Г.** Позднесарматские курганы в Северном Причерноморье // СА. – 1987. – № 4. – С. 158 – 173.
- Шульга П.И.** Раннескифская упряжь VII – начала VI в. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – С. 25 – 49.
- Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимбел Дж., Демиденко Ю.В.** Раскопки курганных могильников Покровка-1, Покровка-2 в 1994 году // Курганы левобережного Илека. – М.: ИА РАН, 1995. – С. 9 – 47.
- Яценко С.А.** Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV в. н.э. (по данным письменных источников) // Петербург. археол. вест. – 1993. – № 6. – С. 83 – 88.
- Das Gräberfeld der hunno-sarmatischen Zeit von Korel; Tuva, Süd-sibirien** // Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. – München: Verlag C.H. Beck, 1984. – Bd. 25. – P. 202.
- Kulcsar V.** A Karpat-medencei szarmatak temetkezési szokásai // Aszod. – 1998. – N 4. – P. 89 – 102.
- McGovern W.M.** The Early Empires of Central Asia: A study of the Scythian and the Huns and the part they played in world History. – Chapel Hill: The Univ. of North Carolina Press, 1939. – P. 472.

Материал поступил в редакцию 12.11.02 г.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 391

Е.Э. Войтишек

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: Voitishek@archaeology.nsc.ru

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КАРТ В ЯПОНИИ (анализ и интерпретация традиционных японских интеллектуальных карточных игр)

Введение

В Японии с глубокой древности известны т. н. изящные развлечения, в числе которых наиболее значимыми в культурообразующем аспекте были поэтические, художественные, музыкальные турниры, состязания в знании и мудрости, в искусстве приготовления ароматов, турниры по составлению композиций из хризантем и многие другие. В основе всех этих развлечений можно предполагать наличие важнейшего понятия японской эстетики – критерия *моно-но аварэ*, что означает “очарование вещей”. Он фиксировал внимание на “грустном очаровании хрупкого, ускользающего мира” и на “буддийском ощущении эфемерности бытия” [Гришелева, 1986, с. 104], подразумевал выявление прекрасного в самой реальности – в окружающей природе, в жизни, в человеке и его эмоциях, требовал способности людей ощущать и ценить естественную красоту вещей [Боронина, 1981, с. 126].

Можно предположить, что в основе японских интеллектуальных карточных игр, как это ни странно на первый взгляд, лежал тот же принцип “очарования вещей”. Поэтому японские интеллектуальные развлечения, и в частности карточные игры, вполне справедливо рассматривать в контексте всей духовной культуры Японии – наряду с театрами *Но* и *Кабуки*, танцевальными пьесами, кукольными спектаклями, пантомимами в масках, с институтом гейш, искусством спортивной борьбы *дзюдо* и *сумо*, наряду с празднествами и церемониями любования цветами, с чайной церемонией *тя-но ю* и др. Такой подход к анализу традиционных японских карточных игр дает воз-

можность осознать большое значение интеллектуальных развлечений в японской духовной культуре как своеобразного этикета и ритуала.

В истории происхождения и развития карт в Японии можно выделить два направления, две системы: собственно японскую, возникшую в глубокой древности, и систему, появившуюся на Японском архипелаге в XVI в. вместе с приходом испано-портugальских торговцев и миссионеров.

Собственно японская система карт

Создание японской карточной системы уходит корнями в глубокую древность. Относительно времени появления самих карт можно с уверенностью сказать, что это был период после завершения эпохи Хэйан, т.е. конец XII в., когда уже существовали различные забавы и развлечения, в т.ч. такие своеобразные игры, которые были связаны со складыванием по определенным критериям одних вещей и предметов с аналогичными другими и с их сравнением. Этот предшествовавший, по мнению исследователей, появлению карт этап условно называется периодом *моноавасэ* (“сопоставление вещей”) [Ватанабэ Хиродзи, 1969, с. 136].

Среди видов *моноавасэ* можно отметить *утаавасэ* – “сложение песен (т.е. стихов)” (кроме того, так назывались поэтические турниры), *каиавасэ* – “сложение раковинок моллюсков”, *ханаавасэ* – “сопоставление цветов”, *о:гиавасэ** – “сопоставление вееров”,

* Двоеточием в российском японоведении принято обозначать долгий звук.



Рис. 1. Ракушки хамагури и первые литературные карты.

эавасэ – “сопоставление картин” (так озаглавлена гл. 17 знаменитого романа “Гэндзи моногатари”, созданного на рубеже X – XI вв. писательницей Мурасаки Сикибу) и многие другие.

Особую роль в истории японских игр суждено было сыграть такому развлечению, как *каиавасэ* (“сложение раковинок моллюсков”), поскольку считается, что именно оно в дальнейшем преобразовалось в карточную игру. Это была популярная среди хэйанской аристократии, особенно среди женщин, игра с использованием редчайших и диковинных раковинок моллюска *хамагури*, суть которой состояла в подборе двух половинок раковинок, подходящих друг другу по форме, цвету, размеру. В игре участвовало 360 таких раковинок. Игроки садились в кружок, в центре выкладывались концентрическими кругами правые половинки раковинок – *дзикаи* (букв. “лежащие на земле раковины”), обычно 12 штук, затем из специального ящика для хранения ракушек (*каиокэ*), который считался важнейшей принадлежностью в игровом инструментарии хэйанских аристократок, доставали по одной левые половинки – *дасигаи* (букв. “выставляемые раковины”). Нужно было отыскать среди них совпадающие по рисунку с *дзикаи*. Найдя пару, половинками *дасигаи* накрывали (*оу*) половинки *дзикаи*. Отсюда и один из вариантов названия игры – *каиоои* (“накрывание раковин”). Игрок, у которого набиралось самое большое количество совпавших половинок раковин, становился победителем в этой игре.

Игра *каиавасэ* первоначально считалась развлечением, популярным только в аристократических кругах, но в дальнейшем она завоевала популярность и среди самурайского сословия. Ко времени наступления эпохи Эдо (начало XVII в.) эта игра распространялась и среди обычных горожан. Ее содержание слегка видоизменилось. Большим шагом в развитии этой игры стало использование внутренней поверхности раковинок: на нее наносились либо рисунки, либо

части стихотворений. Такое сложение раковинок со стихами в дальнейшем послужило прообразом карточных игр, основанных на знании пятистиший *танка* и поэтических образов знаменитых произведений, таких как “Гэндзи моногатари”, антология “Хякунин иссю” (“Сто стихотворений ста поэтов”) и др. (рис. 1).

Из этих двух развлечений появилась игра *утагаи*, что означает “раковина со стихами”. По аналогии с *каиоои* (“накрывание раковин”), сначала в круг выкладывали правые половинки раковинок (*дзикаи*) с написанными на внутренней поверхности строчками, представлявшими собой заключительную часть стихотворения в жанре *вака*. Затем, держа в руке левые половинки раковинок (*дасигаи*), где были написаны начальные строчки стихотворений, играющие старались из множества ракушек подобрать соответствующие друг другу половинки, чтобы составить стихотворение целиком. Такие пары раковинок ассоциировались с понятием *эммусуби*, т.е. с “соединением судеб” (так назывались прикрепленные к ограде или деревьям на территории храма таблички с именами мужчины и женщины – как залог будущего брака). Надо сказать, что со временем возник даже обычай преподносить их в качестве свадебного подарка. В настоящее время в различных исторических музеях часто устраивают выставки подобных редчайших экспонатов.

С начала эпохи Эдо эти развлечения широко распространились среди простого народа, но с появлением на Японском архипелаге европейцев, а вместе с ними и бумажных карт, которые проще и практичнее, игры с раковинами постепенно были вытеснены. Появились сделанные уже из бумаги поэтические карты *ута-карута* – “карты со стихами” и изобразительные карты *э-карута* – “карты с картинами”.

Что касается формы и вида бумажных карт, то они были чрезвычайно разнообразны. Помимо прямо-



1

2

3

Рис. 2. Поэтические карты ута-гарута.

1 – карта для чтения ёмифуда с полным текстом стихотворения (для ведущего); 2 – карта тори-фуда, на которой нет первой части стихотворения ками-но ку, а есть только заключительная – симо-но ку (для игроков); 3 – турнир по поэтическим картам.



4

5

6

Рис. 3. Карты с пословицами проха-карута.

1 – 3 – карты для чтения ёмифуда с записанными полностью пословицами (для ведущего); 4 – 6 – карты с изображениями (эфуда) начальных знаков и-ро-ха и картинками, иллюстрирующими основную идею пословицы (для игроков).

угольных существовали карты в форме веера, фигуры японских шахмат *сё:ги* (букв. “командовать на доске из четырехугольного куска дерева”), гребенки, в виде цветной бумаги *игромами*, тонких и длинных, а также маленьких бумажных полосок и др. Были и карты на дощечках, называемые *ута-карута* (в настоящее время этот тип существует в виде традиционных карт *кагэцу-фуда* (“карты с луной и цветами”) и *дзю:сюко-фуда* (“карты десяти ароматов”), использующихся в чайной церемонии).

Говоря о традиционных интеллектуальных картах, обычно имеют в виду прежде всего поэтические карты *ута-карута** и карты с пословицами – *ироха-карута*.

Поэтические карты ута-гарута, разработанные на основе широко известной поэтической антологии XIII в. “Хякунин иссю” (“Сто стихотворений ста поэтов”), составленной в русле японских традиций прославленным поэтом и филологом Фудзивара-но Тэйка, всегда пользовались наибольшей популярностью среди карточных игр в Японии. Игра в поэтические карты *ута-гарута* (по одноименной антологии называемые также *хякунин-иссю-карута*), аналогов которой нет нигде в мире, удачно сочетает познавательно-обучающий момент и азарт, удовольствие, свойственные любой игре. Она более всего напоминает лото. Колода состоит из 200 карт: 100 карточек для чтения *ёмифуда* с полным текстом стихотворений в жанре *танка* – для ведущего и 100 карточек *торифуда*, где написана только вторая половина стихотворения, – для игроков (рис. 2, 1, 2). Ведущий зачитывает карточки, а игроки должны быстро подобрать соответствующие им среди своих. С течением времени эта веселая народная игра превратилась в подлинное искусство [Войтишек, 1999, с. 4]. По сию пору в поэтические карты играют в семьях, в основном во время новогодних праздников, когда душа настроена на изысканные и утонченные развлечения.

В преддверии Нового года такие соревнования проводят не только в семьях, но также среди знатоков поэзии и любителей этой игры по всей Японии (рис. 2, 3). На сегодняшний день существует особая коммерческая лига, 50 лучших игроков А-класса которой ежегодно разыгрывают титул *мэйдзин* (“мастер”), а также звания Короля и Королевы.

Карты с пословицами *ироха-карута* (рис. 3), представляющие собой своеобразную антологию мудрых народных изречений, буддийских и конфуцианских афоризмов, – другой популярный и в древности, и в настоящее время вид интеллектуальных игр. Их можно считать упрощенным вариантом поэтических карт *ута-гарута*.

* В японских названиях допускается и озвонченный вариант слова “карта” с редуцированным звуком [у] – *гарута*.

Это карты с изображением начальных знаков японских пословиц и поговорок, соответствующих 48 знакам стихотворного алфавита *ироха*, названного по первым из них: *и-ро-ха* (с одним знаком алфавита соотносилось одно или более изречений). Считается, что поэтический алфавит *ироха* был создан на основе фрагмента санскритского текста из буддийской “Сутры нирваны”. Он имеет вид целого стихотворения, построенного по классической форме японской *танка*, смысл которого сводится к размышлению о бренности земного существования:

<i>Иро ха</i> <i>нико</i> <i>хэдо</i>	Красота сияет. Мир –
<i>тири</i> <i>нуро</i> <i>о</i>	И увяла вся.
<i>вага ё</i> <i>тарэ</i> <i>дзо</i>	В нашем мире что, скажи,
<i>цунэ</i> <i>нара</i> <i>му</i> (<i>н</i>)	Пребывает ввек?
<i>уи</i> <i>но</i> <i>оку</i> <i>яма</i>	Границы мира суеты
<i>кэфу</i> <i>коэтэ</i>	Ныне перейдя,
<i>асаки</i> <i>юмэ</i> <i>мидзи</i>	Брось пустые видеть сны
<i>эхи</i> <i>мо</i> <i>сэдзу</i> (<i>кё:</i>)	И пьянеть от них

(пер. Н. Конрада, цит. по: [Трубникова, 2000, с. 314]).

В дальнейшем возникла своеобразная карточная игра, в которой каждому знаку поэтического алфавита стала соответствовать определенная народная пословица или мудрое книжное изречение.

В XVI в. вместе с культурно-религиозной экспансией европейских миссионеров карты *ироха* превратились в интеллектуальную игру высших социальных слоев Японии, а со второй половины эпохи Эдо (XVIII – XIX вв.), когда европейские карты повсеместно утвердились на островах, карты *ироха* постепенно распространялись и среди простого народа. Они стали пользоваться большой популярностью, поскольку люди быстро оценили их пользу: запоминать знаки алфавита во время игры оказалось самым лучшим способом обучения грамоте, не говоря уже о нравственно-воспитательном значении пословиц. Кроме того, со временем своего появления стихи *ироха* сами по себе использовались в качестве прописей и материала по чистописанию. Недаром в японском языке наряду с названием *ироха-ута* (“стихи *ироха*”) сохранился термин *тэнараи-ута*, что означает “стихи для чистописания”, “стихи для упражнения в каллиграфии”.

Система карт с элементами заимствования

В настоящее время все еще остается до конца невыясненным вопрос, когда точно в Японии появились “западные” карты. Однако, судя по многочисленным литературно-историческим источникам, их появление связано, очевидно, с проникновением в XVI в. на Японские острова испано-портugальских миссионеров и торговцев. Само слово *карута* (с редуцирован-



Рис. 4. Первые “западные” карты, появившиеся на Японском архипелаге в XVI в. (масти: “мечи”, “жезлы”, “кубки” и “золотые монеты”).

ным звуком [у] и ударением на первом слоге), по-видимому, произошло от португальского *carta* и довольно быстро адаптировалось в японском языке, в целом не воспринимаясь как заимствованное.

Первые карты, которые стали выпускать в Японии с приходом “южных варваров” (так в средние века называли испанцев, голландцев, португальцев, а также жителей Индокитая, Индонезии и Филиппин), изготавливали в местечке Микэ (сейчас г. Омута) на о-ве Кюсю (рис. 4). Связано это было с тем, что многие феодальные князья *daimё*, владеющие поместьями на Кюсю, относились весьма благосклонно к контактам с иноземцами. Поскольку тогда в местечке Мидзогути (сейчас г. Тикуго) на берегу р. Ябугава производили бумагу, именно там она и была легкодоступна. Север Кюсю в те времена считался местом средоточия христианских миссионерских школ. Через Запад приходили типографские машины и шрифты, что способствовало росту книгопечатания. Кроме того, войска Тоётоми Хидэёси, одного из трех великих феодальных объединителей Японии, посланные в Корею, привезли оттуда свои шрифты, что тоже послужило мощным стимулом к развитию печатания книжной и бумажной продукции на севере Кюсю [Ватанабэ Кацудзиро, 1992, с. 203 – 208].

Несмотря на определенную популярность “западных” карт, спустя некоторое время возникла потребность в таком типе *моноавасэ*, который бы отражал своеобразный японский дух и национальный колорит, поэтому было придумано множество особых карт. К ним можно отнести *тэнсё:-карута*, *унсун-карута* и некоторые другие. Первыми картами, напечатанными в упомянутом местечке Микэ и распространившимися на о-ве Кюсю, были *тэнсё:-карута*. Роскошно сделанные, часто на щегольской манер, они использовались в основном самураями и высшей знатью. На первых порах служившие для отдыха, развлечения и удовольствия, постепенно карты стали оказывать де-



Рис. 5. Первые японские карты в “западном” стиле – *тэнсё:-карута*: “король”, “королева” и “дракон”. Во внешнем облике карт просматривается влияние испано-португальских мотивов.

морализующее влияние на дух войск, поэтому через некоторое время как шумная и азартная игра были запрещены.

Несмотря на запреты, в дальнейшем, в течение всего мирного правления династии Токугава, время от времени наблюдался взлет популярности карт. Их производство переместилось в Киото, а затем в Осака и Эдо (старое название Токио). С распространением карт среди простого народа их стали выпускать не в таком роскошном виде, как первоначально в Микэ. Они изготавливались в более грубой манере; оборотную сторону карт делали из тонкой бумаги черного или коричневого цвета, а лицевую поверхность обрабатывали лаком и каolinом. Такой способ изготовления сохранился и до наших дней.

Тэнсё:-карута (рис. 5), как и европейские карты, состояли из четырех мастей: *коппу* – “чашечки для сакэ”, или “кубки”, *ору* – “монеты”, *хай* – “жезлы” и *ису* – “мечи”. Что касается стоимости карт, то назначались очки от 1 (*пин* – от португальского *pinta* “номер первый”) до 12 (*кири*)^{*} в соответствии с 12 разрядами карт, старшие из которых назывались “монах” (10 очков), “всадник” (11) и “военачальник с мечом” (12 очков). В колоде было 48 карт, по 12 каждой масти. На карте, соответствующей тузу, изображался дракон, поэтому она называлась *дорагон-ка:-до* (“карта с драконом”). В настоящее время изображение дракона используется в японском варианте бриджа в качестве “рубашек”, т.е. оборотных сторон карт [Мацуумура Юдзи, 1995, с. 197].

Поскольку карты *тэнсё:* переворачивали одну за другой, то их называли еще и *мэкури-карута* (от слова *мэкуру* – “перевертывать, перелистывать”). В некоторых источниках упоминаются *кабу-фуда*,

* Выражение “пин-кара кири мадэ” – “от пин до кири”, т.е. “от начала до конца”, сохранившееся в японском языке, как раз связано с этой игрой.

т.е. карты *кабу* – один из видов мэкури-карута [Illustrated Encyclopedia..., 1984, с. 735].

На смену картам *тэнсё*: пришли унсун-карута (рис. 6). Бытует мнение, что свое название – *ит sum(mo) carta* – они получили из португальского языка: *ит* означает “один”, *sum(mo)* – “наивысший, наилучший” [Кодзиэн, 1984, с. 245].

В картах *унсун*, по сравнению с *тэнсё*-карута, со временем добавилась еще одна масть, количество карт в колоде возросло до 75. В каждой масти было шесть сюжетных карт *эфуда* (т.е. “карты с картинками”): *коси* (“король” = “князь” = “воин”), *ума* (“всадник на лошади”), *хай* (“дракон”), *со:ма* (“королева”), *ун* и *сун*. Рисунки на картах *ун* представляли пять богов счастья: Дайкоку (бог богатства), Дарума (Бодхихарма, основатель религии дзэн), Хотэй (бог изобилия), Эбису (бог богатства и торговли), Дзюродзин (бог долголетия). На карте *сун* было изображение знатного китайца в черном головном уборе. По внешнему виду карты *унсун* существенно отличались от *тэнсё*-карута: рисунки в основном приобрели японские черты (кое-какие масти остались неизмененными – например, “мечи” и “жезлы” сохранили свой прежний архаический вид) [Мацуумура Юдзи, 1995, с. 198]. Можно сказать, что в структуре, и в дизайне карт *унсун* есть некоторые изменения в сторону упрощения и абстракции. Видимо, это было связано с желанием увлеченных картами людей по мере запрещения азартных игр скрыть от цензуры как можно больше заложенной в картах информации и тайком играть в них.

Действительно, с повсеместным распространением карт в качестве азартной игры начиная с середины XVII в. регулярно выходили запрещающие их указы. По некоторым источникам, *унсун-карута*, соединяющие в себе иностранные и собственно японские черты, были придуманы именно с целью обхода запрещающих директив [Ватанабэ Кацудзиро, 1992, с. 206]. В современном языке до сих пор сохранилось выражение “ун-томо сун-томо иванай”, что буквально означает “не говори ни *ун*, ни *сун*” – иносказательное предостережение держать язык за зубами при игре в карты, соблюдать осторожность и быть начеку. В конце XVIII в. *унсун-карута* оставались официально запрещенными. (В наши дни эти карты нередко демонстрируются на различного рода выставках на о-ве Кюсю в качестве культурной ценности всей префектуры.) В связи с этим в целях определенной конспирации в годы Тэмпо и Бунсэй, т.е. примерно в 1818 – 1843 гг., были изобретены цветочные карты *хана-карута* (или *ханафуда*), которые сумели вобрать в себя своеобразие японского национального духа и стать поистине любимым развлечением обычных людей.



Рис. 6. Японизированные “западные” карты унсун-карута.

Цветочные карты *ханафуда*

Содержание этих карт совершенно отличалось от того, которое было свойственно всем картам “южных варваров”. Несмотря на свой абсолютно японский стиль, цветочные карты генетически связаны с *тэнсё*-карута, а потому эта игра не лишена азартности. С наступлением эпохи Мэйдзи (1868 г.) продажа карт хотя и была все еще официально запрещена, но постепенно с введением специального налога стала открытой. Цветочные карты, являющиеся своеобразным национальным шедевром в коллекции карточных игр всего мира, благополучно просуществовали до наших дней и до сих пор пользуются заслуженной любовью японцев. Отражая особые поэтические чувства японского народа к луне, цветам, растениям и животным, они имеют особенный дизайн. Учитывая, что с давних времен среди общественных деятелей Японии была широко распространена игра по сопоставлению цветов и птиц (*хандори-ториавасэ*), можно считать цветочные карты неким смешением японских традиций и тех культурных инноваций, которые появились под влиянием “южных варваров”.

К сожалению, ничего не известно о создателе этих карт, да и вряд ли правомерно в данном случае говорить об одном человеке. Цветочные карты – выдающееся поэтическое творение коллективного гения японского народа, они дают полное представление о чувственном восприятии всех четырех сезонов года в художественно-поэтической традиции Японии. В этих картах, на которых изображены ветер, луна, цветы, животные, птицы и где можно найти намеки на исторические предания и легенды, отражаются вся прелест утонченного восприятия жизни и понимание ее естественного течения, чувствуются подлинная любовь японцев к природе, глубокие переживания человека, ощущающего себя частью единого и великого целого.



Рис. 7. Цветочные карты ханадура.

1 – февраль – слива ("Соловей на сливе"); 2 – март – сакура ("Занавес на сакуре"); 3 – август – мискант ("Луна над мискантом");
4 – сентябрь – хризантема ("Чашка сакадзуки в хризантемах"); 5 – октябрь – клен ("Олень в кленах");
6 – ноябрь – ива ("Митикадзэ в ивах").

Что касается внешнего вида карт, то в этом отношении не было никакого заимствования или влияния других, известных за границей видов карт. Цветы и птицы четырех времен года, *тандзаку* со стихами (*тандзаку* – продолговатый лист бумаги для написания стихов в жанре *танка*), специфические образы – все это является чисто национальным японским явлением. В том виде, в котором цветочные карты дошли до нас, они представляют собой колоду из 48 карт с изображениями растений, соответствующих четырем сезонам 12 месяцев года: сосны, сливы, сакуры, глициний, ириса, пиона, леспедезы, мисканта, хризантемы, клена, ивы, павлонии (рис. 7).

Как считают некоторые исследователи, к картам *ханадура* имеет непосредственное отношение поэтический календарь уже упоминавшегося Фудзивара-но

Тэйка, изложенный им в поэме 1214 г. "Стихи о цветах и птицах двенадцати месяцев" [Носовский, 2001, с. 203].

Не вызывает никаких сомнений, что цветы и деревья, изображенные на картах *ханадура*, выбраны далеко не случайно; в традиционной культуре Японии на протяжении многих столетий все они значили неизмеримо много и сейчас продолжают играть огромную роль. Это в равной мере касается повседневной жизни и традиционных народных праздников, синтоистско-буддийской культовой обрядности, литературы и искусства – словом, всех тех сфер, в которых отражаются представления японцев о чувственном восприятии четырех сезонов года во всем их многообразии.

Например, на картах, соответствующих февралю, изображены ветки цветущей сливы; на самой доро-

гой из них карте нарисован еще и соловей, что неслучайно: февраль – время цветения сливы, в эту пору раздаются первые трели соловья, являющегося традиционным поэтическим олицетворением весны.

В марте цветет сакура, национальный символ Японии; занавес, изображенный на карте, подчеркивает пышность пиршества во время *ханами* – церемонии любования цветами.

Осень издавна была богата праздниками, связанными с культом природы. В полнолуние устраивали празднества при лунном свете и благодарили богов за хороший урожай (церемония *цукими* отражается на картах, соответствующих августу – мисканту). Осеню любовались алыми листьями клена, а вместе с ними и оленями, бродившими в кленовых зарослях (в картах это октябрь – клен). Праздник хризантемы приходился по традиции, пришедшей из Китая, на девятый день девятого месяца (в картах: сентябрь – хризантема). Существовал, в частности, ритуал преподнесения друг другу в этот день чашечек *сакэ* с накрошенными в них лепестками хризантемы, что было пожеланием долголетия и залогом предотвращения несчастий. Этот ритуальный напиток назывался *кукумисакэ*, что переводится как “*сакэ* для любования хризантемой”, или *кукусакэ*, *кукуханасакэ* – “ритуальное *сакэ* с лепестками хризантемы”. На самой дорогой карте, соответствующей сентябрю, изображена такая чашечка *сакэ* рядом с хризантемой.

Сюжет на карте, соответствующей ноябрю – иве, связан с легендой о знаменитом поэте Оно-но Митикадзэ (или Оно-но Тофу) (896 – 966), который считается и одним из трех великих мастеров каллиграфии эпохи Хэйан, наряду с Фудзивара-но Юкинари и Фудзивара Сукэмаса. Отказавшись от подражания китайской манере письма, он создал классический японский каллиграфический стиль, не утративший своего влияния вплоть до наших дней. Сохранилась легенда, повествующая о том, что как-то раз, гуляя в саду под дождем, Оно-но Тофу увидел, как лягушка изо всех сил старается запрыгнуть на ветку ивы, свисающую над землей. Упорство лягушки произвело на него большое впечатление, и, ободренный, он сам воспринул духом: если уж маленькая лягушка показывает чудеса упорства и настойчивости, то человеку тем более следует всегда неуклонно добиваться своей цели. На карте изображен Оно-но Митикадзэ, гуляющий под дождем в зарослях ивы и увидевший, как до свисающих листьев ивы пытается допрыгнуть лягушка [Гакусю..., 1983, с. 71].

Следует отметить, что в большом числе случаев значение того или иного растения в японской духовной культуре было предопределено поистине колоссальным комплексом традиций, заимствованных Японией у своего великого соседа Китая. Это обусловлено историей их многовековых контактов и той ролью, которую на протяжении тысячелетий играла китайская цивилизация в культурах сопредельных террито-

рий. Творчески переработав и развив заимствованные элементы, коллективный гений японского народа создал свой особый мир художественного восприятия действительности, до сих пор не перестающий удивлять тех, кто к нему прикасается.

Современные карты

Надо сказать, что сама идея карт, основанных как на традиционной, исключительно японской линии развития, так и на линии развития с элементами заимствования, оказалась чрезвычайно плодотворной и привлекательной для японского национального духа. В настоящее время в Японии найдены новые интересные формы обучающе-познавательного процесса.

Традиционные карточные игры. Помимо хорошо известных и исторически закрепленных в духовной культуре Японии карт с пословицами, поэтическими и цветочными, на их основе изобретены новые. К ним можно отнести следующие карты:

– развивающие идеи поэтических карт *ута-карута* (*Басё-таби-карута* – “Карты путешествий Басё” (рис. 8, 1); *Мэйку-карута* – “Карты со знаменитыми трехстишьями хайку” и др.);

– созданные на основе поэтического алфавита *ироха* (*О-бакэ-карута* – “Карты с оборотнями”; *Дзёмо-карута* – “Карты префектуры Гумма” (рис. 8, 2) и др.);

– развивающие идеи цветочных карт *ханафуда* (*Хана ка:до* – “Карты с цветами” (рис. 8, 3); *Хана то ки ка:до* – “Карты с цветами и деревьями” и др.);

– с иероглифами *дзи-карута* (*Бусю-тораму* – “Карты с иероглифическими ключами”; *Кандзи на-ритати-карута* – “Карты по происхождению иероглифов” (рис. 8, 4); *Надзонацо-карута* – “Карты с загадками” и др.);

– на дощечках *ита-карута* (*Кагэцу-фуда** – “Карты с луной и цветами” (рис. 8, 5); *Дзю:сюко-фуда* – “Карты десяти ароматов” и др.).

Карты *ута-карута*, *ироха-карута*, *хана-карута* до сих пор сохраняют статус традиционных, знакомых каждому японцу игр, хотя в настоящее время их роль

* Название карт образовано из иероглифов “цветы-луна”. Примечательно, что первые три символа на картах (рис. 8, 5, а – в) вместе составляют одно из центральных понятий японского изобразительного искусства и эстетики культуры средневековья – *сэцугэнка* (“снег, луна, цветы”), которое обозначает “сезонные красоты” и соответствующие им душевые состояния и настроения.

Игра в такие карты – своеобразное театрализованное представление: в соответствии с вытянутыми картами участники действия делятся на тех, кто заваривает чай, и тех, кто его пьет. Обе группы, соблюдая принятый в этом случае строгий ритуал, синхронно выполняют ритмичные танцевальные движения, имитируя выполнение всех необходимых манипуляций во время чайной церемонии.



Рис. 8. Современные традиционные карты.

1 – *Басё-тайбэй-карута* – “Карты путешествий поэта-странника Басё”: а – карточка для чтения ёшифуда (для ведущего) с одним трехстишием *хайку*, принадлежащим перу Басё (*Кику-но ка я / Нара-нива фуруки / Хотокэ-тати* – “Аромат хризантем / В капицах древней Нары / Темные статуи будд” (пер. В. Марковой)), мелким шрифтом идет описание парка в Наре со статуями будд; б – карточка эфуда (для игроков) с изображением фрагмента парка и названием места (Нара), где побывал поэт; 2 – *Дзёмо-карута* – “Карты префектуры Гумма”: а – карточка для чтения ёшифуда (для ведущего), содержащая наблюдение географического характера: (*Цурунау катати-но гумма-кэн* – “Префектура Гумма по форме напоминает танцующего журавля”); б – карточка эфуда (для игроков) с изображением 19-го знака алфавита ироха “*Цу*”; 3 – *Хана-ка:до* – “Карты с цветами”: а – карточка для чтения ёшифуда (для ведущего) с описанием внешнего вида ириса *аямэ* (*Ханабира-но аямэ мое:га о-сирэна аямэ* – “Плетеный узор лепестков кокетливого ириса”); б – карточка эфуда (для игроков) с изображением ириса *аямэ* и соответствующего (первого) знака алфавита *годзион* “*А*”; 4 – *Кандзи паритати-карута* – “Карты по происхождению иероглифов”: а – карта торифуда (для игроков), на которой в наглядной форме показан порядок трансформации рисунка-идеограммы в иероглиф со значением “женщина”, б – карта ёшифуда (для ведущего) с версией объяснения составных частей знака, изображением самого иероглифа и вариантами его чтения (*Наёнаёсита онна-но хито-но карада-но катати* – “Форма очень женственной позы, которую принимает женщина”, иероглиф “женщина” – *онна*, *дзё*); 5 – *Кагэцу-фуда* – “Карты с луной и цветами”: а – в – иероглифы “цветок”, “месяц”, “снег”, г – к – иероглифы с числительными от единицы до семи, л – оборотная сторона карты с изображением сосны – многозначным и освещенным японской традицией образом.



Рис. 9. Образовательные карты «*е-нку-коцуто*

1 – карты с гравюрами уки-э («*Ukiyoe playing cards*»), представляющие творчество признанных мастеров жанра зодчих Токугава (XVII в.) – Хомусай, Хиронити, Кунисада, Эйсана, Коёнаги, Утамаро, Сираку, Эйси; 2 – оригинальные карты Юмаэзиро («*Оригиналы японского-торадзу*»), представляющие творчество известного художника начала XX в. Такахиса Юмаэзиро, прославившегося сериями женских портретов; 3 – карточная игра “космос” («*Уто: ка:до эхину*»), знакомящая играющих со всеми планетами, с Солнцем, Луной в разных состояниях (например, фазы и затмения), с такими небесными телами и явлениями, как метеориты, мимезиды, черные дыры; 4 – карты путешествия по Абасири («*Абасири ханко:-корнга*»), знакомящие туристов с историей, природой и культурой местности Абасири – обширным районом самого большого острова Японии Хоккайдо; 5 – карты со знаменитыми замками Японии («*Нихон-но кэйдзэ:-торадзу*»), рассчитанные на любителей японской истории, поскольку с каждым феодальным замком Японии связано много преданий и исторических событий (замки Матсумэ-яэ и Ако-яэ).

заметно снизилась. При объективной оценке ситуации не стоит сбрасывать со счетов реалии современного мира: технические, и прежде всего компьютерные, достижения дают новые возможности. Несколько лет назад были созданы компьютерные версии игр в карты с пословицами *ироха*, поэтические, цветочные. Новости из профессиональной лиги игроков, участвующих в ежегодных розыгрышах призов в каждом виде традиционных карточных игр (а такие существуют повсеместно в Японии), теперь можно узнать через всемирную сеть Интернет. Кроме того, в настоящее время в Интернете существуют постоянные сайты, информирующие о положении дел в карточных турнирах, в клубах карточных фанов и т.д. В связи с этим новым техническим фактором в перспективе существует реальная угроза настоящим, не виртуальным картам быть вытесненными с культурно-исторической арены.

Карты с элементами заимствования. В настоящее время в Японии наряду с традиционными выпускается огромное количество карт европейского образца. При этом заимствование касается, как правило, внешней формы: карты снабжены принятыми во всем мире значками (♣♦♥♠), обозначающими масти, что, по-видимому, с одной стороны, подразумевает хорошее знание японцами основных способов игры в европейские карты, с другой – провоцирует интерес иностранцев как потенциальных покупателей этой продукции. Кроме того, японцы активно используют принятые во всем мире внешнее оформление карт, чтобы популяризировать свою национальную культуру (например, карты по феодальным замкам, карты с японскими гравюрами и многие другие).

Элементы заимствования могут быть и в содержании, когда пропагандируемая область знания не является специфической для восточной культуры. Это т. н. *кё:ику-карата* – “образовательные карты”: по литературе, родному языку, фольклору, географии, истории, искусству, культуре, химии, астрономии и т.д. (рис. 9). Все они основаны на наглядном методе подачи материала, что чрезвычайно широко используется в педагогической практике в современных образовательных учреждениях Японии.

Заключение

Как можно заметить, фантазия создателей различных видов карт поистине неисчерпаема, темы и идеи таких развивающих игр бесконечны. По-видимому, само многообразие жизни предоставляет людям этот неиссякаемый источник творческого вдохновения и фантазии, побуждает их к образному осмыслению окружающей действительности, которое может вы-

ражаться, в частности, в таких формах “изящных развлечений”, какими являются японские карточные игры.

Безусловно, создание новых видов карт, основанных на традиционных интеллектуальных развлечениях, базируется на понимании роли поэтических, цветочных карт, карт с пословицами *ироха* в истории культуры народов Восточной Азии, на осознании их большого значения в духовной культуре Японии и влияния на ее развитие. Умение играть в японские интеллектуальные карточные игры подразумевает владение культурно-историческим контекстом и знание большого количества обычаев, касающихся материальной и духовной жизни японского народа и складывающихся на протяжении нескольких столетий.

В целом развитие карточных игр в XX в. шло и продолжает идти в русле тенденций, заложенных на предыдущих этапах. Пожалуй, как и раньше, можно говорить о существовании двух карточных систем – традиционной и с элементами заимствования, – что, с одной стороны, подтверждает общеизвестное мнение об устойчивости и преемственности традиций в культуре Японии, а с другой – свидетельствует о восприимчивости японцев ко всему новому и о стремлении адаптировать применительно к своему менталитету все то лучшее и интересное, что было выработано другими культурами в процессе познания окружающего мира. Возможно, в этом тоже оказывается упомянутый выше важнейший эстетический критерий *моно-но аварэ* – “очарование вещей”, который пронизывает всю традиционную японскую культуру и подразумевает постоянные поиски прекрасного в жизни.

Список литературы

Боронина И.А. Классический японский роман. – М.: Наука, 1981. – 293 с.

Ватанабэ Кацуудзиро. Ками-но хакубуцуши. Асоби то сэйкацу бунка (История сведений о бумаге. Игра и бытовая культура). – Токио: Сюпплан ньюсу-ся, 1992. – 210 с. (на яп. яз.).

Ватанабэ Хироси. Торампу. Ханафуда. Хякунин иссю (Европейские карты. Цветочные карты: Антология “Столиц стихотворений ста поэтов”). – Токио: Икэда сётэн; 1969. – 148 с. (на яп. яз.).

Войтишек Е.Э. Карты “ироха”: Старинная интеллектуальная японская игра. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – 78 с.

Гакусю дзиммэй дзитэн (Учебный словарь имен). – Токио: Фудзи кёiku, 1983. – 400 с. (на яп. яз.).

Гришелева Л.Д. Формирование японской национальной культуры. – М.: Наука, 1986. – 282 с.

Кодзиэн (Энциклопедия Кодзиэн). – Токио: Иванами-сётэн, 1984 (на яп. яз.).

Мацуумура Юдзи. Хякунин иссю: Тэйка то карута-но бункаси (Антология “Столиц стихотворений ста поэтов”: Роль

Тэйка и карт в истории литературы). – Токио: Хэйбося, 1995. – 222 с. (на яп. яз.).

Носовский А.М. Японские логические игры. – М.: Астrelъ, 2001. – 223 с.

Трубникова Н.Н. Различие учений в японском буддизме IX в.: Кукая [Кобо-Дайси] о различии между тайными и явными учениями. – М.: Россспэн, 2000. – 368.

Illustrated Encyclopedia Daitoten-Wiew (Иллюстрированная энциклопедия Дайтотэн-Вью). – Токио: Коданся, 1984. – 1668 с. (на яп. яз.).

Материал поступил в редакцию 8.07.02 г.

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

ЛЮДИ НА ГРАНИЦЕ

Сибирь, открытая миру несколько столетий назад, остается во многом неизведанной и ныне. На протяжении последних столетий этот макрорегион являлся зоной активного взаимодействия народов, культур, религий. Его вхождение в состав России, начавшееся в XVII в., завершилось лишь в XX в. с вступлением в СССР Тувы. Сложное переплетение административных границ, эколого-культурных зон и языковых ареалов определило этнокультурную карту современной Сибири.

Ситуация “культурного пограничья” стала сюжетом международной фотоэкспедиции по Сибири, состоявшейся в июне 2002 г. Организаторами проекта выступили Институт “Открытое общество” (Новосибирск), Фонд Юрия Кондратюка (Новосибирск), фонд “Объективная реальность” / Photographer.ru (Москва), Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). Фотоэкспедиция “Люди на границе” стала первым проектом долгосрочной программы фотоисследований народов Евразии, результаты которой были представлены на фестивале этнических культур “Живая вода” на Алтае (Новосибирск – Чемал, 16 – 21 июля 2002 г.), на сайтах организаторов экспедиции, а также на выставках 2002 г. в Новосибирске, Горно-Алтайске, Красноярске и Москве. В экспедиции приняли участие ведущие мастера репортажной фотографии: Хайди Брэднер/Heidi Bradner (Лондон), Владимир Дубровский (Новосибирск), Сергей Ильинецкий (Москва), Андрей Кобылко (Новокузнецк), Александр Кузнецов (Красноярск), Александр Сорин (Москва). Полигоном проекта были выбраны: Алтай, Хакасия, Горная Шория, Тува – Саяно-Алтайский регион – столь же проблемный в социальном плане, сколь и интересный для серьезной фотопроптерской работы. Экспедиция была ориентирована на создание средствами документальной фотографии портрета полигэтничного сообщества, освоившего пространства у азиатских границ России. Ее идеологию определило стремление к постижению основ бытия пограничного региона в современном контексте.

Создание национальных государств на юге Сибири в последнее десятилетие минувшего века разделило народы, соседствующие друг с другом на протяжении трех веков, на коренное население и мигрантов, на титульные народы и национальные меньшинства.

В Республике Алтай на момент ее провозглашения в 1991 г. проживало 190,8 тыс. представителей разных национальностей. При доминировании русского этноса коренное население составляло около 30%. Программные документы республики декларировали национальную государственность, выражавшую волю и интересы проживающих на ее территории народов к самоопределению, социально-экономическому прогрессу, культурному и духовному возрождению; было признано равенство русского и алтайского языков во всех сферах жизни.

Сложным оказалось положение внутри титульного этноса Алтая. К началу XXI в. он перестал существовать как единое целое. Образующие его субэтносы получили статус автономных народов. С 1926 г. до недавнего времени носители этнонимов кумандинцы, челканцы, тубалары, теленгиты и телеуты не учитывались при переписи населения; они были причислены к алтайцам. Сегодня унификация культурных стандартов сменяется полифоничностью, хотя межэтнический диалог носит зачастую конфликтный характер.

Современная Сибирь остается зоной стабильности, но внешне спокойная обстановка порой скрывает внутреннюю напряженность. Показательна история Республики Тыва: в 1990 – 1992 гг. в приисковых заводских поселках и городах вновь провозглашенного государства, где проживали и русские, и тувинцы, были спровоцированы межэтнические столкновения, принявшие форму русских погромов. Усилиями властей конфликт был урегулирован, однако начался мощный исход русских за Саяны. В 1989 г. из республики, где насчитывалось 308,5 тыс. чел., выехало 6 420, в 1990 г. – 15 420 чел., в основном русскоязычные специалисты. В 2000 – 2001 гг. этот процесс не прекратился. Республику Тыву покидают учителя и врачи, старообрядческие общины, освоившие этот регион еще в XVIII в.

Сложной оказалась ситуация в Республике Хакасии, обладающей богатейшим природным и историко-культурным наследием, современным промышленным потенциалом. В 1989 г. здесь проживали представители более 100 национальностей – 566 861 чел., при этом коренное население составляло 11%, а политические стандарты были ориентированы на этнонациональную доктрину.

Современная ситуация в Саяно-Алтае дает социально-значимый материал для исследовательских журналистских и фотопроектов. Жизнь на границе, на стыке культур, языков, религий, на стыке традиционной культуры и технократической цивилизации стала реальностью для многих этнических групп региона – алтайских казахов, русских старообрядцев, кумандинцев, шорцев, туба, челяканцев и других. Однако огромный объем информации, формирующийся на стыке документа, современного искусства и средств массовой информации, находится вне общественного фокуса. Современная фотография Южной Сибири по-прежнему отражает экзотическую этноэстетику.

Попыткой реалистического прочтения повседневной жизни полигэтничного региона стала фотоэкспедиция по линии границы. За три недели экспедиции было пройдено более 7 тыс. км по Алтаю, Туве, Хакасии, Шории, Кузбассу. Фотодокументация, отображающая состояние пограничных культур, составила более тысячи рабочих кадров, каждый из которых –

живое свидетельство “объективной реальности”. Серьезное исследование в жанре документальной фотографии позволило создать обобщенный социально значимый визуальный документ, рассказывающий о жизни тех, кто находится на границах II и III тысячелетий, на границе прошлого и будущего. Однако приверженность традиционным ценностям не означает изоляцию. Диалог определяет существование современного полигэтничного сообщества; диалог является главным условием преодоления границ, созданных в политике, культуре и жизни между людьми и народами. Этот вывод и является главным итогом фотоэкспедиции.

И.В. Октябрьская, В.В. Кламм,

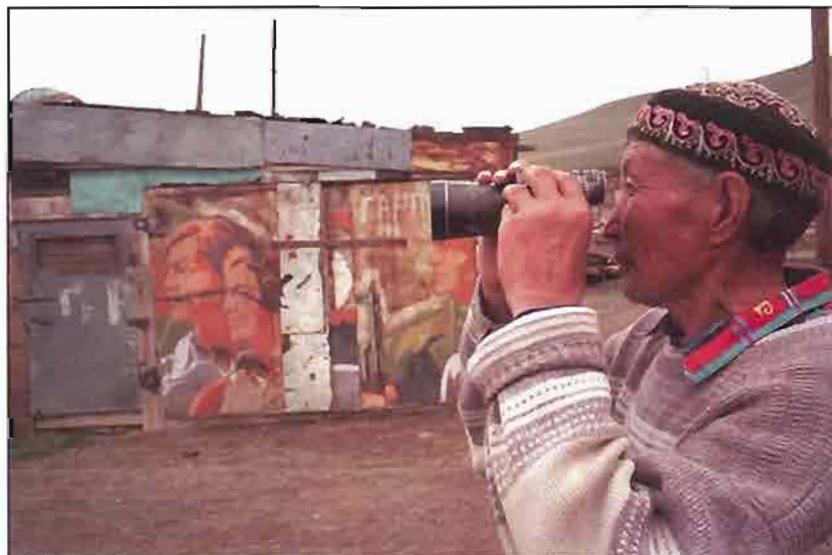
А.В. Шаповалов, Е.Г. Фактор

Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17. Новосибирск

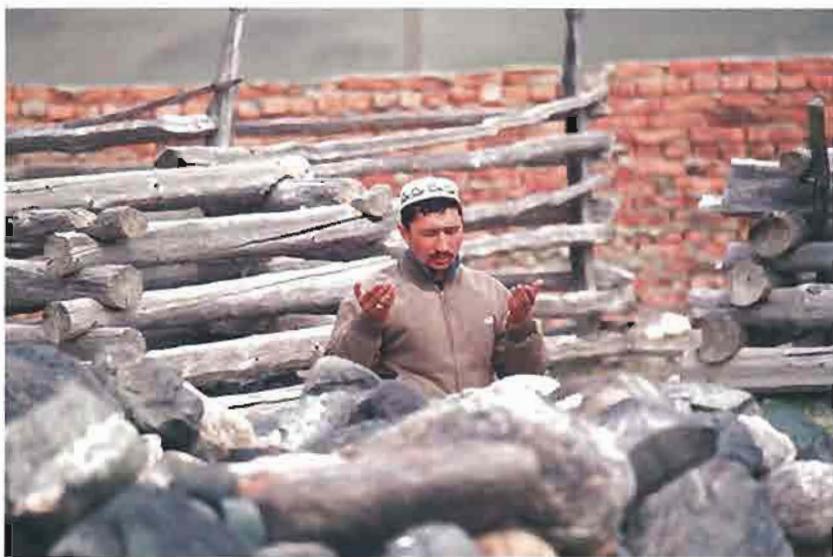
630090, Россия

E-mail: oktyabr@archaeology.nsc.ru



I. Хайди Брэднер. На границе живут пастухи
пос. Ташанта, Кош-Агачский р-н, Республика Алтай

Фоторепортаж начинается с границы. Россия начинается с Ташанты – с таможни в маленьком поселке из нескольких десятков домов за районным центром Кош-Агач в высокогорной степи на границе России, Монголии, Китая и Казахстана. В Ташанте живут в основном казахи. Крохотная мечеть притягивает у контрольно-пропускного пункта. Вдоль дороги стоят незатейливые постройки; ходят женщины в камуфляже; на Чуйском тракте у границы дети играют в футбол. Каждое утро на дороге выстраиваются вереницы машин: люди едут в Россию, Монголию. Границы существуют, чтобы их можно было пересекать.



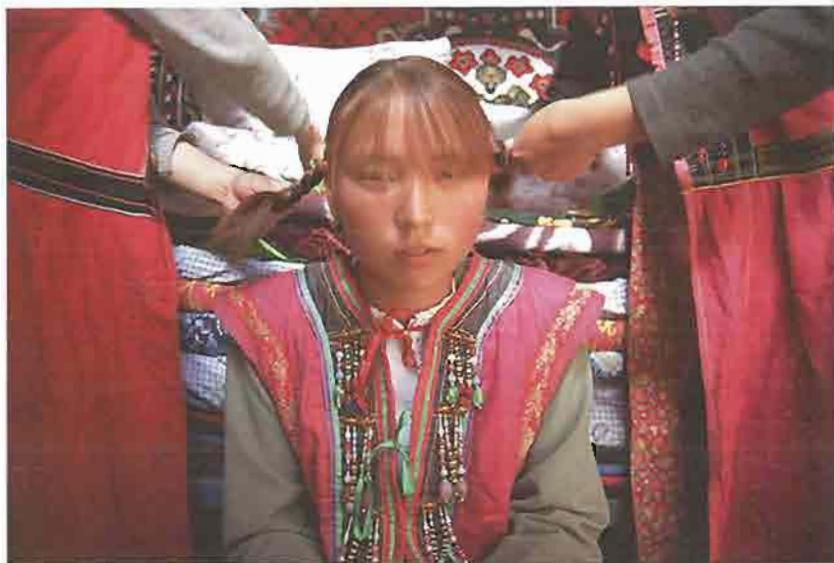
2. Александр Кузнецов. Амангельды Кобдобаев – имам Республики Алтай с. Жана-Аул, Кош-Агачский р-н, Республика Алтай

Верность роду, памяти, предкам – тема казахских репортажей. На протяжении XIX в. казахи активно проникали в пограничную зону Алтая. К концу столетия, потеснив теленгитов – коренных жителей высокогорья, они освоили Чуйскую степь. В Республике Алтай насчитывается около 10 тыс. казахов, они занимают лидирующие позиции в Кош-Агачском р-не. Сегодня это третий по численности этнос молодого государства. Символом права на завоеванную родину становятся мечети, которые возводят в высокогорной степи. Одна из них построена у внешних границ республики – рядом с таможенным постом в с. Ташанта Кош-Агачского р-на.



3. Александр Кузнецов. Дастанхан. Казахские поминки на 7-й день с. Кош-Агач, Кош-Агачский р-н, Республика Алтай

Казахи, трепетно относясь к человеческой жизни, мерилом ее ценности считают смерть. Посмертные церемонии определяют место человека среди живых. Год после смерти казахи поминают своих покойных. В седьмой и сороковой день они совершают поминальные ритуалы. По истечении года приносят последнюю жертву. Оглаки умершего у опустевшей постели, сказав священные слова, седло, шапку, чапан, плеть покойного водрузят на коня, и снова надрывно прочитают над конем. А потом совершают прощальную тризну, и конь раздегут судьбу хозяина. В сюжетах, отснятых на казахских поминках, в домах и на кладбищах нет безнадежности конца, есть тема продолжения жизни, памяти, истории и культуры.



4. Андрей Кобылко. Теленгитская свадьба в степи
стоянка Чаган-Боргузы, Кош-Агачский р-н, Республика Алтай

Репортажи о текущих событиях лета 2002 г. превращаются в размышления на вечные темы о добре и вере. О любви, семье, народе рассказывают кадры, отснятые на теленгитской свадьбе в Чуйской степи, в Кош-Агачском р-не Республики Алтай. Вот выкупают приданое, вот стягивают постель, вешают свадебную занавеску. Уже веселые сваты отправляются за невестой. Далеко за юртой в ложбинке терпеливо ждет судьбы девочка в зеленом костюмчике, босоножках на шпильках и носочках с зайчиками. Потом по обычаям ее наряжают в чегедек – женский свадебный костюм, за занавеской расчешут волосы, заплетут две косы, “угосят” огонь, повесят белый отрез на фотографии родственников, поставят водку и, отбросив плетью занавеску, откроют лицо и примут новую сноху в род мужа.



5. Сергей Ильинский. Прорицательница Ак-тян – Белой Веры Алтая
с. Кулада, Онгудайский р-н, Республика Алтай

В культурном пространстве современного Алтая соседствуют традиционные и новые религии. Тема выбора веры, духовных и культурных исканий стала сквозной в репортажах из Саяно-Алтайского пограничья. Сегодня в этом регионе активно формулируются постулаты новых религий. На Алтае продолжается процесс становления Белой Веры. Материнское село Кулада Онгудайского р-на Республики Алтай превращается в сакральный центр, где торжат священные традиции нового вероучения нескольких прорицателей: в их откровениях политические константы российской государственности соединяются с традициями поклонения стихиям. На границах старой и новой веры возникает сложный синтез образов, идей, представлений. Внутренний диалог разворачивается в культуре. Диалог определяет будущее полигэтничного сообщества.



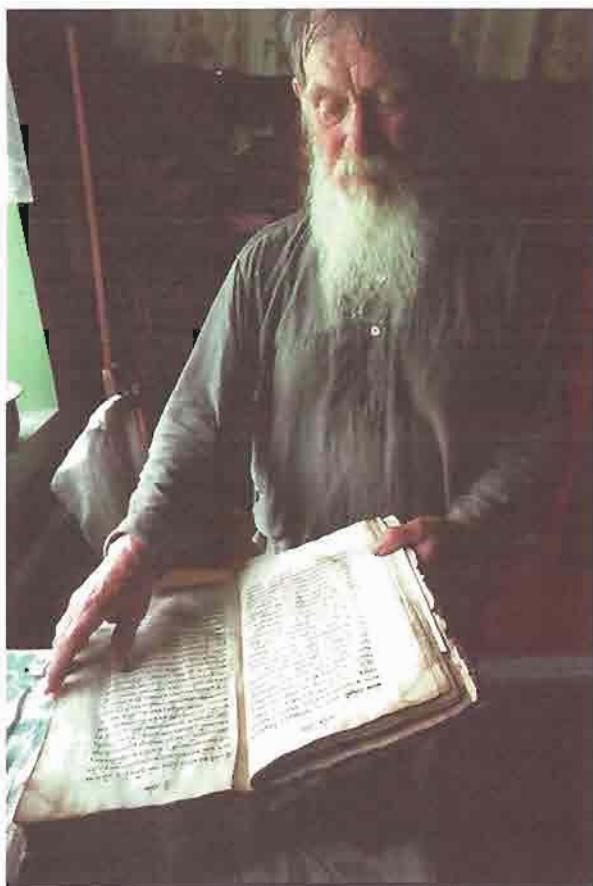
6. Александр Сорин. Эмегедеры – домашние духи-покровители в доме Анны Кирилловны Алагызовой
с. Шанда, Беловский р-н, Кемеровская обл.

Для телеутов – коренного народа Кузбасса – проблема границы в борьбе решена в пользу взаимодействия: эмегедеры – домашние духи покровители – хранятся в каждом доме вместе с иконами, оберегая хозяев от бед и несчастий. Телеуты – малочисленный народ: их чуть более 2,5 тыс. чел. Они одни из первых установили дипломатические отношения с Россией в XVII в. и сумели сохранить язык и культуру. Исключенные после 1926 г. из официального списка народов СССР, телеуты в конце XX в. получили статус коренного малочисленного народа. Сегодня этот народ живет среди угольных разрезов и шахт, рядом с промышленными гигантами Кузбасса на земле предков, надеясь на их поддержку.



7. Александр Кузнецов. В школе народной культуры с. Казановка учат традиционному рукоделию хакасов
с. Казановка, Аскизский р-н, Республика Хакасия

В ходе экспедиции фотообъективы фиксировали сиюминутную жизнь полигэтнического региона – повседневные заботы обычных людей. Темати экспедиционных репортажей с Алтая, из Кузбасса, Тувы, Хакасии были изготовление войлока, установка юрты, объездка лошадей. Верность традиционной культуре входит в число современных ценностей народов Саяно-Алтая. Этому нужно учить так, как учат детей в с. Казановка Республики Хакасия. Иначе возникает угроза забвения.



8. Александр Сорин. Анисим Тропинин – один из наставников старообрядческой общины пос. Килинск пос. Килинск, Таштагольский р-н, Кемеровская обл.

Поселок Килинск основали в 1920 – 1930-е гг. часовенными староверами – выходцы из Пермского края. Сегодня их община разделена границами согласий; не знаются друг с другом духовники и чувственники, по-разному трактуют явление антихриста, по-разному обозначают границу с мирскими. Старики держатся за веру, берегут книги, а молодые уходят в мир – на золотые прииски, но на склоне лет многие возвращаются за покаянием. Крепость в вере на границе с миром зла – нелёгкий труд: но нет в килинских староверах истового неприятия жизни, есть желание быть понятыми.



9. Владимир Дубровский. Шаман Кара-оол Тюлюшевич Донгун-оол гора Ондум, источник Сарыл-Аржан, Республика Тыва

В традиционных обществах шаманы являются гарантом стабильности социума в его отношении к изменяющему миру, миру природы, предков, богов и духов. В 1990-е гг. в постсоветской Сибири институт шаманства становится чрезвычайно востребованным. Возникают шаманские центры в Якутии, Бурятии, Хакасии и Туве. Среди тех, кто по зову предков выполняет миссию посредничества, – профессиональный шаман Кара-оол Тюлюшевич Донгун-оол – один из сакральных лидеров современной Тувы.



10. Сергей Ильницкий. Драга Алтайского золотого приска
пос. Майский, Туруханский р-н, Республика Алтай

В 1930-е гг. в таежных долинах Саяно-Алтая, где притягивались старообрядческие заселки, шорцы и челканские улусы, стали мыть промышленное золото. Алтайский присек и сегодня дает работу сотням людей, живущих на границах Кемеровской обл. и Республики Алтай. Потоки по крохотным речкам драги, идет вторичная промывка золота. В пос. Майский каждый год какой-нибудь дюйм переносит подальше от этнических потоков. И русские, и шорцы, и челканцы живут бок о бок около драги, за счет драги, отдавая в ее власть свою землю, свою культуру, свою судьбу.



11. Александр Сорин. Фестиваль. 70 лет мараловодческому совхозу "Абайский"
с. Абай, Усть-Коксинский р-н, Республика Алтай

В Усть-Коксинском р-не Республики Алтай зоной фотовидения стали старообрядческие села, мараатыники и общественные праздники. В с. Абай с размахом праздновали юбилей по случаю сорокалетия мараловоодческого совхоза: вились флаги – и республиканские бело-голубые, и российские, и красные прежних времен, панцевали под гармонику гости, торжествовали в поднятии скрип: между русских косовороток тельками юные алтайские красавицы. – в фокусе камер казахское магистратство програняло жизни на границе прошлого и будущего. Обычная жизнь с ее простыми заботами день за днем была объектом коллективного репортажа с границы двух тысячелетий.

АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572

М.Б. Медникова

Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: medma_pa@mail.ru

РИТУАЛЬНОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ У ДРЕВНИХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ: СИМВОЛИЧЕСКИЕ ТРЕПАНАЦИИ

Введение

Создатель научной школы психоанализа К.Г. Юнг считал, что высшей целью человеческого существования является процесс, названный им “индивидуацией” (*l'individuation*), реализуемый через ряд испытаний типа посвящения [Юнг, 1998]. По М. Элиадэ [2002, с. 331], феномен “посвящения” постоянно существует с подлинной жизнью человека. Человеческая жизнь полна глубинных кризисов, тревоги, потери и обретения самого себя, “смерти и воскресения”. В моменты общего кризиса человечество прибегает к способам обновления, могущего изменить жизнь. “Обновлением” заканчивается всякое подлинно религиозное обращение.

Хотя эгоизм способствует выживанию индивида, специфика эволюции человечества такова, что естественный отбор был в большой степени направлен на развитие самоотверженности, альтруизма, колLECTИVизма и жертвенности [Эфроимсон, 1998]. Род, не обладавший инстинктами коллективной защиты потомства и всей группы, был обречен на вымирание. Психологической защитой социума служила обрядность.

Жизнь человека традиционного общества строго делилась на разные социально-ролевые отрезки. Переход из одной возрастной и социальной группы в другую отождествлялся со смертью и возрождением в новом качестве (подростковая инициация, брак). Момент перехода был сопряжен с испытанием, иногда болезненным и опасным.

Обычно под инициацией понимают совокупность обрядов, преследующих цель радикально изменить

религиозный и социальный статус посвящаемого. В философских терминах посвящение равносильно онтологическому изменению экзистенциального состояния. К концу испытаний неофит обретает совершенно другое существование, чем до посвящения: он становится другим [Элиаде, 2002]. По М. Элиаде, символическая смерть в посвящении необходима как начало новой жизни, она готовит переход к более высокой форме бытия. По мысли носителя традиционной культуры, человека создают, в одиночку он “сделать себя” не может, его “делают” старики, шаманы, духовные наставники, являющиеся представителями сверхъестественных существ.

В последние годы получает развитие новый взгляд на палеоантропологический материал, представляющий археологическими раскопками, и расширяются его информационные возможности [Медникова, 2001]. В этом смысле тело человека может быть рассмотрено как “улика” его социальной активности. Осознание человеком традиционного общества своего тела как ключевого элемента мироздания и сопряженные аспекты манипуляторной деятельности могут быть изучены методами палеоантропологии, регистрирующими непосредственные следы социальной деятельности человека по изменению его внешнего облика, трансформации или деструкции тела. Это открывает новые возможности для воссоздания некоторых аспектов духовной жизни носителей археологических культур.

В.Я. Пропп, обращаясь к семантике обрядов инициации, отмечал, что после ритуальной смерти происходит вступление из области смерти в область жизни в новом качестве. Цитируя Ферле, он писал: “Во

время весеннего праздника луперкалий над двумя римскими юношами свершалось символическое убийство и воскрешение. Ножом, опущенным в жертвенную кровь, прикасались к их лбу, затем кровь стиралась шерстью, и юноши, которые таким образом символически были возвращены к жизни, должны были смеяться... Маннгард описывает обряд несколько подробнее. Мальчикам на лоб наносилась рана, и что особенно важно, во время обряда убивали двух козлов” [Пропп, 1999, с. 234]. Согласно Проппу, смех юношей после ритуального ранения (смерти) также носил обрядовый характер и символизировал вступление в жизнь, поскольку анализ различных мифологических систем показывает: пребывая в области смерти во время обряда, смеяться нельзя.

Изучая исторические корни волшебной сказки, В.Я. Пропп [2000, с. 258 – 260] обратил внимание на мотив “клеймения героя”, происходившего незадолго до бракосочетания. Например, герой на Сивке-Бурке долетел до окна царевны, “поцеловал ее, а она ему прямо в лоб клеймо и приложила”. Или: “Она сделала ему во лбу печать своим золотым перстнем, приняла его во дворец к себе и вышла за него замуж”. В интерпретации Проппа, извлечение крови и оставление рубцов есть знак приема в родовой союз, присутствующий и в обряде инициации. При браке жена вступает в род своего мужа или наоборот. Последний, матриархальный вариант, по Проппу, чаще сохраняется в фольклоре. Вслед за Веселовским, В.Я. Пропп [Там же, с. 361] ссылается на этнографические наблюдения Гартленда: у некоторых аборигенов Бенгалии жених отмечает жену красным карандашом. У биргоров жених и невеста пускают из мизинцев кровь, смешивают ее и мажут друг друга. В Новой Гвинее после установления продажной стоимости невесты, будущие муж и жена делают на лбу надрезы до крови. Остальные члены обеих семей делают то же самое, и это скрепляет их союз.

Палеоантропологические источники о ритуалах посвящения

Символическими трепанациями принято называть поверхностные (несквозные) манипуляции на своде черепа, последствия которых часто наблюдаются на черепах раннесредневекового населения европейских степных пространств [Медникова, 2001]. Этот термин был предложен в 50-х гг. XX в. венгерским ученым Л. Бартушем для описания специфических поверхностных повреждений, зафиксированных на многих черепах X в., т.е. периода завоевания Паннонии кочевниками, пришедшими с востока.

Однако к символическим трепанациям могут быть отнесены и другие, более древние попытки носителей различных археологических культур слегка на-

рушить целостность свода черепа, травмировать костную поверхность в строго определенном месте, создать некий геометрический узор на внешней стороне мозговой капсулы. Терапевтическая мотивация подобных действий не исключена, хотя и достаточно сомнительна. Половозрастные определения символически трепанированных черепов и археологический контекст могут отчасти прояснить намерения тех, кто производил операцию. Стремление к изменению своей внешности, свойственное человечеству в таких проявлениях, как, например, искусственная деформация головы (вероятно, чтобы подчеркнуть избранность “своих” и их отличия от “чужих” или обособленность элитарного слоя), может лежать и в основе символического трепанирования. Можно говорить и о важной ритуальной составляющей поверхностного “трепанирования” как испытания и символа перехода из одной социальной категории в другую (инициация подростков, замужество и рождение детей у женщин, траур, принадлежность мужскому союзу и т.д.).

Надрез в форме буквы Т или L в верхней части свода черепа встречается у неолитического населения Европы. Операция не только затрагивала кожные покровы, но и распространялась в периостальный слой верхней компакты. Одна линия следовала вдоль стреловидного шва в переднезаднем направлении, другая была ориентирована строго под прямым углом к ней. Как сообщает Ф. Лисовски [Lisowski, 1967, р. 669], большинство случаев подобной операции зафиксировано на женских черепах. С. Пигготт [Piggott, 1940] усмотрел определенную семантическую связь между неолитической традицией и выбиванием тонзуры. Примеры Т-образных надрезов немногочисленны по сравнению с “истинными” трепанациями. Большинство находок сконцентрировано к северу от Парижа в департаментах Сены и Уазы. По мнению Г. Обермайера [1913], Т-образный знак может быть отнесен “к области неолитической народной медицины”, а также символизировать социальный статус, принадлежность к общине или служить украшением. Ф. Грон [Gron, 1908] полагал, что геометрические фигуры на теменных костях могли быть знаком траура, наказания или украшением. По моему мнению, феномен T-sincipitale несомненно относится к тому же ряду, что и символические трепанации раннего средневековья, и скальпирование [Медникова, 2001].

О нахождении символически трепанированных черепов сообщали австрийские исследователи. К сожалению, эти сообщения носили самый общий характер, и подробности об индивидуумах, подвергнутых манипуляциям, даже об их культурной принадлежности остались нам неизвестны [Hahnel, 1991а, б; Hahnel et al., 1991]. Для неолита характерна локализация поверхностных рубцов в середине лобной кости, для ранней бронзы – на правой теменной кости, для эпо-

хи захоронения в погребальных урнах – на левой, для латенского времени – и на правой, и на левой теменных, а иногда и на затылочной костях. На черепах эпохи Великого переселения народов символические трепанации зафиксированы в центре лобной кости и в области брегмы.

В середине I тыс. до н.э. символическое трепанирование у населения Северной Африки подробно описывает Геродот: “Эти-то ливийские кочевники – все ли они (я не могу утверждать достоверно), но во всяком случае многие – поступают с детьми вот как: четырехлетним детям они прижигают грязной овчей шерстью жилы на темени (а некоторые – даже на висках). [Это делается для того,] чтобы флегма, стекающая из головы в тело, не причиняла им вреда во всей дальнейшей жизни. Поэтому-то они, по их словам, исключительно здоровы. И действительно, насколько мне известно, ливийцы отличаются наилучшим здоровьем среди всех людей” [Геродот, 2001, с. 297].

Традиция нанесения рубцов на поверхность свода в египетской Нубии зафиксирована антропологическими исследованиями [Strouhal, Jungwirth, 1981]. В суммарной серии позднеримского и ранневизантийского времени из Саяла (451 экз.) эта особенность наблюдается у 12,2% черепов. Чаще символические трепанации встречаются у мужчин, а не у женщин, значительно реже – у детей и подростков. Примерно в половине случаев символические воздействия затрагивали область лба, преимущественно слева, реже височные и теменные кости, совсем редко – затылочную.

По-видимому, бытование в Северной Африке традиции каутеризации, красочно описанной Геродотом, вообще имеет глубочайшую древность – около 12 тыс. лет. Поверхностные повреждения на черепах из Тафоральта и Афалу-Бу-Румель также можно отнести к разряду символической трепанации [Медникова, 2001].

Уникальные находки были обнаружены не так давно на Балканах. В 1984 – 1990 гг. археолог А. Дурман исследовал вблизи Вуковара несколько погребений энеолитического времени (3000 – 2800 лет до н.э.)*. В самом древнем культурном слое памятника Вучедол (Vucedol) были вскрыты кости людей, подвергшихся, по мнению ученых, своеобразной инициации. Некоторые прожили после перенесенной процедуры около 20 лет (А. Дурман, устное сообщение). Так, в яме № 6, позднее получившей название мог. 3, находились костные остатки восьми человек, почти полностью перекрытые слоем угля [Durman, 2000]. Создается впечатление, что первоначально предпринималась попытка трупосожжения, но огонь

потух вследствие недостаточного поступления кислорода в глубокую яму. Хотя кости были покрыты сажей, они, как показал анализ, не подверглись воздействию огня. Согласно заключению дендрохронологической лаборатории Корнеллского университета (США), уголь образовался при сжигании древесины различных пород: клена, березы, в меньшей степени дуба и крушины. В этом слое найдены семь целых костяков и частично представлены посткраниальные остатки еще одного индивидуума, череп которого находился в лесовых отложениях, “запечатавших” свод коллективного захоронения. В основании могилы и в верхней части слоя, содержавшей уголь, обнаружены фрагменты большого орнаментированного блюда. Покойных сопровождал и другой погребальный инвентарь: несколько целых сосудов, характерных для ранней вучедольской культуры, и кости животных.

Австрийский антрополог М. Тешлер-Никола [Teschler-Nicola, Berner, 1994] установила, что почти на всех черепах из мог. 3 в верхней части лобной кости и в месте соединения теменных костей (анатомическая область брегмы) присутствует необычная ямка диаметром около 10 мм (рис. 1). Сообщались следующие данные о поле, возрасте погребенных и некоторые сведения о локализации шрамов:

1. Женщина, 20 – 25 лет, два шрама.
2. Женщина, 20 – 25 лет, один шрам (на лобной кости справа).
3. Женщина, 25 – 30 лет, два шрама.
4. Мужчина, 40 – 45 лет, один шрам (на лобной кости слева).
5. Женщина, 45 – 55 лет, два шрама.
6. Женщина, 35 – 40 лет, шрамы не обнаружены.
7. Ребенок (девочка), 9 лет, повреждений нет.
8. Женщина, 20 – 22 года, два шрама.

Экспериментальным путем удалось установить, что повреждения костной поверхности возникали под воздействием капель расплавленной меди. Чтобы не причинить здоровью серьезного вреда, капля раскаленного металла должна была соприкасаться с телом не более 20 с. Этого времени достаточно для создания постоянного углубления во внешнем слое мозговой капсулы. Все отмеченные таким способом индивидуумы, пройдя через подобное, очевидно болезненное, испытание, долгое время оставались в живых. Ямки на черепе 20 – 22-летней женщины (№ 8) имеют заметно более острые края, чем давно зажившие знаки на черепах относительно пожилых мужчины и женщины (№ 4 и 5). Следовательно, процедура осуществлялась в молодом возрасте, между девятью и двадцатью годами. Замечу в скобках, что в Вучедоле достаточно отчетливо проявляется солярная семантика ритуала инициации. Расплавленный металл мог олицетворять частицу солнца. Следует особо отметить, что “солнечным символом” здесь помечали лоб. Связь

* В отличие от хорватских ученых, российские исследователи относят эту категорию памятников к эпохе бронзы (Т.Н. Мишина, устное сообщение) [Черных и др., 2000].

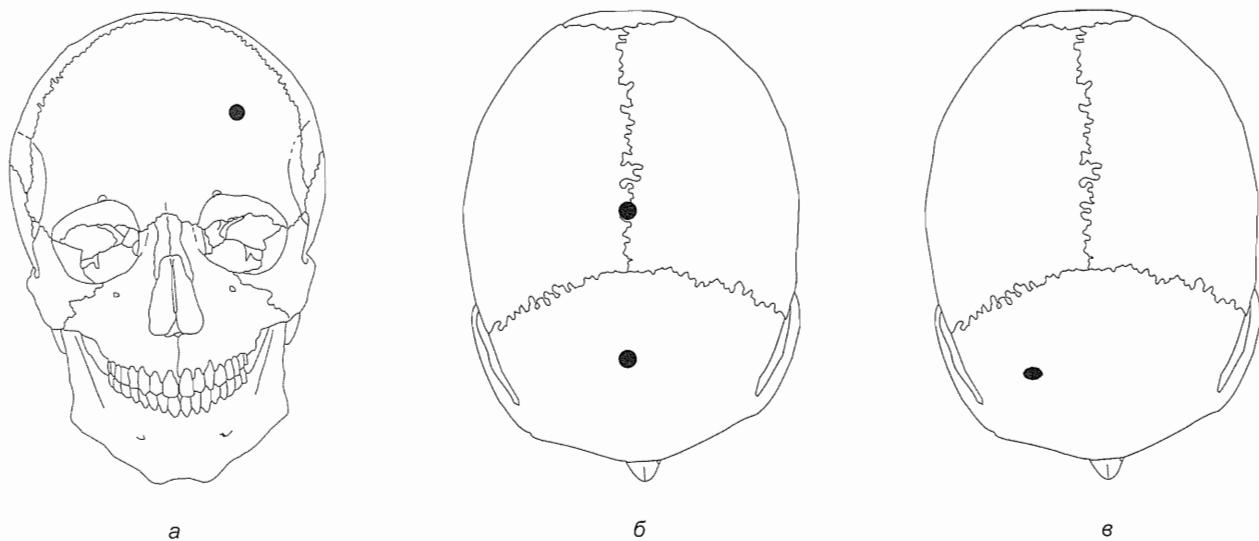


Рис. 1. Локализация знаков посвящения на черепах носителей вучедольской культуры. Балканы.
а – “мужская”, б – “тиปично женская”, в – “нетипично женская”.

области лба с солярными знаками прослеживается во многих культурах, в частности, в таштыкской – в орнаменте погребальных масок [Вадецкая, 1999].

Погребенный в Вучедоле мужчина занимал обширное пространство в центре могилы [Dürman, 2000]. Слева от него в скорченном положении спиной вверх была захоронена женщина (№ 3), которая, как упоминалось выше, в результате инициации имела два “солнечных знака” на лобной кости. Справа от мужского лежал скелет женщины № 2, погребенной также в скорченном положении, с коленями, прижатыми к груди, но лицом кверху – как отмечает А. Дурман, не совсем обычна позиция для вучедольского захоронения женщины. Остальные скелеты находились ниже этого, погребенные были захоронены также в скорченном положении, но повернутыми грудью и коленями ко дну могилы. Отделенный череп (№ 1), несущий два знака “инициации”, располагался в слое слева над стопами необычно положенной женщины № 2. Скелеты женщины № 6 и девочки, на черепах которых шрамы не обнаружены, занимают подчиненное положение по отношению к женским костякам с двумя отметинами на черепах. По мнению А. Дурмана, несмотря на очевидную одновременность коллективного захоронения, в нем могут быть выделены две “субъединицы”: мужчина 40 – 45 лет со шрамом на лобной кости слева и женщина 20 – 25 лет с аналогичным знаком, но справа (№ 2); шесть женщин, четверо из них с двумя шрамами на лобной кости. Отметим, что для большинства вучедольских женщин характерно наличие двух отметин на лбу. Все они захоронены в рамках единой традиции. К этой же группе относятся и костные остатки женщины № 1, отделенная голова которой была погребена в лессо-

вых отложениях. По мнению А. Дурмана, “женская группа” из мог. 3 семантически подчинена захоронению мужчины и женщины (№ 2). Череп № 2 единственный среди прочих женских отмечен одной ямкой на лобной кости (см. рис. 1, в).

Наблюдается билатеральная асимметрия в локализации повреждений: у мужчины – слева, у женщины № 2 – справа*. Таким образом, можно предположить, что хотя символические ожоги наносились в момент инициации, т.е. в большинстве случаев задолго до смерти, они отражали социальный ранг членов энеолитической популяции Вучедола к моменту погребения. Захоронения осуществлялись в соответствии со статусом, индикатором которого служили “символические трепанации”.

Символические трепанации в энеолите – раннем бронзовом веке на Балканах и, главное, их достаточно отчетливое ритуальное значение заставляют с вниманием отнести к необычным повреждениям, иногда встречающимся в разрозненных палеоантропологических материалах и по традиции относимым к разряду “травмы черепа”.

Как отмечалось выше, бытование символических и сквозных трепанаций в эпоху эпипалеолита среди обитателей Северной Африки открыто достаточно давно и не подвергается сомнению исследователями. Однако антропологический источник дает основания предполагать распространение сложных обрядов посвящения и среди европейцев верхнего палеолита. Как

* Возможно, в данном случае мы имеем дело с гендерной символикой, однако на большинстве женских черепов из Вучедола по два шрама, что заставляет с осторожностью строить предположения на этот счет.

ни странно, эти факты не получили пока должного освещения ни в археологических публикациях, ни в работах антропологов, изучающих данный период.

В эпоху последнего оледенения Центральная Европа представляла собой узкий степной пояс, служивший коридором для сообщения между свободными от ледника западными и восточными регионами. В эпоху среднего верхнего палеолита (в предшествующей терминологии раннего верхнего палеолита, 30 – 20 тыс. л.н.) в Восточной Европе сформировался культурный центр, важность которого во многом была обусловлена его географическим положением.

В Моравии образовался естественный коридор, отделенный от Карпат Богемским массивом. В пределах этого пространства могли осуществляться миграции людей и фауны из долины Дуная в юго-западном направлении и на северо-восток, вплоть до Северо-Европейской равнины. Равнинные пространства были соединены цепочкой узких проходов: Моравскими вратами на северо-западе, вратами Вышков и Напайедла в центральной части. А изолированная цепь Павловских холмов ограничивала эту территорию с юга.

Картирование поселений эпохи граветта данной культурной области пока не является исчерпывающим, как в количественном, так и в качественном отношении. В Моравии были открыты и мегастоянки, давшие научному миру тысячи археологических артефактов, и небольшие памятники, где находки связаны с поверхностными слоями. Иерархия этих памятников пока не установлена.

Тем не менее, по мнению исследователей моравских древностей [Svoboda et al., 2000], особенности граветтских поселений демонстрируют радикальные отличия от памятников других верхнепалеолитических культур. Местные жители предпочитали селиться в больших долинах моравских рек (Дие, Морава, Бечва и Одра). Раскопки верхнепалеолитических стоянок Долни Вестонице в Южной Моравии ввели в научный оборот археологический и антропологический материал, уникальный как по представительности, так и с точки зрения сохранности. В культурно-хронологическом плане находки относятся к т.н. павловскому варианту восточного граветта. Кроманьонцы Долни Вестонице населяли эту территорию во временном диапазоне от $26\ 640 \pm 110$ до $27\ 660 \pm 80$ л.н.

История изучения “павловских” представителей раннего верхнего палеолита разделяется на три этапа. Первый, довоенный, связан с раскопками К. Абсолона, начавшимися в 1924 г. В 1925, 1927 и 1930 гг. были найдены две черепные крышки, остатки сожженного детского скелета, разрозненные фрагменты человеческих костей и зубы. Следующий этап в исследовании популяции Долни Вестонице относит-

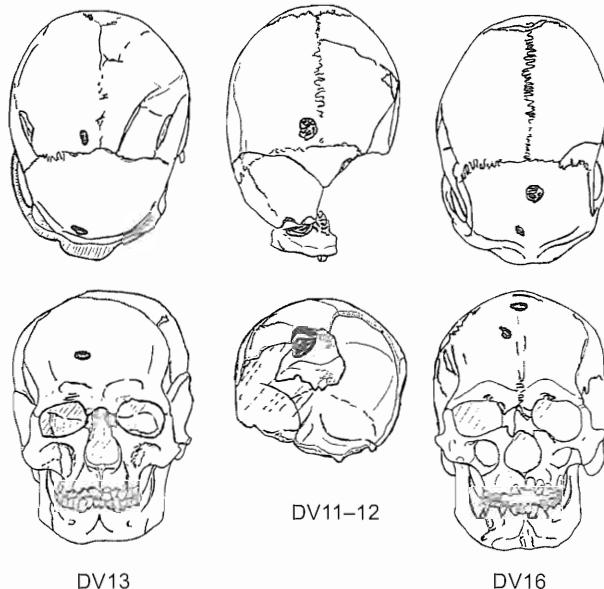


Рис. 2. Предполагаемые символические трепанации на мужских черепах из Долни Вестонице II (по: [Vlček, 1995]).

ся к периоду после второй мировой войны, когда Б. Клима открыл женское захоронение в 1949 г. В 1957 г. близ населенного пункта Павлов он обнаружил погребение мужчины. Третий этап начался в 1986 г. благодаря новостроенным работам на берегу р. Дие. В том же году были найдены свод черепа взрослого мужчины, еще один краниальный фрагмент, принадлежавший этому же индивидууму, и коллективное захоронение трех человек (т.н. триплекс). В 1987 г. Й. Свобода открыл в Долни Вестонице могилу еще одного мужчины. Вместе с разрозненными человеческими костями и зубами из культурного слоя поселения остеологическая серия из Долни Вестонице представляет останки 31 человека (25 взрослых и 6 детей).

Антрополог Е. Влчек [Vlček, 1995] – первый (и пока, по-видимому, единственный) исследователь, обративший внимание на поверхностные повреждения на нескольких мужских черепах (рис. 2).

На черепе DV11-12 травма овально-округлой формы располагается на лобной кости справа от медианной линии, в 20 мм над верхним краем правой глазницы. Высота повреждения 27 мм, ширина 19 мм, глубина от костной поверхности 5 мм. Отмечены признаки регенерации костной ткани. Другое поверхностное повреждение 18 × 10 мм, лишь слегка нарушившее целостность наружного компактного слоя, зафиксировано в области вертекса.

На черепе DV13 небольшой овальный шрам (16 × 21 × 1 мм) на лобной кости справа от метопиона и другой почти таких же размеров на правой теменной кости справа от бregмы. Оба повреждения хорошо зажили.

На черепе DV16 на лобной кости справа от метопиона расположен рубец размерами $15 \times 5 \times 2$ мм, а справа от медианной линии в 21 мм перед брегмой – повреждение округлой формы ($19 \times 18 \times 4$ мм). Обе травмы, затрагивавшие только *lamina externa*, демонстрируют заживление.

Е. Влчек предположил, что указанные повреждения на верхнепалеолитических черепах связаны с определенными традициями этого социума, возможно, специфические травмы были получены мальчиками, вступавшими в противоборство при прохождении инициационных испытаний.

Однако геометрически точное расположение шрамов чуть справа от центра лобной кости и в верхней части свода на нескольких черепах, на мой взгляд, говорит не о насильственном характере травм, а о преднамеренном нанесении рубцов на строго определенные участки. Скорее всего, подобная локализация отражает принятые у населения Долни Вестонице обряды посвящения, и знаки на черепе являются символами прохождения ритуалов. Н.В. Полосьмак, характеризуя обычай наносить татуировку, распространенный среди скифов Укока, подчеркивает, что повторяемость элементов рисунка может быть истолкована как свидетельство консерватизма традиции, связанного с нанесением на тело человека не просто орнамента или рисунка, а знаковой системы, “текста” [2001, с. 232]. Так, «на тела пазырыкцев было нанесено сакральное письмо, предназначеннное для передачи важной информации, скорее всего, магического характера. Таким образом происходило “переоформление” натурального человеческого облика в изобразительный символ племенной мудрости» [Там же].

Предлагаю интерпретировать повреждения на черепах из Долни Вестонице II как наиболее древние случаи символической трепанации. Распространение сложных обрядов инициации в эпоху верхнего палеолита является закономерным следствием полностью сформировавшихся в ту эпоху идеологических представлений. Погребальные обряды, развитие изобразительного искусства отражают богатство духовного мира верхнепалеолитического человека. Практика манипуляций со своим телом была распространена в палеопопуляции Долни Вестонице и носила неутилитарный характер. По-видимому, в группе доминировали представления, связанные с культом человеческого черепа. Е. Влчек отмечал следы искусственной обработки краиального свода DV11, который, по его предположению, использовался в религиозных церемониях. Возможно, похожим образом был обработан череп DV1. Найденный на поселении просверленный человеческий зуб DV7 свидетельствует о ношении специфических амулетов [Vlček, 1995]. К сожалению, эта подвеска из раскопок К. Абсолона 1927 г. считается утраченной [Sládek et al., 2000]. Антропо-

логические критерии позволяют точно определить, в каком возрасте проводились символические трепанации в популяции кроманьонцев Южной Моравии. В тройном погребении Долни Вестонице II специфические повреждения обнаружены на черепе юноши (DV13), скончавшегося в 17 – 19 лет, и не наблюдаются у погребенного (DV14), умершего в 16 – 17 лет (половозрастные определения приводятся по каталогу [Ibid]). Очевидно, если символические трепанации сопряжены с возрастными испытаниями, ритуалы совершались примерно в 17 – 18 лет. Хотя пол индивидуума DV15 в последней обобщающей публикации остается дискуссионным [Ibid], чаще всего он определяется как женский. Эта женщина (?), умершая в 20-летнем возрасте, не проходила испытаний, подобно индивидууму DV13. Напротив, мужчина (DV16), скончавшийся в 45 – 55 лет, задолго до смерти прошел процедуру символического трепанирования. Погребен он был на правом боку со связанными ногами. Череп и скелет в области таза покрывал слой охры [Ibid].

Символическое трепанирование сохраняет свое значение и в новом каменном веке. Два черепа из неолитических слоев пещеры Арма-дель-Аквила в Италии (Савона, культура керамики с квадратным устьем) также имели необычные травматические повреждения [Canci, 1998]. На черепе мужчины зрелого возраста в центре лобной кости наблюдалось небольшое понижение поверхности округлой формы, обрамленное областью гиперостозной костной реакции. Другое поверхностное повреждение, на черепе пожилой женщины, располагалось в верхней, наиболее выступающей кзади части затылочной кости. Оно интерпретируется как следствие абразивной несквозной трепанации с признаками заживления. Это самый ранний пример оперативного вмешательства в Лигурии.

Множественные следы символических и сквозных трепанаций обнаружены итальянскими исследователями на энеолитическом мужском черепе из Казамаре-Валле (культура Ринальдоне) и единичный – на мужском кальвариуме из Пианацце. К халколитической культуре Абеацу-Филигоза относится череп юноши из Фромоза-Виллановатуло, на котором поверхностное повреждение овальной формы расположено на стреловидном шве за брегмой. Эпохой бронзы датируется череп № 6494 из тосканского грота Скоглиетто. В центре лобной кости 16-летнего юноши (№ 4) наблюдаются глубокие зажившие рубцы, идущие вертикально. По мнению палеопатологов, использовавших сравнительный этнографический материал, это следствие прохождения обрядов инициации. В свою очередь отмечу, что аналогичным испытаниям, к примеру, подвергались (“с целью укрепления здоровья”) мальчики в возрасте от двух до пяти лет, принадле-

жавшие к аборигенной популяции Новой Британии (архипелаг Бисмарка) [Народы мира..., 1916] (рис. 3).

Сходные повреждения обнаружены на черепе (№ 6511) тосканского мужчины (№ 10), скончавшегося в 25 – 30 лет. К эпохе средней бронзы относится мужская черепная крышка из коллективного захоронения в Сеуло (Нуоро), на которой три сквозные перфорации с замыкающей пластинкой по краям расположены по одной центральной линии: на лобной кости, в центре и обелионной части правой теменной. Эти повреждения интерпретируются как ритуальные [Germana, Fornaciari, 1992].

Неолитический мужской череп из Мраморной пещеры в испанской провинции Кордова демонстрирует ромбовидное понижение поверхности лобной кости слева (размеры 24 × 8 мм). Традиционная интерпретация связывала это зажившее повреждение с травмой [Garcia Sanchez et al., 1994]. Однако с учетом того, что при жизни мужчина подвергался пенетрирующему трепанированию, а после смерти его череп был скальпирован и очищен от мягких тканей острым инструментом, представляется вероятным ритуальное происхождение шрама на поверхности лобной кости.

В.Я. Дэрумс [1970, с. 42] описал деструктивные изменения на черепе зрелого мужчины, найденном в слоях памятника Кирсна в Литве (автор ошибочно отнес эту находку к мезолиту, однако, согласно последним публикациям прибалтийских исследователей, она принадлежит эпохе ранней бронзы). В лобной области видны пять дефектов. Самый глубокий достигает внутренней черепной пластинки, имеет округлую форму, диаметр 0,6 – 0,7 см, края закруглены, но явных признаков процесса заживления нет. Остальные – полукруглой формы, менее глубокие. Как отметил В.Я. Дэрумс, установить происхождение дефектов не представляется возможным, но они предположительно травматического происхождения.

Можно допустить, что с символическими трепанациями связаны и “этиологически неясные” локальные повреждения, фиксируемые на нескольких черепах из Эль Аргар – памятника испанской культуры II тыс. до н.э. [Kunter, 1990, S. 87].

На левой теменной кости (в 20 мм от венечного шва и 4 мм от стреловидного) старого мужчины, носителя культуры шнуровой керамики, из Кнежевец (Чехия) Я. Хохоль [Chochol, 1957] обнаружил дефект овальной формы 40 × 28 мм – результат трехступенчатой операции, осуществленной, по-видимому, острым предметом типа каменного ножа. Судя по контурам углубления, на первом этапе оперируемый сидел, наклонив голову вперед, на втором – человек, производивший операцию, находился слева от него, на третьем – спереди. Визуально и рентгенографически установлено, что символическое трепанирование

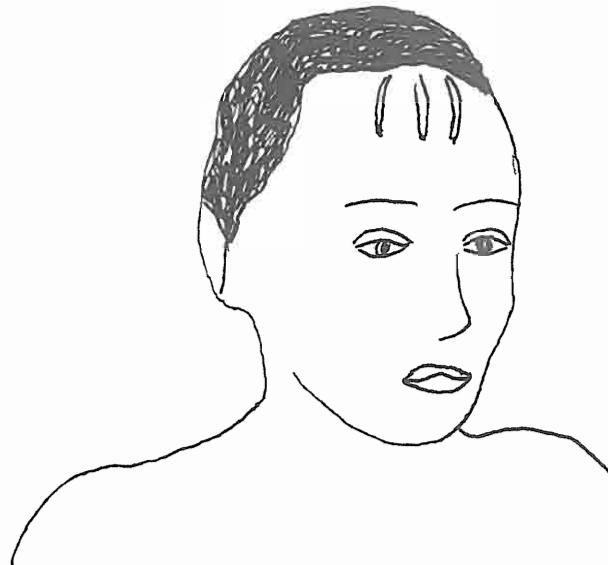


Рис. 3. Меланезийский мальчик с глубокими рубцами на лбу.

производилось не позже, чем за 5 – 10 лет до смерти индивидуума, возможно даже в молодости.

Е.Ф. Батиева [2001] идентифицировала дефект костной пластиинки в обелионной части стреловидного шва на черепе из неолитического или раннебронзового коллективного захоронения на могильнике Вертолетное Поле. Этот случай увязывается с предположительно ритуальными сквозными трепанациями, зафиксированными у других погребенных в могиле, и может быть интерпретирован как символическая трепанация.

Г.В. Рыкушина описала два поверхностных дефекта на предположительно женском черепе № 4 из раскопок неолитического поселения Ботай в Урало-Иртышском междуречье [Рыкушина, Зайберт, 1984, с. 133]. Перфорации располагались по ходу стреловидного шва. “Они несомненно сделаны при жизни, так как в области переднего отверстия с внутренней стороны черепа отчетливо видны грануляционные ямки... сама кость даже снаружи деформирована и образует возвышение в этой области” [Там же]. По мнению Г.В. Рыкушиной, операция могла быть произведена в 14 – 16 лет и связана с инициацией.

Е.Г. Шпакова [1996] обнаружила точечные деформации мужского черепа из афанасьевского могильника Саргов Улус в Минусинской котловине и женского из неолитического погребения на Алтае. Сообщается о симметричном расположении точечных дефектов относительно сагиттального и венечного швов. Предположительно эти изменения были оставлены предметами мостообразной формы, укрепленными на голове плотными повязками, стянутыми под

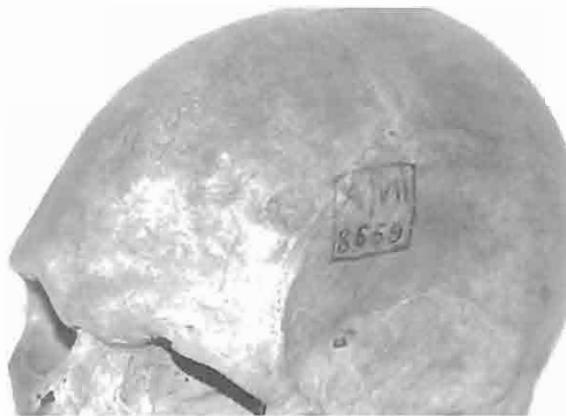


Рис. 4. Локализация поверхностных повреждений на черепе мужчины – носителя афанасьевской культуры. Могильник Курота II (Алтай).

подбородком. Точечная деформация вполне соответствует по своим проявлениям и последствиям символической, т.е. не доведенной до сквозной перфорации, трепанации.

На лобной кости молодого мужчины из могильника алтайских афанасьевцев Курота II (№ 8559, НИИ и Музей антропологии МГУ) я обнаружила два травматических повреждения, локализованных слева на одном горизонтальном уровне приблизительно на границе роста волос (рис. 4). Одно, более медиальное, имеет округлую форму, размеры 11 × 9,5 мм; другое побольше (15 × 13 мм), неправильной подокруглой формы, с неровной бугристой поверхностью внутри контура, сопровождается линейными надрезами (?) в верхней и нижней частях. Репаративные процессы костной ткани после травматизации затрудняют детализацию причин поверхностного повреждения, но все же создается впечатление, что оба дефекта образовались не в результате перелома или давления, а могли быть следствием операции, произведенной острым предметом.

Древность ритуалов посвящения

Локальные “геометрически выверенные” повреждения на поверхности свода черепа могут свидетельствовать о бытовании обрядов посвящения у древних народов Евразии. Архаичность этой традиции подтверждается наличием таких специфических повреждений на верхнепалеолитических мужских черепах из Моравии. Возрастные особенности отмеченных подобным образом индивидуумов в Долни Вестонице (DV11, 13, 16) позволяют установить сроки прохождения испытания – около 18 лет. Таким образом, древнейшая форма символического трепанизирования может быть отражением возрастной инициации или зна-

ком принадлежности к мужскому союзу воинов и охотников. Ранее ритуальная сторона жизни моравских кроманьонцев была реконструирована на основании следующих источников: технологии производства предметов материальной культуры и контекста находок, в т. ч. фрагментов керамики, распространения охры, а также захоронений. Свидетельства ритуальной деятельности обычно приурочены к центральным очагам на стоянках, что особенно характерно для больших поселений, длительно функционировавших и многократно заселявшихся. Это говорит о социальной функции предполагаемых ритуалов, произошедших в жилых комплексах или, шире, в местах обитания.

Исследования керамики засвидетельствовали обычай намеренного повреждения изделий. Примечательно, что такие находки концентрируются вокруг центральных очагов стоянок Долни Вестонице и Павлов [Svoboda et al., 2000]. Семантика обряда разрушения керамических фигурок может быть связана с процедурами причиненияувечий человеческому телу, нанесения шрамов и других разнообразных знаков, символизирующих вступление в родовой союз или переход из одной социально-возрастной категории в другую. По В.Я. Проппу, “разрубание создает нового человека” [2000, с. 76]. Разрушение керамических изделий верхнепалеолитическими охотниками указывает на определенную стадию общественного развития, на традиции изучаемого этнографами “общества традиционной культуры”, предполагающего во многих случаях сложную систему ритуальных манипуляций с человеческим телом. Эти гипотетические умозаключения находят логичное подтверждение в рубцах на своде черепов некоторых представителей популяции Долни Вестонице.

Моравская археология верхнего палеолита представляет чрезвычайно богатую фактическую основу исследователям погребальных ритуалов и разнообразных методов обращения с телами умерших. Примеры тщательно выполненных захоронений, подобных “триплексу” в Долни Вестонице, сочетаются здесь с приемами преднамеренного нарушения костяков, со свидетельствами посмертных манипуляций, таких как изготовление “чаш” из человеческих черепов [Svoboda et al., 2000]. В основе подобных действий моравских европейцев эпохи верхнего палеолита лежали символические представления. Носитель граветтской культуры позиционировал себя в пространстве и времени при помощи сложных поведенческих механизмов. Представления о жизни и смерти, принадлежности к своей группе, социальная память, эпос (миф) находили отражение в сложном ритуальном поведении, которое в эпоху верхнего палеолита имело также информационное и адаптивное значение [Svoboda et al., 2000].

По М. Оливе [Oliva, 2000а], павловские кроманьонцы использовали очень специфический метод эксплуатации отдельного компонента окружающей среды. Их стратегия выживания, в основе которой была охота на мамонта, опиралась на создание широкой системы управления непредсказуемыми источниками питания. В этих условиях возникновение ритуализированного поведения могло стать гарантией мирного раздела добычи, охотничих территорий, престижных предметов и т.п.

По-видимому, среди моравских кроманьонцев уже выделялась категория “специалистов в области сакрального”. Так, с точки зрения реконструкции социального статуса, особое внимание М. Оливы [Oliva, 2000а, б] привлекло давно открытое захоронение Брно II. В русле р. Свитава были найдены костные остатки взрослого мужчины (40 – 50 лет), страдавшего хроническим заболеванием, проявлявшимся в периостите костей верхних и нижних конечностей [Oliva, 2000б]. На черепе погребенного немецкий антрополог Х. Ульрих [Ullrich, 1982, fig. 3] идентифицировал следы посмертных манипуляций: параллельные надрезы, свидетельствующие об очищении краинума от мягких тканей. Он также обратил внимание на треугольное углубление в лобно-теменной области (расположение сходно с локализацией дефектов на мужских черепах из Долни Вестонице). Ранее считалось, что тело этого мужчины было захоронено неповрежденным, посыпано слоем красной охры и прикрыто лопаткой мамонта. Однако Х. Ульрих выдвинул аргументированное предположение, что в могиле изначально присутствовали только череп и отдельные посткрайиальные кости, т.е. были тщательно погребены “избранные” элементы скелета.

В могиле находился многочисленный погребальный инвентарь, имевший, по мнению М. Оливы, не практическое, а символическое значение: два перфорированных диска из мягкого камня; 14 пластинок, изготовленных из различных материалов (камня, кости, в т. ч. слоновой, мамонтовых зубов, расколотых перпендикулярно направлению ламеллярных структур); человеческая (мужская) фигурка из мамонтовой кости в форме марионетки с каналом по центральной оси, пронизывающим вертикально туловище и голову, со следами повреждения и реставрации; барабанная палочка (?) из рога северного оленя; несколько сотен раковин древних моллюсков (*Dentalium bodense*), скорее всего, украшавших головной убор; много крупных костей мамонта, носорога и т.д. (первая подробная публикация: [Jelinek et al., 1959]). У большинства пластинок тонкие края со следами надрезов. Эти предметы напоминают М. Оливе реквизит сибирского шамана, и, согласно предположению исследователя, погребение Брно II принадлежало индивидууму, имевшему исключительный статус в ритуальной сфере.

Возвращаясь к антропологическим свидетельствам обрядов посвящения, можно допустить генетическую связь традиции нанесения рубцов, зафиксированной в неолите на территории Испании, с такой в эпипалеолите Северной Африки.

В новом каменном веке распространение обрядов посвящения затрагивает и мужское, и женское население Евразии. Черепа со шрамами на поверхности свода найдены в горных районах Италии, Испании, во Франции. По-видимому, существовали гендерные различия в локализации рубцов на своде. Сходные тенденции сохраняются в энеолите и раннем бронзовом веке, когда, по данным антропологии, специфические обряды посвящения получают широкое распространение – от Балкан, Центральной и Восточной Европы до Южной Сибири.

Список литературы

- Батиева Е.Ф.** Новые материалы по антропологии Нижнего Подонья // Вестн. антропологии. – 2001. – Вып. 7. – С. 116 – 125.
- Вадецкая Э.Б.** Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 440 с.
- Геродот.** История / Пер. Г.А. Стратановского. – М.: Ладомир, 2001. – 739 с.
- Дэрумс В.Я.** Болезни и врачевание в древней Прибалтике. – Рига: Знание, 1970. – 135 с.
- Медникова М.Б.** Трепанации у древних народов Евразии. – М.: Научный мир, 2001. – 304 с.
- Народы мира в нравах и обычаях.** – Пг.: Изд-во Сойкина, 1916. – 624 с.
- Обермайер Г.** Доисторический человек. – СПб.: Брокгауз – Ефрон, 1913. – 687 с.
- Полосымаак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: Инфолио-Пресс, 2001. – 335 с.
- Пропп В.Я.** Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне) // Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха: Собр. тр. – М.: Лабиринт, 1999. – С. 220 – 256.
- Пропп В.Я.** Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2000. – 336 с.
- Рыкушина Г.В., Зайберт В.Ф.** Предварительное сообщение о скелетных остатках людей с энеолитического поселения Ботай // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. С.Я. Зданович. – Уфа: Башк. гос. ун-т, 1984. – С. 121 – 137.
- Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б.** Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. – М.: Ин-т археол. РАН, 2000. – 95 с.
- Шпакова Е.Г.** Точечная деформация и особенности ее проявления // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Материалы IV годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1996. – С. 257 – 259.
- Элиаде М.** Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. – Киев: София; М.: Гелиос, 2002. – 352 с.
- Эфроимсон В.П.** Гениальность и генетика. – М.: Русский мир, 1998. – 543 с.

- Юнг К.** Бог и бессознательное. – М.: Олимп; АСТ Лтд., 1998. – 480 с.
- Canci A.** Lesioni del cranio in resti scheletrici umani di epoca neolitica rinvenuti presso l'Arma dell'Aquila (Finale Ligure, Savona) // *Bullettino Paleontologia Italiana*. N. s. VII. – 1998. – Vol. 89. – P. 81 – 92.
- Chochol J.** Zur Problematik der vor- und fruhgeschichtlichen Schadeltrepanationen // *Anthropologische Wertung einiger Funde aus Bohmen*. – 1957. – P. 3 – 34.
- Durman A.** The Vucedol Orion and the Oldest European Calendar. – Zagreb, 2000.
- Garcia Sanchez M., Jimenez Brobeil S., Ortega Vallet J.A.** Trephined skull from the “Cueva de los Marmoles” (Priego de Cordoba, Spain), displaying evidence of ritual defleshing // *Journal of Paleopathology*. – 1994. – Vol. 6(3). – P. 161 – 168.
- Germana F., Fornaciari G.** Trapanazioni, craniotomie e traumi cranici in Italia. – Pisa: Giardini editori et stampatori, 1992. – 191 p.
- Gron F.** Altnordische Heilkunde // *Janus*. – 1908. – N 13. – S. 73.
- Hahnel B.** Eine mittelneolithische Bestattung mit Trepanation aus Gaiselberg, NO // *Fundberichte aus Österreich*. – 1991a. – Bd. 29. – S. 7 – 8.
- Hahnel B.** Fruhbronzezeitliche Bestattungen mit Trepanationen aus Roschitz, Poysdorf und Stillfried, NO // *Fundberichte aus Österreich*. – 1991b. – Bd. 29. – S. 13 – 28.
- Hahnel B., Grossschmidt K., Winkler E.** Trepanation einst und jetzt // *Katalog des Niederösterreichischen Landesmuseums, neue Folge*. – Wien, 1991. – Bd. 276. – S. 329 – 335.
- Jelinek J., Pelisek J., Valoch K.** Der fossile Mensch Brno II // *Anthropos* (Brno). N.s. 1. – 1959. – S. 17 – 22.
- Kunter M.** Menschliche Skelettreste aus Siedlungen der El Argar-Kultur. – Mainz: Philipp von Zabern, 1990. – 136 S.
- Lisowski F.P.** Prehistoric and Early Historic Trepanation // *Diseases in Antiquity* / Eds. D.R. Brothwell, A.T. Sandison. – Thomas Illinois, 1967. – P. 651 – 672.
- Oliva M.** Some thoughts on pavlovian adaptations and their alternatives // *Hunters of the Golden Age* / Ed. by W. Roebroeks. – Leiden: University of Leiden, 2000a. – P. 219 – 227.
- Oliva M.** The Brno II Upper Palaeolithic burial // *Hunters of the Golden Age* / Ed. by W. Roebroeks. – Leiden: University of Leiden, 2000b. – P. 143 – 153.
- Piggott S.** A trepanned Skull from the Beaker period from Dorset and the practice of trepanning in prehistoric Europe // *Proceedings of the Prehistoric Society*. – 1940. – Vol. 6. – P. 112 – 132.
- Sladek V., Trinkaus E., Hillson S.W., Holliday T.W.** Skeletal Catalogue and osteometrics of the Gravettian Fossil Hominids from Dolni Vestonice and Pavlov. – Brno, 2000. – 244 p. – (The Dolni Vestonice studies; Vol. 5).
- Strouhal E., Jungwirth J.** Künstliche Eingriffe an Schädeln aus den spätromischen bis fruhbyzantischen Gräberfeldern in Sayala (Ägypten-Nubien) // *Anthropologie* (Brno). – 1981. – Vol. 19/2. – S. 149 – 162.
- Svoboda J., Klima B., Jarosova L., Skrdla P.** The Gravettian in Moravia: climate behaviour and technological complexity // *Hunters of the Golden Age* / Ed. by W. Roebroeks. – Leiden: University of Leiden, 2000. – P. 197 – 218.
- Teschler-Nicola M., Berner M.E.** Zur Anthropologie der endneolithischer Funde aus Vucedol // *Die Neandertaler und die Anfänge Europas* / Aus. K. Kaus, K. Gruber. – Eisenstadt, 1994. – S. 61 – 78.
- Ullrich H.** Artificial injuries on fossil human bones and the problem of cannibalism, skull-cult, and burial rites // *Anthropos* (Brno). – 1982. – Vol. 21: Man and his origin. – P. 253 – 262.
- Vlček E.** Genetische und palaeoethnographische Aspekte der Mammutjägerpopulation von Dolni Vestonice // *Man and environment in the Palaeolithic: Proceedings of Symposium Neuwied (Germany), 1993* / Ed. by J. Ullrich. – Liège: Université de Liège, 1995. – P. 209 – 221.

Материал поступил в редакцию 23.05.02 г.

АНАТОЛИЙ ПАНТЕЛЕЕВИЧ ДЕРЕВЯНКО

9 января 2003 г. выдающемуся российскому ученыму, специалисту в области археологии и первобытной истории Азии и Америки, академику-секретарю Отделения историко-филологических наук Российской Академии наук, члену Президиума РАН и СО РАН, директору Института археологии и этнографии СО РАН академику А.П. Деревянко исполняется 60 лет.

Научная деятельность А.П. Деревянко отличается исключительной разносторонностью. С равным успехом он занимается проблемами каменного века, эпохи палеометалла, средневековых племенных союзов и государственных образований. Будучи организатором и координатором крупнейших научных мероприятий по изучению древностей Дальнего Востока, ряда регионов Сибири, Центральной, Средней Азии и Казахстана, А.П. Деревянко внес существенный вклад в современные эмпирические и теоретические достижения мировой науки.

Наибольшее внимание в своих научных изысканиях А.П. Деревянко уделяет древнекаменному веку. Он разработал и фундаментально обосновал ряд концепций, являющихся основополагающими для изучения палеолита Евразийского субконтинента. Им предложена реконструкция процессов первоначального освоения человеком Северной и Центральной Азии в период нижнего палеолита. Существовавшие на этой территории галечные и ашело-мустьерские культуры, по мнению ученого, отражают миграцию вначале *Homo erectus*, вышедшего из Африки, а затем древнего *H. sapiens* с Ближнего Востока, последовательно заселивших районы Евразии.

На протяжении многих лет А.П. Деревянко работает над проблемами периодизации палеолита, хронологии и эволюции культур древнекаменного века в Азии. Им разработаны культурно-хронологические схемы для ряда районов. Одна из наиболее важных – схема развития палеолитической культуры юга Западной Сибири, прежде всего Алтая. А.П. Деревянко открыто много археологических памятников мирового класса (пещера им. Окладникова, стоянки Усть-Каракол, Ануй 1 – 3, Мохово-2 и др.), он продолжает изучать ранее известные стоянки (Кара-Бом, Кара-Тенеш, пещеры Денисова, Страшная), является организатором широкомасштабной мультидисциплинарной про-



грамм по изучению культуры и среды обитания древнего человека. Так, по мнению А.П. Деревянко, древнейшие нижнепалеолитические индустрии Алтая содержат черты галечных и ашело-мустьерских традиций. Первые связаны с культурами Центральной Азии, вторые – Ближнего Востока. Среднепалеолитический этап древнекаменного века представлен индустриями, разделенными автором схемы на раннее мустье (200 – 90 тыс. л.н.) и развитой средний палеолит (90 – 40 тыс. л.н.). В своих исследованиях А.П. Деревянко отмечает однородность материальной культуры этого этапа, имеющей местные корни в ашельских индустриях. Характеризуя позднепалеолитическую стадию, исследователь немало внимания уделяет характеру перехода от среднего к верхнему палеолиту. На его взгляд, не только Алтай-Саянская область, но и вся Северная Азия представляет собой один из центров возникновения позднепалеолитической культуры в результате трансформации среднепалеолитической. Более того, А.П. Деревянко были найдены одонтологические остатки (в пещерах им. Окладникова и Денисовой), свидетельствующие о существовании здесь

представителей ранних *Homo sapiens sapiens*, что подтверждает возможность их азиатского происхождения. Его исследования памятников Алтая позволили определить неоднородность раннего верхнего палеолита в этой части России: А.П. Деревянко выделяет две линии развития, в основе которых лежит ашело-леваллуазская традиция, – усть-каракольскую (инвентарь оринькоидного характера) и кара-бомовскую (отсутствие оринькоидных черт). Таким образом, памятники ранних этапов верхнего палеолита Алтая и, возможно, ряда регионов Сибири и Монголии демонстрируют один из вариантов бинарно организованной системы, в которой сосуществуют верхнепалеолитические и мустьеоидные культуры.

Во всех обобщающих работах А.П. Деревянко, посвященных палеолиту Сибири и Дальнего Востока, предлагается корреляция региональных стоянок и объектов древнекаменного века Америки, Японии, Кореи, Китая, а также ряда областей Юго-Восточной и Южной Азии. Более того, палеолит Японии, Кореи и Монголии – объект специальных исследований ученого.

Рассматривая все стадии древнекаменного века Японского архипелага, А.П. Деревянко особое внимание уделяет исследованиям верхнего палеолита. По его мнению, культурные проявления периода 20 – 12 тыс. л.н., зафиксированные на Хоккайдо, характерны для ряда районов Сибири и Дальнего Востока (семеджинская и устиновская культуры), Восточной Монголии (хереульская культура), Кореи и Аляски (культурные комплексы Денали и Акмак), где формируется индустрия с пластинчатыми технологиями расщепления горных пород.

Схема, предложенная А.П. Деревянко для палеолита Кореи, включает нижне-, средне- и верхнепалеолитическую стадии. По его мнению, древнейший этап палеолита характеризуется смешением технических традиций: западной (двусторонние изделия) и восточной (галечные артефакты), что могло быть следствием явлений конвергенции. Пространственные координаты культурных новаций эпохи верхнего палеолита, способствовавших формированию особого пластинчатого комплекса, определяются А.П. Деревянко не только Кореей, но и районами Северного Китая, Монголии, Сибири, Российского Дальнего Востока, Японии и Аляски.

Особое место в исследованиях ученого занимают проблемы палеолита Центральной, Средней Азии и Казахстана. В Монголии, где А.П. Деревянко с 1983 г. возглавляет совместную советско-, а в дальнейшем российско-монгольскую историко-культурную экспедицию, открыто более 800 местонахождений каменного века. Поисковые маршруты исследователя неизменно завершаются открытием новых стоянок 1995. Среди них наиболее важны крайне редкие в аридных

областях стратифицированные памятники (пещеры Цаган Агуй, Чихэн, стоянка Чихэн II и т.д.). Комплексные работы, проведенные на этих объектах, позволили впервые датировать различные стадии палеолита Монголии, реконструировать среду обитания древнего человека и разработать хронологию и периодизацию древнекаменного века региона начиная с нижнего палеолита. Выявленные особенности развития древней культуры Монголии, по мнению А.П. Деревянко, характерны для многих областей Азии, что свидетельствует об общности культурно-исторического процесса.

В аридной зоне Средней Азии (в Восточном и Южном Казахстане, Северном Прибалхашье, Северном Приаралье, на п-ове Мангышлак, в Мугоджа-рах) А.П. Деревянко за последние десять лет обнаружены и исследованы сотни новых местонахождений. Под его руководством проведены широкомасштабные раскопки стратифицированных памятников (Кошкурган I, II, Шоктас I – III) в Южном Казахстане, где до этого они практически не были известны, грота Оби-Рахмат в Узбекистане, стоянки Тосор в Киргизии. В итоге исследователем определены и датированы культурные проявления всех стадий палеолита региона, реконструированы палеогеографические сценарии плейстоцена и выявлены возможные источники культурных инноваций, характерных для среднего и верхнего палеолита этой части Азии. По его мнению, возникновение верхнепалеолитических черт в древней культуре Средней Азии по времени и характеру близко аналогичным процессам на Ближнем Востоке и Российском Алтае.

Исследования А.П. Деревянко в области позднеплейстоценовых и голоценовых культур связаны, в первую очередь, с Дальневосточным регионом. В 80-х гг. XX столетия им открыты палеолитические стоянки в бассейне р. Семеджи, раскопки которых позволили выделить семеджинскую культуру, подразделенную на четыре этапа в хронологическом диапазоне 25 – 12 тыс. л.н. На основе раннесемеджинской сформировалась дюктайская культура, носители которой сыграли решающую роль в заселении Америки; на базе позднесемеджинской – ранненеолитические громатухинская и осиповская культуры Приамурья. По мнению исследователя, мезолитические культуры Северо-Восточной Азии – результат взаимодействия между собой близких этнокультурных групп.

Значительное место в исследованиях А.П. Деревянко занимают проблемы периодизации неолита Приамурья, сложение культур которого происходит на основе ранее бытовавших мезолитических. В работах ученого дана исчерпывающая характеристика неолитического населения, включающая анализ его материальной культуры, экономики, особенностей

размещения стоянок, стилей жилых сооружений и т.д. В бассейне среднего Амура им выделены три неолитические культуры – новопетровская, громатухинская и осиноозерная. На нижнем Амуре А.П. Деревянко вслед за А.П. Окладниковым намечает этапы неолита, характеризующиеся сменяющими друг друга культурами – осиповской, малышевской, кондонской и вознесеновской. По его мнению, керамическое производство изобретено древним населением Дальнего Востока, возможно, намного раньше, чем в других регионах планеты.

Значительные результаты достигнуты А.П. Деревянко при изучении проблем железного века российской части Дальнего Востока. Проведенные им широкомасштабные работы на стоянке у с. Кукелева позволили выделить польцовскую культуру. По мнению исследователя, проживавшие в Приамурье с VII в. до н.э. по III в. н.э. польковские племена, которые обладали новыми материалами для изготовления артефактов (железо, а в дальнейшем сталь и чугун) и производящей экономикой, внесли огромный вклад в развитие материальной и духовной культуры региона и оказали позитивное воздействие на соседей в Приморье, Японии и Корее.

Основные выводы, сделанные А.П. Деревянко в ходе мультидисциплинарных исследований, получили широкую известность и признание в мировой науке. Он является автором и соавтором более 70 монографий и свыше 600 научных статей разного профиля, в том числе общесторического и методологического характера, опубликованных в России и за рубежом. А.П. Деревянко организатор и главный редактор международного журнала “Археология, этнография и антропология Евразии”, уже успевшего снискать популярность у исследователей многих стран мира.

Немало внимания А.П. Деревянко уделяет популяризации археологических знаний. Им написано несколько произведений, предназначенных для массового читателя. Книга “В поисках оленя Золотые рога”, где автор показал себя интересным прозаиком, переиздавалась четыре раза, в том числе и в странах ближнего зарубежья.

Значительный вклад сделан А.П. Деревянко в подготовку научных кадров. Он является заведующим

кафедрой Всеобщей истории Новосибирского государственного университета. Им подготовлено 12 докторов и более 40 кандидатов наук, специализирующихся по различным направлениям археологии, древней истории, этнографии.

Свою научную работу А.П. Деревянко успешно сочетает с общественной деятельностью. Он избирался членом Коллегии Министерства культуры СССР, президиума Московского Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Исполкома Международной ассоциации монголоведов, в состав участников Интеллектуального форума ЮНЕСКО, председателем Комиссии по сотрудничеству в области гуманитарных наук АН СССР и АН МНР, правления Всероссийского археологического общества “Древности”, членом Государственного экспертного совета при Президенте Российской Федерации по особо ценным объектам культурного наследия народов России и т.д.

За большой вклад в археологическую науку А.П. Деревянко избран действительным членом (академиком) Российской Академии наук, иностранным членом Академии наук Монгольской Народной Республики, членом-корреспондентом Германского археологического института, почетным профессором ряда российских и зарубежных университетов. Заслуги А.П. Деревянко по достоинству оценены государством. Он лауреат премии Ленинского комсомола (1972 г.), Государственной премии Российской Федерации (2001 г.) в области науки и техники, кавалер орденов и медалей СССР, России и других стран.

Анатолий Пантелеевич полон творческих сил и замыслов. Впереди новые научные открытия, свершения в области организации науки, новые книги и талантливые ученики.

В.И. Молодин, И.Н. Гемуев, А.И. Курбатов, Д.Г. Коровушкин, В.В. Бобров, В.И. Бойко, А.П. Бородовский, Е.И. Деревянко, Н.И. Дроздов, Ю.Ф. Кирюшин, В.Е. Ларичев, А.И. Мазин, С.В. Маркин, В.Е. Медведев, Г.И. Медведев, Т.И. Нохрина, Н.В. Полосыма, Б.С. Сапунов, Ю.П. Холюшкин, Т.А. Чикишева, М.В. Шуньков

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГУ – Алтайский государственный университет
АН МНР – Академия наук Монгольской Народной Республики
АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БГУ – Бурятский государственный университет
БМИК – Бурят-Монгольский институт культуры
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр СО РАН
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВГУ – Воронежский государственный университет
ВДИ – Вестник древней истории
ВолГУ – Волгоградский государственный университет
ДГУ – Днепропетровский государственный университет
ИА АН РК – Институт археологии Академии наук Республики Казахстан
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАЭт СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИИФИФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии СО АН СССР
ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уральского научного центра РАН
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КФ АН СССР – Казанский филиал АН СССР
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы Института археологии АН СССР
НГУ – Новосибирский государственный университет
НИЦ ОИГГМ СО РАН – Научно-исследовательский центр Объединенного института геологии, геофизики и минералогии СО РАН
ОГУ – Оренбургский государственный университет
ОмГУ – Омский государственный университет
РА – Российская археология
РАН – Российская Академия наук
РАЭСК – Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция
РГУ – Ростовский государственный университет
СА – Советская археология
СГУ – Саратовский государственный университет
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
ТГУ – Томский государственный университет
ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР
ТКОРГО – Троицкосавско-Кяхтинское отделение Русского Географического общества
ТОИПКГЭ – Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
УрГУ – Уральский государственный университет
УрО РАН (АН СССР) – Уральское отделение РАН (АН СССР)
ЧГПУ – Читинский государственный педагогический университет
ЧГУ – Челябинский государственный университет

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ
"АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ" на 2003 год

Редакция журнала "Археология, этнография и антропология Евразии" принимает подписку на 2003 год. Стоимость одного номера русскоязычной версии для подписчиков в России 50 руб., годовой подписки 200 руб. Цена подписки включает стоимость пересылки журнала по Российской Федерации. Подписку можно оформить как на весь год (номера 1, 2, 3, 4), так и на определенный номер, в том числе уже вышедший. Для юридических лиц стоимость годовой подписки — 280 руб.

Если подписка оформлена предоплатой, редакция по указанному Вами адресу высылает очередные номера журнала по мере их выхода в свет без дополнительных платежей вне зависимости от колебания цен. Предоплата подписки физическими лицами, проживающими на территории Российской Федерации, производится через систему Сбербанка РФ по прилагаемой квитанции (**Форма 1**). Просим учесть, что за проведение платежа Сбербанк взимает 3% от суммы перевода. Юридические лица оплачивают подписку банковским поручением на основании счета редакции журнала (**Форма 2**).

Если же по каким-либо причинам Вы не желаете авансировать подписку на журнал, то, направив в наш адрес заявку по **Форме 3**, Вы можете получать его очередные номера наложенным платежом. В этом случае редакция оставляет за собой право корректировать цены. К сожалению, граждане и организации в странах СНГ могут оформить подписку только по предоплате.

Внимание! После оплаты подписки не забывайте присыпать почтой (электронной почтой) в редакцию сообщение об оплате и точный адрес доставки. На очередные номера журнала Вы можете оформить подписку по каталогу Роспечати.

(Форма 1)																
Кассир	ИНН	5 4 0 8 1 2 9 4 1 9	БИК	0 4 5 0 0 3 0 0 0												
	Получатель платежа	ОФК по Советскому р-ну (5408105520 КПП 540801001 ИАиЭТ СО РАН л/с 06401138981) г. Новосибирска.														
	Учреждение банка	РКЦ Советский г. Новосибирск														
	Счет получателя	4 0 5 0 3 8 1 0 3 0 0 0 0 1 0 0 0 0 6 2														
	Коррсчет	н е т														
	Фамилия															
	Имя													Отчество		
	Адрес															
		Вид платежа					Дата					Сумма				
		Подписка на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2003 год Код 5000000, Ист. 03. Реализация продукции производимой опытно-производственными, экспериментальными подразделениями научных учреждений.														
Квитанция	Плательщик													Всего		
	ИНН	5 4 0 8 1 2 9 4 1 9	БИК	0 4 5 0 0 3 0 0 0												
	Получатель платежа	ОФК по Советскому р-ну (5408105520 КПП 540801001 ИАиЭТ СО РАН л/с 06401138981) г. Новосибирска.														
	Учреждение банка	РКЦ Советский г. Новосибирск														
	Счет получателя	4 0 5 0 3 8 1 0 3 0 0 0 0 1 0 0 0 0 6 2														
	Коррсчет	н е т														
	Фамилия															
	Имя													Отчество		
	Адрес															
		Вид платежа					Дата					Сумма				
	Подписка на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2003 год Код 5000000, Ист. 03. Реализация продукции производимой опытно-производственными, экспериментальными подразделениями научных учреждений.															
Кассир	Плательщик													Всего		

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Авторы представляют статьи на русском или английском языке объемом около 1,4 тыс. знаков. Обязательным условием является авторский перевод географических названий, а также терминов, впервые предлагаемых в статье. Следует приводить также латинские названия животных и растений.

Необходимо указать учреждение, в котором выполнена работа, его полный почтовый адрес, номера телефона и факса, адрес электронной почты.

Название статьи должно строго соответствовать содержанию. Рекомендуется выделять: введение, основную часть, обсуждение результатов, выводы (заключение).

Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной рецензии.

Объем статей не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков), включая иллюстрации; 1 иллюстрация форматом 190 x 270 мм равняется 1/6 авторского листа (6,7 тыс. знаков).

Объем сообщений, рецензий, заметок — до 0,2 авторского листа (8 тыс. знаков).

ТРЕБОВАНИЯ К НАБОРУ, ПОДГОТОВКЕ БИБЛИОГРАФИИ И ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Статья (основной текст, список литературы, подписи к рисункам и таблицам) должна подаваться в виде распечатки компьютерного набора на листах формата А4 (210 x 297 мм) вместе с дискетой с набором в формате WinWord или DOS Word. Размер кегля 14 для Times New Roman, 28 строк на странице, 64 знака в строке.

Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Не следует:

- производить табуляцию;
- выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);
- разделять абзацы пустой строкой;
- пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме (вставка сносок на литературу и примечания, маркировка и нумерация абзацев и пр.);
- использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона и с установкой "только для чтения";
- форматировать текст и делать принудительные переносы.

Приводимые единицы измерения должны соответствовать системе СИ.

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются фамилии авторов, год издания; в конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомного издания), номер, выпуск (для периодики), объем публикации (количество страниц - для монографии, первая и последняя страницы - для статьи).

Библиографические описания должны быть составлены по следующим образцам:

авторская монография

Алексеев В.П. География человеческих рас. – М.: Наука, 1974. – 777 с.

коллективная монография (все фамилии должны быть упомянуты)

Археологические исследования Энской пещеры / В.В. Васин, И.И. Иванов, П.П. Петров, С.С. Сидоров. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 999 с.

раздел в монографии

Иванов И.И. Палинология предвходовой площадки пещеры К-ва // Археологические исследования Энской пещеры. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – Гл. 3. – С. 777 – 888.
статья в сборнике

Иванов П.И. Палинология стоянки Детский Сад II // Каменный век на территории Алтая. - М.: Артимс, 1999. – С. 77 – 99.

статья в ученых записках (ученых трудах)

Скрипка А.С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. – 1977. – Вып. 2. – С. 66 – 77.

статья в журнале

Иванов П.И. Психология запоминания // Вопр. психологии. – 1966. – № 1. – С. 12 – 34.

автореферат

Бобров В.В. Олень в скифо-сибирском искусстве (тагарская культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1973. – 35 с.

рецензия

Исаев М.И. [Рецензия] // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1986. – № 3. – С. 30 – 31. – Рец. на кн.: Иванова Р.П. Медвежий праздник у кетов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 222 с.

При наличии примечаний – кратких пояснений основного текста и дополнений к нему, в тексте у того места, к которому относится примечание, необходимо поставить знак звездочки (*), а само примечание набрать следом в квадратных скобках. Например: Введение* [* Данная статья...]

На полях рукописи должны быть помечены места желательного размещения иллюстраций. Подписи к иллюстрациям и таблицам приводятся после списка литературы.

Иллюстрации (рисунки, черно-белые и цветные фотоотпечатки и слайды (позитивы)) следует присыпать в оригинале. Ксерокопии не принимаются. Рисунки и чертежи должны быть выполнены тушью на белой бумаге или кальке и не иметь следов карандаша. Размер изображения не должен превышать 190 × 270 мм. Для черно-белых фото рекомендуемый размер отпечатка 100 × 150 мм. Цветные фотографии публикуются преимущественно при наличии слайдов (позитивов), желательно размером 60 × 60 мм. Каждый слайд необходимо упаковать в индивидуальный конверт. Редакция оставляет за собой право на публикацию цветных фотографий в черно-белом варианте.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что если нет возможности выполнить электронные версии, то к картам нужно приложить абрис без надписей и обозначений, то же желательно для планов раскопов и т.п. В случае создания электронных версий рисунков (только в форматах .tif, .cdr не старше версии 9.0) обязательно прилагать их распечатки высокого качества на белой бумаге. Все надписи и символы на них следует перевести в кривые. Рисунки, графики и диаграммы должны быть только черно-белыми, без цветных элементов и мелких (сплошных) заливок.

На обороте каждой иллюстрации (или на конверте со слайдом) за полем рисунка карандашом должны быть написаны фамилия автора, усеченное название статьи, номер иллюстрации, указание "верх", "низ".

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel, с обязательным приложением файлов используемых шрифтов (.ttf), кегли шрифтов в надписях не должны быть менее 9. Каждая таблица печатается на отдельной странице с полем изображения не более 190 × 270 мм.

Адрес редакции:

Пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия .

Тел: (3832) 343366.

Fax: (3832) 301191.

E-mail: eurasia@archaeology.nsc.ru.